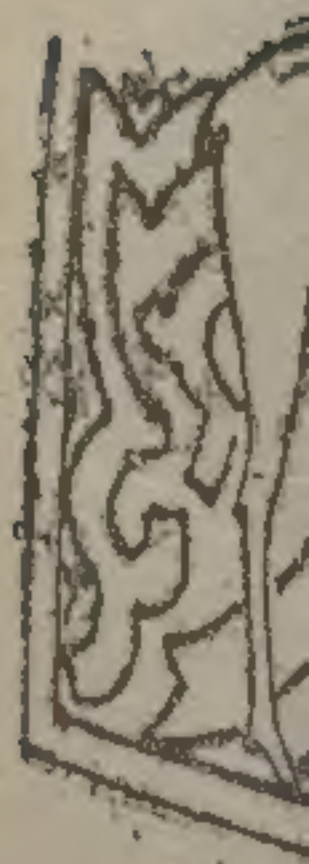
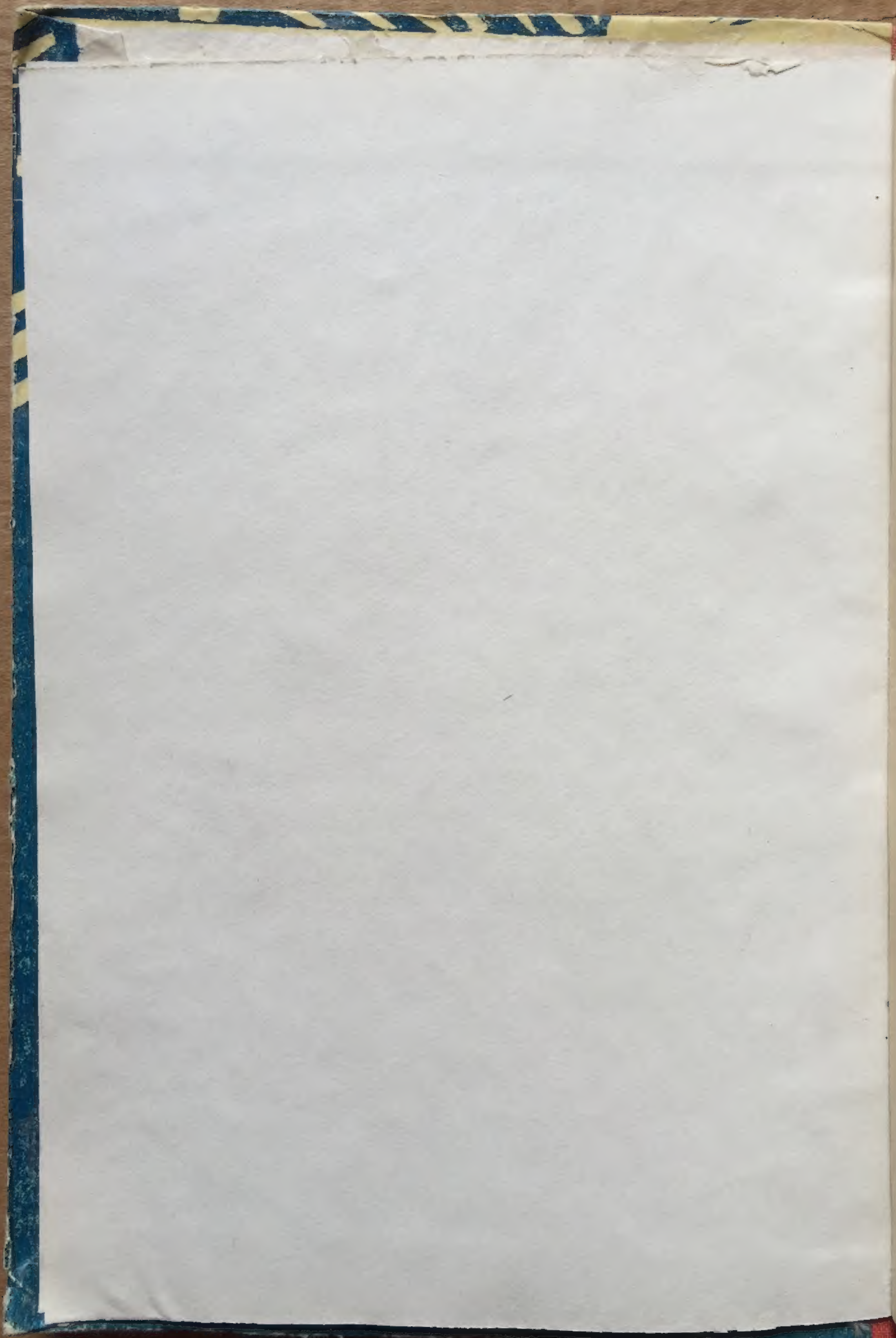

Осетинские
народные
сказки

ОСЕТИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРЫСТОН»
ЦХИНВАЛИ 1971.

Составитель А. Х. Бязиров

Художники: У. Х. Гассиев, Г. В. Догузов

Второе издание

О Г Л А В Л Е Н И Е

Волшебные сказки

1. Сын колдуньи и сын малика	5
2. Сказка о семиголовом Уаиге и Залиаг-змее	19
3. Сказка о молодом охотнике	25
4. Алдар и Халын бараг	35
5. Сказка о Тыхавзаре	55
6. Сказка о нерожденной	60
7. Сказка о Кауне	71
8. Златокудрий юноша	76
9. Алдар и царский сын	81
10. Сказка о Содагаре	91
11. Сын Бастысарытыха — Дзам-болат	101
12. Воспитанник великана	120
13. Ацырухс	132
14. Сказка о маленьком Галау	148
15. О Каурбеке — сыне знаменитого богатыря Аслана	154
16. Арсен	171
17. Ручная мельница, конь и кусыфтаг	188
18. Сказка о трех сестрах	192

Бытовые сказки

19. Два алдара-побратима	199
20. Алдар и пастух	208
21. Чернобровая да неверная	211
22. Сказка о племяннике	214
23. Сказка о Базыргане и семейных братьях	217
24. Бедняк и чашка проса	220
25. Кобала и его братья	222
26. Сказка о муже и жене	227
27. Сказка о пастухе	230
28. Спаситель	232
29. Поп и дочь бедняка	234
30. Поп и мулла	236
31. Гыргоко и его архи	239
32. Сказка о мачехе и пасынке	242

Легендарные сказки

33. Сказание об единственном сыне	253
34. Сказка о Бурсамдзели	256
35. Сын Бура, Махамат	259
36. Пастух и черт	263
37. Легенда об Уастырджи	269
38. Легенда о Гуд-горе	275
39. Уастырджи в гостях у стариков	277

Сказки о животных

40. Лисица и ее детеныш	281
41. Лиса-плутовка	282
42. Лиса и Барсук	286
43. Осел и вол	287
44. Ревматизм и паук	288
45. Волк и барсук	289
46. Соседи	290
47. Лягушка и солнце	293
48. Хитрость теленка	294

Анекдоты и притчи

49. Два соседа	296
50. Не устерег	296
51. Вор-новичок	296
52. Красивый конь	297
53. Плешивый, хромо́й и слюн- тей	297
54. Лгун	298
55. Что же ты найдешь	298
56. Поп и воры	299
57. Тарелка фасоли	299
58. Двое глухих	299
59. Теперь бы у меня два рубля было	300
60. Лодырь	301
61. Гость и хозяин	301
62. Два всадника	301

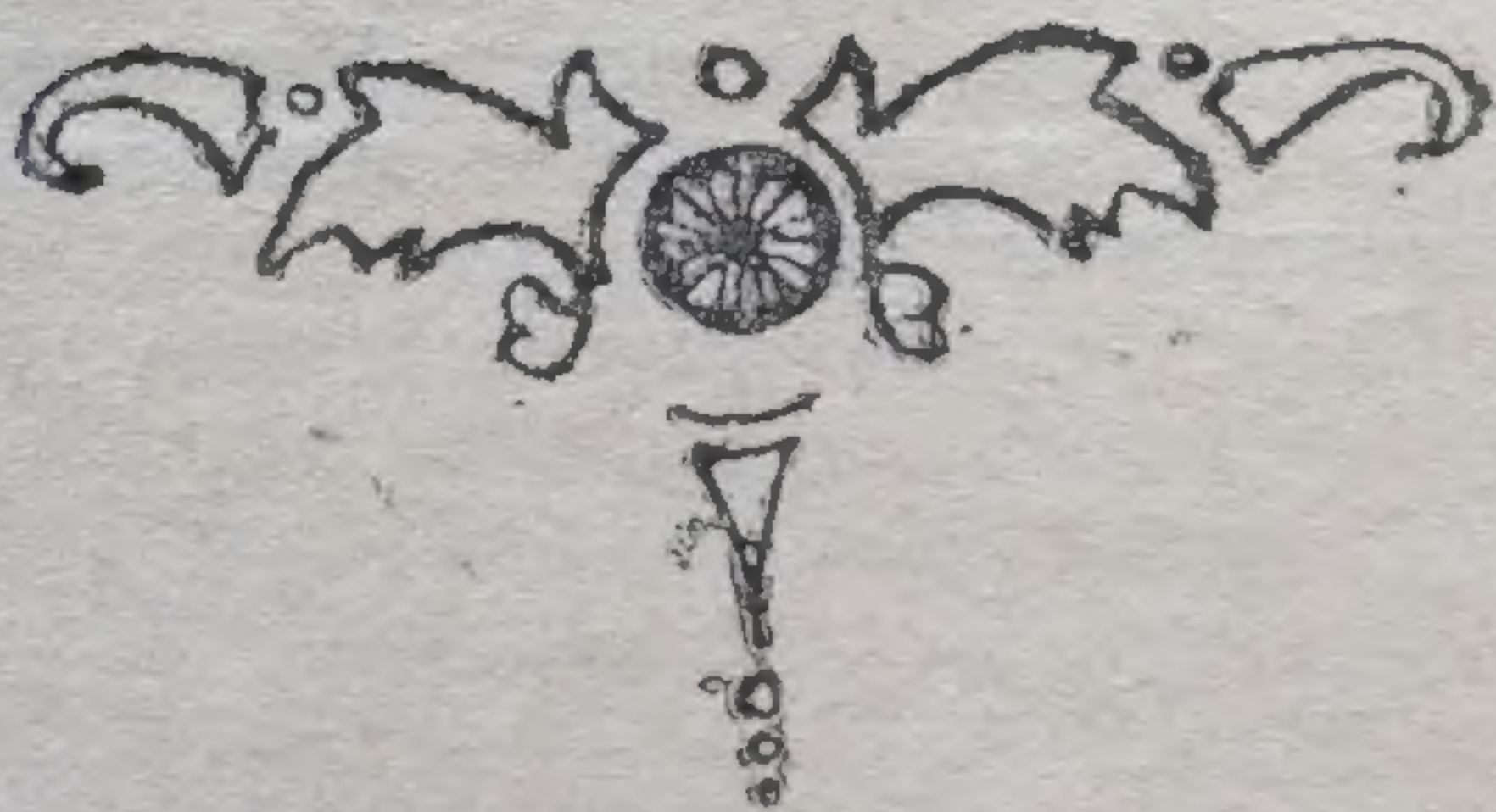
Осетинские народные сказки появились в печати на русском языке в продолжении последних ста лет в закавказских периодических изданиях, в газетах и сборниках: «Терские ведомости», «Кавказ», «Казбек», «Новое обозрение», «Терский сборник», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» и др. Издавались и отдельными книгами, как, например, книга А. Канукова «Осетинские сказки и поверья» (1893 г.), Вс. Миллера «Осетинские сказки» (1885 г.) и «Дигорские сказания» (1902 г.), С. Бритаева «Осетинские сказки» (1957 г.) и «Осетинские народные сказки» (Москва, 1959 г.).

В 1960 г. Государственным издательством Юго-Осетии было выпущено первое издание «Осетинских народных сказок». В сборник вошли осетинские сказки, переведенные на русский язык впервые, а также несколько из опубликованных в прошлом веке сказок, ставших библиографической редкостью.

Первое издание быстро разошлось. Настоящая книга, выпущенная издательством «Ирыстон», и является вторым изданием «Осетинских народных сказок».

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

1. СЫН КОЛДУНЬИ И СЫН МАЛИКА

Сын колдуньи из рода Бораты с сыном малика¹ поехали свататься к сестре семи великанов. Сын малика был женихом, а сын колдуньи сопровождал его. Когда миновали они полпути, солнце уже заходить стало.

Сын колдуньи и говорит товарищу:

— Не след нам так ехать: прежде нужно минаваров² к ним заслать, а то если нагрянем на них врасплох, стыдно нам будет!

А сын малика ему ответил:

— Кого ж нам послать туда, коль здесь, в степи, живой души не видно!

— Запустим к ним наши стрелы, они и возвестят им о нашем приезде!

— Тогда ты первый запускай стрелу, — сказал сын малика, — ты старший.

— Нет, — возразил сын колдуньи, — сначала ты должен запустить стрелу, ведь ты их зять и твоя стрела должна предупредить их.

Запустил стрелу сын малика, полетела она, свистя, меж-

¹ Малик — владетель, князь, царь.

² Минавар — сват, гонец.

ду небом и землей. Вонзилась в притолок над дверью дома семи великанов, обломала в потолке среднюю балку... Задрожали великаны, говорят друг другу:

— Ох, пришла наша гибель! Злая сила на нас движется!

А сын колдуньи чиркнул на бумаге послание:

«Не пугайтесь, великаны, любимцы богов, едем свататься к сестре вашей!»

Затем он продел бумагу на стрелу и запустил ее в небо. Выше облаков поднялась она, летит, сверкая огненными искрами. Попала стрела снова в дом великанов, обрушила притолок, обломала крайнюю балку в потолке, вонзилась в стену напротив двери. Задрожал весь дом, затрясся до основания.

Великаны в обморок попадали. Младший из семи братьев читать умел, увидел он бумажку на конце стрелы, прочел послание и возрадовался.

— Не пугайтесь, братья мои, это свататься к сестре нашей едут сын малика с сыном колдуньи, стрелы свои минаварами запустили.

Повеселели великаны, приготовились, как подобает, к приему гостей.

К этому времени и гости прибыли.

Встретили их с честью, пригласили в дом, посадили на почетном месте, а потом обратились к ним с вопросом:

— Гости наши дорогие, верно, не без дела вы к нам заехали?

Сын колдуньи им отвечает:

— Сын малика приехал просить руки вашей сестры, если вы удостоите нас этой чести.

— Дорогие гости, как мы можем отказать вам, коль вы сами нам такую честь оказываете.

Всю ночь до утра великаны потчевали своих гостей.

А утром, когда рассвело, братья-великаны сказали сыну колдуньи:

— Мы собираемся на охоту, возьмем и тебя с собой, а зять молодой пусть с сестрой нашей дома останутся.

Уходя, отдали они сестре своей ключи от семи дверей. Наказали ей строго:

— Вот тебе семь ключей. Шесть комнат отомкни, а седьмую открывать не вздумай, не то нас и себя погубишь!

С тем и отправились они на охоту.

Стала тут девушка открывать двери, а сын малика ходит за ней по комнатам, добро великанов осматривает. Сказал он девушке:

— Отопри и седьмую дверь, я погляжу, что там спрятано.

— Нельзя седьмую дверь открывать, никогда ее еще не отмыкали!

А он стал ее молить и упрашивать:

— Открой дверь, посмотрю я, что за ней такое делается.

До полудня упрашивал он девушку. Когда же она не согласилась, оседлал он своего коня, вскочил на него и решил покинуть девушку. Говорит он ей напоследок:

— Не будешь ты мне, сестра великанов, послушной женой! Не почитаешь ты меня и даже единственную мою просьбу исполнить не хочешь — не можешь открыть эту дверь заповедную, чтоб мог я хоть одним глазом взглянуть, что за нею скрывается. Не видеть тебе меня больше, как и я тебя не увижу. А как вернется вечером мой товарищ, скажи, пусть догоняет меня.

Зарыдала девушка, слезы ее бусинками из глаз покатились. Говорит она сыну малика:

— Навлечет это на тебя беду! Но ничего не поделаешь, придется открыть тебе тайну: приехал ко мне свататься с Черной горы Черный уаиг¹, а братья мои осилили его с божьей помощью, связали, заковали в цепи железные и держат его в этой комнате за семью дверями. Как только я приоткрою двери, и увидит он свет, исходящий от моего лица, тогда разорвет он цепи свои, выскочит, проглотит тебя, а меня похитит.

Но сын малика продолжал ее упрашивать:

— Приоткрой дверь немножко, я только взгляну на этого уаига.

Не смогла девушка больше противиться и дверь чуть-чуть приоткрыла.

Как коснулось уаига сияние ее лица, разорвал он цепи, бросился к девушке, вскинул ее на спину, а сыну малика сказал:

— Весь день сегодня я слышал твои уговоры. Не видать бы мне сестры семи великанов, если бы не ты! Проглотил бы я тебя в один присест, но, так и быть, пощажу тебя за это.

И унес великан девушку далеко-далеко, в Черные горы.

Стал сын малика рвать на себе волосы, убивался до самого вечера, пока не вернулись с охоты сын колдуньи и семеро великанов. Увидели они сына малика, убитого горем, и спрашивают:

— Что с тобой, сын малика, о чем печалишься?

— Что может быть еще хуже: похитил сестру вашу великан с Черной горы!

¹ Уаиг — великан.

Горюют великаны, раздумывают, как бы им из беды сестру свою вызволить.

Сказал им тогда сын колдуньи:

— Жизни своей не пожалею, разыщу ее, другого выхода у меня нет, а сын малика пусть останется с вами! Если не вернусь в этот день через год, то знайте, нет меня больше в живых, убейте тогда сына малика за кровь вашей сестры.

Повесил на себя юноша колчан со стрелами и обратился к богу с молитвой:

— О бог богов, сотворивший всех нас, будь моим покровителем в дороге!

Отправился он в путь, идет, идет и вдруг видит: лежит на земле у берега моря, припав губами к воде, человек, жадно глотает и взывает к богу:

— О господи, погибаю от жажды!

Подошел к нему сын колдуньи и сказал:

— О, видно, погибели на тебя нет, впервые вижу такое чудо — я и чашку воды с трудом выпиваю, ты же осушил почти целое море, а все жалуешься богу, что умираешь от жажды.

— Это нет погибели на сына колдуньи и сына малика приехали свататься к сестре семи великанов, а уаиг с Черной горы похитил ее — вон, уносит, видишь?»

— Вижу, — сказал сын колдуньи, а затем обратился к незнакомцу с просьбой:

— Прицелься стрелой моей в него, а я выстрелю.

Взял незнакомец стрелу у сына колдуньи, прицелился в уаига, а сын колдуньи выстрелил.

— Ну что? Неужели стрела даже не задела его?

— Ах, провалиться тебе на этом месте! Правое бедро ему начисто оторвало!

— А с девушкой что, не бросил он ее?

— Как бы не так! На одной ноге бежит так быстро, что с глаз уже скрылся.

Пошел сын колдуньи вместе с человеком, выпивающим море, дальше. Идут они, идут и вдруг видят: лежит кто-то на спине, стрелой в небо целится. Говорит ему сын колдуньи:

— Бог в помощь тебе, добрый человек! Что это ты делаешь, куда целишься, скажи на милость?

— Целюсь я в птичку Дурадзин, хочу стрелой достать ее, а она в облаках прячется.

Сказал тогда ему сын колдуньи:

— Ах, да не увидать тебе белого света, я дорогу едва различаю, а ты вздумал птичку Дурадзин в небе поймать.

— Пусть не увидят белого света сын малика и сын кол-

дуныи: поехали свататься к сестре великанов и дали ее похитить уаигу с Черной горы!

— А видишь ты еще его?

— Нет, не вижу я его больше, спустился он уже к себе в подземелье.

— А ведь мы за ним гонимся, с жизнью расстаться готовы, лишь бы настигнуть его.

Стало их теперь три товарища, идут они все дальше и дальше. Вдруг встречается им человек, и тащит он на спине горы и доли.

— Эх, пропади пропадом твоя сила, мне трудно нести на спине колчан со стрелами, а ты горы и доли на себе тащишь!

— Пусть силы лишатся сын малика и сын колдуныи: по-сватались они к сестре семи великанов и не уберегли ее — похитил ее уаиг с Черной горы!

— Да ведь мы из-за него пропадаем здесь!

Сбросил тогда путник со спины горы и доли и зашагал вместе с ними.

Стало их теперь четверо товарищей.

Дошли они до середины поля.

Уаиг же ушел под землю,¹ а вход завалил огромной каменной плитой. Взобрались на нее путники, стоят в раздумье — не знают, как спуститься в подземелье.

Сказал тут сын колдуныи тому, кто мог поднять доли и горы:

— Ты ведь нес на себе горы высокие, долины глубокие, неужели камень этот не сдвинешь в сторону?

Схватился тот за камень, но даже с места не смог его сдвинуть. Обратился тогда сын колдуныи ко второму:

— Попробуй-ка, ты ведь море хотел выпить?! Отодвинь камень немного в сторону!

Испытал и тот свою силу, по ничего сделать не смог.

Сказал тогда сын колдуныи третьему:

— В птичку божью Дурадзин ты целился в небе, а с камнем на земле не справишься?

Но и тот не пошевелил каменной плиты.

Взялся тут за камень сын колдуныи, подхватил его, завертел, как мельничное колесо. Вырвалось из подземелья страшное огненное пламя, заволокло все вокруг клубами черного дыма.

— А с огнем этим что нам поделать? Нам через такое пламя не пробраться!

¹ В осетинских сказках часто встречается образ подземного царства, где живут уаиги и другие сказочные существа.

И сказал тот, кто горы на себе таскал:

— Привяжите меня за веревку и спустите в подземелье. Стану кричать: «Горю, горю!» — поднимайте тогда живее обратно.

Обмотали его железной цепью и опустили под землю. «Горю, горю!» — слышалось оттуда вскоре, и его тотчас подняли наверх.

Опустили ловца божьей птички Дурадзин. «Горю, горю!» — закричал тот, и его тоже вытащили наверх.

Привязали и того, кто море хотел выпить, но и его тут же обратно пришлось поднять.

Тогда сказал им сын колдуньи: «Видно, никому из вас с огнем не справиться, привяжите меня самого и опустите в подземелье. Закричу если я: «Горю, горю!» — в семь раз ниже опустите меня, если еще раз крикну — еще в семь раз ниже опускайте, а как услышите, что сгорел, — бросьте меня в самую глубь земную.

Привязали его к веревке, повис он над пламенем и закричал: «Горю, горю!» Опустили его тогда в семь раз ниже, и снова слышат они: «Горю, горю!» Опустили его опять в семь раз ниже. Наконец, донеслось до них: «Сгорел!» Тогда совсем освободили они веревку, лишь верхний конец ее удержали.

Полетел сын колдуньи прямо в пылающий жаром очаг уаига. Выскочил оттуда обгоревший, осмотрелся вокруг. Видит: спит на кровати из слоновой кости уаиг, в головах у него сидит девушка. Плачет она горькими слезами, бусинками катятся они из глаз ее. Как завидела она сына колдуньи, говорит ему:

— Да станешь ты жертвой всемирного потопа, зачем ты сюда явился: не довольно разве того, что я здесь погибаю, и ты тоже хочешь жизни лишиться!

А сын колдуньи говорит ей в ответ:

— Лучше скажи, что нам делать, где найти такое средство, которое могло бы сразить уаига?

— Нет ему ни от чего погибели, но как уснет он в какой день, так спит до того же дня другой недели.

Три товарища сына колдуньи стоят наверху, держат в руках веревку, и она до самого низу спускается, висит.

Сказал тогда юноша девушке:

— Привяжи себя к этой веревке, и мои товарищи вытянут наверх.

А девушка ему ответила:

— Привяжи ты себя первым, сначала пусть они тебя поднимут!

— Нет, из-за тебя я сюда спустился, из-за тебя и погибнуть готов, разве могу я тебя здесь одну оставить?!

Настоял на своем юноша, привязал девушку к веревке, и его товарищи подняли ее наверх.

Как увидели они такую красавицу, не спустили больше веревку вниз. И лук сына колдуньи со стрелами тоже с собой забрали.

Сдвинули неверные друзья втроем каменную плиту, завалили выход из подземелья.

Остался сын колдуньи под землею, в жилище уаига, и стал горевать: «Вот проснется он, зарежет меня!» Вдруг слышит он, из угла стон раздался. Подошел он и видит: в яме лежит старуха, один клык в землю упирается, другой неба касается.

Сказал ей тогда сын колдуньи:

— Горе твоей голове, если ты не укажешь мне, как убить уаига!

В ответ старуха ему говорит:

— Я мать этому уаигу, разозлился он на меня и бросил в эту яму. И сухие корки сюда мне кидает. Вон, видишь во дворе сложено двенадцать вязанок дров. Принеси их, положи ему на грудь, разведи огонь, и сгорит он тогда дотла.

Принес юноша двенадцать вязанок дров, разжег костер на груди великана, и сгорел великан дотла, превратился в черный уголь.

А юноша снова угрожает старухе:

— Если сейчас же не скажешь, как на землю мне выбраться, предам тебя страшной смерти.

— Не легко отсюда путь сыскать на землю! Но испытай свою судьбу: за дверью привязаны два барана, черный и белый, отойди в самый дальний угол, закрой глаза и с разбегу схвати одного из них за рога. Схватишь рукою за рога белого барана — твое счастье: подбросит он тебя в семь раз выше, и увидишь ты белый свет. А выпадет тебе злая доля — схватишься за рога черного барана, швырнет тебя в семь раз глубже, попадешь ты во власть Донбеттыра.¹

Взнес сын колдуньи моление к богу:

— О всевышний бог, сотворивший меня, не уготовь мне несчастливой судьбы! О Уастырджы, если ждет меня гибель на этом пути, будь мне покровителем и в последние мои минуты!

Зажмурил он глаза, разбежался... Но, зная, было ему на роду несчастье написано. Ухватился он за рога черного барана, бросил тот со всей силы юношу в глубь земли, еще з

¹ Донбеттыры — обитатели подводного царства в осетинской мифологии.

семь раз ниже. И попал он во владения Донбеттыров.

Побрел он по подводному царству. Бог, единый всем покровитель, направил его к колдунье. Колдунья и ее три дочери встретили его радостными восклицаниями: «О, чудеса, откуда попал к нам, в подводное царство Донбеттыров, земной житель?!»

— Скорей приготовь, чем попотчевать гостя! — сказала колдунья старшей дочери.

Побежала девушка, просеяла муку в деревянное большое корыто, стала и призадумалась.

Сын колдуньи и спрашивает:

— Чего ты голову повесила, руки опустила?

А мать пояснила:

— В реке нашей дракон лежит и не дает нам воды, нечем ей тесто замесить.

— Пусть не ставит пока тесто. Дайте мне кувшины ваши, пойду я сам за водою и посмотрю, что у вас там за дракон сидит.

А женщина умоляет его:

— Да падут невзгоды твои на мою голову. Не ходи ты туда, проглотит он тебя.

— Проглотит или нет, это еще посмотрим! Скорее давайте кувшины!

Взял он у женщины кувшины и спустился к источнику. Как завидел его дракон, закричал:

— Эй, ты, парень! Не был бы ты в наших краях гостем невиданным, проглотил бы я тебя, но делаю тебе на этот раз снисхождение! Возьми воду! Но больше приходить сюда не вздумай, не вернешься в другой раз отсюда!

Отнес юноша воду, замесила девушка тесто, испекла лепешки; попотчевали гостя вдоволь.

Взял снова он кувшины и опять отправился за водой. Открыл тут дракон свою пасть и проглотил его. Как очутился юноша в утробе дракона, достал из кармана перочинный ножик, стал кромсать ему внутренности.

А дракон ему говорит:

— Не изрежь меня насмерть, изрыгну тебя обратно!

— Нечисть проклятая! Хочешь ты, чтоб люди меня считали твоей отрыжкой. Я сам найду дорогу отсюда!

— Если так не хочешь выбраться, выплуну тебя с водою, мною выпитой.

— И люди меня плевком твоим посчитают, нечистая сила! Не бывать этому!

Убил он дракона, взрезал ему правый бок под лопаткой и вылез оттуда. Возвратился он к колдунье и говорит ей:

— Теперь носите воду, сколько вам угодно, убил я врага вашего!

— Убил дракона? Да разве найдется такой храбрец? Кому жизнь надоела? Ах, чтоб провалился этот дракон!

— Если не веришь, то прикажи погнать быков своих, черного и белого.

Погнали черного и белого быка к реке, и они с жадностью набросились на воду: пили, пили до тех пор, пока не лопнули.

Пошли тогда слухи по всему подводному царству, что земной человек убил дракона. Бросились жители к реке, стали носить воду. Призвал тогда юношу царь Донбеттыров и сказал ему:

— Отдаю тебе мое царство, и отныне царствуй себе на здоровье!

А сын колдуньи ответил ему на это:

— Не нужно мне твое царство, но если хочешь меня отблагодарить, помоги мне на землю выбраться...

— Трудно тебе будет найти дорогу на землю, но все же дам тебе совет: в горах живет черная орлица, раз в неделю на землю взлетает; если не возьмет она тебя, нет тебе выхода отсюда.

Поднялся сын колдуньи на эту гору, подошел к орлиному хадзару.¹ Приложил он ухо к двери и слышит: один поет, другой смеется, а третий плачет.

— Крикнул он с порога:

— Гостя не принимаете, хозяева?

Выбежали к нему три девушки:

— Гость всякий угоден богу!

Завели они его в дом, усадили, а он их спрашивает:

— Скажите, будьте милостивы, почему одна из вас поет, другая смеется, а третья плачет, что это за диво?

— А вот, что за диво, коли спрашиваешь: мы, дочери орлицы, в дань отданы страшному змею, живет он в горах высоких. Вот за той из нас, которая плачет, приползет змей сегодня вечером и проглотит ее первую. Та, что смеется, будет жить еще до завтрашнего вечера, а у той, что поет, есть еще два дня сроку: до послезавтра будет жить, потому и поет весело.

— Не бойтесь, я спасу вас.

Наточил он свой меч, а сам за дверью спрятался.

День клонился уже к вечеру, когда стал змей с горы сползать.

¹ Хадзар — дом, жилище.

Ползет он, горы и долины на своем пути сдвигает, глыбы земли в разные стороны разбрасывает. Приполз змей к орлиному дому, закричал зычным голосом:

— Вечерняя моя дань, выходи наружу!

Выпрыгнул тут из-за двери сын колдуньи, стал его на куски кромсать. Убил он змея и бросил его в пропасть с вершины Черной горы. А дочери орлицы ликуют, не знают от радости, куда и посадить юношу.

К этому времени орлица, которая на землю летала, в обратный путь пустилась. Пошел вдруг ливень, потоками вода с гор хлынула и стала сносить все на своем пути. Спросил тогда юноша девушек:

— Что за невиданный дождь? Ведь только что солнце светило?

— Что за ливень, спрашиваешь? Это слезы нашей матери: она с земли возвращается, знает, что одна из дочерей ее будет съедена змеем сегодня, вот она и плачет.

Но вдруг дождь перестал, и выглянуло такое яркое солнце, что кругом все засверкало.

— А что это означает? Только что дождь лил, как из ведра, а теперь солнце засияло.

— Это мать наша смеется от радости, узнала она, что дочери живы.

Но поднялся тут внезапно ветер, такой сильный, аж горы задрожали, и деревья к земле преклонились.

— Что за вихрь такой, ведь только что солнце на небе стояло?

— Это мать наша приближается к дому и крыльями машет. Спрячься скорее, чтобы тебе от радости вреда какого не причинила.

Опустилась орлица на землю, влетела в свое жилище и спрашивает дочерей:

— Как вы живы остались? Разве змей не явился за данью?

— Нет, не явился на этот раз.

— Не верю, не мог он не спуститься с гор, да пахнет у вас тут аллоном!¹

— Откуда же у нас запах аллона, это ты принесла его с земли.

— Нет, доченьки, кого-то вы от меня прячете, лучше покажите мне.

— Раз уж ты настаиваешь, скажем: пришел к нам человек с земли, и убил он нашего врага.

¹ Аллоном пахнет — выражение в осетинских сказках, подобное русскому — «здесь русским духом пахнет».

— Скорей приведите его, хочу взглянуть на него!

Привели девушки юношу, и орлица от радости семь раз проглотила его и семь раз обратно выбросила.

— Послушай-ка, юноша, нет у меня даров драгоценных, чем отблагодарить тебя, но возьми в награду дочерей моих, пусть прислуживают тебе.

— Нет, не возьму я от тебя дочерей, но если мне добра желаешь, укажи мне дорогу на землю.

— Я доставлю тебя на землю, но нужно мне много еды в путь заготовить: хлеба триста пудов и девять быков.

Тогда юноша отправился к царю Донбеттыров. И начали Донбеттыры свозить к дому орлицы съестное, пока не собрали все, что на дорогу ей было надобно.

Когда рассвело, орлица опустилась на поле, расправила крылья.

— Накладывайте мне на спину все, что в дорогу мне потребуется.

Стали нагружать орлицу, положили ей на спину хлеба триста пудов и девять бычьих туш мяса.

И говорит тогда орлица юноше:

— Садись ко мне на спину, между двух крыльев. Сделаю я круг, как услышишь мой клекот, сразу забрось мне одного быка в рот и двадцать хлебов вместе с ним. Будь всегда наготове и не забывай с каждым новым кругом забрасывать мне в рот мою долю; забудешь — не удержу тебя, и ты погибнешь.

Сел сын колдуньи между орлиными крыльями, и полетела орлица. Круг за кругом все выше и выше поднимается она. Как услышит юноша клекот, бросает бычью тушу и двадцать хлебов. Так и поднялась орлица ввысь, осталось ей до земли еще один круг описать, но не хватило больше пищи.

Затревожился юноша: «Не удержит меня, бросит!» Срезал тогда он мясо со своих бедер, кинул орлице в рот. Поняла орлица, какую пищу ей юноша бросил и спрятала ее под языком, взмахнула еще раз крыльями и вылетела на землю.

Опустилась она, слез сын колдуньи с ее спины, а орлица ему говорит:

— Ступай теперь, доброго тебе пути!

Пошел юноша, идет, прихрамывает, еле ступает — нет силы у него в бедрах, нет на них мяса.

Орлица и спрашивает его:

— А почему ты, сын колдуньи, хромаешь?

— Просто так! Устал я, сидел долго, ноги затекли.

— Подойди-ка, дай взглянуть на тебя.

Возвратился к ней юноша. Орлица осмотрела его, видит: нет мяса у него на бедрах.

— Куда подевалось мясо с твоих бедер?

— Что же было делать? На последнем кругу не хватило у меня быка для тебя, побоялся я, что не станет у тебя сил, срезал мясо со своих бедер и кинул тебе в рот.

Орлица велела ему лечь на землю вниз лицом, затем достала из-под языка мясо и приложила к его ранам. Провела по ним шелковым платком, и ран как не бывало: стал юноша в семь раз сильнее, чем был прежде. Поднялся он с земли и отправился в дорогу. Идет себе, вдруг видит свинопаса: пасет он сто свиней и поет так радостно, будто земли под собой не чувствует. Сказал ему тогда сын колдуньи.

— Что это ты так весело распелся, свинопас? Ведь ты всего-навсего свинопас, не больше. Чему ты радуешься?

— Чтоб тебе пусто было, как мне не радоваться? Послушай меня только! Пришли к нам три удивительных человека — один выпивающий море, другой стреляющий в божью птичку Дурадзин, третий с горами и долами на спине — и привели откуда-то красавицу, сестру семи великанов, а царь отнял ее, вечером свадьбу справлять собирается. Зарежут к столу этих сто свиней, а хвосты свинопасу достанутся!

Взглянул на него сын колдуньи и говорит:

— Возьми мою золотую одежду, а мне дай свою рваную и отправляйся в город, царь примет тебя, как посмотрит на твое облачение, и усадит на почетное место. А я буду свиней пасти здесь, а вечером пригоню их.

Свинопас тогда говорит ему:

— Не пойдут эти свиньи, не послушаются тебя: должны будут они перейти мост через большую реку, станут они в ряду у моста, поднимут свои хвосты, и куда ты под хвостом каждой не поцелуешь, с места не сдвинутся.

— Положись на меня, не беспокойся о свиньях, будут им поцелуи. Иди!

Остался сын колдуньи в поле, а свинопас отправился в город. Когда наступил вечер, юноша погнал свиней. Подошли свиньи к мосту, стали в ряд и дальше ни с места.

Достал тогда сын колдуньи нож и давай их тупой стороной по бокам полосовать, бросились свиньи бежать, сразу очутились на другом берегу. И погнал их юноша дальше.

А у самого царя тоже было две дочери. Весь народ царства в тот вечер должен был к нему собратся. Царь и говорит своим дочерям:

— Поднимитесь на верх медной башни, посмотрите оттуда на мой народ и выберите себе достойных женихов.

Забрались тут обе царские дочери на самый верх медной башни, смотрят вниз оттуда, во все стороны глядят. А сын колдуньи как раз в это время гнал свиней. Пока возился он со свиньями, шапка его набок сдвинулась, и показались его золотые кудри.

Увидела его с башни старшая царская дочка, заметила его золотой чуб и говорит сестре:

— Кто кого увидел, пусть тот ему и достанется!

— Кого же ты могла увидеть кроме свинопаса? Вон он по дороге гонит свиней, пусть себе будет твоим!

Собрались люди на свадьбу к царю. Дал он старшей дочери почетный бокал и бедренную кость, которую подносят гостю в знак уважения, и сказал:

— Пойди, поднеси своему избраннику чашку и этот почетный кусок мяса.

Стала девушка обходить гостей, обошла всех, вернулась к отцу и говорит ему:

— Не все твои люди здесь, нет того, кому преподнесла бы я чашу.

Стал тут сам царь обходить гостей и спрашивать:

— Остался ли кто незванным на свадьбу?

— Всех позвали, никого не забыли. Вот разве что свинопас дома сидит.

— Пойдите, приведите и свинопаса, пусть соберет положенные ему свиные хвосты!

Отправились люди за свинопасом, привели его и посадили на самом краю стола, где сидели младшие.

Поднялась тут старшая царская дочь и направилась с почетным бокалом прямо к свинопасу.

Увидав это, подданные царя возмутились:

— Неслыханное дело! Царская дочь за свинопаса замуж выходит!

Разгневался царь на свою дочь, убить ее готов:

— Разве не могла ты выбрать из моих людей лучшего жениха, чем свинопас?

— Не сердись, отец. Он мой единый избранник, и больше я ни за кого не выйду!

Сестра же семи великанов в это время подле царя сидела, узнала она сразу сына колдуньи и улыбнулась. А у царя в комнате на стене висели колчан и стрелы сына колдуньи, их отобрал царь у трех пришельцев — неверные товарищи убежали с ними, оставив юношу в подземелье. Сняли люди колчан и стрелы со стены, удивляются им: «Видно был удалец тот, кто

носил их!» Переходят они из рук в руки, все их разглядывают. Скоро и до свинопаса дошли.

— Дайте и мне взглянуть на них, — просит он.

— Убирайся с глаз долой, собака! Ишь чего захотел! Иди со своей женою и собирай свиные хвосты, что тебе еще нужно!

И не дали ему колчан и стрелы, а повесили их на стену. Но потом сняли их снова и второй раз давай разглядывать. Как дошли до свинопаса, говорит он гостям:

— Дайте мне, гормадта,¹ хоть посмотреть на них. Жалко вам, что ли, если я их в руки возьму — ведь не съем же я их.

И сказали гости друг другу:

— Пусть возьмет, посмотрим, что он с ними делать станет.

Как только взял в руки юноша свои колчан и стрелы, вскочил и говорит сестре семи великанов:

— Выходи, красавица, теперь из-за стола! А ты, — говорит он настоящему свинопасу, — снимай одежду мою!

Выскочил свинопас из-за стола, отдал сыну колдуньи его золотую одежду, накинул свою ветхую одежонку. Нарядился сын колдуньи в свою богатую одежду, и дочь царская рядом с ним стала. Тряхнул он колчаном так, что от стрел по всей комнате звон отдался, и сказал он царским гостям:

— А теперь вставайте, я научу вас уму-разуму!

Поднялись из-за стола подданные царя, и начал он в них стрелы пускать, всех перебил до единого.

Посадил он обеих девушек на коней, и поехали они в дом семи великанов. В тот день, когда они подъехали к жилищу семи великанов, исполнился ровно год со дня отъезда сына колдуньи.

Заглянул он в дверь их дома, видит: положили братья сына малика на фынг² и собрались его зарезать.

Закричал на них сын колдуньи:

— Ах, злодеи вы, хоть неделю б из уважения ко мне подождали!

Спасся, таким образом, сын малика от смерти. Всю ночь напролет они веселились.

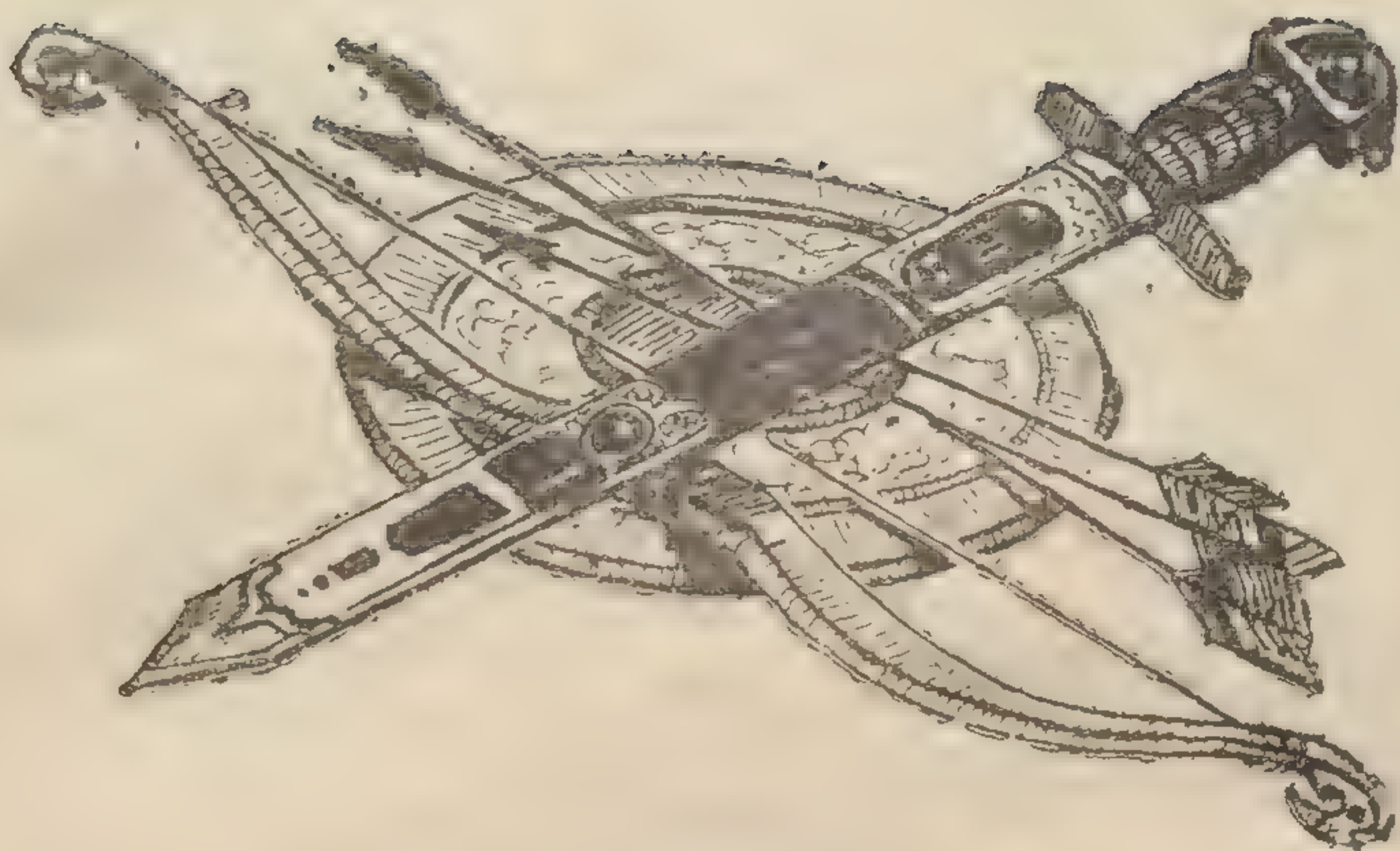
Как было ни устроить им две свадьбы на вторую ночь? Как ни отправиться было в родные края сыновьям малика и колдуньи!

И вернулись они домой: сын малика с сестрой семи великанов, а сын колдуньи с царской дочерью.

Живут они и поныне.

¹ Гормадта — обращение, выражающее укор, сожаление, — «несчастные», здесь «дорогие мои».

² Фынг — круглый стол с точеными ножками.

2. СКАЗКА О СЕМИГОЛОВОМ УАИГЕ И ЗАЛИАГ-ЗМЕЕ

Жили-были старик со старухой. Имели они трех сыновей. Однажды старший сын сказал:

— За хребтом живет белый уаиг, пока я его не убью, не успокоюсь.

Отправился он в путь, по дороге повстречал свинопаса.

— Доброго пути!

— А тебе долгой жизни!

— Куда идешь?

— За хребет, хочу убить белого уаига.

Свинопас и говорит ему:

— Поймай самую лучшую из моих свиней, закуси на дороге.

Побежал юноша к стаду и смог изловить самую худую свинью. Зарезал, наелся и с собой мяса прихватил.

Много ли, мало ли шел он и повстречал чабана,

— Добрый день!

— Здравствуй!

Куда идешь?

— За хребет: живет там белый уаиг, и я его должен убить

Чабан и говорит:

— Поймай лучшую из моих овец, поешь на дороге.

Парень бросился к отаре, но ему удалось схватить лишь самую паршивую овцу. Зарезал он ее, съел и отправился дальше. Шел, шел и добрался до пастбища, на котором пастух волов пас. Тот тоже ему предлагает:

— Выбери лучшего вола.

Но опять у парня ловкости не хватило.

Потом встретил табунщика и ему рассказал, куда путь держит. Табунщик и говорит:

— Поймай лучшего из моих коней и скачи на нем.

Подбежал старший сын к табуну, но лишь на самого плохого коня смог уздечку накинуть.

Ехал, ехал старший сын и остановился на берегу реки. Выглянула из окна дочь уаига и увидела всадника. Побежала к отцу и говорит:

— Отец, к нам едет воин!

Отец и отвечает:

— Наблюдай за ним внимательно, если он бродя искать не станет, тогда это опасный враг; если по мелководью переберется — хватит мне его на один зубок.

А старший сын тем временем до реки добрался, и девушка заметила, что он брод ищет. Побежала к отцу и сказала:

— По мелководью перебрался.

Уаиг и говорит:

— Теперь брось с высокого крыльца толстое веретено с кружилом из мельничных жерновов и попроси путника: «Гость, подбрось-ка мне их сюда!» Если подбросит, значит — богатырь он.

Дочь кинула с крыльца веретено с кружилом и просит путника:

— Гость, подбрось, пожалуйста, мне веретено!

Старший сын слез с лошади, но сколько ни бился, веретена и кружила с места сдвинуть не смог. Девушка опять побежала к уаигу и радостно сообщила:

— Не смог поднять.

Вошел старший сын в дом и поздоровался с уаигом. Приготовила хозяйка ужин из оленины, уаиг гостя спросил:

— Целиком будешь есть или на куски разрезать?

Гость отвечает:

— Кусками. Целиком есть от бога мне не дано, не могу я.

Принялись за еду. Уаиг по пол-оленья сразу в рот засовывает, а гость ест кусочками. Уаиг смеется, обглоданными костями в гостя бросает. Когда кончили ужинать, уаиг спросил старшего сына:

— Спать будешь на ложе из слоновой кости или в лошадином стойле?

— В лошадином стойле, — отвечает гость, — не подобает мне на ложе из слоновой кости спать.

Уаиг лег на ложе из слоновой кости, а старший сын — в лошадиных яслях.

Поутру встал уаиг и говорит жене:

— Есть хочу!

Женщина ответила:

— Там, в лошадином стойле лежит одно яйцо, съешь его!

Пошел уаиг к яслям и съел гостя.

Такая же история приключилась и со средним братом.

Подрос у старика и старухи младший сын. Смастерил себе лук и начал им забавляться. Пустил стрелу и попал в кувшин дочери колдуньи. Колдунья ему и говорит:

— Если ты такой герой, чем девушек обижать, лучше отмстил бы за кровь своих братьев.

Стало юноше стыдно. Пришел он домой и сказал матери:

— Нана, приготовь меня в дорогу, пойду искать своих братьев.

Отправился он в путь и повстречал, как и старшие братья, свинопаса и настуха, но везде сумел добыть себе самое хорошее. У табунщика изловил лучшего скакуна и на нем добрался до берега реки, где жил уаиг. Увидела его дочь уаига и сказала отцу:

— Скачет к нам такой наездник, что похож на настоящего воина!

Уаиг наказал ей:

— Смотри, если по глубокому месту реки проедет, значит он вправду богатырь, если по мелкому — я и его съем.

Смотрит дочь: всадник переехал реку по самой стремнине. Побежала к отцу и кричит:

— По глубокому перебрался!

И опять уаиг сказал ей:

— Сбрось ему большое веретено с кружилом, если сможет их подбросить, значит — настоящий противник.

Она исполнила все в точности, как велел отец, и просит всадника:

— Гость, дорогой, будь добр, подбрось-ка мне мое веретено.

Младший сын, не слезая с лошади, подхватил веретено и кружило и швырнул их так, что обвалилась одна стена в доме.

Поднялся гость на крыльцо, поздоровался. Сварили ужин, и уаиг спросил его:

— Целиком мясо будешь есть или на куски порезать?

Гость ответил:

— Целиком, я не из тех, кто кусками ест.

Начали ужинать. Младший сын ест мясо целиком, уаиг

— кусками. Гость смеется и кидает кости уаигу в грудь. После ужина уаиг спрашивает:

— На слоновом ложе будешь спать или в лошадином стойле?

— Я не тот, — отвечает младший сын, — кто ложится в лошадиные ясли!

Сказал и улегся на ложе из слоновой кости.

Уаиг отправился сам туда, куда раньше гостей укладывал. Младший сын знал, что ночью уаиг захочет его убить, и поэтому подложил под одеяло вместо себя чурбан, а сам залез под кровать. Когда все в доме уснули, уаиг подкрался к ложу из слоновой кости, начал его рубить топором. Он думал, что под одеялом спит гость. До пота старался — в щепы изрубил чурбан. Уаиг решил, что гость мертв; съем, думает, его утром. Только рассвело; поднялся младший сын как ни в чем не бывало с постели и говорит:

— Какая у вас грязная постель, искусили меня ночью блохи.

Испугался уаиг и подумал: «Тот, кто удары топора принял за блошинные укусы, наверное, сильный противник».

Только позавтракали, младший сын спрашивает:

— Где мои братья, уаиг?

— А я почему знаю.

— Тогда берегись! — закричал младший брат и кинулся на уаига.

Боролись с полудня до полуночи, поборол, наконец, младший сын уаига, и тот произнес:

— Съел я твоих братьев и сейчас отрыгну.

— Нет, не бывать тому, не хочу я, чтобы кто-нибудь назвал их твоей отрыжкой, — сказал младший сын и распорол уаигу живот.

Выпустил на свет своих братьев и тут же срубил уаигу шесть голов, оставил только седьмую голову и увел своих братьев.

Позавидовали старшие братья младшему его уму и храбрости, и говорят друг другу:

— Придумаем что-нибудь, как убить его.

Вырыли они в поле глубокую яму; а сверху покрыли ее гравой.

Поставили плетень и сказали младшему брату:

— Если ты вправду герой, перепрыгни через него верхом.

Разогнал младший сын коня и провалился в яму, а братья засыпали его землей и камнями. Видит младший, обманули его братья, и взмолился:

— Бог, создавший меня, выбрось меня на землю или опусти в подземное царство.

Не успел сказать, как очутился под землей. Шел, шел и наконец добрался до одного дома, там заночевал. Хозяева собрались хлеб печь, а воды у них не было, и поэтому муку замешивали слюной. Младший сын и спрашивает:

— Почему так хлеб делаете?

А ему отвечают:

— В реке у нас сидит Залиаг-калм¹ и не дает нам брать воду. И к тому же платим мы ему каждый месяц дань — отдаем ему на съедение девушку.

Взял младший брат пять ведер, пошел к реке и набрал воды. Увидел его змей, зарычал:

— На первый раз прощаю тебе как гостю, а еще придешь, съем. Юноша говорит:

— Ладно, увидим!

Все кругом диву дались: как он осмелился воды набрать.

В это время выпал жребий царской дочери к змею идти. Юноша увидел, что девушку ведут и спросил:

— Куда ее ведете?

— К Залиаг-змею, — отвечают.

Рассердился младший сын и сказал:

— И я пойду с ней.

Стали его отговаривать:

— Лучше побереги себя, а то змей и тебя съест.

Но юноша не испугался: «За меня не беспокойтесь!»

Пришли к реке девушка и младший сын, захотелось юноше спать. Девушка говорит ему:

— Как поднимется сильный ветер, знай, это змей ползет.

Налетел вихрь, а младший сын спит, не просыпается. Девушка заплакала и говорит:

— Моя уж доля такова, но жаль юношу — понапрасну погибнет он, съест и его змей.

Одна слезинка упала на лицо младшего сына, и он проснулся.

Девушка говорит ему:

— Ползет Залиаг-змей.

Юноша предупредил ее:

— Отойди подальше и когда змей тебя позовет, не подходи к нему. Он сам к тебе выползет, и я его убью.

¹ Залиаг-калм, Залиаг-змей — дракон, соответствует Змею Горынычу в русских сказках.

Залнаг-змей добрался до берега и кличет девушку:

— Иди сюда, я тебя съем!

Девушка не откликается. Рассвирепел змей, вылез на сухое место. Юноша взмахнул мечом, отрубил змею среднюю голову, а потом стал его резать на куски, и собралось их двенадцать саженей.

Обрадовались жители подземного царства и говорят своему избавителю:

— Проси у нас все, что хочешь!

А младший сын отвечает:

— Мне подарков не нужно, но если можете, укажите мне путь на землю.

Послали люди за большим орлом, а когда тот прилетел, посадили младшего сына на его широкие крылья, дали целую бычью тушу на дорогу. Орел сказал парню:

— Как только я закурлычу, бросай в рот кусок мяса.

Долго они летели, и всякий раз, когда орел курлыкал, юноша кидал ему в рот огромные куски мяса. Но вот еды не осталось, а орел опять просит. Отрезал юноша кусок от своего бедра и сунул орлу в клюв, но птица его не проглотила, а спрятала под языком.

Наконец, вылетели на землю. Поблагодарил младший сын орла и пошел по дороге. Птица его и спрашивает:

— Почему ты хромаешь?

— Последний раз, когда ты закурлыкал, у меня уже ничего не было, и я отрезал кусок мякоти от своей ноги и дал тебе.

У орла все еще этот кусок во рту был, подозвал он юношу и приложил кусок к его ноге, на прежнее место.

Вернулся младший сын домой и рассказал о своих злоключениях матери и отцу. Братья шуметь начали:

— Мы тебя даже не видели, — кричат.

— Если я лгу, говорит младший сын, — то пусть стрела, которую я пушу вверх, упадет и поразит меня в голову, если лжете вы, то пусть она сверху принесет себе пару, и обе стрелы поразят вас в головы.

Запустил он в небо одну стрелу — вернулись оттуда две, вонзились братьям в головы и убили их насмерть. А младший, правдивый и храбрый, и по сей день живет, ест и пьет в своем удовольствии.

3. СКАЗКА О МОЛОДОМ ОХОТНИКЕ

Жил-был один бедняк. Родился у него сын. Заботливо растил он своего сына, баловал его, чем мог. Стал мальчик расти и крепнуть. Когда возмужал, то сильно полюбил охоту. И таким охотником стал, что попадал в птичий глаз на лету. Как пойдет он за зверем, так неделями домой не показывается.

Однажды в лесу напал он на недобрую дорогу. Долго блуждал, истомился, проголодался. Решил вернуться домой, но идти было далеко, а усталость валила его с ног.

Присел сын бедняка на вершине одного холма и видит, — по холму зверь крадется. Выстрелил охотник, а как же иначе, и покатился зверь в лощину. Юноша взвалил его на спину и пустился с добычей вниз по ущелью.

Тропинка привела его в один сад. «Наверно, живет здесь кто-нибудь!» — сказал себе юноша и прибодрился. Шел, шел он по этому саду, но только к исходу второго дня добрался до одного большого дерева. Под деревом стояли чисто вымытые скамейки.

Юноша присел, решил отдохнуть немного. Вдруг видит: идет какая-то женщина — один клык у нее в небо упирается, другой под землю уходит. Как увидела она юношу, развеселилась сразу:

— Вот и шашлычок для моего младшего сына!

Обидно стало охотнику слушать такие слова, и нагрубил

он старухе в ответ. Повернула женщина обратно и ушла, грозя охотнику. Юноша сидит по-прежнему и ждет, как дальше дело обернется.

У клыкастой старухи было семь сыновей-великанов и муж-великан. Как возвратились они вечером с охоты, пожаловалась мать младшему сыну на незнакомого юношу. Вышел младший великан и набросился на юношу. Схватились они с бедняцким сыном, стали бороться. Взял его бедняцкий сын да и всадил в развилку дерева. Не дождавшись младшего брата, тот, который постарше, пошел узнать, что с ним.

А бедняцкий сын пригнул верхушку дерева, привязал к ней второго великана и отпустил ее. Великан глядел теперь с верхушки дерева. Так и шли к охотнику все великаны один за другим, и со всеми расправился бедняцкий сын! Под конец пришел к нему отец великанов со старшим сыном. Как взглянули они на юношу, так поняли сразу, что силой с ним они не справятся; стали они его молить-умолять. Говорит отец великанов охотнику:

— Возьми, что пожелаешь — и зерна, и скота, и сокровищ всяких, — только освободи моих сыновей...

А молодой охотник, услышав это, еще надменнее стал с ними обращаться.

Тогда отец великанов говорит:

— У меня семь сыновей и одна дочь. Свою дочь я люблю больше сыновей, но отдам ее за тебя, лишь только спаси ты сыновей от такой позорной гибели.

Охотник согласился на это условие, освободил сыновей великана.

После того уже зазвали гостя в дом. Дочь великана понравилась бедняцкому сыну, но братья не хотели выдать сестру за какого-то чужака и завели речь о большом калыме.¹

— Скажите, какой должен платить я калым? — говорит охотник.

— Калым у нас небольшой — ответили братья. — Есть у нас ковшик на тридцать ведер пива. Кто поднимет этот ковшик на самый верх орехового дерева, не пролив ни капли, тому и быть нашим зятем.

— Принесите этот ковш, — говорит охотник, — я попытаю счастья!

Великаны подмели под деревом, наполнили ковш пивом и поднесли его молодому охотнику. Бедняцкий сын полез на де-

¹ Калым — плата за невесту ее родителям в старину.

дерево, но случайно пролилась одна капля пива. Оторвал тогда бедняк пуговицу и бросил ее под дерево.

Великаны капли не заметили, бросились к пуговице, обрадовались и кричат:

— Слезай на землю!

— Что галдите, одноглазые, это пуговка упала, — сказал им сверху охотник. Сошел он с дерева и поднял свою пуговицу.

Стали великаны опять думать, как избавиться от бедняцкого сына, и, наконец, говорят ему:

— Издавна живет недалеко от нас кабан-страшилище. Птица и та не смеет над его землей пролететь. Мы же опасаемся его. Кто одолеет его, тот и будет нашим зятем! Завтра собираемся мы на охоту, и если хочешь, пойдем с нами, мы покажем тебе его убежище.

На утро бедняцкий сын отправился с ними на охоту. Направился он, куда указали великаны, во владения кабана. Как только ступил он на его землю, кабан ринулся на охотника.

Сбросил тогда охотник свою бурку, привязал ее к дереву, сам за другим стволом спрятался. Разъяренный кабан насквозь проткнул бурку, всадил клыки в дерево, и застряли они там крепко-накрепко.

Вышел тогда молодой охотник из-за дерева, подошел к кабану, взял его за хвост. Тряхнет кабан хвостом, затрясет заодно и охотника.

Сбежались в тревоге толстопузые великаны, спрашивают юношу:

— Что ты тут делаешь?

— Танцую от радости! Вот держу за хвост вашего заклятого врага!

Зарезали они тут кабана, разделили его тушу на восемь равных частей. Пересчитал охотник восемь долей кабаньей туши и спросил великанов:

— А восьмая доля кому приходится?

— Тебе, — ответили великаны.

— Хороший почет вы воздаете гостю! — сказал им юноша. — И кабана сам убей, да еще тащи на себе его тушу!

Взял он и поделил восьмой кусок на семь равных частей, каждому поровну прибавил, а сам сел на шею старшему из великанов.

Не по душе было это великанам, но кто б из них осмелился слово сказать?!

Пришли они, принесли домой кабанью тушу. Обрадовался отец гибели своего страшного врага. Убедился он в храбрости юноши, отдал за него единственную дочь.

На второй день собрались братья опять на охоту и говорят бедняцкому сыну:

— Теперь ты стал нашим зятем, досталась тебе наша единственная сестра, скоро, вероятно, и домой собираться будешь. Желаем мы, чтобы повез ты от нас большие дары. Вот семь ключей тебе, от семи дверей нашей башни. Все добро наше, все сокровища там находятся. Даем тебе право отомкнуть шесть дверей. Возьми оттуда, что душе твоей угодно будет, замкни потом все шесть замков шестью ключами. Не открывай только седьмую дверь. И сам погибнешь, и нас погубишь!

Начал юноша отмыкать замки, выбирать себе разные вещи, всевозможные сокровища. Открыл шестью ключами двери шести комнат башни и взял все, что пришлось по душе.

Но вот и последняя, седьмая дверь! Что может быть за этой дверью ценнее того, что было за шестью другими? Почему не разрешают великаны открывать эту дверь?

Стал тут юноша и задумался. «Открыть дверь, но вдруг на самом деле, как говорят великаны, загублю свою голову и накликаю беду на своих родичей? Не открывать ее, так сердце изойдет тоской». Под конец не вытерпел юноша и открыл седьмым ключом седьмую дверь. Зашел он туда и видит: стоит там семиголовый великан, в железные цепи закованный. Пожалел его бедняцкий сын и говорит ему:

— В трудное положение попал ты, бедняга!

— Если так уж тебе меня жалко, то облей меня водой из ведра.

Охотник принес ушат воды, плеснул ею в семиголового великана.

Разорвал тогда пленник свои цепи, схватил бедняцкого сына, бросил его на чердак, но убить не убил, пощадил своего избавителя. Вбежал потом к сестре великанов, унес ее из дому, неведомо куда.

Вечером братья девушки вернулись с охоты, схватились с воплями за головы, но горя своего этим не облегчили.

Взял тогда охотник войлочную плеть, отправился в погоню за великаном. Когда уходил, сказал:

— Если голова моя цела останется, если жив буду, то через год, ровно в этот самый день, буду здесь.

Долго шел бедняцкий сын и дошел до одного кургана. Видит: стоит у подножья кургана мужчина, выше пояса — живой человек, а к низу от пояса — каменный.

Удивился этому охотник и спрашивает:

— Что приключилось с тобой?

— Здесь промчался с похищенной девушкой великан семи-

дразнил, и такой поднялся вихрь, что кого задел, всех в камень обратил.

Бедняцкий сын ударил по каменному человеку войлочной плетью, и тот сразу стал в семь раз сильнее и краше прежнего. Тогда юноша признался ему, что ищет этого самого великана. Отправились они дальше вместе.

Долго ли, мало ли шли, кто знает, но приблизились к подножию скалы; смотрят: стоит там такой же мужчина, окаменел весь ниже пояса. Спросили его, что случилось с ним.

— Семиголовый великан похитил себе жену, когда он бежал, поднялся ураган, застал меня в дороге, и приключилась со мною такая беда.

Ударил его юноша войлочной плетью, и тот стал в семь раз лучше прежнего. Рассказал и ему бедняцкий сын, что разыскивает семиголового великана. Отправился с ними и второй встречный.

— Укажу я тебе жилище великана, — сказал он юноше.

Пошли они втроем, шли долго, пока опять на скалу не наткнулись.

— Вот под этой скалой и живет великан в подземелье.

Попытались оба спутника бедняцкого сына сдвинуть скалу, но как ни старались, сделать ничего не могли. Тогда взялся за нее сын бедняка, вырвал скалу и отбросил ее в сторону, иначе и быть не могло! Опустил тогда он в подземелье одного из своих спутников.

— Горю! — закричал тот вскоре, и вытащили его поскорей на землю.

Опустили второго, но и его сразу пришлось обратно поднять.

Сказал им тогда бедняцкий сын:

— Теперь меня опустите, и если услышите «горю», то опустите еще глубже под землю. И еще прошу вас: ждите меня здесь, не уходите, пока не вернусь обратно.

Опустили они охотника, а как же иначе?

Как закричал он «горю», так еще глубже опустили его. Спустился охотник в жилище великана и нашел там свою невесту.

Обрадовались они друг другу. Но она в это время ждала возвращения великана и скорей спрятала охотника.

— Жена, пахнет у тебя тут хаххон дзигло,¹ — сказал великан, ступив в свое жилье.

— Чтоб вспухнуть тебе! — ответила женщина. — В дальних

¹ Хаххон дзигло — унижительное прозвище горцев в устах великанов; земное существо.

странствиях ты пропадешь, а земным человеком от меня пахнет?!

Повалился тут великан на постель и захрапел сразу, уснул на целую неделю.

Вышел тогда сын бедняка из потайного места. Стали они вдвоем думать, как им домой к себе выбраться.

Сказал тогда молодой охотник:

— Как придет время просыпаться великану, ты начини горько плакать, а спросит он, о чем ты убиваешься, скажи ему так: «Когда отправляешься ты на охоту, остаюсь я одна здесь, сильно тоскую. Указал бы ты, где твоя душа, и я до твоего возвращения с ней бы тешилась».

Девушка так и сделала.

— Ох, чтоб ума-разума тебе лишиться! — сказал великан. — К чему тебе моя душа понадобилась? Вон, в столбе она!

Отправился великан вслед за тем на охоту, сын же бедняка остался с девушкой. Рассказала она ему, о чем великан говорил.

— Не открыл он тебе, где его душа спрятана, но сделай ты так на этот раз. Как придет он домой, ты начини плясать вокруг столба. Как спросит тебя великан, почему растанцевалась, скажи ему: «Веселюсь вот с твоей душой, спрятанной в столбе». Откроет он тогда, где таится его душа.

Вернулся к тому времени великан. Смотрит: жена его вокруг столба танцует без устали.

— Что это ты, жена, делаешь? — спросил ее великан.

— С душой твоей забавляюсь, — ответила женщина.

— Ума ты, что ли, лишилась? — Что душе моей в столбе делать?

А она заплакала и говорит:

Где же тогда твоя душа?

— Вон там есть пруд. Засел в пруду кабан. В животе у него лань, а у той лани внутри — заяц, внутри у зайца — шкатулка, а в той шкатулке три ласточки: одна из них — надежда моя, другая — сила моя, а третья — душа моя.

Рассказала девушка обо всем этом молодому охотнику. Развеселился он, сказал:

— Вот теперь он правду сказал! Теперь пойду я искать душу великана.

Долго шел охотник и добрался, наконец, до пруда, где жил кабан. Кинулись друг на друга кабан и бедняцкий сын.

Долго ли, мало ли боролись они, но бедняцкий сын одолел кабана, убил его. И стал он тогда размышлять: «Разрезать кабана, но тогда выскочит лань и убежит в лес».

Наконец, полоснул охотник ножом по брюху кабана и выскочившую лань схватил за заднюю ногу. Достал из лани зайца, а из зайца шкатулочку, сунул ее за пазуху и отправился с ней в дом великана.

Крепко спал великан, но достал охотник шкатулочку, вынул одну ласточку и оторвал ей голову. Пробудился тут великан от сна, вскочил, смотрит на юношу, но не смеет его и пальцем тронуть. Пропала его надежда, его смелость. Достал тут юноша другую ласточку и оторвал ей голову. Обессилел великан вовсе, стал как малый ребенок.

— Умоляю тебя, не лишай меня души и отдам тебе все свое добро, свои сокровища! — зарыдал великан.

Но разве мог сын бедняка пощадить врага?! Взял он третью ласточку, оторвал и ей голову.

Свалился великан замертво, а как же иначе?

Отправились охотник с невестой домой, подошли к тому месту, откуда на землю им подниматься надлежало, где наверху ждали их оба товарища. Сказала ему тут девушка:

— Поднимайся ты первым и захвати с собой богатства великана, а потом и меня вытащишь, не то боюсь, обманут тебя твои спутники.

— Нет, не сделают они этого! — возразил ей сын бедняка.

И попала девушка с великим добром в руки коварных спутников.

Бедняцкого сына оставили они в подземелье.

«Печалью и слезами горю не помочь, — сказал себе юноша, — надо действовать, пока глаза глядят».

Вернулся он обратно в дом великана, стал все углы осматривать. Вдруг видит: за дверью два барана привязаны. Говорит ему один из них:

Беги ко мне издали, коли за правый рог ухватишься, подкину тебя прямо на землю, а если уцепишься за левый, швырну тебя в самую глубь земли!

Бросился бедняцкий сын к барану, но ухватился за левый рог, и кинул его баран в глубину земли. А там идет такой ливень, будто небо и земля сошлись в смертном бое, а затем вдруг все проясняется и наступает погожий день.

Шел охотник, шел, наконец дошел до одной башни. А из башни то смех слышится, то плач раздается.

— Что это за чудное диво! — сказал себе охотник и вошел в башню. Смотрит, сидит там девушка. Удивилась она сильно, завидев юношу.

— Кто из богов лишил тебя разума? — сказала она ему

— Почему ты должен здесь пропасть, не довольно разве того, что я погибну?

— Если тебе, подобной ангелу, суждена гибель, то большая ли важность, если пропадает такой недостойный, как я.

И стал после этого спрашивать ее:

— Что за чудо, скажи мне, почему то солнце выглянет, то дождь начинается?

— Это мать моя на земле вспоминает о дне моих похорон и плачет, потому и дождь здесь идет. А как забудется она, улыбается, так солнце выглядывает.

— А почему это так? — спросил юноша.

— Потому, что мы ежегодно платим дань змею, — сказала девушка. — Было у моей матери семь дочерей, и трех из них змей уже проглотил. Теперь вот моя очередь. Спрячься, прошу тебя, скоро приползет змей.

— Нет, теперь не уйду я отсюда, — ответил ей бедняцкий сын. — Пусть приползет, я с ним померюсь силой.

Поднялся вдруг сильный вихрь.

— Ползет Залиаг-змея, — говорит девушка, — когда приближается, поднимается ветер.

Приполз Залиаг-змея к башне и кричит:

— Где же ты, девушка?

А девушка не отвечает. Как крикнул змей второй раз, затряслась башня до основания. Выскочил тогда бедняцкий сын, бросился на Залиаг-змея, изрубил его на куски и сложил их горой.

Вскоре в башню пришли и другие три сестры. Видят, змей мертвый, обрадовались сильно. Поднялись наверх, смотрят, сидит их сестра рядом с сыном бедняка. К тому времени и мать их с земли спустилась. Спрятали девушки юношу: застанет она его неожиданно-негаданно, не узнает в чем дело, проглотит сразу.

В тот же час прилетела их мать, обернувшись орлицей. И сразу почуяла дух человеческий.

— Жить вам, дочери мои, долго, но какой-то здесь чужой дух!

Ничего не сказали в ответ девушки, и лишь когда мать поклялась своей младшей сестрою, то открыли ей всю правду. Убедившись, что мать не тронет гостя, вывели они бедняцкого сына из потайного места.

Чем могу отплатить за твое добро, юноша, ума не приложу. Трудно сыскать достойный дар! Спас ты мне четырех дочерей от змеиной напасти. Чем я могу вознаградить тебя, скажи, не стесняйся!

— Да снизойдет на твою семью благополучие, мне же не нужно никакого добра, но если можешь, помоги мне на землю выбраться.

— Чтобы так же легко выбирались мы из наших бед, как легко мне тебя на землю доставить, — сказала ему мать-орлица. — Трудность в этом деле лишь одна — найти буйволиных туш в дорогу.

Пригнал тогда бедняцкий сын пять буйволов из окрестных сел. Зарезали их, орлица сняла с них кожу под бурдюки, наполнила их водой и положила себе на спину и туши буйволов, и бурдюки с водой. А затем сказала охотнику:

— Юноша, полетим на землю, но вот тебе наказ в дорогу: сколько раз услышишь мой клекот, столько раз бросай мне в рот мясо и лей воды ушат.

Полетели они на землю. Юноша все время был наготове: бросал в рот орлице мясо, вливал ушат воды на один глоток. Стала орлица, кружась, подниматься вверх. До земли осталось уже немного, как мясо вышло все.

Крикнула орлица еще один раз. Обрезал тогда бедняцкий сын икры со своих ног и сунул их орлице в рот, а сам перевязал ноги туго, чтобы кровью не изойти.

А орлица под язык спрятала это мясо и вскоре опустилась на землю.

Поблагодарили они друг друга, а потом сказала орлица юноше:

— Иди, трогайся в путь первым!

Пошел сын бедняка, идет, прихрамывает. Тогда орлица спросила его:

— Что с тобой, почему ты хромаешь?

— Когда не хватило мяса, я вырезал икры своих ног, — ответил ей бедняцкий сын.

Достала орлица из-под языка икры юноши, приложила их к ногам, и приросли они лучше прежнего. Затем охотник отправился своей дорогой, а орлица улетела под землю.

Долго шел охотник и, наконец, зашел в одно село, а там — свадьба! Выбежали хозяева дома, позвали путника к столу.

Поселяне по обычаю приветствовали гостя. Увидел там бедняцкий сын и своих коварных друзей, которых он спас в беде. Один из них жениться решил на его невесте и теперь справлял свадьбу.

Не узнали они молодого охотника, своего спасителя, и поднесли ему по обычаю свадебную чашу.

Взял юноша чашу, поднял ее и рассказал всем собравшим-

ся о предательстве двух своих спутников, а затем взмолился богу:

— О бог богов, если сказал я неправду, если эти люди поступили со мной, как подобает верным товарищам, то пусть эта стрела взлетит вверх двумя стрелами, одною обратно вернется и вонзится в мою голову! Если же верны мои слова, и вы отплатили мне за добро злом и обманом, то да принесет моя правда вам погибель — пусть эта стрела полетит вверх одной, вернется вниз двумя и пронзит ваши головы!

Как сказал бедняцкий сын, так и случилось с предателями. А он вернулся после этого домой с женой и множеством сокровищ. Стали они жить-поживать и долгие годы прожили...

Жил
ми. С го
ства, и
Одн
Бараг¹.
Выш
ужином
Поул
зяину до
— Ж
мой неум
ходишь т
— Го
этом.
— Да
ко для то
даже и о
заклинаю
— Не
покорюсь

1 Халы
всадник.

4. АЛДАР И ХАЛЫН БАРАГ

Жили-были алдар со своею женою. Были они бездетными. С годами алдар стал печалиться, что не было у него потомства, и ничего больше не радовало его сердца.

Однажды вечером к алдару в гости пожаловал Халын Бараг¹.

Вышел к нему алдар, завел в дом, попотчевал на славу, ужином угостил таким, что лучше уж и не могло быть.

Поутру, собравшись в путь, Халын Бараг обратился к хозяину дома:

— Желаю тебе, алдар, долгой жизни! Может быть, вопрос мой неуместен, но не прими в обиду и скажи мне, отчего ты ходишь такой печальный, о чем кручинишься?

— Гость, да будет твоя милость, не спрашивай меня об этом.

— Да будут долгими твои дни, алдар, но приехал я только для того, чтобы узнать причину твоей печали, и если тебе даже и очень трудно, все-таки окажи такую милость гостю, заклинаю тебя честью твоих предков, расскажи, что с тобой?

— Недаром говорится, что право гостя — право сильного, покорюсь и я, выполню твое желание, хоть мне и трудно. Нет

¹ Халын Бараг — буквально, всадник из мятой кожи, — бродягавсадник.

счега моему добру и имуществу! На земле нет такого, от чего бы я не добыл своей доли. Все мне завидуют. И было бы чему завидовать, если бы дал мне бог наследника, кому бы я все свое достояние оставил. Но нет у меня никого: когда закроют мои глаза, то потухнет огонь в моем очаге, люди расхитят все мое добро, развеют его по ветру.

— Заклинаю тебя подождать лишь три дня. Не буду я Халын Барагом, коль не найду тебе лекарства и не избавлю тебя от твоей кручины.

Ровно через три дня Халын Бараг появился снова, привез с собою три яблока и сказал князю:

— Предложи хозяйке твоего дома эти яблоки, пусть она съест их. Родятся тогда у тебя три сына. Только дай зарок мне, что одного из сыновей ты отдашь мне, окажешь мне такую честь!

— Не только одного, но и двух тебе не пожалею, лишь бы появился у меня наследник.

— Нет, алдар, пусть двое из них будут твои, а мне, как я сказал, довольно одного.

После этого Халын Бараг распрощался с хозяином дома и уехал.

Жил алдар с того дня надеждой на скорое появление наследника и в самом деле дождался: родилось у жены его три сына.

Исполнились слова Халын Барага. И в то же время у ворот алдара выросли три зеленых деревца: подрастали сыновья алдара с золотыми чубами, тянулись вверх и эти деревца.

Сыновья алдара и ростом, и сложенем, и лицом были так схожи, что не могли их отличить друг от друга не только посторонние, но и родные мать и отец: кто был из них младшим, кто старшим, это знали только они сами.

Помолодели алдар и его жена, радуясь своим детям, не могли наглядеться на своих мальчиков с золотыми чубами.

Мальчики подросли, вытянулись, стали крепкими, как бараньи альчики.

Кто знает, сколько прошло с тех пор времени, но вот однажды к алдарским воротам подъехал Халын Бараг. Сыновья, все трое, бросились гостю навстречу: один схватил коня за повод, другой придержал стремя, третий подал гостю руку, чтобы помочь ему спешиться. Затем старший пригласил его в кунацкую, другие коня его увели, расседлали, отборным зерном накормили.

Большая радость была в доме алдара. Собрал он всех своих односельчан в честь приезда Халын Барага. И пировали

они семь дней и семь ночей, веселью, пляскам и песням не было конца. Не знали они от великого счастья, как еще лучше чувствовать гостя, ничего для него не пожалели. Наконец, когда утомились, сельчане разошлись по домам, алдар уложил своего гостя спать, чтоб отдохнул он перед дальней дорогой.

Когда же поутру Халын Бараг собрался в путь, то сказал хозяину дома:

— Очень тебе я, князь, благодарен за честь, за прием, который оказал ты мне, но приехал я к тебе не за яствами, не за весельем: приехал я к тебе получить свое, — что по уговору принадлежит мне. Благодаря мне ты имеешь троих сыновей, подобных бусам цыкура¹, но теперь отдай мне одного из них!

Позвал князь своих сыновей и говорит им:

— Долгое время не было у меня детей, решил я тогда сжечь на костре из колючек и себя, и добро свое. От этого великого несчастья избавил меня мой гость Халын Бараг. Ему обещал я дать одного из вас троих.

Но никто из сыновей не соглашался. Старший сказал:

— Пусть достанется в дар гостю мой младший брат.

— Почему я, когда надо мной есть один старший, а другой младший брат, — сказал средний. — Если уж надлежит кого отправить, так, по-моему, одного из вас.

Младший же возразил:

— А я совсем не должен быть в ответе, ведь я самый младший: ни по годам, ни по силам я ему не подхожу.

— Дада,² тогда я поеду с нашим гостем, — сказал старший. — Поехать-то я поеду, но кто знает, каков будет наш путь. Вот там, у наших ворот растут три золотых деревца: ухаживайте за ними, смотрите, как следует, но знайте, если станут гнуться к земле какое-нибудь из них, то это будет знаком, что мне плохо, а коли обломится под самый корень, значит, нет меня в живых.

С этим Халын Бараг посадил на седло позади себя златокудрого княжеского сына, и тронулись они в путь. Едут они по незнакомой стороне, по глухим безвестным долинам, наконец, доехали до одного ущелья. Когда въехали вглубь ущелья, ссадил Халын Бараг юношу с седла и сказал ему:

— Смотри, вот эта пещера — мое жилище. Ступай туда, и я следом за тобой приду.

¹ Бусы цыкура — талисман, приносящий счастье, буквально — «что просит» или «чего пожелает».

² Дада — у осетин прозвище отца — папа.

Юноша вошел в пещеру и вознес моление:

— О вы, все семь дзуаров¹ этой пещеры, вверяю вам себя. Будьте мне оплотом и защитой, помогите мне!

Вдруг сверху слышал он голос, который исходил от черепа:

— В пещере этой семь дзуаров было тогда, когда на почетном месте старших сидели старики и золотые бороды их касались пояса, когда, прислуживали им, стояли возле них, как свечи, златокудрые юноши, а девушки и невестки, с золотыми косами до пят, кружили по дому, убирали его. А теперь кто помнит еще ангелов, святых или им подобных? Взялся за нас Халын Бараг, всех нас съел до единого. Это сам нечистый дух. Тебя он тоже съест — не пожалее. Будь настороже и еще совета моего послушай.

— Я буду тебе очень благодарен, если научишь меня умразуму и я отсюда живым выберусь.

— Ну, так вот что, — заговорил череп, — не бойся, это первое, потому что у тебя все равно сейчас другого выбора нет. А если сумеешь ты сделать, что надо, — твое счастье! К сказанному добавлю еще, что по всему видно: и по сложению твоему, и по лицу, что уродился ты счастливым и не пропадешь. А теперь смотри, видишь там у стены дрова сложены?

— Вижу, вижу, отец мой!

— Не теряйся, прежде всего! Скажет тебе Халын Бараг: «Разведи огонь из этих дров!» А ты ему ответишь: «А что такое «огонь?» — Будто и не слыхал, и не видел, что это такое. А потом скажешь, что не знаешь, как развести его; а когда он сам примется разжигать, ты смотри, будто припоровливаешься: мол, научишься, тогда освободишь его от этой работы и сам будешь разводить костер. Когда костер разгорится, он скажет тебе: «А ну-ка, дуй на него!» Но ты не дуй, не то он тебя схватит, бросит в пламя, а когда ты поджаришься, как шашлык, он съест тебя. Скажи ему, что не знаешь, что такое «дуй». Сядет он сам тогда у костра, раздувать его станет. Вот как только примостится он у огня, будь наготове. Позади него две лопаты: деревянная и железная; возьми их в руки, толкни его сразу в пламя и не давай ему оттуда выбраться, если даже огонь костра будет самого тебя жечь. Только так ты от него избавишься.

К этому времени вернулся и Халын Бараг. Говорит он княжескому сыну:

¹ Дзуар — святой дух, святилище.

— Ну-ка, юноша, разведи костер!

— А что такое «костер»? — спрашивает тот.

— Чтоб не было тебе больше ни утешения, ни прибежища — жил ведь ты в доме?!

— Жил, да не знаю. Покажи, как это делается, а потом уж я буду в ответе за это.

Развел тогда Халын Бараг костер и говорит:

— Огонь я развел, а ты дуй на него!

— А что обозначает слово «дуй»? Покажи, как это делать, и я буду всегда так поступать.

Опустился тут Халын Бараг на корточки и начал раздувать огонь. Огонь разгорелся сильно, пламя так и полыхает! Юноша взял железную лопату, да как толкнет Халын Барага в самое пекло, а Халын Бараг хочет выскочить оттуда, изо всех сил старается из огня выбраться. Но где уж тут было? Не выпустил его златокудрый юноша из пламени, и сгорел он там, обратился в черный уголь. Так сын алдара избавился от Халын Барага, хоть и сам обжегся.

А череп от радости стал колотиться об стены и говорит ему:

— Избавился ты теперь от страшной беды, от того, кто столько причинил всем несчастий, сжег ты его в огне, который он своими руками развел. Теперь видишь эту дверь, открой ее, и там ты найдешь всякие яства и напитки, потом отомкнешь другую, там лежат богатые постели всякие. Захочешь, можешь там отдохнуть, нет, выноси их сюда, коль не будет клонить тебя ко сну, то я стану рассказывать тебе разные были, так и время пробежит скорей.

Юноша открыл дверь, зашел в комнату, поел, выпил там, сколько душе его хотелось, потом лег спать. Поутру, когда он поднялся, череп ему сказал опять:

— Может, захочешь верхом поездить, покататься или в дальнюю дорогу собраться? Тогда откроешь одну из трех дверей, что прямо перед твоими глазами, оттуда выведешь оседланного коня и поезжай, куда тебе сердце подскажет, благополучного пути тебе желаю!

А юноша все запомнил, что говорил ему череп. И кто знает, сколько времени они прожили таким образом в пещере? Но вот однажды он ему сказал:

— Хочется мне поездить, развлечься немного.

— Доброго пути! Но мой совет тебе: как сядешь ты на одну из лошадей, про которых тебе сказывал, захочется тебе сразу всего, что только на земле водится. Но бойся ты только Черной лисицы с Черной горы, она может погубить тебя. Один

был злодей Халын Бараг, а другая лиходейка — это Черная лиса, много бед они причинили. Халын Барага ты уничтожил, свел в могилу, осталась теперь эта Черная лисица с Черной горы, многих она погубила, многих сжила со света.

Вышел тогда златокудрый юноша из пещеры Халын Барага, сел на коня. Как вихрь, конь его мчится, оружие на солнце сверкает. Скакал конь без усталости. Много ли проехал юноша, мало ли, кто знает, но вот глядит он, вдали огонек виднеется. Подъехал туда и слышит — кто-то чудесно поет, заслушаться можно, от такого пения даже мертвый из могилы поднимается. А потом вдруг плакать начинает, да так горестно, что солнце темнеет от жалости, камни на дороге трескаются.

Подъехал он туда ближе и видит: у костра юноша, а вокруг него стадо свиней пасется.

Обратился тут всадник к нему с приветствием:

— Да приумножится скот твой! Кто ты такой будешь? Нет приятней твоей песни на свете, но и плача горестнее никогда я не слышал. Скажи, почему ты так удивительно поешь и отчего рыдаешь так горько?

— Здравствуй, гость! Я — свинопас князя. У князя есть три дочери, все они — невесты. Завтра он устраивает званый пир, и необходимо для стола свиней зарезать из этого стада, хвосты и шеи достанутся мне, вот оттого я и радуюсь! А если хочешь узнать, отчего я плачу, то об этом тоже расскажу, не утаю от тебя: когда гоню стадо с пастбища, то мне нужно бывает переходить через реку по мосту и еще по лестнице до княжеского хлева подниматься. Свиньи, как пойдут до моста или до нижней ступеньки лестницы, упрутся — и ни с места, поднимут хвосты вверх, стоят, и пока я им каждой под хвост не поцелую, с места не тронутся. Потому и плачу, слезами обливаюсь!

— Ну так, прошу тебя, пой, пожалуйста, все время, а плакать перестань. Дай мне на этот вечер свиней своих, я покажу им их надлежащее место, а то от плача твоего сердце разрывается.

Наступил вечер. Юноша вырвал из гривы коня своего один волос, а коня пустил пастись на волю. Затем снял свой богатый наряд, положил его в хурджин¹, припрятал в поле под кустом, а на себя набросил накидку свинопаса и погнал стадо. Когда свиньи дошли до моста, то остановились и дальше не трогаются. Подняли вверх хвосты и стоят. Стараются тут всячески князев сын сдвинуть их с места, а они стоят — не шелохнутся, хвосты, как лики, торчат. Тогда юноша срезал толстую

¹ Хурджин — переметная сумка.

палку, да как начал их колотить; бросились свиньи бежать, друг на друга наскакивая, и сразу очутились по ту сторону моста. Встали опять неподвижно возле первой ступеньки лестницы, хвосты кверху подняли. Тут юноша стал хлестать еще сильнее. Колотит их, только рев и стон кругом стоит. Не заметил он, пока со свиньями возился, как слетела с его головы шапка. Блеснул на солнце золотой чуб юноши. Три княжны в это время смотрели из башни своей на дорогу, младшая его чуб заприметила и как закричит:

— Кто что увидел, пусть то ему достанется!

А юноша в это время уже надел шапку на голову. Две старшие княжеские дочери и говорят:

— Увидела ты свинопаса, пусть он и будет твоим!

Поутру князь зарезал свиней, устроил большой пир. Из именитых людей никто не остался дома, со всех сторон съехались, собрались на княжеский пир. В самый разгар пиршества встала из-за стола старшая дочь князя, взяла три артадзыхона,¹ кувшинчик ронга,² шашлык, обошла всех сидевших за столом и поставила свое угощение перед одним княжичем.

Взяла три артадзыхона, шашлыки и кувшинчик ронга и средняя княжеская дочка и поставила их перед другим княжичем.

Тогда встала и младшая княжна, взяла свое угощение, стала обходить сидящих: всех обошла, во все стороны посмотрела, потом вернулась туда, где за столом сидели ее родители, и бросила свои дары на землю, возле отца.

— Многих на пиру у нас недостает! — сказала она.

Послал князь снова людей приглашать гостей, а как же иначе? Во всех домах побывали, всех пригласила, не пришли только те, кто лежал больной.

Второй раз обошла младшая дочь всех собравшихся и опять вернулась к отцу со своим подношением.

— Отец, клянусь тобой, остались еще незванные люди, кому сидеть надлежало на твоём пиру.

Тогда слуги князя сказали:

— Правда твоя: остался еще неприглашенным один свинопас какой-то! А больше никого не забыли, всех зазвали.

Пригласили тогда и свинопаса, — иначе как могло быть? — посадили его где-то с самого края стола.

¹ Артадзыхон — треугольный пирог.

² Ронг — древний хмельной напиток.

Взяла опять тогда княжеская дочь угощение, обошла гостей чинно, как подобает, и поставила свое подношение на стол перед свинопасом.

Тотчас всех облетела молва: княжеская дочь поставила свое подношение перед свинопасом. Мать и отец, как убитые, остались сидеть на месте, а всем близким ее друзьям и родственникам точно головы с плеч сняли, таким позорным показался им поступок княжеской дочери.

— Имея такой обширный выбор, остановиться на свинопасе — это ли не горе! — сетовали, горевали все.

Тем временем пир кончился, все разошлись по домам. Стали тогда князь с женой судить да рядить, как им одарить своих дочерей, как обласкать зятьев. Решили старшим двум дочерям подарить красивые хоромы, сокровищ множество за то, что не посрамили они достойное имя родителей. Мужьям их подарили иноходцев статных, конюшни для коней отличные, оружие отборное.

Не оставили без подарка и свою младшую дочь: отвели ей курятник, где бы она жила со своим свинопасом, самому же ее избраннику дали хромую серую лошаденку и оружие негодное.

Стали жить-поживать новые родственники: старшие зятя чинно, степенно, а младшая дочь с мужем у родителей почета себе не снискали.

Но не унывали они: как взялись за уборку, заблестел их курятник, такой навели в нем порядок. И двор, и конюшня — все у них прибрано, в чистоте, хотя с виду дом неказист был.

Сколько прошло времени со дня свадьбы, кто знает, но вдруг заболел князь, слег надолго в постель. Кто только не лечил его, но одолела его болезнь, никакого не было ему от лекарств облегчения.

Наконец, когда уже не было другого исхода, послали за советом к колдунье. Поворожила она и сказала:

— В далеких краях живет кабан Бузнаг. Дороги к нему опасные, а страшнее всего его острые клыки. Много он причинил людям несчастья и ныне продолжает губить их. Если бы больной князь отведал из печени его шашлыка, сразу бы выздоровел, стал бы, как мать родила его, — здоровехонек!

Снарядились тогда старшие зятя в дорогу, чтобы принести князю печень Бузнага. Нарядные и спесивые, сели на своих иноходцев, отправились в путь.

Младший зять тоже решил не отставать от них. Сел на серую лошаденку, идет его лошадь, прихрамывает. Но у око-

лицы догнал он их. Обернулись старшие зятя к младшему.

— А, это ты! Куда, интересно, ты собрался?

— Куда вы, туда и я, конечно. Больной князь вам не ближе доводится. Коли у вас о нем сердце болит, так и я о нем беспокоюсь.

— Езжай себе подальше, стороною, не срами нас! Если кто увидит тебя с нами, то за кого нас посчитают?! — разгневались спесивые княжичи. Отстегали плетми свинопаса и укакали дальше.

Остался избитый зять на дороге. Сошел с хромой лошади, пустил ее пастись в поле. Сам достал спрятанный конский волос, потянул его и не успел оглянуться, как его собственный конь заржал над ухом. Тогда он снял накидку свинопаса, спрятал ее и принарядился в свою прежнюю одежду, как иначе могло быть? Потом вскочил на коня и помчался стрелой по дороге. Скоро догнал и старших свояков. Те, увидев всадника, взмолились:

— Да будет хвала тебе! Скажи на милость, что ты за ангел такой, что за архангел?! Помоги нам!

Вихрем промчался он мимо, не взглянув на них. Долго ехал он и дорогою, и опасными тропами и, наконец, добрался до той дальней стороны, где жил Бузнаг.

Сразились они, и упал лиходея замертво.

Убил он Бузнага, иначе и быть не могло, потом разрезал его, достал кабанью печень, спрятал в хурджин. Сел он на своего коня, тронул поводья, и полетел конь стрелой обратно. Дорогою юноша купил козу у пастухов, достал козью печень и тоже спрятал в свой хурджин.

Ехал, ехал и снова повстречал свояков. Спросили они его:

— Откуда путь держишь?

— Везу больному отцу печенку Бузнага.

— Сделай милость, дай и нам по кусочку: нашему больному тестю тоже требуется такое лекарство.

— Слишком много вы захотели. Как отдать вам то, что с таким трудом досталось мне?

— Просим тебя с поклоном, не пожалеешь, продай хоть кусочек!

— Ладно, пусть будет по-вашему! Вы мне — свои правые уши, а я вам — печенку!

— Пусть будет по-твоему.

Отрезал юноша их правые уши, положил их тоже в хурджины, а им дал козью печенку.

Как подъехал к околице, пустил коня пастись, сам пересел на хромую свою лошадь, оделся свинопасом, и скоро ло-

шадь его, похрамывая, остановилась возле курятника. Сошел он на землю, спрятал привезенное в укромное место.

А в семье старого князя все радовались, и челядь его тоже ходила веселой: два старших зятя привезли печенку Бузнага, поправится теперь князь. Больной поел козьей печенки, но не стало ему легче, болен по-прежнему. Тогда колдунья указала, что исцелить князя может также еще и молоко куази.¹

Поехали снова старшие зятя за молоком куази. Отправился за ними следом и младший зять. У околицы набросились они на него, избили, а сами отправились дальше.

А он пустил пастись свою серую лошадь, достал конский волос, потянул его, и конь его, весело поводя ушами, снова приискал к нему. Швырнул он одежду свинопаса, нарядился в свою одежду, пронесся опять вихрем мимо старших зятьев.

— О, да будешь ты неприкосновенным! Ангел ты или архангел, будь нашим покровителем в пути! — взмолились они.

Младший зять даже не оглянулся, поехал дальше. И вот на какой горе, в какой лощине, кто это знает, но настиг он куази, наполнил молока полный бурдюк и пустился в обратный путь. Дорогой наполнил другой бурдюк козьим молоком.

Едет он по дороге и встречаются ему на пути свояки.

— Откуда тебя бог несет? — спросили они.

— Я ездил за молоком куази для больного отца.

— Нашему тестю тоже это средство указали, удели и нам немного! Мы хорошо тебя отблагодарим!

— Обойдусь и без вашей благодарности, если позволите мне содрать по ремню кожи с ваших спин, то уделю вам молока куази.

Дали они согласие, не было другого выхода. Юноша взял бритву, от шеи до самого копчика провел ею по спинам своих. Вырезал ремни, спрятал их в хурджины, а затем вместо молока куази дал им козьего молока.

Как в первый раз пустил он своего коня пастись у околицы, поймал хромую лошадку, накиннул одежду свинопаса и подъехал к своему курятнику: молоко куази положил с печенкой Бузнага.

А оба старших зятя тем временем за больным князем смотрели, дали ему козьего молока, но толку от него не было: больной не поправился.

Опять позвали колдунью. Поворожила, поколдовала она и сказала:

¹ Куаз — лань.

— Укажу вам еще одно средство, если уж и оно не исцелит князя, значит, конец пришел его, нет ему больше места среди живых. Там, где, враждуя, горы смыкаются вершинами, точно бараны упрямые головами бодаются, вот за ними бьет из скалы горный ключ. Вода эта воскрешает мертвых. Выпил бы он этой воды, сразу бы от болезни исцелился.

Собрались опять оба старших зятя в дорогу, иначе как же могло быть? Да и выбирать им не приходилось! Младший зять тоже сел на свою лошаденку, и она, хромая на ногу, так и отправилась в дорогу, полную опасностей. На краю села свояки опять избили свинопаса, а сами поехали своей дорогой.

Рассердился младший зять, пустил пастись свою хромую лошадь, потянул опять спрятанный конский волос, и конь его оказался рядом. Облачился он в свою дорожную одежду, поехал снова в дальнюю сторону. Птицей несется конь его, обгоняет двух старших зятей. Они говорят опять:

— Да удостоимся мы, ангел ты или архангел, твоей благодости!

Приехал младший зять к двум горам, грозно надвигаются они друг на друга, точно бодаться собираются. Натянул юноша поводья коня, и, как только разошлись в разные стороны горы, ударил он его, рванулся конь, очутился вмиг около горного родника. Наполнил свинопас бурдюк живой водой, прикрепил его позади седла, повернул обратно. Отъехал он от двух гор, оглянулся, видит — нет больше хвоста у коня. Пригорюнился он, да так сильно, что чуть руки не наложил на себя. И вдруг видит: очутился перед ним седобородый старец. Спросил юношу:

— Что с тобой? Отчего белый свет тебе не мил стал?

— Не сумел я, — отвечает юноша, — коня так взнуздать, чтоб перескочить горы, как всаднику подобает: хвост коня остался между двух гор. Не все ли равно мне теперь, жив или мертв я?

— А взгляни-ка на него! Разве два хвоста бывает у коня? — спросил старик.

Посмотрел юноша, у коня хвост на месте!

Слава тебе, золотой Уастырджи,¹ твоей милостью конь мой конем остался и я сам избавился от страшной беды.

Тогда ответил ему Уастырджи:

— С таким конем в жизни тебе не должно быть страшно. Остерегайся одного только — бойся Черной лисицы с Чер-

¹ Уастырджи — святой Георгий.

ной горы, не подъезжай туда близко, принесет она тебе несчастье.

Поблагодарил юноша Уастырджи, тронул поводья и направил коня прямо в село князя. По дороге повстречались опять с ним свояки.

Доброго пути тебе! Откуда едешь?

— Отцу больному совет дали — испить воды из родника, что за двумя горами течет и воскрешает даже мертвых, этой воды я и везу, чтоб исцелить его.

— Нашему больному тоже про эту воду сказали, да будет твоя милость к нам, дай нам немного воды этой!

— Обрежьте по ремню из вашей кожи на бедрах, уделю вам воды.

Взял юноша, провел бритвой по бедру до самой щиколотки, вырезал два ремня.

Приехали все три путника домой. Оба старших зятя поят князя водой, но как исцелила бы его простая вода?

Стало князю совсем плохо, вот-вот умрет. Тогда младшая дочка его сказала мужу:

— Отец мой любит меня меньше старших двух дочерей, но кто даст мне лучшего отца?! Сердце мое обливается кровью, и если ты из дальних странствований привез исцеляющее средство, то не прячь его больше, в другой раз оно не понадобится!

Тогда юноша взял и понес князю все то, что посоветовала колдунья: печенку Бузнага, молоко куази и воду, воскрешавшую мертвых. Князь лежал уже совсем без сил, не мог даже слова вымолвить. С трудом дали ему выпить чудесной воды. Когда он сделал глоток, сразу заговорил:

— Как хорошо! Я прихожу в себя!

Дали ему выпить молоко куази, князь привстал, приподнялся на постели. Потом принесли ему дымящийся шашлык, отведал он его, силы к нему вернулись, встал он с постели.

Диву дается князь:

— Твои лекарства вернули меня с порога страны мертвых, но почему не помогли лекарства старших зтей?

— Это не удивительно, князь! — сказал златокудрый юноша. — Они не убили Бузнага, не видели никогда куази, и к роднику, к источнику живой воды, не посмели поехать. Все, чем лечили они тебя, дал им я: вместо печени Бузнага — козью печень, взамен молока куази — молоко козы, а воду ты пил простую, а не ту, что оживляет мертвых.

— Возможно ли, чтоб это все было правдой? — произнес князь голосом, полным сомнения.

— Если не веришь мне, так вот тебе правые уши их за печень Бузнага, а по два ремня кожи с их спин за молоко куази, а вот еще две полоски с бедер их, — сказал юноша, показав все князю.

— Возможно, обидел ты пастухов, бедняков-чабанов, уши им отрезал?! — все еще не верил князь.

— Клянусь тобою, что говорю правду. Не веришь мне, призови их самих и осмотри.

Велел тогда князь позвать своих старших зятьев. Обнажили головы они по князеву приказу, увидел он — нет правых ушей у них. То же со спиной их было и с бедрами: меченые стояли они, с полосками вырезанной кожи.

Князь большой пир устроил, празднует свое избавление от смерти, чувствуя младшего зятя. Воздавали ему люди кругом большие почести.

Стали они после этого жить-поживать! Не нарадуются друг на друга младшая дочь князя и ее муж. Ездил он и на охоту иной раз. Не подъезжал только к Черной горе.

Обратился однажды к жене он с вопросом:

— Какая гора у вас тут называется Черной?

— Вон та, — сказала жена, — а для чего тебе это нужно? Из людей ничья нога там не ступала.

— Хочу я силу свою испытать, поехать туда, надоело мне сидеть на месте, — ответил юноша.

А сам думает: «Не столько я лет прожил на свете, сколько раз побывал в опасных местах: в пещере Халын Барага был, убил страшного кабана, был и между горами, что круторогими баранами бьются. Если не увижу теперь Черной горы и живущей на ней Чернобурой лисицы, то жизнь мне не в жизнь!»

Оседлал он утром коня, взял оружие и отправился к Черной горе. Подъехал к горе, стал подниматься все выше и выше. Вдруг выскочила откуда-то и шарахнулась в сторону лиса Чернобурая. Вскинул княжеский сын ружье свое, стреляет, мчит-ся на лошади, летят пули одна за другой, но и волоска лисьего не задевают.

Истомились сильно всадник и конь. И лисица не так уж проворна стала: и ее одолела усталость, как же могло быть иначе? Вдруг она пропала из виду, скрылась в отверстии под скалой. А юноша за нею следом погнался. Настиг он ее, и тут Черная лисица взмахнула хвостом, ударила его, и всадник с лошадей обратились в камень.

В тот час одно из трех деревьев, которые росли перед домом родителей, склонилось и упало на землю.

Как увидели это, зарыдали оба, отец и мать его. Кем бы он

ни стал на чужой стороне, это был их старший сын, и погиб он, неведомо где.

Вышел средний брат и сказал:

Я поеду, разведая, узнаю, где и как наш брат погиб. Хотя сыщу его мертвое тело. Далеко еду я, знаю, что ждет меня в пути. Одно завещаю: ухаживайте, растите эти два дерева. Коль погнется одно из них в сторону, значит плохо мне придется, а если поломается, как деревцо старшего брата, знайте тогда, что не стало вашего второго сына, ушел он из этого мира.

Отправился юноша в путь. Ехал он долго, кто знает, сколько. Наконец, въехал он в одно ущелье, спустился вниз и оказался вдруг перед пещерой Халын Барага.

— О семь дзуаров-покровителей, помогите мне! — произнес он войдя.

— Семь дзуаров-покровителей пещеры тогда приходили на помощь, когда в ней на почетном месте старшего сидели золотобородые старцы, а борода их пояса касалась, когда прислуживали им младшие; стояли возле них, как свечи, юноши с золотыми чубами, а порядок в доме соблюдали, как положено, девушки и невестки златокудрые, — сказал сверху, с потолка, череп. — Хотя все это я рассказал тебе уже перед тем, как сжег ты Халын Барага в пламени костра. Но передохни теперь. Вот за этой дверью съестного и напитков всего вдоволь! А за следующей — постели разные. Хочешь ляг здесь, нет, так засни там!

Юноша так и сделал: поел, попил и спать улегся. Заснул он крепко, всю ночь даже не шевельнулся, а утром, как проснулся, так слышит — опять говорит ему сверху череп:

— Коли вздумаешь куда-нибудь ехать и захочешь сменить своего коня усталого, то за этой вот дверью найдешь другого. Поедешь на нем, ничего в целом свете не бойся, одного берегись только в дороге — Чернобурой лисицы на Черной горе.

Юноша призадумался и говорит себе:

— Если случилась беда какая с моим старшим братом, всему зиной Черная лисица с Черной горы. Будь, что будет! Судьбы своей не миновать!

Вывел он тут из конюшни коня, оседлал его и выехал из пещеры.

Кто знает, сколько времени он был в дороге, но въехал он в княжеское село к родственникам своего брата. Как завидели его люди в селе, радостно сообщали друг другу:

— Вернулся наш зять после далекого похода.

Князь и его челядь подумали, что вернулся муж младшей княжеской дочери. С утра до позднего вечера веселились и ра-

довались. А как настал вечер, младшая дочь князя застелила постель в своей комнате. Гость разделся и лег. Княжеская дочь сняла тоже свое облачение и легла с ним рядом. Взял тогда средний брат, вынул из ножен свой меч и положил его между собой и дочерью князя.

Кто знает, спала ли княжеская дочь, но скоро она встала, села у изголовья спящего юноши и начала плакать горячими слезами. Так проплакала она до зари.

Утром рано юноша вскочил, собрался в дорогу и говорит невестке:

— Покажи мне, где Черная гора находится?

— Пусть тебе не будет радости от Черной горы, коли уже второй раз меня спрашиваешь про эту заклятую гору! Вон она, эта Черная гора!

Юноша покинул дом своих хозяев и направился в горы. Вдруг прямо из-под ног его выскочила Черная лисица. Бросился он за ней. Не жалел он пуль, стрелял вдогонку. Но ни одного волоса не сбил с Черной лисы. Бежала она к своему жилью, а всадник мчался ей вослед. Как только достигла она своей норы, взмахнула пушистым хвостом, провела им по лошади, и окаменели на этом самом месте всадник и его конь.

Зарыдал младший брат его в родном краю:

— Мой средний брат на той же дороге, что и старший, нашел свою погибель: обломалось золотое деревцо его под самый корень. Судьба мне умереть или остаться жить — не знаю, но должен я найти их, не честь мне сидеть здесь спокойно, есть хлеб, когда погибли оба моих брата. Кто ведает, что со мной станется, но, может быть, найду своих братьев!

Пустился он в путь. Долго бы пришлось ему ехать, но, зэди и дуаги¹ направили юношу прямо к пещере Халыи Барата. Остановился он там ночевать, и опять тут череп указал ему все: и нищу, и напитки, и постель. Лег он, но не смог заснуть, думал свою тревожную думу: «Верно, мои братья отсюда выехали живыми, благополучно, а беда приключилась с ними в другой стороне».

Когда утром он встал, то сказал ему череп снова перед дорогой:

— Не таким ты, я вижу, уродился, чтоб погибнуть от злой доли! Но послушай все же меня. Страннику не всегда выпадает гладкая дорога, бывает, легко все дается в руки, но может вдруг и неудача постигнуть. Возможно, захочешь ты на даль-

¹ Зэди и дуаги — подобные ангелам небесным в осетинской мифологии.

ние края взглянуть, отвори тогда третью дверь. Там стоит третий конь, он от той же кобылы родился, что и те два коня, на которых ты ездил в дальние страны. На этом коне путь твой будет всегда удачлив и легок. Не будет врага, который осилит тебя! Но в одном тебе зарок мой: береги себя, остерегайся лисы Чернобурой с Черной горы, больше на свете тебе нечего бояться, когда будешь верхом на этом коне.

Понял тогда княжеский младший сын, что череп считает его за одного из старших двух братьев, что погубила их с Черной горы Черная лиса. И спросил он тогда у черепа:

— Я очень тебя благодарю за доброе пожелание, за умное слово, добра твоего не забуду и в долгу перед тобой, если жив буду, не останусь, клянусь своим отцом и матерью. Но я хочу знать: нет разве погибели этой Черной лисице с Черной горы? Кто знает, быть может, я попаду в те края.

— Пусть хранит тебя бог и не допустит, чтобы ты поехал туда, откуда еще никто не вернулся обратно, по доброй ли воле он туда поехал или случайно попал — все равно, все нашли там смерть, — сказал череп.

— Но почему нет смерти для нее самой, ведь кто рождается, тот и умереть должен?

— Конечно, и ее смерть постигнет. Потому и живет она под Черной горой в скале. Ничего ей не страшно, когда она там, никто ничего не в силах ей сделать. Прячется она в лощине и насылает оттуда на людей беду. Когда же она выходит наружу из норы, то теряет свою силу.

Поблагодарил княжеский сын череп и пустился в свой опасный путь. Доехал он до княжеского села, где жили родственники старшего брата, остановился там на ночь.

Кругом опять была радость, ликование. Не знали, как еще лучше попотчевать зятя. А жена старшего брата была особенно счастлива, что вернулся муж из дальней дороги. Ночью только опустили головы на подушки, юноша обнажил шашку, положил ее лезвием кверху между собой и женой брата. Встала женщина чуть погодя, села у изголовья юноши с золотым чубом и до рассвета не переставала плакать. Слезы ее градом катились.

Утром встали они, позавтракали, и деверь обратился к невестке:

— Скажи, где эта гора Черная?

— Не взвидеть тебе радости от Черной горы, что ты в третий раз меня спрашиваешь про эту злосчастную гору? Вон смотри: та гора у нас называется этим именем.

Сел тут княжеский сын на коня, направился прямо к Черной горе, а сам думает: «Верхом на коне мне ничего не удаст-

ся сделать». Пустил он коня в поле, а сам лег на землю животом вниз и начал ползти. Ползет, все ползет, ищет нору Черной лисицы. Одежда вся его изорвалась, колени в кровь избил, а на животе кожа так пообтерлась, что кишки оголились.

«А вот, наконец, и лисья нора! Нашлась все-таки!» — сказал сам себе златокудрый юноша и сразу взялся за дело. Надо было закрыть вход, завалить его камнями. Забыл он о своих мучениях и боли братьев, о тоске родителей. Откуда только мог, стал он носить камни, вплотную класть их друг на друга у входа в нору лисицы. Щели между камнями он затыкал своей верхней одеждой. Потом сказал себе:

— Одно дело уже сделано! Теперь вернусь, найду коня и поеду искать след этой Черной лисицы.

От усталости с трудом дошел он до своего коня. Одел на себя новую одежду. Туго забинтовал свои раны и сел на коня. Начал он искать Черную лисицу. Долго он блуждал. Вдруг видит: из-под самых ног лошади выскочила Черная лиса и пустилась бежать, подняв свой пушистый хвост. Погнался он своего коня, стрелой понесся вдогонку, но пули опять волоска одного с нее не сбили.

Тогда вложил он ружье в чехол, выхватил шашку, настиг лисицу наконец. Приготовился изрубить ее.

В тот самый миг сбросила Черная лисица пушистую шкуру, стоит перед ним невеста, девица-краса. Потом бросилась бежать, не оглядываясь, взмолилась только:

— Заклинаю тебя именем отца и матери, памятью мертвых братьев твоих, не убивай меня, не лишай жизни! Тебе судьба меня предназначила!

— Скорей, где мои братья? Верни мне их! Не то вмиг не станет тебя! Изрублю!

— Не иди ты дальше тропой гнева! Твоих братьев я сделаю в семь раз краше того, чем они были, — молила девушка.

Сдержался тут юноша, смирил свою ярость. Сошел с коня и вместе с девушкой зашел в жилище Черной лисицы.

Здесь достала она из-за пояса войлочную плеть, ударила ею окаменевшего вместе с копом всадника, и ожил сразу юноша с золотым чубом на своем скакуне. Стал он краше в семь раз прежнего. Ударила она и другой камень, ожил второй брат и тронул коня. Потянулись они, будто спросонья, сказав:

— Ой, ой, как долго мы спали!

Обрадовались братья друг другу, возликовали, как же могло быть иначе? Потом, когда пришли в родной дом, то дорогою заехали к родственникам старшего брата. Князь в их честь устроил пир, чествовал их по-княжески.

Когда настал вечер, старший из братьев направился в комнату жены, но она бровью не повела даже в его сторону.

Что с тобою приключилось, что ты даже говорить со мной не хочешь?!

Что со мной делается, ты спрашиваешь? Как уехал ты на скотч, так был у нас два раза. И первый раз после того, как поехал ты к Черной горе. Я тебе, как мужу своему, обрадовалась, не знала, что делать от счастья! Постелила постель в этой комнате, а ты снял с вешалки шашку, положил вверх лезвием между нами обоими. И во второй раз тоже за жену свою меня не признал. Я тогда слез не могла осушить, чуть смерть моя не наступила!

— Этим не попрекай меня: то были два моих младших брата. Мы трое так похожи один на другого, что даже родители не различают нас.

Развеселилась тогда его жена, стали они радоваться друг на друга глядучи.

А утром старший брат зашел к князю и говорит ему:

— Долгой тебе жизни, князь! Доволен я всем, а также нашим с тобой родством. Хорошо было бы жить нам поблизости, но мы, братья, покинули стариков, мать и отца, долг наш вернуть к ним, чтобы было кому в час смерти закрыть им глаза. Потому прошу тебя — отпусти нас с женой, твоей дочерью, в родные наши края, и даст бог, мы дороги друг к другу не забудем и часто будем видеться!

И поехали три брата с женами в землю отцов своих.

Дорогою заехали в пещеру Халын Барага. Череп на потолке не находил себе места больше от радости, как завидел трех златокудрых братьев с их нареченными.

Тогда сказал младший жене своей, красавице с Черной горы:

— В пещере здесь на потолке есть череп, это он спас нас троих от гибели, сделай добро ему, если есть на это у тебя сила!

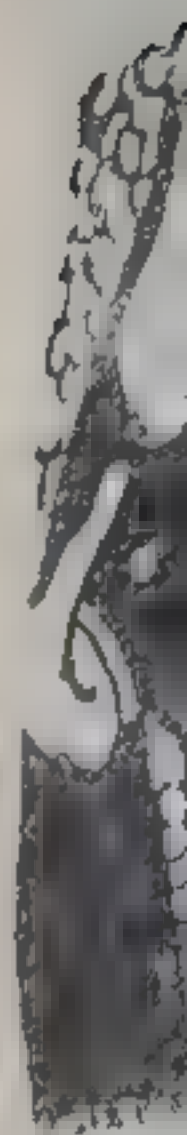
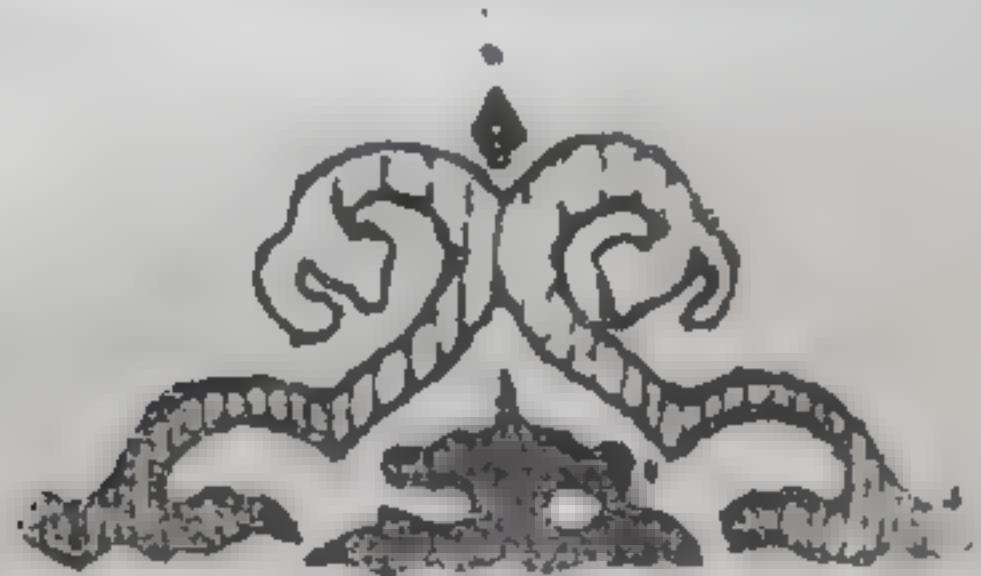
Молодая невестка, краса Черной горы, ударила по черепу войлочной плетью, и явился вдруг перед ними старик с золотой бородой до пояса. Ударила она по другим черепам, и оживилась семья старика. Заполнилась вдруг вся пещера златокудрыми девушками, невестками с золотыми косами. Места в пещере больше не было.

Тут выбрали и среднему брату невесту с косами, подобными золоту. Поехали все вместе в свои края.

Доехали они до села и направились к дому родительскому. Смотрят — отец и мать сняли оставшееся золотое деревцо, сами плачут, причитают.

Подошла к ним младшая невестка, опрыскала их заговоренной водой, помолодели сразу князь с княгиней.

И живут они, наверно, до сих пор счастливо, хлеб-соль кушают. И вам жить и быть здоровыми, доколе с ними повстречаетесь!

и от
но л
шие
тали
заста

рей.
сседа

Е

бират

В

лись

жилья

жена

ны, чт

М

—

—

исрям,

ки засм

Ве

рогов

братья

Тыхавз

раздела

со свар

Ты

5. СКАЗКА О ТЫХАВЗАРЕ

Жили-были восемь братьев. Рано лишились они матери и отца и росли сиротами. Возмужали они в одно время. Сильно любили братья друг друга и не хотели расставаться. Старшие никак не решались жениться: боялись, чтобы им не достались такие жены, которые могли бы внести раздор в дом и заставить братьев делить имущество.

Как-то раз младший брат Тыхавзар^{*} сказал:

— Живет за семью хребтами Уаиг, а у него — восемь дочерей. Сестры так дружны, что и корки хлеба друг без друга не съедят.

Братья решили, что такие девушки им подходят, и стали собираться в путь.

В один погожий день поднялись восемь братьев и отправились свататься. Много ли, мало ли шли они, но добрались до жилища Уаига. Его не оказалось дома, а гостей вышли встречать жена Уаига и его восемь дочерей. Девушки были так прекрасны, что озарялось все вокруг их ярким светом.

Младший брат был самый решительный и спросил:

— Где Уаиг?

— На охоте, — ответила жена Уаига, а сама улыбнулась дочерям, смотрите мол, ужин к вашему отцу сам пришел. Девушки засмеялись и убежали в дом.

Вечером пришел Уаиг и принес оленя, у которого вместо рогов на голове торчало оловянное деревцо. Поздоровался он с братьями и спросил их, зачем они пожаловали, что им нужно? Тыхавзар ответил, что они пришли сватать его дочерей. Уаиг разделал тушу оленя, бросил в котел и поставил на огонь. Мясо сварилось. Сели за стол, Уаиг спрашивает братьев:

^{*} Тыхавзар — букв., силу выявляющий.

— Будете есть кусками или целиком?

Юноши ответили:

— Кусками.

Уаиг начал есть, глотает мясо целиком, а кости кидает братьям прямо в грудь.

Как подошло время укладываться на ночь, Уаиг опять спрашивает братьев:

— Где будете спать, на кроватях или в лошадином стойле?

Они ответили:

— В стойле.

Постелили им вместе, укрыли их одеялом из лунного света, а девушек, дочерей Уаига, одеялом из солнечных лучей накрыли. Братья побаивались, как бы их Уаиг не съел, но постепенно все уснули, кроме младшего Тыхавзара. В полночь он переменял одеяла: лунным девушек покрыл, а солнечным — братьев.

Утром, как только пропели петухи, Уаиг собрался на охоту. Тем, кто лежал под лунным одеялом, он поотрывал головы, черверых положил в карманы, а остальных оставил пока на месте. Затем позвал он младшую дочь:

— Зарина, возьми тех четырех цыплят, что лежат под лунными одеялами, привези мне к завтраку на осле туда, где я работаю.

Младший брат в это время подглядывал из-под одеяла за Уаигом, а остальные братья спали, ни о чем не ведая.

Тыхавзар голосом младшей дочери ответил: «Хорошо, отец, привезу». И Уаиг ушел. Когда юноша убедился, что Уаиг уже далеко, растолкал он братьев, поднял их и переправил через золотую мост, а сам вернулся обратно и убил жену Уаига. К завтраку везет он на осле убитых дочерей Уаига, а сам кричит Уаигу:

— Отец, вот тебе завтрак!

Уаиг думал, что это его дочь и откликнулся:

— Оставь его там, а сама возвращайся домой!

Тыхавзар поспешил к дому Уаига. Собрал там все, что было дорогое, и отправился восвояси. Тем временем Уаиг захотел есть, да и час завтрака наступил. Заглянул в переметную суму и увидел трупы своих дочерей — по волосам их узнал. Схватил Уаиг за голову и побежал домой, а там застал жену мертвой. Еще пуще прежнего стал убиваться. Догадался, конечно, он, откуда пришла к нему беда, но делать было нечего. Мечется Уаиг в гневе, жизнь ему не мила. Из драгоценных вещей у него остались только золотое кресло да кровать золотая.

Сидит однажды Уаиг в своем кресле, задумался, а тут подкрался Тыхавзар, на погибель Уаига. Залез он под кресло, вы-

нул шило и стал снизу колоть Уаига. Уаиг подумал, что его блохи кусают, и поднялся со своего места.

— Чтобы сгинули эти блохи, чего они ко мне привязались! — сказал Уаиг и перешел на кровать. Тыхавзар взвалил на себя золотое кресло и убежал.

Уаиг узнал юношу и стал преследовать, но добежал только до волосяного моста. Тыхавзар перешел мост, а Уаиг побоялся и кричит:

— Только попробуй, наведайся ко мне еще разок!

Тыхавзар с другого берега отвечает:

— Клянусь памятью матери и отца, я еще к тебе пожалую!

Разгневанный Уаиг вернулся домой, а Тыхавзар принес золотое кресло к себе, и по всей земле пошла молва о его доблести.

Послушал царь о Тыхавзаре и призвал его к себе. Много золота уплатил он младшему брату за кресло Уаига и спрашивает:

— Что еще замечательного есть у Уаига?

— Стоит там золотая кровать.

Царь сказал:

Добудь мне эту кровать и подарю тебе за нее полцарства.

— Не нужны мне твои полцарства, вели только своим кузнецам выковать мне такое шило, которым можно было бы проколоть железо, и царствуй ты на здоровье.

Чего по приказу царя не сделают? За один день кузнецы выковали такое шило, какое просил Тыхавзар.

Взял младший брат шило и опять пробрался в дом Уаига, легнул в щелку. Лежит сердитый Уаиг на золотой кровати и вздыхает. Тыхавзар незаметно залез под кровать и опять начал колоть шилом своего врага. Уаиг заметался, а когда ему стало невмоготу, поднялся и начал ругаться:

— Ах, чтобы сдохли эти блохи, и здесь покоя не дают!

Пошел в комнату и лег в ясли. Тыхавзар только этого и ждал. Взвалил на себя кровать и был таков. Опомнился Уаиг, вскочил и увидел, что нет его кровати, но юноша уже успел перейти волосяной мост.

Видит Уаиг — дело плохо, не перейти ему через волосяной мост, и кричит:

— А ну-ка, наведайся еще как-нибудь!

— Клянусь памятью матери и отца, я тебя долго ждать не заставлю, — ответил Тыхавзар и отнес царю золотую кровать.

Царь остался доволен, наградил Тыхавзара и сказал:

Одам тебе в жены одну из моих дочерей, если приведешь мне живого Уаига.

— Хорошо, — молвил Тыхавзар, — прикажи дать мне пуд гвоздей, молоток и топор!

Разве царю трудно такую просьбу исполнить? В тот же день приготовили все. Тыхавзар прихватил молоток, гвозди, топор и отправился в лес, который находился во владениях Уаига. Неподалеку от его жилья начал валить деревья. Услышал Уаиг стук топора и думает: «Кто посмел хозяйничать в моем лесу?»

Вышел на крыльцо и закричал:

— Какая это собака, какой осел осмелился рубить мой лес, когда даже птица безнаказанно не пролетает над моими владениями!

А Тыхавзар машет топором и горько рыдает. Услыхал Уаиг плач, приблизился к Тыхавзару и спросил его:

— Кто ты такой и почему плачешь?

Младший брат на этот раз нарядился стариком, и Уаиг не узнал его. Говорит Тыхавзар сквозь слезы:

— Как мне не плакать, Уаиг? Было у меня восемь дочерей и всех я убил нечаянно собственными руками, теперь остался один и делаю себе гроб из дуба, может кто-нибудь похоронит меня после смерти.

Пожалел Уаиг старика и сам начал слезы лить:

— И я ведь тоже перебил своих дочерей, может, и мне ты сделаешь гроб, добрый человек, чтобы было в чем похоронить меня?

А Тыхавзар хитрит, сразу не соглашается. Уаиг стал его упрашивать, чтобы сначала тот ему сделал гроб. И уговорил. Смастерил Тыхавзар большой гроб, заставил влезть в него Уаига и говорит:

— Выпрямись во весь рост, испробуем, насколько прочен гроб.

Влез Уаиг в гроб, потянулся в нем, а у гроба одна стенка сломалась. Тыхавзар заделал ее. Как не ворочался Уаиг, новой стенки сломать не смог. Тут Тыхавзар заколотил верхнюю крышку, остался Уаиг в гробу, а парень взвалил гроб на плечи и пошел. Когда переходили через волосяной мост, догадался Уаиг, кто его несет, но сделать уже ничего не мог и спросил:

— Ты Тыхавзар?

— Клянусь матерью и отцом, это я! — ответил парень.

Принес гроб к царскому двору. Стар и млад собрались потянуть на Уаига. Царь от радости ни сидеть, ни стоять на одном месте не может, кричит на своих слуг:

— Скорей откройте крышку гроба, посмотрим, что там за Уаиг!

Как только Тыхавзар услышал приказ царя, убежал и спрятал в яму своих братьев, а сам влез на верхушку башни. Слуги царя открыли гроб, и Уаиг выскочил оттуда. Он был страшно зол и стал истреблять царских людей, не оставил в живых ни одного, и царя с домочадцами лишил жизни.

Кинулся Уаиг искать Тыхавзара. Метался во все стороны, и, наконец, увидел его на башне.

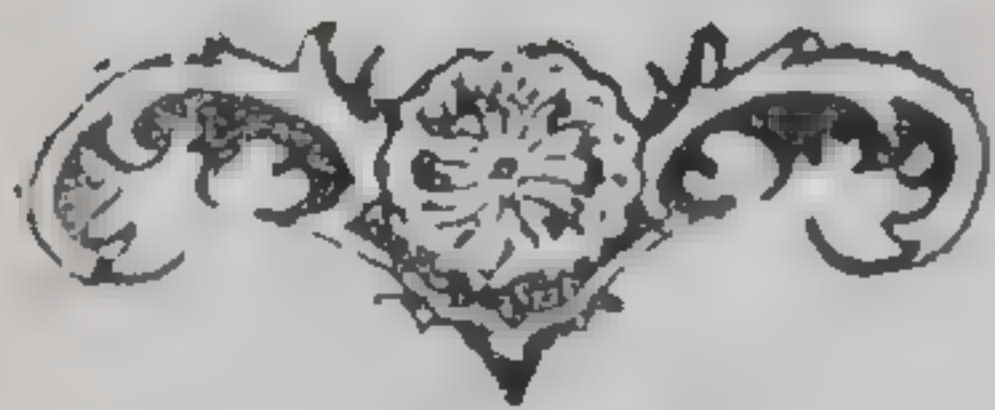
— Добрый день! — сказал Уаиг ему.

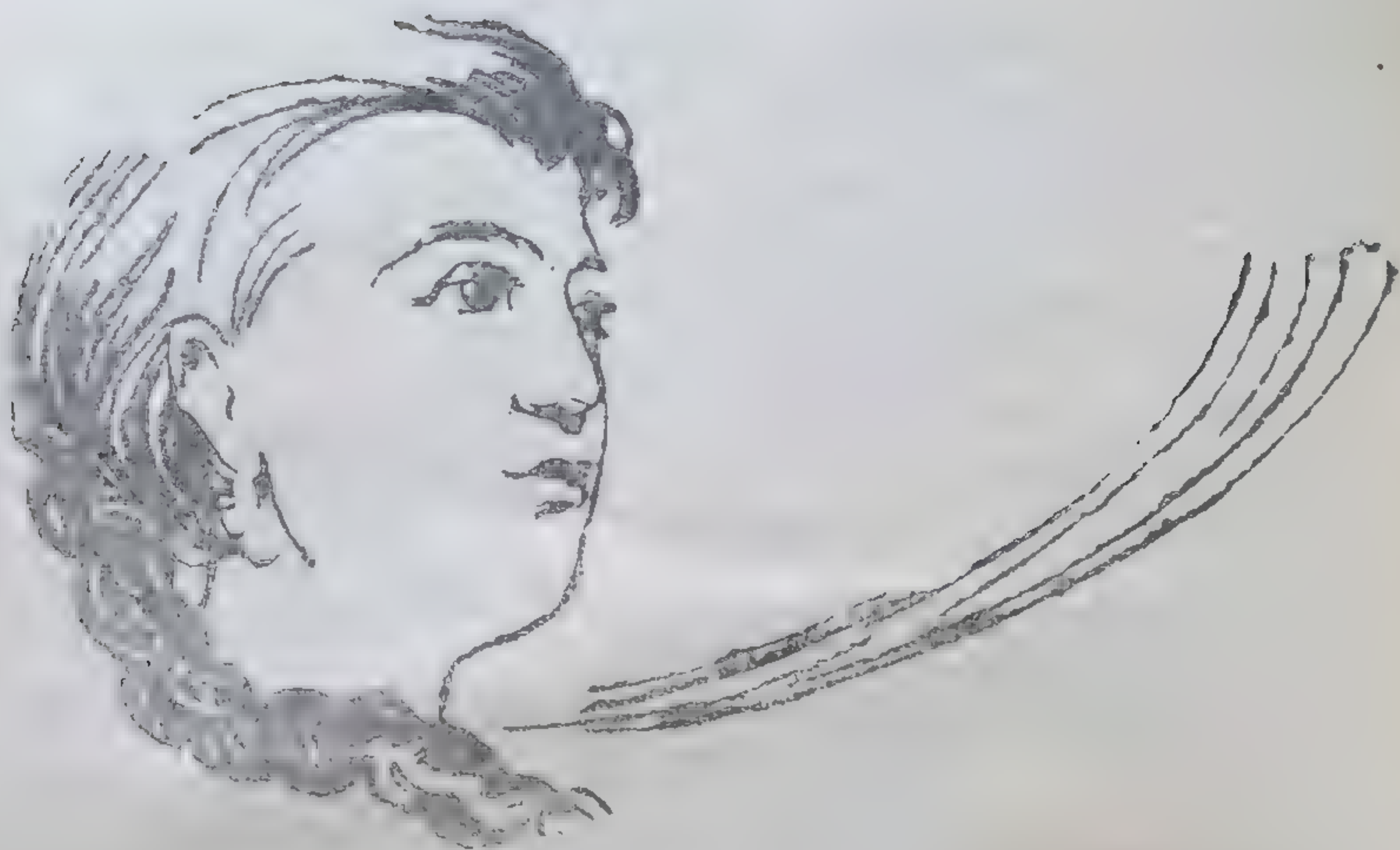
— И тебе того же желаю! — откликнулся Тыхавзар.

— Как ты забрался на эту башню? Научи и меня, — просит Уаиг.

— Это очень легко сделать: принеси под башню соломы и валежника побольше, сложи их и подожги, как разгорится огонь, бросайся в него, огонь и подбросит тебя вместе с дымом до самой верхушки башни.

Уаиг нанес целую гору соломы и валежника, сложил их под башней. Как только костер разгорелся, бросился в него и сгорел. Тыхавзар от смеха чуть не помер на башне. Слез оттуда, позвал своих братьев, и стали они жить в царских хоромах, все добро царское им досталось. Женились братья и по сей день живут счастливо.

6. СКАЗКА О НЕРОЖДЕННОЙ

Жили-были малик с женой, и родился у них сын. Вскоре муж с женою умерли, и мальчик остался сиротой. Рос он себе понемногу. Недалеко от дома был у них свой родник. Сюда за водой ходили и жители аула. Однажды пришла к ручью с десятью кувшинами своими и дочь колдуньи, на каждый палец кувшин повесила. В это время сын малика упражнялся в стрельбе из лука, который достался ему в наследство от отца. Десять раз натянул он тетиву и разбил все кувшины у девушки. Она с плачем вернулась домой.

— Что с тобою, почему ты плачешь? — спросила ее мать.

— Как же мне не плакать, сын малика разбил все мои кувшины, — ответила девушка.

И тогда сказала ей колдунья.

— Да буду я жертвой за тебя, не плач, вот стоят другие десять кувшинов, возьми их и иди за водой! Если и эти он разобьет, скажешь ему тогда: «Коли уж ты такой смелый, так добьют бы себе в жены девушку, нерожденную матерью». Скажи и возвращайся домой.

Так и сделала девушка, как научила ее мать. Юноша ничего в ответ не сказал ей, но призадумался над ее словами: «Где ж сыскать мне такую девушку?» Потом решил: «Или найду жену себе, или погибну!» Приготовился он в дорогу. Сел на коня, захватил лук и стрелы и поехал искать девушку, которую

мать не рождала. Долго ли ехал он, мало ли, но встретил дорогою седобородого старца. Тот спросил его:

— Куда и зачем ты едешь, юноша?

Рассказал ему тогда сын малика, куда путь держит. Старик ответил ему:

— Много на свете прожил я, но не видел, не слышал никогда о такой девушке, зря ты ищешь ее!

Поехал юноша дальше, встретила тут ему колдунья. Спросила она его:

— Куда ты в такую пору собрался?

Рассказал и ей юноша, что ищет девушку, нерожденную матерью. Ответила ему колдунья:

— Дожила я до старости, но о такой не слышала и видеть никогда ее не видела. Пойдем ко мне, будешь гостем, а поутру отправишься дальше!

Ничего не оставалось делать юноше, как пойти на ночлег к колдунье: ночь на дворе была темная, ехать дальше опасно было. А у нее дочка была на выданье... Приглянулся юноша хозяйке дома, решила она выдать за него дочку, стала она в уме прикидывать, как лучше завлечь, опутать юношу. Приготовила гостю богатый ужин, радушной хозяйкой себя показала. Уложила спать его в отдельной комнате, а сама говорит дочке:

— Разденься, ляг рядом с ним, может, не сдержится он, впадет в грех, а тогда уж волей-неволей женится на тебе!

Послушалась девушка наказа матери, вошла в комнату гостя. Но у юноши книжал наготове был, не подпустил к себе он близко дочь колдуньи. Когда склонялась она к юноше, высккивал книжал из ножен, и девушка убегала в страхе. Так утро и настало.

Рассвело, и юноша тотчас отправился в путь, а колдунья сказала ему на прощанье:

— Долго ли ты будешь ехать, иль нет, но, наконец, доедешь до подошвы горы, в ущелье которой живет старая колдунья: никто мимо нее ходить не осмеливается, она тебя в один присест проглотить может. Как приедешь к ней, сумей добиться от нее обещания, что она не тронет тебя.

Поехал юноша, добрался до жилища колдуньи и видит: сидит у скалы старуха, один клык у нее в небо уходит, другой в земную глубь вонзается. Приблизился юноша к ней и сказал:

— Ох, нана¹, как сильно устал я!

Поправилось колдунье его ласковое слово, и она ответила:

¹ Нана — ласковое обращение к матери у осетин, как «мама».

— Не обратился б ты ко мне, как к матери, хватило б мне тебя только на один зубок!

Пригласила старуха гостя ночевать, сама обо всем расспросила подробно. Рассказал он ей о своих делах и тяжело вздохнул:

Иль найти ее должен, иль погибнуть.

Женщина сказала ему:

— Не сыскать тебе одному такой девушки! У меня есть три брата, живут они за морем. Никто не смеет туда приблизиться, птицы боятся мимо пролететь, не пройдешь и ты туда! Но я дам тебе мое кольцо, одень его на руку, с ним и поезжай в дорогу. Как увидят тебя мои братья, разорвать на куски захотят. Ты тотчас подними руку, чтоб увидели они кольцо мое, иначе убьют тебя.

С этими словами колдунья дала кольцо сыну малика, надел он его на палец и отправился в дальнейший путь. Долго ли, мало ли он ехал, но подъехал к братьям колдуньи. Забыл о наставлениях старушки и не поднял вверх руки с кольцом. Как увидели его братья колдуньи, схватили, растянули руки в разные стороны, убить хотели его. Вскричал тогда один из них, который держал его за руку:

— Пойдите, на руке у него кольцо сестры нашей одето, узнаем, зачем пришел он к нам?

Тогда отпустили братья юношу и спрашивают:

— Откуда у тебя кольцо это?

Рассказал им тогда юноша о своих делах, и сказали они ему.

— Никогда еще не привелось нам видеть девы, которую мать не рождала, но о месте, где живет она, слышали и постараемся ради сестры нашей помочь тебе найти такую девушку, если сумеешь только уберечь ее.

Обрадовался юноша, отправился с ними. Знали братья, что живут такие девы на дне Черного моря, в самой середине его, и туда направили они сына малика, а с собою дали ему щенка. Собачка умна была, и братья предупредили юношу:

— Собака эта поведет тебя на дно морское, и увидишь ты там три волшебных дерева. Срежь среднее из них под самый корень да и вези на седле с собою. Не станет собачка тебя ждать, но позови ее, не отпускай от себя, иначе погибнешь!

Когда доехал юноша до деревьев этих, щенок бросился бежать. Сын же малика как увидел деревья, совсем позабыл о собаке.

Срезал он среднее дерево, положил его на седло за собою

и пустился в обратный путь. Немного проехал, поднялась буря на море, и юноша чуть не погиб в волнах. Выбежали к нему братья колдуньи, говорят:

— Ты не послушал нас и, хоть коротка была твоя дорога, утонул бы в волнах, если бы не вынес тебя конь твой. Не дадим тебе этого дерева в дальнюю дорогу, и сам погибнешь, и его не удержишь!

А юноша умоляет их:

— Не отнимайте дерева, не ослушаюсь больше вас!

Пожалели его братья, отдали дерево, но снова предупредили:

— Собачка побежит с тобой рядом, но не крикни на нее ни разу, если убежит она, погибнешь ты тотчас. О врагах лаям будет давать тебе знать, не подпустит к тебе их близко, сразу опасность угадаешь ты! Сядешь за стол, собачку посади с собою, притронется она к пище, тогда ты тоже отведай ее, нет, так не бери в рот ничего!

Обрадовался сын малика, едет по дороге веселый: везет он волшебное дерево и думает, что поможет оно ему и девушку найти. Не знал он еще, что в нем спрятано то, что он искал. Приехал он с собачкой в дом к той колдунье, которая ему кольцо дала. Заночевал он там, потом отправился дальше.

И опять, долго ли, мало ли ехал он, но доехал со своим деревом до другой колдуньи, которая его зятем сделать хотела. Остался у нее на ночь, а коня с деревом на седле во дворе у дома привязал. Думал он, что везет лишь дерево, не знал, что в нем невиданной красоты нерожденная матерью девушка находится.

Приготовили ему хозяева хабизджины¹ вкусные, положили на фынг. Он сделал так, как братья ему наказывали, посадил рядом собачку свою малую. Смотрит на нее, если станет она есть, и он покушает, а если не возьмет она куска в рот, не стведает и он этой пищи. А хозяйка гостя просит:

— Покушай, да буду я жертвой за тебя, не побрезгуй горячим хабизджином!

Тогда сын малика сказал ей:

— Собака и та не хочет отведать твоей пищи, как же мне есть ее?!

Колдунья яду положила в пирог, потому собачка и не ела их, а юноша, — смотря на нее. Тогда вынесла хозяйка новые пироги, положила перед ними. Обнюхала их собачка, откусила кусочек, потом отведал их и маликов сын. Остался он

¹ Хабизджин — осетинский пирог со свежим сыром.

там, переломывал. Поутру отправился дальше. А колдунья поручила дочке выведать, что везет он с собою.

Идет девушка следом за юношей и спрашивает его:

— Что на лошади везешь?

Сын малика отвечает ей:

— Ничего!

А собаченка лает, лает, не переставая. Догадался юноша, что дочь колдуньи зло против него замышляет, не подпустил ее близко к лошади. Долго шла девушка за ним, устал он от ее вопросов и лая собаки. Далеко отошли они, а девушка продолжает опять:

— Покажи, что везешь, не скрывай от меня!

Сказал ей сын малика:

— Ты видишь так же, как и я, что это дерево.

Долго ли говорили они, мало ли, но доконала его девушка, не дала ему ни отдыха, ни сроку. Не стало у него больше терпения, крикнул он на собаку, и бросилась она бежать обратно туда, откуда пришла. А дочь колдуньи снова принялась досаждать ему вопросами; юноша не стерпел больше, отвязал дерево от седла, положил на землю. Взял топор и рассек его по самой середине: выпрыгнула оттуда золотая девушка, нерожденная матерью. Как увидела ее дочь колдуньи, стала дивиться ей.

— Такую красавицу везешь на коне и таишься от всех! Поди, приведи фаэтон и гармонистов, отвези невесту с честью домой, как положено!

Поверил ей юноша, отправился за музыкантами, нанял фаэтон. А пока он шел, дочь колдуньи схватила да и раздела девушку, одела на себя ее одежду. Отрезала золотые косы ей, обвила вокруг своей головы, а девушку взяла да и в воду толкнула. Вода эта струилась от самого маликова родника. Как кинула она девушку в воду, так сразу обратилась та в золотую рыбку и поплыла вверх, в сторону дома малика.

Возвратился юноша, повез к себе жену, невдомек ему было, что это дочь колдуньи. Стали они жить вместе. Однажды золотая девушка, в рыбку обратившаяся, плавала в роднике маликова сына, резвилась там, не давала пить воду стадам его. Когда слуги пригоняли скот к роднику, то выплывала золотая рыбка, чешуйкой на солнце так сверкала, что стада пугались и в страхе убегали, не испив воды. Дразнила, изводила их так рыбка несколько дней. Сын малика сказал тогда слугам:

— Почему не поите стада водою?

Слуги ему ответили:

— Не наша вина это, мы пускаем их к воде, но они не пьют. Тогда сын малика сказал им:

— Узнайте, в чем же причина?

Отправились слуги к самому роднику и увидели золотую рыбку. Рассказали они о ней сыну малика. Проведала об этом и жена, поняла она, что близок для нее час расплаты, догадалась, что в рыбку превратилась златокудрая девушка, но не обмолвилась она об этом малику. Боялась, что прогонит ее.

Когда сын малика узнал о золотой рыбке, нанял он рыболовов, хотели они поймать ее, но она им не далась. Утомились они и оставили ее: пусть себе плавает. Вот однажды отправился к роднику умываться сын малика. Как опустил он руки в воду, так рыбка приплыла к нему тотчас, и юноша поймал ее. Радостный поспешил он с нею домой. Сделал он для нее деревянное ведро, пустил ее туда плавать. Менял ей воду часто. А жена, как узнала об этом, прикинулась больной сразу, да и говорит мужу:

— Пока не отведаю печенки золотой рыбки, не поправиться мне!

Муж ответил ей:

— Не зарежу я золотую рыбку, жалко мне ее! Как резать такую красавицу, рука не поднимается!

Но хитрая женщина уговорила товарищей мужа, стали они его упрекать, и пришлось ему покориться. Вот и решили резать золотую рыбку. В том же ауле жила одна бедная старуха, не во что ей было одеться, нечего было и покушать, и люди давали ей, кто что мог... Ходила она из дома в дом и жила этим.

Поставил на огонь сын малика воду, чтоб сварить рыбку, а сам сидит, слезы роняет, не хочется ему золотую рыбку жизни лишать. Пришла тогда к ним старуха эта, посмотрела на рыбку да и говорит ей:

— Жалко мне тебя, золотая рыбка, сейчас на воле решишься ты, но скоро тебя зарежут, болит у меня сердце за тебя!

А рыбка всплыла наверх, послушала ее, затем сказала старушке:

— Если тебе так жалко меня, то приди сюда в тот час, когда будут резать меня, капельки крови моей упадут на твой передник, отнеси их тотчас домой. Как наступит ночь, приди сюда обратно, чтоб никто не приметил тебя и зарой капли моей крови перед домом сына малика...

Запомнила все это старушка, пришла, когда рыбку должны были резать. Как упали капельки ее крови на передник ста-

рушки, понесла их старушка домой тотчас, закопала их ночью там, где велела ей рыбка, перед самым домом малика. А капельки крови эти были душой рыбки.

Сварили рыбку, и больная жена малика, дочь колдуньи, скушала ее. Как съела она ее, так сразу встала, оказалась здоровой!

Скоро перед домом их две яблони с золотыми яблоками выросли из капелек крови золотой рыбки. Удивляются люди им, не видели, сколько прожили, таких деревьев! А сын малика радуется: «Эти деревья всего в мире дороже!».

Поняла опять жена малика, что неспроста они тут выросли, предвещают несчастье ей. Прикинулась снова она больной. Места себе не находит в тревоге из-за яблонь этих... Сказала она мужу тогда:

— Выкопай деревья эти с корнем, затопи ими печь, должна изойти я потом, не избавиться мне иначе от смерти!

Много ли говорила она, мало ли, но на своем настояла. Не хотел сын малика деревца эти рубить, но делать было ему нечего, жена его, того гляди, умрет. Нанял он рабочих, чтоб выкопали они деревья. Но чем глубже они копали, тем глубже деревья уходили в землю. Долго ли они копали, мало ли, но не могли достать деревьев, тогда один из них в сердцах как схватил топор, так и ударил дерево по самой середине его. Отлетела от дерева золотая щепочка и упала прямо перед домом бедной старушки. В щепочке этой была душа золотой девушки, и как вырвалась душа ее наружу, так и дерево с корнями достали сразу. Затопили печь, проняло потом женщину, выздоровела она опять.

Пришла бедная старушка домой, как увидела золотую щепочку, обрадовалась сильно, сказала себе: «Вот гребешок себе из нее сделаю!» Сама диву дается, откуда щепочка золотая попала к ней?! Уходила старушка поутру и вечером возвращалась домой: то в одном месте посидит она, то в другом задержится. Как только вернется она домой, в доме все прибрано, и еда готовая на столе стоит. Удивлялась старушка: «Одинокая я женщина, горемычная, кто же это заботится обо мне?» Долго не могла она разгадать, кто о ней заботится.

А девушка появлялась из золотой щепочки: покажется, приберет весь дом и спрячется. Рассказала о непонятном чуде старушка пожилым женщинам в ауле, а те и посоветовали ей: «А ты спрячься где-нибудь в доме, вот и узнаешь, кто это!» Так она и сделала. Как завидела старушка девушку, бросилась к ней, не отпустила ее больше, сама радуется да и спрашивает ее:

— Откуда взялась ты? Ведь я бедная, как же ты не погнушалась мной?!

Тогда рассказала девушка о всех своих злоключениях и говорит напоследок:

— Вечером вместе пойдем, посмотрим, чего в твоём доме не хватает.

— Да перейдут ко мне все болезни твои, если увидят нас вместе, отнимут тебя у меня, и тогда я почувствую себя ещё несчастнее!

А девушка говорит ей:

— Не бойся! Никто меня не отнимет!

Ничего не сказала больше старушка, повела девушку в свою хижину. Встала девушка на пороге, произнесла вещее слово, и воздвигся на месте хижины дом в несколько этажей, а на каждом этаже вещей было много, как положено у людей. Старушка глазам своим не верит, решила, что все это ей примерещилось, бьёт себя по голове, причитает. Поднялась к этому времени и девушка, старушка вокруг себя показывает и спрашивает, не привиделось ли ей все это.

А девушка сказала ей:

— Это наше все! И никто у нас ничего не отнимет, пойдем и осмотрим все, что есть в доме у нас.

Отправились они, обошли весь дом. Лестница винтовая была, не знала старушка, как подниматься по ней, но девушка научила ее, а затем сказала:

— Теперь обращаюсь к тебе с просьбой, обещай исполнить ее!

— Что ж будет это? Ради тебя я все готова исполнить!

Сказала тогда ей девушка:

— Пойди в дом малика и пригласи его с женой.

Старушка ответила на это:

— Натравят они на меня собаку, не сочтут меня достойной, не придут ко мне!

— А все-таки попытайся, может, соблаговолят они зайти!

Отправилась старушка и крикнула у маликова дома:

— Сын малика пусть выйдет ко мне!

Передали ему это, а он сказал в ответ:

— Это, верно, хлеба она просит, потому и зовет меня, отнесите ей.

Вынесли ей слуги хлеба, но у нее дома теперь все было, как стала жить у нее златокудрая девушка, — и одежды, и еды вдоволь. А сын малика думал, что она все такая же бедная, как прежде была. Пришла старушка и во второй раз, и теперь он к ней не вышел, натравил на нее собак, едва удалось ей но-

ги унести. Вернулась она и рассказала девушке, нерожденной матерью, обо всем случившемся. а та снова ее послала:

— Пойди и пригласи его в последний раз, а как придут они, стану я маленькой девочкой в отрепьях старых. Буду стоять, плакать. Гость обратится к тебе: «Приведи-ка сюда ребенка!» А ты ответишь: «Стесняется, не идет, раздетая она!» Все ж позови меня, и я подбегу к тебе. Тогда обернусь я вдруг взрослой девушкой, как сейчас, и расскажу хабары¹ свои.

Отправилась вновь к сыну малика старушка. На сей раз он вышел к ней.

— Если не сочтете ниже своего достоинства, то будьте гостями нашими!

Удивился сын малика:

— Клянусь прахом покойников своих, не видал я женщины более странной! Самой есть нечего, а нас приглашает?! Пойдем, кто знает, что на сердце у нее?!

Отправились муж с женой. Как дошли до дома старухи, стали все разглядывать, удивляться, откуда добро это все взялось?! Стали они по лестнице подниматься, но не знали, как это сделать. Показала им старуха, как ходить положено по винтовой лестнице. Говорят тут друг другу муж с женой: «Ведь от бедности она едва не умирала, откуда жизнь к ней такая пришла?»

Сели они за фынг: едят, пьют. Довольны, всего много!

Смотрят, возле дверей девочка стоит маленькая, плачет.

Сын малика попросил старушку:

— Позови малютку, жалко ее!

Позвала ее старушка, сама сказала при этом:

— Неодетая она, вот и стесняюсь ее к столу звать.

Дал он ей тогда кусок хлеба, взяла девочка его и пошла опять к двери. А гости все по сторонам смотрят, удивляются.

И вдруг маленькая девочка стала взрослой девушкой, поздоровалась и села за стол. Стали разговаривать они, и девушка предложила:

— Давайте расскажем, кто из нас что в жизни пережил, все равно сидим, ничего не делаем...

Согласились гости. А жена малика сразу смекнула, что настал для нее день расплаты, стала она блее снега, сидит, слова не может промолвить. Ведь она была дочерью колдуньи и тотчас узнала, о чем будет речь идти!

И сказала девушка:

¹ Хабары — новости, известия.

— Разрешите мне теперь поведать вам о жизни своей, расскажу вам свои хабары!

Никто ей не возразил, и стала она рассказывать о себе. Слушают ее внимательно, слова не проронят, только у жены сына малика сердце зашло совсем! Стыдно теперь ей за все стало. Как кончила девушка говорить, так сказал ей гость:

— Ведь это я был!

А девушка прибавила тут:

— А та, которую ты взял за себя, так это я сама.

Встал тут сын малика, вышел из-за стола, привязал жену свою, дочь колдуньи, к хвосту лошади, пустил ее по ветру. И стали они жить: сын малика с девушкой, нерожденной матерью.

Живут и по сей день, и завтра будут жить-поживать...

Жить и вам также в здравии и благополучии до их прихода!

Жили-бы
чик и девоч
и деву жила
мать:

— Зачем

лучше зар

— Как

муж.

— Нет,

донимала

выдержал

Вот од

посеть вод

— При

налбик².

Дети

колдунья,

— Чт

— У

— А

— Не

— А

их колду

¹и² Сы

с мужским

7. СКАЗКА О КАУНЕ

Жили-были муж и жена, и было у них двое детей, мальчик и девочка. Вскоре мать их умерла, и отец привел в дом новую жену. Мачеха не любила сирот и говорит однажды мужу:

— Зачем они нам? Что мы с ними будем делать? Давай, лучше зарежем их!

— Как это зарежем?! Вель это же мои дети! — возмутился муж.

— Нет, надо их зарезать во что бы то ни стало! — и так дожимала злая женщина мужа каждый день. Наконец, он не выдержал и сдался.

Вот однажды отец дал детям деревянные ведра и велел носить воды.

— Принесите воды побольше, ночью зарежем сылбик¹ и налбик².

Дети обрадовались и побежали за водой. Встретила их колдунья, удивилась:

— Что это вы так много воды носите?

— У нас сегодня сылбик и налбик режут.

— А кого именно зарежут? Есть у вас корова и бык?

— Нет, — ответили дети.

— А, может быть, у вас есть овца и баран? — спросила их колдунья.

¹и² Сылбик и налбик — буквально — особь с женским пупком и особь с мужским пупком, т. е. самец и самка.

— Нет, — снова сказали в замешательстве дети.

— Тогда, вероятно, у вас завелись петух и курочка?

— Нет, — растерялись окончательно дети.

— Ну, так значит, зарежут вас самих! Убегайте скорее, только, — заметила колдунья, — не дай брату воды выпить из звериного следа.

Бросили дети свои деревянные ведра и побежали. Бежали, бежали и добежали до леса. Захотелось мальчику пить. Увидел он след медведя, заполненный водой.

— Можно мне, Кауна, выпить этой водицы?

— Не пей, братец, медведем станешь.

В другом месте приметил он воду в волчьем следу.

— Испить мне этой водицы, Кауна?

— Нет, нет, не пей, в волка обратишься!

Шли они, шли, а мальчика сильно мучает жажда. Напился он из следа, оставленного копытом оленя, и превратился в олененка.

— Что мне теперь делать? — заплакала горько Кауна. Сняла она свой пояс, повязала его на шею олененку и повела его за собой, идет, своими золотыми волосами землю замечает.

Шли они долго, пока не стемнело. Тогда остановились они, чтобы устроиться на ночлег. Привязала Кауна брата под деревом, а сама взобралась наверх, сидит на ветке, горько плачет, золотыми бусинками слезы по груди ее катятся. Наступило утро, а Кауна по-прежнему все плакала. Ветер колыхал золотистую косу девушки, а лицо ее среди ветвей, подобно солнцу на небе, сияло.

Княжеские пастухи выгоняли в это время пасти свое стадо и неожиданно набрели на девушку. Когда увидели они ее, решили, что перед ними ангел с неба, и говорят:

— Прости нас, пожалуйста, но скажи, кто ты — ангел ли, божество ли какое, земное, подземное или небесное создание?

— Нет, не ангел я и не божество, не подземное и не небесное создание, я земной человек. Вздумала наша мачеха зарезать нас с братом, и мы убежали из дому. А вот и мой брат стоит; выпил он воды из оленьего копытца и превратился в олененка.

— Идем вместе с нами к алдару и, что он посоветует, то и будет, — сказали пастухи и повели Кауну к алдару.

Алдар не был еще женат. Как завидел он девушку, понравилась она ему, и попросил он ее стать его женой. Олененка привязали шелковым поясом в отдельной комнате.

И зажили они счастливо.

Но вот пришло время охоты. Надлежало алдару отлучиться из дому и по другим делам. Сказал он жене на прощание:

— Вот тебе дом, а вот тебе слуги, приглядывай за всем! — и уехал.

А злая колдунья тем временем стала завидовать Кауне, прикинулась девушкой, пришла и не дает ей покоя:

— Пойдем, искупаемся...

— Нет, не пойду, муж не велел мне отлучаться из дому, — отнекивалась Кауна.

Но, наконец, утеснила ее колдунья. Отправились они в сад, в конце которого был большой пруд, и стали купаться. Колдунья схватила Кауну и толкнула ее в глубину, да еще свою грязную одежду вслед ей кинула.

Потом одела она на себя платье Кауны и села на ее шелковую постель. Подлетела в это время к окну маленькая птичка и пропела:

— Цагар коппа¹ на чьей постели сидит?

— Цагар коппа на чьей постели спит?

Приказала женщина схватить птичку, но где там! К этому времени возвратился алдар, увидел олененка и спрашивает:

— Отчего олененок такой невеселый?

— Хочет, чтоб его зарезали, — подскочив от злости, ответила колдунья.

— Как, ведь ты его раньше братом своим называла?! — удивился алдар.

— Какой там еще брат, хочет он, чтобы мы поскорее его зарезали, вот и прирежем его.

А птичка в это время опять прилетела и запела у окна:

— Цагар коппа на чьей постели сидит?

— Цагар коппа на чьей постели спит?

— О чем это птичка поет? — спросил удивленный алдар.

— Дайте ей абазы,² тогда она перестанет пищать, — ответила женщина.

Слуги поймали птичку, привязали к ее ножке абазы, а она снова запела:

— Испугался меня алдар, дал абазы; испугался и абазы целый подарил мне алдар...

— Поймайте ее и оторвите ей голову! — закричала женщина. Но где там! Упорхнула птичка и скрылась в небесах...

Послал алдар слуг к пруду напоить олененка водой. При-

¹ Цагар коппа — шелудивая голова.

² Абазы — двадцать копеек серебром.

коснулся олененок губами к воде, и из глаз его закапали в воду слезы золотыми бусинками.

— Ой, Кауна, Кауна, точат ножи острые, хотят меня резать. Помоги мне, сестричка!

— Я не в силах помочь тебе, братец: один бок у меня лягушки выели, другой змеи грызут... Чем же мне помочь?

Услыхали эти слова слуги, удивились и побежали к алдару.

— Алдар, алдар, да будет твоя милость, мы должны рассказать тебе об удивительном чуде.

И рассказали ему слуги о том, что видели.

— Бегите скорее к пруду и осушите его! — приказал князь слугам.

Вычерпали воду из пруда, видят: лежит на дне его Кауна, умирает уже... Подняли ее и принесли в дом. Алдар и спрашивает:

— Кто ты?

Рассказала ему со слезами Кауна обо всем, что с нею случилось. Алдар кликнул колдунью и схватил ее.

— Не убивайте меня, станут они в семь раз краше, чем прежде были.

Ударила она войлочной плетью Кауну, и стала девушка в семь раз прекраснее, чем была прежде. Хлестнула она плетью олененка, и оказался вдруг перед ними брат Кауны.

Привязали слуги колдунью к хвосту лошади и поскакали через поля, по холмам и оврагам... А то, что осталось еще от нее, сожгли на костре и золу по ветру развеяли...

8. ЗЛАТОКУДРЫЙ ЮНОША

Были у одного алдара три дочери, и пришло время им замуж выходить. Вышел на площадь глашатай и закричал:

— Достойных женихов алдар для своих дочек ищет! И собралось много народу.

Первая очередь была за старшей, и она выбрала равного себе мужа, вторая тоже нашла себе по сердцу, а вот, когда пришел черед младшей, то указала она на худого, облезлого коня, который в конце села пасся, и говорит:

— Отдайте меня хозяину этого коня, больше мне никого не надо.

Схватился алдар за голову и запричитал:

— О! Что это с моей дочерью случилось?

Но делать было нечего! Хозяин коня взял девушку и отвел в свой дом. Ночью конь сбросил свою шкуру и превратился в златокудрого юношу. Резвились они с девушкой, веселились, а когда настало утро, юноша снова одел лошадиную шкуру и обратился в коня, и так продолжалось несколько ночей...

Опечалилась девушка, хотелось ей, бедняжке, и днем его видеть! Отправилась она тогда к колдунье, и та ее научила:

— Заготовь раскаленных углей, пышущих жаром, брось в них лошадиную шкуру, вот и останется юноша с тобой.

Разожгла девушка огонь из дубовых дров и бросила в

него лошадиную шкуру. Юноша в это время спал. Как только пламя коснулось шкуры, вздрогнул он, вскочил.

— Да не простит тебе бог, погубила ты и себя, и меня, не видеться нам больше, — сказал он, обернулся птицей, вспорхнул и улетел. Заплакала девушка, долго убивалась... Вдруг видит: над головой ее ворон летит.

— Ворон, ворон, не видал ли ты где-нибудь в небе золотой птички?

— Не видал! Не видал!

Следом ласточка прилетела, девушка к ней:

— Ой, ласточка-щебетунья, не летела ли мимо тебя золотая птичка?

— Нет, нет, не летела!

Смотрит, летит воробей.

— Ой, воробушек серенький, не встречал ли ты золотой птички?

— Видел, видел я золотую птичку, — отвечал воробей, — испеки три медовых пирога и попроси бога превратить тебя в птицу, тогда полетишь со мною.

Испекла девушка три медовых пирога, вознесла богу моление:

— О бог всех богов, обрати меня в воробья!

И стала вдруг девушка малым воробушком. Полетели они вместе. Летели они, летели и, наконец, залетели в одну щель. Тогда воробей сказал:

— Дальше этого места мне лететь нельзя, но ты лети, пока не увидишь в пустынном месте одинокий дом. В этом доме крепко спит твой златокудрый жених. Незаметно через какую-нибудь щель проберись в дом. Увидишь возле кровати, на которой спит юноша, стаканчик рому, брось в него свое золотое колечко. Юноша проснется, выпьет ром, попадет колечко ему на язык, возьмет он его в руки и скажет:

— Солнце мое, солнышко, алдара младшая дочь, ведь это твое колечко, а где же ты сама?

Но сразу ты ему не показывайся, когда три раза он тебя окликнет, вот тогда и явись перед ним.

Вспорхнула птичка, полетела, видит: в пустынном месте одинокий дом стоит. Заглянула в окно, смотрит — на кровати с золотыми шарами спит златокудрый юноша. Влетела птичка в дверную щелку. Возле кровати стоял рома стаканчик, бросила она в него свое золотое колечко, а сама под кровать залетела и притаилась там.

Проснулся юноша, распрямился, потянулся и взялся за стаканчик с ромом. Пьет и вдруг чувствует — на языке его

30.10
твое
нула
ша,
сьес
вдру
нее
есть
хом
це
з.т
но
ла
зуб
щи
на
бил
дух

золотое колечко. Достал он его, сразу узнал и как вскрикнет:
О солнце мое, солнышко, алдара младшая дочь, ведь это
твое колечко, где же ты сама, покажись!

Но девушка не вышла...

Кликнул он ее снова.

Но она и на этот раз не показалась.

Тогда позвал он ее в третий раз. Тут птичка девушкой обер-
нулась и предстала перед юношей. Очень ей обрадовался юно-
ша, а потом горько заплакал:

— О, погубила ты и меня, и себя: у меня мать такая, что
съест тебя, если не спрячешься!

Девушка спряталась. Только она успела притаиться, как
вдруг дверь широко распахнулась и вошла мать: один клык у
нее в небо упирается, а другой в землю вонзается...

— Уф, уф! Аллон-биллоном¹ пахнет! Кто-то у тебя здесь
есть, а ну-ка, показывай!

— Никого здесь нет, — сказал юноша.

— Уф, уф! Пахнет аллон-биллоном! Пахнет человеческим ду-
хом! Сейчас же покажи, где здесь земное существо прячется!

— Поклянись тогда своей безымянной сестрой, что паль-
цем не тронешь того, кого я тебе покажу!

— Клянусь тебе моей сестрой без имени!

Вышла тут девушка. Увидела ее ведьма и закричала со
злостью:

— Эй, ты, хаххон дзигло. Не поклялась бы я своей безымян-
ной сестрой, поточила бы я об тебя свои зубы!

Дом ведьмы имел в обхвате шестьдесят сажен, и приказа-
ла она девушке:

— Слезами своими обрызгай и подмети пол!

Пригорюнилась девушка, а юноша ей говорит:

— Полей пол соленой водой да и подмети.

Вернулась к тому времени старуха, всадила клык в пол.

— Не будь это соленые слезы, поточила бы я об тебя свои
зубы...

Приздумался юноша: «Как бы расправиться с этой жен-
щиной, иначе не даст нам житья...»

А та тем временем спать захотела, носом клевать стала.

— Спать пойду, постелите скорей!

Взбила девушка перину и подушки, и старуха повалилась
на кровать, как мертвая.

Аллон-биллон — букв. Человек из племени алан: выражения «аллон-
биллоном пахнет» соответствует в русских сказках выражению «русским
духом пахнет».

Выхватил юноша кинжал, рассек ее надвое. Вдруг стали из всех углов человечьи черепа катиться. Были это головы тех, кого съела эта ведьма клыкастая.

Снял юноша со стены войлочную плетъ, ударил по черепам — ожили люди и сразу стали в семь раз краше прежнего.

Рассказали они юноше, что ведьма вовсе не мать ему, а не съела его одного из целого аула из-за золотых волос. Не могла она съесть златокудрого, лишь со злости в шелудивого коня его превратила.

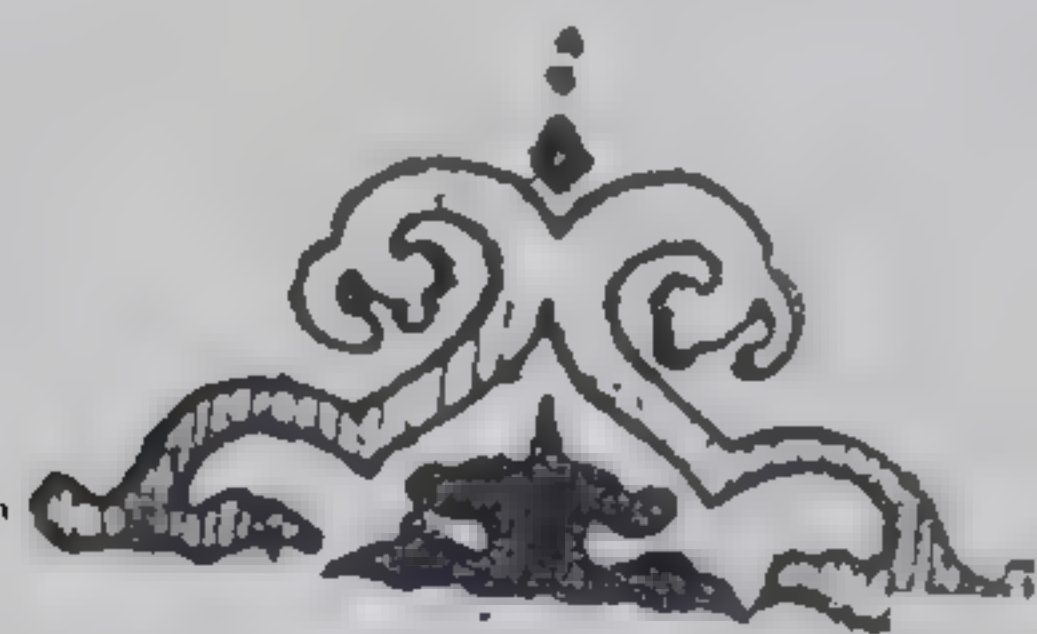
Стали затем они отмыкать замки, открывать запертые двери и чего только там не увидели, каких несметных богатств не нашли.

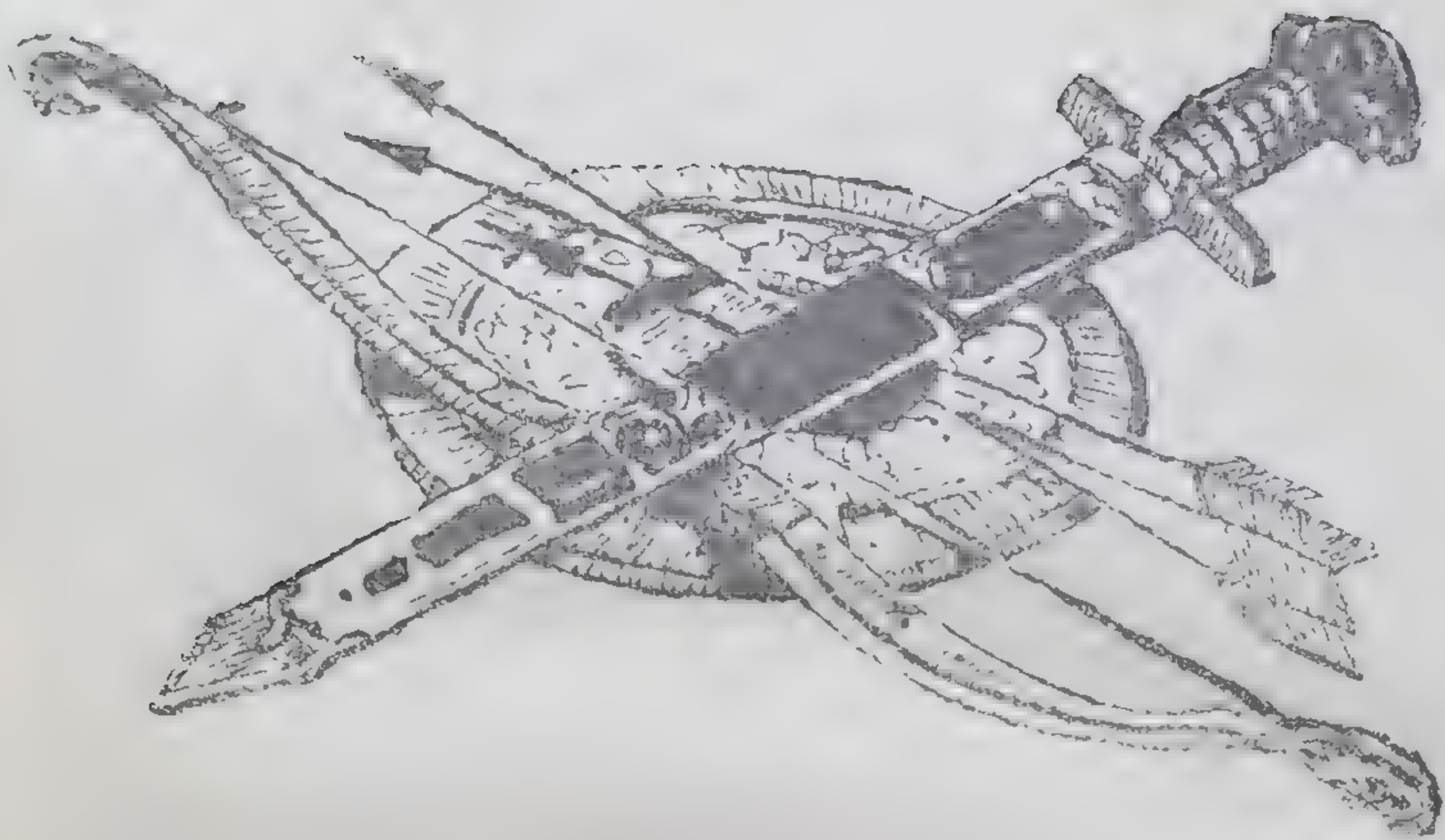
Разошлись люди по своим домам, а юноша с девушкой остались жить вместе.

Вскоре они к ее отцу посхали. И по всему краю молва пошла об их ладном житье.

Вот такая история вышла с худым, облезлым конем.

Никогда по внешности не судите!

9. АЛАРДЫ И ЦАРСКИЙ СЫН

В одном царстве Аларды¹ насылал на народ погибель. Его конь каждую ночь вытапывал нивы и поедал зерно. Царь велел тогда объявить своим людям: кто подстережет врага, поймает его, избавит царство от беды, за того выдаст он свою единственную дочь.

Многие старались подстеречь Аларды, но никому не удавалось даже увидеть его, одолевал их сон, и они засыпали.

У одного юноши-жениха названным братом был калмык, человек уже в возрасте. Рассказал он калмыку все хабары про Аларды. Тогда тот сказал ему:

— Не ускользнул бы от меня ваш Аларды, зацепил бы я его своим арканом, но мне царская дочь теперь ни к чему, для жениха я уже стар! Пусть достанется она тебе, друг мой! Давай сделаем так: я поймаю Аларды, а народу объявим, что это твоих рук дело, тогда и отдадут за тебя царскую дочь!

Вот и вышел калмык со своим названным братом сторожить нивы. Ночью показался, наконец, Аларды на своем коне. Конь не столько поедал зерна, сколько копытами вытапывал.

Забросил тогда калмык свой аркан. Аркан захватил всадника с конем, но конь вырвался и ускакал, а Аларды попался. Повел его юноша к царю. Царь приказал заключить потравщи-

¹ Аларды — святой, насылающий оспу, красноточный.

ка в темницу, за тремя дверьми, а за юношу, приведшего Аларды, выдал свою дочь.

Сидит Аларды в темнице, что было еще делать? А у царя был сын. Играл он в мяч недалеко от того места, где заключен был Аларды. Вдруг мяч мальчика залетел за тюремную ограду. Подбежал мальчик к стражу, стал умолять его:

— Открой мне дверь, я возьму свой мяч!

— Не могу, убежит заключенный, горе тогда моей голове!

— Не бойся, открой, дам тебе золота столько, сколько сам попросишь...

Польстился стражник на золото, открыл дверь. Ищут они оба мячик, но никак не найдут.

— Открой и ту дверь! — просит царский сын.

Нельзя, убежит заключенный!

— Открой, я тебе еще прибавлю золота!

Открыли и вторую дверь, но мяча и там не нашли.

— Отвори и третью дверь, еще прибавлю золота.

— Хорошо, — сказал служитель, — но если станет убегать заключенный, скорей закрывай двери!

Открыл охранник и третью дверь. Выбежал оттуда Аларды и уже у входа из темницы сказал мальчику:

— Если когда-нибудь тебе понадобится, произнеси мое имя, тотчас же явлюсь к тебе.

С тем Аларды улетел в небо. Царского сына и охранника стали судить.

— Хоть и достойны они казни, но смерти я им не желаю. Отведите их в глухой лес, завяжите им руки назад и оставьте там, — сказал царь.

Как было не исполнить царской воли? Отвели их в лес, завязали им руки и глаза и оставили их там.

Но человек находчив. Охранник и царский сын сумели развязать друг у друга руки, а затем сняли повязки с глаз.

Посмотрели по сторонам — кругом глухой лес, даже тропинки никакой нет. Истомились они без еды и питья. Вдруг в одной глубокой выемке увидели они воду. Только одному не достать до источника: другой должен держать его за ноги, чтобы тот дотянулся до воды.

Ухватил царский сын своего товарища за ноги, дал ему напиться. Опустил и тот царского сына вниз головой в выемку, дал ему выпить, а обратно поднять не хочет.

— Дай слово, что не будешь помыкать мною, тогда вытяну тебя, а то вы на нас, служивых людей, смотрите свысока.

Заверил его в дружбе своей царский сын, поклялся охраннику, что не будет помыкать им, не станет обижать его. Вытя-

нул тогда тот царского сына из выемки, и отправились они в путь. Шли, шли и выбрались из лесу. Попали они в чужеземное царство. Ходят они по улицам, предлагают свои услуги, может, возьмет их кто в работники.

Направил их бог прямо к самому царю, стали служить ему: охранника приставили к конюшне, а мальчик прислуживал во дворце.

Стараются оба: охранник — в конюшне, сын царский — во дворце. Царский сын вырос в статного, удалого юношу и всем пришелся по душе, а особенно царской дочери.

Стал ему завидовать товарищ, служивший на конюшне, думает все, как бы осрамить его.

И вот однажды случилась во дворце кража. Поднялись люди, ищут кругом вора, спросили конюха:

— Какого ты мнения, может ли юноша, что прислуживает во дворце, утащить царские вещи? Не похож он на вора, но ты ему товарищ, ты и должен знать его лучше нас.

— А я скажу прямо, — говорит конюх, — вор ваш — товарищ мой! Не судите по внешности: в тихом омуте черти водятся. И не таков он, чтобы на этом остановиться, боюсь, как бы за вас самих не взялся.

Время шло. Конюх и царский сын по-прежнему работали на своих местах. Но скоро опять стало слышно, что пропало что-то из царских одежд. Стали опять узнавать, спрашивать, но не могут вора сыскать. Напоследок решили опять спросить у конюха.

— Не ищите поодаль, вор — в нашем доме; за царской одеждой воры издаиска не придут, кто в первый раз украл ваши вещи, тот украл и ныне.

Впала царская семья в раздумье: а вдруг не он наш вор, лучше подождать еще.

А к тому времени пропали из дворца золотые и серебряные вещи. Тогда конюх сказал:

— Давно говорил я вам, что непростой он вор, что не остановится он на мелком воровстве, но не послушались вы меня.

Повелел тогда царь отправить своего молодого слугу из дворца в дальний выгон пасти паршивого жеребенка. Как сказал царь, так и сделали.

Юноша стал пасти одного паршивого жеребенка.

Мало ли прошло времени, много ли, но однажды царь захотел осмотреть табуны и стада, на свое достояние поглядеть.

А у царя было всего много: не было числа его стадам и табунам. Стал царь со слугами обходить свои владения. Учит он, как надо за каждым животным присматривать. Кому замечание

сделает, а кого и похвалит. Под конец зашел он к конюхам, посмотрел свои табуны и вспомнил о юноше и о паршивом жеребенке.

— Куда делся тот юноша, которому поручили пасти паршивого жеребенка?

— Дымит иногда, костер разводит в поле, но больше ничего нам о нем неизвестно, — отвечали конюхи.

Повелел тогда царь схать туда, где дымит костер одинокого юноши.

Вышел к царю юноша, приветствовал его.

— Покажи своего паршивого жеребенка, хотим посмотреть на него, — сказал ему царь.

А юноша устроил в земле шалаш и жил там с жеребенком, делил с ним свою еду.

Вывел он жеребенка, не узнали его царь и царские конюхи. И не удивительно: стал жеребенок статным конем, как у выдры, лоснился волос... Удивлялись царь и конюхи — какого коня выходил он из паршивого жеребенка.

Поехал царь обратно, а юноша привязал коня и по обычаю пошел царя проводить.

Вернулся обратно, видит: пока он шел за царем, кто-то умертвил коня.

Пораженный, бросился юноша бежать обратно, догнал царя и сказал:

— Застал я своего коня мертвым, кто-то ударил его ножом.

— Не доверяй ему! — сказал царю конюх, бывший охранник. — Сам он умертвил коня. Понял, что приглянулся тебе конь, и не захотел, чтобы тебе достался, вот он и убил его. Будет жить, еще не такие дела натворит!

Тогда царь сослал юношу в дальние края, хуже которых в царстве его не было. Трудно жилось там юноше, в горькой нужде проводил он дни, чего только не испытал душою и телом. Извелась в тоске и царская дочка, что давным-давно не видела его.

К тому времени пришел из другого царства свататься к ней молодой царь.

Сказал он царю:

— Окажи честь, отдай свою дочь за меня, пригону тебе множество скота, воздам тебе царские почести. Коли не отдашь ее добром, пойду на тебя войной, разобью твою войска и тогда всей семьей достанетесь мне вместе с твоим царством.

Не согласился царь выдать свою дочь, не понравились ему угрозы жениха. На его сватовство царь ответил:

— Нежелательно нам с тобой родство, не согласна наша

дочь выходить за тебя, а войной не пугай: кто знает, на чьей стороне будет бог?

Молодой царь дал им срок и сказал:

— Буду ждать до условного дня! Может, пожалеешь о сказанном, передумаешь, и дочь твоя согласится выйти за меня. Коли нет, то мои войска явятся к тебе.

Царская семья и не стала раздумывать, хотя и была напугана войной. Вверили себя божеской воле и не ответили на вызов жениха. А он, разгневанный, стал готовиться к войне.

Вот однажды дочь царя обратилась к отцу:

— Видно, решил ты воевать, и, если бог не поможет нам, разобьет нас враг, завладеет твоим царством и семью нашу в плен возьмет. Много народу у тебя по тюрьмам сидит, многих сослал ты в дальние края. Освободи их, может, они помогут тебе.

Послушался царь совета дочери. Послал и заключенным и сосланным денег и еду. Открылись двери тюрем, и люди стали весело возвращаться домой. Получил свободу и царский сын, сосланный по навету своего товарища.

Вернулся он к царю, но дорогой заболел, слег, и разрешили ему спать в яслях конюшни...

Тревожно было на душе у царя. Приближался срок начала войны. Тогда известил царь свой народ: кто оружие в руках держать может, пусть соберутся все, как раздастся клич войны.

Налетели враги черным вороньем на земли царя. И тогда поднялся из ясель юноша, вышел на самый край царства. Взглянул он туда, где просветлел край неба, вознес моление.

— Табу¹ тебе, святой Аларды! Помогни мне, никогда так не нуждался я в твоей помощи, как сейчас!

Явился Аларды к юноше:

— Я готов тебе помочь, юноша, спасший меня!

— С моим царем затеял войну царь соседний, войска его перешли наши границы, и если ты, всемогущий Аларды, не поможешь нам, разобьет он наши войска, завладеет нашим царством, и девушку, которую я люблю больше жизни, сделает своей наложницей. Помогни мне, только от тебя жду помощи, Аларды!

— Поднимемся пока на небо, — ответил ему Аларды, — я сведу тебя к своей матери, но запомни мое слово. Накроет мать моя фынг, будет угощать тебя, но не поднеси куса корту, пока не подам тебе знак.

Запомнил юноша наставление Аларды. Поднялись они на небо, в чертоги матери Аларды.

¹ Табу — хвала, благодарение.

— Нана, вот спаситель мой! Он спас меня от смерти.

Не знает она на радостях, как благодарить гостя, то проглотит его от счастья, то обратно выплюнет!

А уж фынг накрыла мать Аларды всем на удивление. Яства всякие, напитки разные, чего только не было на фынге. Но видит нана: не дотрагивается гость ни к еде, ни к напиткам.

Тогда обратилась к нему нана со словами:

— Отведай хоть немного моей еды, все получишь в дар, что пожелаешь, спаситель моего сына!

Но не трогает гость ничего, ни к чему не прикасается.

— Покушай, услада сердца моего, затем окинь взглядом мой дом, что приглянется тебе, возьми в дар от меня.

Не прикоснулся и теперь юноша к еде.

— Да станет нана жертвой за тебя, отведай чего-нибудь! Отныне будь в моем доме таким же хозяином, как и мой сын Аларды.

Тут Аларды посмотрел на гостя, подал ему знаки, и юноша стал кушать. Крепко попотчевали гостя в доме Аларды. Затем встал юноша, поблагодарил мать Аларды. Тогда повел его Аларды в кладовую и подал ему меч. Попробовал юноша поднять его, но не смог. Зачерпнул тогда Аларды ковшом какой-то напиток из громадной кадушки, подал его гостю. Как отпил гость этого питья, сдвинул меч с места, как выпил половину ковша, так смог поднять его, а как выпил до дна, так стал мечом, как простой саблей, размахивать.

Оттуда Аларды повел гостя в конюшню, там стояли три коня: белый, вороной и гнедой.

— В нужный час позови из них какого-нибудь, тотчас явится к тебе с оружием, и тогда уж дело за тобой: покажи свою удаль и мужество! Если одного убьешь ты, четырех конь затопчет.

Затем, с помощью Аларды, юноша опустился на землю и снова слез в своей конюшне.

Войска царя приготовились тоже к тому времени, вышли в поле, готовые биться с пришлым врагом. Тогда юноша ушел за село и сказал, взглянув на небо:

— Где ты, гнедой конь красноликого Аларды?

Гнедой, обвешанный оружием, явился тотчас. Юноша вооружился и вскочил на коня.

Началась война. Стал юноша бить врагов, куда повернется его конь, там рядом лежат поверженные враги. Сколько сам он их уничтожил, в четыре раза больше его конь потоптал. Не смогли враги устоять против молодого воина, все, кто остался в живых, бросились бежать.

Сошел тогда юноша с гнедого коня, снял оружие, прикрепил к седлу, и понесся конь на небо, а юноша вернулся в конюшню и лег там в яслях.

Возвратилось с поля битвы царское войско, ни одного человека не убыло!

Приподнялся юноша со своего ложа, спрашивает воинов:

— Какие хабары? Расскажите и мне, больному человеку, тоже что-нибудь.

— Дурной, какие тебе-то хабары понадобились? Спи себе в яслях, вот тебе и хабар.

Была объявлена неделя передышки: за неделю враги должны были поднять новых воинов с оружием.

Через неделю вражеские войска вновь подошли к царским пределам со свежими силами. Но вновь до начала побоища появился всадник, на этот раз на вороном коне.

— Теперь-то мы победим! — заорали вражеские войска.

— Бог войны на черном коне будет на нашей стороне! В прошлой битве на их стороне был, потому нас одолели.

Сошлись войска, стали биться, юноша и на этот раз не щадил вражеских воинов. Повернули они вспять, да еще царские войска им всыпали, как следует...

Лег опять юноша в свои ясли. Веселые возвращаются с поля битвы войска царя. Спрашивает их юноша:

— Поведайте мне тоже какие-нибудь хабары, скучно мне здесь одному в конюшне...

— Ах ты, куча навозная, лежал бы себе смирно в яслях. На что тебе хабары-то?!

Шла третья неделя войны. Враг нагнал к пределам царя столько войска, что от крика их сокол с поднебесья, как перелетный стреленный, падал.

Стали перед ними царские войска, вот-вот начнется битва, но вдруг показался опять всадник, на этот раз на белом коне.

— Теперь-то мы одолеем! — закричали опять враги. — В нашем стане бог войны! На этот раз он нам пошлет победу, два раза уже держал их сторону.

Началось страшное побоище. Мчится на белом коне всадник, волну за волной сметает. А белый конь в четыре раза больше топчет вражеских воинов.

Тогда один воин из вражьего войска натянул лук и сказал:

— А ну, посмотрим, берет ли стрела бога войны?

Спустил он стрелу, и вонзилась она в руку юноши. Показал он к башне на своем белом коне. Из башни царская дочь сошла, обчистила рану и шелковым платком перевязала...

Мало кто остался в живых из вражьего войска... Даже царь их едва унес свою голову.

Царь и его народ ликовали... Да и как не ликовать было им! Столь сильного врага одолели! Еще бы больше радовались, если бы узнали, кто помог им победить врага.

А раненый юноша лежит в яслях, лечит свою рану. Когда наступает ночь, зажигает свет, чистит рану и вновь перевязывает ее шелковым платком.

Вот однажды дочь царя говорит отцу:

— Что за чудо? Которую ночь примечаю: в одно и то же время в нашей конюшне загорается свет, а затем гаснет. П

шли туда. Отец, своих людей, пусть разбирают, что там за свет горит по ночам.

Вскоре стража дала царю знать:

— В твоей конюшне лежит юноша больной, с раной на руке. Каждую ночь зажигает он свет, моет свою рану и перевязывает платком.

Тогда сказала царю дочь:

— Отец, вели юношу привести сюда! Коль окажется шелковый платок моим, так это тот самый, кто спас нас от вражеских войск. Когда в третий раз была сеча, то поранили руку белому всаднику. Он подъехал к моей башне. Перевязала я ему рану своим шелковым платком, и поскакал он опять на поле боя.

Заставили встать юношу из яслей, привели его в царский дворец. Что стоило царской дочери узнать свой шелковый платок?

И сказала она отцу:

— Вот он, спаситель твой и твоего народа, на руке у него мой шелковый платок.

Устроил тогда царь неслыханный пир в честь юноши. Пригласил со всего государства лучших людей. Сели за столы гости, стали просить юношу занять почетное место, но он не садится.

— Почему не сядешь? — спросил его царь.

— Прошу тебя посадить с собой рядом моего товарища!

Пошли люди за конюхом, привели его, посадили рядом с царем. Попросил юноша сказать слово, и разрешил ему царь.

— Товарищ мой, между нами был уговор, чтобы никогда не смотрел я на тебя свысока, никогда не предал! Спрашиваю тебя перед всем народом: нарушил ли я свою клятву, изменил ли своему слову?

Тогда сказал ему товарищ при всем народе:

— Царь наш и люди именитые! Юноша этот ничем никогда не обманул моего доверия, не нарушил нашего уговора. Сознаюсь я в своем злодействе: от зависти я три раза обвинил его в воровстве, а вором был сам я, придумал я, что умертвил он царского коня, которого выхаживал, как брата, коня этого зарезал я. На волосок ни в чем не могу его винить. Все, что перенес он, случилось с ним по моему наговору.

Тогда сказал царь:

— Юноша, ты спас мое царство, избавил нас от сильного коварного врага. В благодарность отдаю тебе свою единственную дочь, а после моей смерти свое государство вверяю тебе!

А юноша ответил царю:

— Благодарю тебя, царь! Девушка, которую я полюбил больше своей души, о которой мечтал давным-давно, досталась теперь мне; своим же государством правь сам и благодарствуй! Прости, царь, за смелость, но и я не бродяга бездомный: отец мой такой же государь, как и ты! Некрасиво будет, коли останусь я на чужой земле.

Устроил тогда царь свадьбу, благословил дочь и зятя и отправил их в дорогу, на отцовскую землю.

Ж
него т
ма ост
По
тоже б
том за
То
—
зместо
Ц
Во
знаком
лет на
сын С
пришл
угодит
домой
—
жи дор
Вы
лumu:
взять с
старев

10. СКАЗКА О СОДАГАРЕ

Жил один бедный человек, звали его Содагаром, и было у него три дочери. Однажды Содагара призвали на войну, и дома осталась жена с тремя дочерьми.

По дороге Содагар встретил знакомого великана. У того тоже было три дочери. Содагар пробыл на войне пять лет, потом захотел вернуться домой, но царь не отпускал его.

Тогда Содагар сказал:

— Царь, у меня есть сын. Отпусти меня, и я пришлю его вместо себя.

Царь согласился на это и отпустил Содагара.

Возвращаясь домой, Содагар решил по дороге зайти к знакомому великану. Пришел он к нему и рассказал, что пошлет на войну вместо себя сына. Великану взбрело в голову, что сын Содагара должен жениться на его дочери. Волей-неволей пришлось Содагару согласиться. Великан всячески старался угодить своему гостю, но утром Содагар решил отправиться домой и сказал на прощанье великану:

— Сына я направляю по этому пути, а дальше ты ему укажи дорогу на цареву службу.

Вышел оттуда Содагар и стал про себя думать горькую думу: «Обнадежил я обоих, и царя, и великана, но откуда мне взять сына?» Так он и пришел домой. Застал он там свою постаревшую жену и взрослых дочерей. Приятно было ему уви-

деть, что выросли дочери. Но скоро радость сменилась печалью, и вся семья спрашивала его:

— Почему ты такой грустный, даже не поговоришь с нами?

Тогда он им рассказал, что пообещал царю и великану прислать сына, а сына у него нет, вот и горюет.

Тогда старшая дочка говорит отцу:

— Разве мы не можем выполнить твоё слово? Вместо тебя я пойду на цареву службу, только снаряди меня на дорогу: дай мне мужскую одежду и еду, укажи путь, и я пойду.

Привел её тогда отец коня, дал оружие и показал дорогу, сам тоже пошел её провожать. Дошли они до одного леса, и Содагар сказал дочери:

— Отсюда я вернусь домой, а ты поезжай дальше, не пугайся ничего.

А сам он спрятался, и когда девушка удалилась, крикнул ей не своим голосом:

— На этот раз не уйдешь от меня!

Девушка от этого крика лишилась сознания и упала с лошади. Подошел Содагар к своей дочери, вернулся с ней домой и говорит:

— Я же знал, что женщина мне в этой беде не поможет...

Сидит Содагар дома, пригорюнился. Подошла к нему средняя дочка:

— А теперь испытай меня, отец!

Содагар согласился, приготовил ей еду на дорогу и поехали они опять лесом; там указал он девушке дорогу, а сам сказал, что отсюда он вернется обратно, а она пускай едет дальше.

Содагар отошел в сторону и как крикнет:

— На этот раз ты не вырвешься у меня!

От страха девушка свалилась с коня. Подошел Содагар к дочери, и вернулись они домой. Сидит он опять печальный и думает. Тогда сказала ему младшая дочь:

— Ну, а теперь меня испытай!

Приготовил опять Содагар коня и еду на дорогу, и тронулись они в путь. Приехали в этот же лес, и Содагар сказал дочери:

— Ты поезжай по этой дороге, а я вернусь домой.

Девушка поехала дальше. А Содагар опять зашел в лес, обогнал дочь стороной по тропе и закричал во весь голос:

— Теперь-то ты не уйдешь от меня!

Девушка взялась за оружие и крикнула:

— Эй, ты! Благодарю бога, что ты похож на моего отца, а то бы всадил я тебе пулю под лопатку!

Тогда Содагар подошел к дочери, обнял ее и говорит:
— Ты, в самом деле, храбрая девушка! Счастливого тебе пути!

Девушка поехала той дорогой, которую отец указал ей. По пути заехала и к великану, знакомому отца.

Остановилась у ворот, привязала лошадь. Выглянула жена великана и, увидев незнакомого пришельца, забранилась:

— Кто ты? По нашей земле и муравьи боятся ползти, а ты прямо в двор врываешься!

Девушка ответила женщине:

— Я — сын Содагара, а вы — друзья моего отца, вот я и решил заехать к вам.

Женщина обрадовалась, завела его в дом, хорошо угостила. Великан был на охоте, принес он убитых оленей, а когда узнал, что приехал сын Содагара, то обрадовался. Девушка вскочила, разделала принесенных оленей и приготовила еду. Вскоре сели за стол ужинать.

Великан вознес молитву и передал чашу юноше. Гость осушил ее до дна. Великан сказал тогда:

— С этого дня, юноша, будешь ты моим зятем.

После ужина хозяин дома обратился к жене, чтоб она уложила с гостем старшую дочь. Проспал гость с дочерью великана, а утром, когда встали, великан спросил дочку:

— Снизол гость до тебя или нет?

Дочка ответила:

— Оба мы спали спинами друг к другу.

Великан рассердился и сказал жене:

— Оказывается, гость наш пренебрег нашей дочерью.

А женщина потихоньку шепнула ему:

— Не сердись! Вечером уложим рядом с ним среднюю дочку.

На вторую ночь уложили рядом среднюю дочь. А поутру великан ее спрашивает:

— Благоволил он к тебе?

— Нет, — ответила девушка.

Пуще прежнего великан рассердился — и к жене:

— Не считает он нашу дочь достойной себя!

На третью ночь великан сказал юноше:

— Если еще и младшая дочь тебе не полюбит, не сносить тебе головы!

Гость, дрожа от страха, лег возле младшей дочери великана, всю ночь забавлялся с ней, но та смекнула, что гость такая же девушка, как она сама, и говорит ей:

— Не бойся, я скажу великану то, что надлежит, а даль-

ше сделай так, как я велю: завтра отец станет одаривать тебя, но ты возьми из его табуна самую захудалую лошаденку, из оружия — самую ржавую шашку, из колец — самое никудышное.

Утром девушка встала, отец ее и спрашивает:

— Ну, а к тебе благоволил этот юноша или нет, как ваше с ним дело?

Девушка тут как крикнет на отца:

— Как положено у девушки с юношей, так и у нас было!

Послал великан звать гостей, устроил богатую свадьбу, а потом решил одарить зятя. Юноша (или та, которую принесли за юношу) выбрал самого тощего коня, самую ржавую из шашек и самое плохое кольцо. Выбрал он эти подарки и сказал великану:

— Я сейчас не возьму жену с собой: отец мой дал царю слово и должен я сдержать его.

Великан ответил юноше:

— Доброго тебе пути, но будь неладен тот, кто подбил тебя взять из моих богатств именно эти вещи. Они самое лучшее из того, что у меня есть. Но мне не жаль их. Хорошо, что дочь моя пришлась тебе по сердцу!

Великан обратился тут к жене:

— Неси ему подарки, пора их вручить ему.

Юноша выехал с полученными подарками, но в поле конь говорит ему:

— Меня оставь здесь, а сам иди к царю, только вырви у меня один волос из гривы. Когда нужен буду, поднеси волос к коню, и я тотчас прискачу.

Вырвал тогда юноша волос у коня и пустил его в поле, сам вошел к царю. Встретили его царские слуги и дали знать о его приходе.

Царь сказал:

— Ведите его сюда, да позаботьтесь о нем. Хорошо, что Содагар сдержал свое слово.

Впустили юношу на царский двор. В это время три дочери царя вышли на балкон и младшая из них вскричала:

— Кто из нас что видел, пусть ей то и достанется!

Усмехнулись тут старшие сестры:

— Пусть достанется тебе, никто его у тебя отбирать не станет, но не мешало бы поискать себе лучшего жениха! Как можешь ты снизойти до сына Содагара?!

А девушка им ответила:

— Пусть каждая из вас дождется лучшей доли, а мне другой не надо.

После этого послали дочери к отцу просить, чтобы созвал он свой народ: они хотят женихов себе выбрать. Собрал царь всех людей, сели они пировать, а он к дочерям обратился:

— Возьмите каждая по кувшину араки¹ и поставьте перед тем, кого себе избрали.

Обе старшие дочери взяли по кувшину араки поставили перед теми, кто полюбился им. Младшая всех гостей обошла, но не было среди них сына Содагара. Тогда сказала дочь отцу:

Не все еще люди здесь.

Царь слугам повелел тотчас:

— Пойдите, всех, кого нет, позовите!

Слуги вышли. Незванным остался только сын Содагара, на этот раз и его привели. Вышла тогда младшая дочь царя и поставила кувшин араки перед Содагаровым сыном. Гости стали смеяться: царская дочь хочет выйти за Содагарова сына! Как было не рассердиться и царице на свою дочь?

Когда люди разошлись с пира, то царица притворилась больной и обратилась к своим зятям:

— Не миновать мне смерти. Есть только одно средство спасти меня. Если не достанете его, так умру я. За семью горами есть яблоня. Если принесете с нее хоть одно яблоко, останусь я жива.

Зятья поехали. Старшие — вместе, сын Содагара — один. Достал он из кармана волос от гривы своего коня, поднес его к огню, и появился перед ним конь. Отпустил он недорослую лошаденку царскую в поле, пересел на своего коня и, как вихрь, полетел на нем. Когда стали приближаться к яблоне, конь сказал юноше:

— Запросто подойти к этой яблоне нельзя, сторожит ее Залнаг-змея, проглотит он нас. Когда подойдем ближе, ты хлестни меня так, чтобы от моего бедра отскочила кожа, величиною с подметку, а с твоей ладони — лоскут.

Юноша сделал так, как сказал ему конь. Наполнил он тогда хурджины свои яблоками. Погнался за ним змей, но он бросил в него шашку. Попала она в змея, стала рубить его, совсем искромсала на мелкие куски.

Когда юноша стал приближаться к дому своих каисов,² то встретились ему оба старшие зятья. Не узнали они его в другой одежде, а сам он спросил их, будто впервые видит:

— Куда путь держите?

Они ответили.

¹ Арака — водка.

² Каисы — родня жены, дом тестя.

— Мы едем за дальние горы. Говорят, растет там яблоня, а на ней целебные яблоки. Мы должны достать и принести их.

Сказал им тогда юноша:

— Я собрал все, не осталось там ни одного плода. Если дам я вам этих яблок, что мне тогда дадите?

Зятья спросили:

А что тебе дать?

— Отрежу я вам по уху.

Отрезал он у каждого зятя по уху и дал им за это яблок.

Поехали они домой. Содагаров сын дал старшим зятьям проехать вперед. Сам пустил коня пастись и приехал к царю на своей лошаденке, в своей прежней одежде.

Старшие зятья поднесли царице яблоки, а сын Содагара пришел с яблоками вслед за ними. Старшие зятья сказали:

Привез он откуда-то дикие яблоки: Какие другие способен достать сын Содагара?

На второй день царица опять прикинулась больной и сказала зятьям:

— Суждено мне умереть, коль не привезете печенки кабана, что пасется в море.

Поехали два старших зятя опять вместе. А сын Содагара достал свой заветный волосок, поднес его к огню, и конь заржал возле него. Сел он на коня и поехал к синему морю. Конь опять научил юношу, как убить кабана, что пасется в море. Как научил его конь, так и сделал Содагаров сын: убил кабана, хурджины наполнил мясом и поехал домой. Повстречались ему дорожью свояки. Не узнали они его, а он спросил их, куда они едут. Рассказали свояки, куда и зачем едут, и тогда Содагаров сын говорит:

Этого кабана я убил. Какое добро вы мне обещаете, если дам вам немного кабаньей печенки?

Старшие зятья ответили:

— Дадим, что попросишь.

Он и говорит тогда:

— Дайте мне вырезать по ремню из кожи на ваших спинах!

Согласились они, а он дал им, что просили. Старшие зятья опять проскакали вперед, а сын Содагара поехал не торопясь. Посла царица кабаньей печенки, но спустя несколько дней опять прикинулась больной и говорит зятьям:

— Умру я на этот раз, если не узнаете, отчего кирпичный город в булыжник обратился.

Оба старших зятя сели на коней и опять поехали. Содагаров сын снова призвал своего коня и отправился в тот город, что обратился в булыжник. Доехал до самой середины города.

смотрит — какай-то дверь то открывается, то закрывается. Решил узнать юноша, что скрыто за этой дверью. Конь опять учит его:

— Как подъедем мы к двери, то коснусь я ее головою, а ты ударь меня так, чтоб от бедра у меня отскочила кожа, величиною с подметку, а с твоей ладони — лоскуток.

Юноша так и сделал. Проскочили они в дверь, только оторвала она у коня половину хвоста. Видит юноша — сидит за дверью мужчина, от пояса до ног каменный. Сел он около него, и мужчина спросил:

— Какое несчастье занесло сюда путника, не довольно разве того, что мы всем городом окаменели?

Юноша рассказал ему о своих злоключениях, и тогда каменный мужчина поведал о себе:

— Был я здесь царем, и была у меня жена, рожденная ведьмой, только я о том не ведал. Каждую ночь она уходила за перевал к великанам. Сердился я на нее за отлучки, но самому дознаться не приходилось, куда она пропадала. Ночью она ездила на моих конях к великанам, и кони похудели, спали с тела. Спросил я однажды у конюха:

— Почему мои кони худеют?

Он сказал мне в ответ:

— Оставайся ночью здесь, кого-нибудь пошли вместо себя к царице и узнаешь тогда правду о своих конях.

Как настала ночь, отдал я слуге царские одежды, сам переоделся в одежду слуги. Стало за полночь, как пришла моя жена в конюшню и приказала живее седлать двух коней. Оседлал я коней, она меня за конюха приняла. Поехали быстро: она впереди, а я позади. Приехали к великанам. Привязал я лошадей, а она зашла в дом. Там начали они пировать, а я сижу, коней стерегу. Мне тоже принесли сыр с куском хлеба. Как настало время первых петухов, позвала она меня, велела привести коней, домой возвращаться. Поскакали мы. Опредил я ее, приехал домой первым, выслал слугу из дому, он взял коня, привязал его. К тому времени и жена подъехала, и ее лошадь привязал слуга.

Потом заснули мы. А утром, потянувшись в постели, сказал я:

— Что за сон удивительный мне привиделся! Будто мы с тобой ездили к великанам за горы. Ты выслала мне из дому чурек, и положил я его в хурджин.

Женщина поняла все, побежала сразу в конюшню, осмотрела хурджины, лежал там чурек нетронутый. Вернулась она тотчас обратно, а я к тому времени уже встал, сидел на ска-

мье. Тут жена
телями пусть
Как сиде
сразу. Вот та
рей. потому
если застане
Поднялся
и выскочил з
била.

Выехал
него пустая
— Набей

яму. Меня о
ца за водой
ве: снимай о
репко к кол
ей сказать:
сила ее так
обратит в м

Пришл
ми по стор
было, отку

Тут к
стали к к
шашку, за

— Гов
станет!»

И ста

— Ско
был рань

И гор

Юноша о
поехал в

казался.

— Не
престол.

Тогд
оттуда к

все, что
ворит цар

— Те
отличилс

Царь

— Пе

мье. Тут жена прокляла меня: «Весь этот город со всеми жителями пусть в камень обратится!»

Как сидел я на скамье, так от ног до пояса окаменел сразу. Вот так стряслась над нами беда. И ты уезжай поскорей, потому что в субботний день она приносит мне воды. И если застанет тебя здесь, погибнешь и ты.

Поднялся юноша, сел на своего коня, ударил его плетью и выскочил за дверь, только дверь хвост у коня начисто отрубила.

Выехал юноша за город и видит родник у дороги, а возле него пустая бутылка. Конь сказал юноше:

— Набей эту бутылку хлебом, сам возле родника вырой яму. Меня отпусти, я буду пастись в поле. Придет сюда царица за водой, станет она бутылку мыть. Вот тогда будь наготове: снимай с руки кольцо, кинь его в царицу. Пристанут накрепко к кольцу ее руки, а ты выскочи, выхвати шашку, вели ей сказать: «Кто здесь девушка, пусть юношей станет!» Если сила ее такая, что весь город в камень превратила, то и тебя обратит в мужчину.

Пришла женщина туда, стала бутылку мыть, сама глазами по сторонам водит, думает: «Что же это такое? Дождя не было, откуда в бутылку грязи набралось?»

Тут кинул юноша кольцо в царицу. Руки женщины пристали к кольцу, точно припаялись. Тогда юноша выхватил шашку, закричал:

— Говори быстрее: «Кто здесь девушка, пусть мужчиной станет!»

И стала вдруг девушка юношей. Тогда крикнул он:

— Скорей говори: «Пусть город станет таким же, каким был раньше» — иначе изрублю тебя!

И город тогда ожил весь: все в нем стало, как прежде. Юноша отрубил голову колдунье, столкнул ее в яму, а сам поехал в город. Предложили ему там царем стать, но он отказался.

— Не за тем приехал я сюда, не нужен мне царский престол.

Тогда одарили его великим богатством, и поехал юноша оттуда к царю, которому служил до этого. Рассказал он там все, что слышал, как в камень обращен был город, потом говорит царю:

— Теперь расскажи, царь, народу, чем каждый твой зять отличился.

Царь сказал:

— Первый раз старшие зятья отличились, теперь ты.

Достал тогда юноша из кармана уши двух старших своих ков и ремни, вырезанные с их спин, и сказал:

— Вот чем отличились твои старшие зятья, царь. А теперь разреши мне поехать домой.

Царь согласился. Сын Содагара поехал домой с дарами и царскую дочь с собой взял. По дороге заехал он к великану. Как завидели его — обрадовались гостю. Взял он с собой от туда и дочь великана в жены,¹ и все трое поехали домой к Содагару.

Свадебный пир устроили на целую неделю и живут-поживают себе по сей день.

¹ Отражение древнего обычая многоженства.

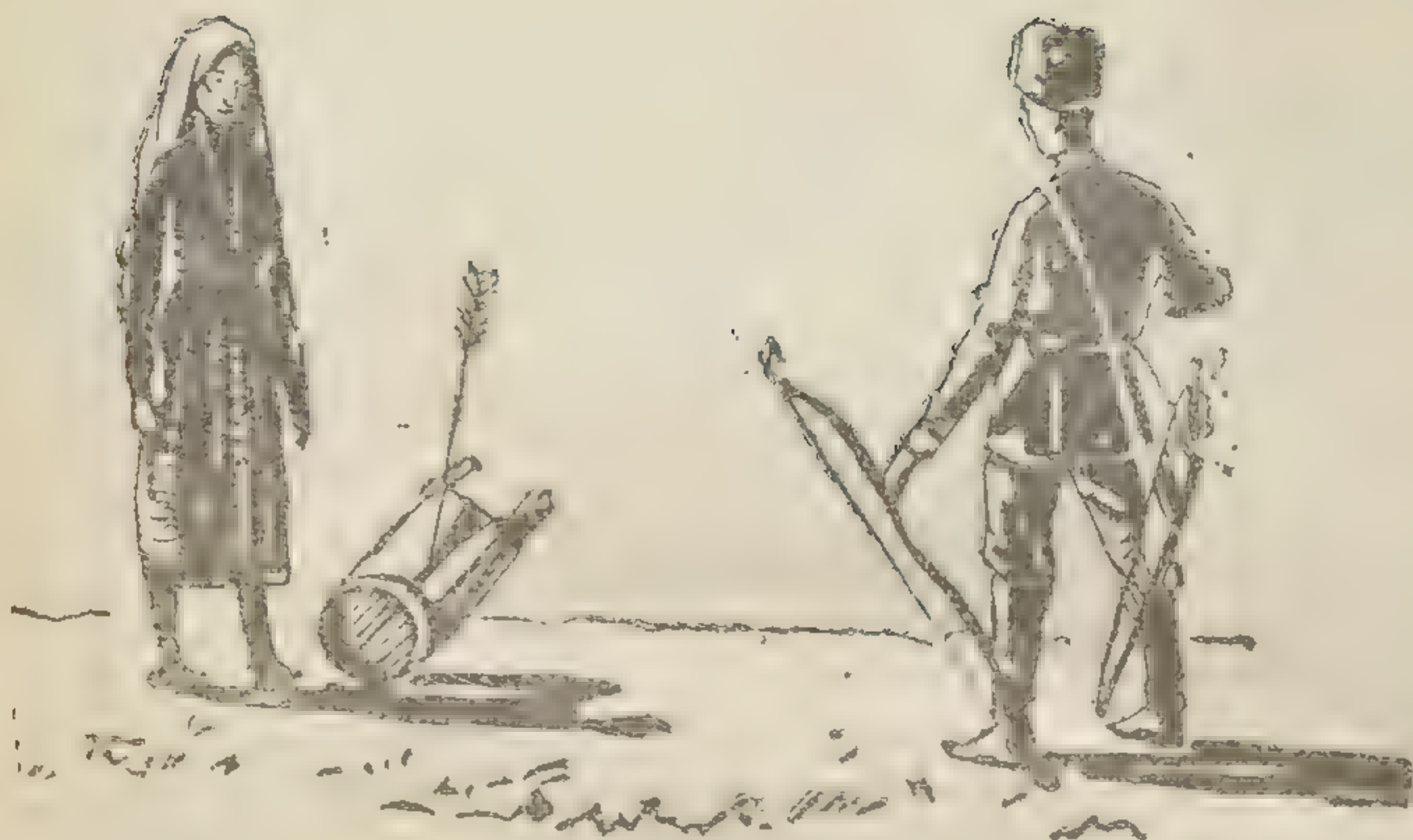

Жил один
Младшего з
рытых умер,
большое иму
наследство. В
ся стрельбой

Однажды
в ущелье. В
потнула его
тыл стрелу; п
женщины пот
домой за дру
ждал ее. Ко
кустил, он о
потекла по
раз, пришла
реке. Дзамбо
стерпела тогд

— Если у
ского коня у

¹ Бастысарь
гастелин; тых —
² Кустил —

11. СЫН БАСТЫСАРЫТЫХА — ДЗАМБОЛАТ

Жил однажды Бастысарытых¹ и родилось у него три сына. Младшего звали Дзамболат. Прошло несколько лет. Бастысарытых умер, и трое сыновей осиротели. От отца им осталось большое имущество, но вскоре растеряли все, что получили в наследство. Время шло, мальчики подросли и стали заниматься стрельбой из лука.

Однажды Дзамболат, прихватив лук и стрелы, спустился в ущелье. В это время шла к реке колдунья с кустилом.² Наполнила его водой, и, когда подняла на спину, Дзамболат пустил стрелу; попала она в кустил, кустил треснул, и по спине женщины потекла вода. Ничего не сказала колдунья, вернулась домой за другим кустилом и снова сошла к реке. А Дзамболат ждал ее. Когда женщина подняла на спину полный водою кустил, он опять пустил стрелу, треснул и этот кустил, и вода потекла по спине женщины. Ничего не сказала она и на этот раз, пришла домой, взяла третий кустил, отправилась снова к реке. Дзамболат и в третий раз проделал то же самое. Не стерпела тогда колдунья и сказала:

— Если уж ты такой храбрый, то добыл бы лучше отцовского коня у тех, кто завладел им!

¹ Бастысарытых — (дословно — баста — страна, область, сар — голова, властелин; тых — сила), здесь — властитель силы области.

² Кустил — высокая деревянная бадья, употребляли в горах.

Как услышал это Дзамболат, поблагодарил женщину, сказал ей:

— Долгой жизни тебе желаю, пусть возблагодарит тебя бог вместо меня, от тебя как раз этого я и добивался.

Печальный вернулся он домой.

Когда мать увидела Дзамболата грустным, то спросила его:

— Что с тобой?

А он ответил ей:

— На ныхасе¹ дети ели цакута,² я просил, они мне не дали!

Мать успокоила его.

— Не печалься об этом! Я сделаю сейчас тебе ячменные цакута!

И тут же мать стала жарить цакута. Не согрелись они еще на огне, как Дзамболат внезапно заплакал. Мать заспешила и дала ему ложку зерен, сказав ему при этом:

— На тебе пока одну ложку, а другие поджарю получше.

А Дзамболат ответил ей:

— С самого детства, вероятно, ты меня все малыми ложками кормила, потому и вышел я малым!

Сжалось материнское сердце, достала она горячих цакута, дала ему скорей.

— Бери их живее, не то жгут они мне руки!

А Дзамболат сжал ей ладонь с горячими цакута и говорит:

— Пока не скажешь, что нам оставил в наследство отец, властитель силы вселенной, не разожду руки!

Не хотела мать говорить об этом сыновьям, но не вытерпела боли и сказала:

— От отца вам осталось большое имущество, этим и прокормила вас по сей день. Была еще лошадь, каждый день жеребилась. Но приглядывать за ней было некому, и сама я не знаю, куда она делась.

Дзамболат разжал руку.

— Вот этого я от тебя и добивался! Изготовь мне в дорогу легкой на вес, приятной на вкус еды, утром я отправляюсь в путь — пойду искать нашу лошадь. Коль найду ее, пригодится хоть дрова возить из лесу.

Узнали об этом два старших брата, обидно стало им, что младший брат опередил их, и сказали ему:

— Мы старше тебя, ты наш младший брат, и сделать это

¹ Ныхас — площадка в ауле, где обсуждались старшими общественные дела, место отдыха стариков.

² Цакута — прожаренные зерна кукурузы.

должны мы! Если не найдем отцовской лошади, тогда и ты отправись на поиски.

А Дзамболат отвечает им,

— Нет, как младшему, и мне надлежит отправиться в поиски.

Долго спорили братья, но не могли примириться и решили бросить жребий, кому отправиться в поиски за отцовской лошадью.

Первым выпал жребий старшему брату, потом среднему, а напоследок пал жребий на Дзамболата. К утру мать приготовила еду на дорогу, и отправился старший сын в поле Кум.

Кто знает, сколько он шел, но бог направил его в ложину, и увидел он там лошадь. Посмотрел на нее брат и развеселился — по всем приметам это была лошадь его отца. Подошел старший брат к лошади, выкупал ее, стал поглаживать. Думает: вот зайдет солнце, спадет жара и отправится домой на лошади. Когда солнце клонилось к закату, лошадь ожеребилась. Но вдруг появился из-под земли семиголовый черный великан на черном коне, в черной одежде. Протянул жеребенку черную бурку, схватил его и унес с собой. Как завидел юноша великана, перепугался страшно и бросился бежать домой. Вошел он в дом, стали спрашивать его, не видал ли он лошади. Он ответил им так:

Не ищите ее зря! На равнине Кум я обшарил все кочки, но не встретил даже зайца.

Тогда сказал средний брат:

— Что бы там ни было, попытаю и я свое счастье! Приготовьте мне еды на дорогу!

Приготовила ему мать еды. На второй день утром оседлал он коня, отправился в поле Кум на поиски. Бог один ведает, сколько ехал он, но попал он на ту же ложину, нашел лошадь, узнал ее по приметам и стал гладить-оглаживать. Как настало ей время жеребиться, заржала она, повернулась три раза и принесла жеребенка. Не успел он появиться из материнской утробы, как выскочил из-под земли великан семиголовый, весь рыжий, на рыжем коне, и одежда на нем рыжая. Протянул к жеребенку рыжую бурку и утащил его в ней. Юноша увидел великана и перепугался, бросился бежать домой. Дома стали его спрашивать, не видал ли он лошади? Не признался он в своем малодушии. Рассказал он все, как старший его брат.

А Дзамболат загрустил: не хотели старшие братья его пускать в поиски лошади. Там, где мы не сыскали ее, говорят, и тебе ничего не найти. Но Дзамболат сказал им:

— Пока сам не поброжу по Кумской степи, не отступлюсь.

Приготовился он в дорогу и на второй день утром отправился в путь. Долго искал он, но не находил ничего. Наконец, попал в Кумскую степь. Сколько он шел по ней, бог один веда-ет, но и он попал на ту поляну, где паслась лошадь их отца. Досхал он до родника, спешился, выпил воды, посмотрел по сторонам и видит: лошадь у ручья пасется. Вскочил он сразу на коня, поскакал к лошади и узнал ее по приметам. Надел он на своего коня путы, пустил пастись. Сам подошел к лошади, поймал ее и стал гладить по шерсти.

Как пришло время сй жеребиться, заржала она, поверну-лась три раза на месте и принесла жеребенка.

Выскочил в этот самый миг из-под земли великан семиго-ловый, белый весь, на белом коне и одежда на нем белая. Прс-тянул он к жеребенку белую бурку, схватил его, хочет унести. Но Дзамболат кинулся к жеребенку, ухватил его за передние ноги и потащил к себе, а великан к себе тянет. Долго боролись, но, наконец, Дзамболат одолел великана. Испугался семиголо-вый, бросился бежать прочь. Дзамболат вернулся домой с тремя лошадьми. Как увидела семья Дзамболата, радости ее не было конца, а Дзамболат им сказал:

— Я должен найти тех, кто завладел нашими лошадьми и ездит на них доныне. Завтра утром отправлюсь в путь, приго-товьте мне еды на дорогу!

Как только рассвело на второй день, Дзамболат оседлал коня, поскакал к Курдалагону¹ меч и палицу себе выковать.

Как приехал Дзамболат к небесному кузнецу, рассказал ему, зачем к нему прибыл, а Курдалагон на это ответил:

— Иди, привези мне угля на двенадцати буйволиных арбах.

Отправился Дзамболат за углем и на мизинце принес столько, сколько могли привезти двенадцать буйволиных арб, и спросил кузнеца:

— А не надо ли железа?

— Железа я сам найду, сколько понадобится, — ответил Курдалагон. Затем поставил он Дзамболата за кузнечные меха, а сам стал ковать палицу. Выковал Курдалагон палицу, Дзамболат вскочил, да как ударит ею по громадному камню, так натрос и разлетелась она. Курдалагон, пожелав в сердцах ему гнева божьего на голову, поневоле принялся за ковку новой палицы. Взял Дзамболат и эту палицу в руки, ударил ею по утесу, разлетелась она пополам. Что было делать Курдалагону? Принялся он ковать третью. На этот раз Дзамболат ударил

¹ Курдалагон — в осетинской мифологии небесный кузнец.

палицей по скале, и вся скала в щебень рассыпалась. «Вот эта сгодится для меня!» — сказал Курдалагону обрадованный Дзамболат.

Затем он опять встал за меха, а Курдалагон принялся ему меч ковать. Выковал он меч, схватил его Дзамболат и ударил им по наковальне. Раскололся он надвое. Кинул он обе половинки Курдалагону. Курдалагон выковал меч заново и стал его закалять. Закаленный меч бросил он Дзамболату со словами: «Ох, и уморил ты меня сегодня, пусть не простит тебе бог!»

Выскочил тут Дзамболат, бросил меха и снова ударил мечом по наковальне, раскололась наковальня надвое. Низко поклонился тогда Дзамболат Курдалагону.

— Да пойдет тебе мой труд в прок! Да исполнится дело, которое ты замыслил! А теперь да будет благополучен твой путь! — сказал Курдалагон и подал ему на прощание руку.

Попрощался юноша с Курдалагоном и отправился домой. Как приехал, рассказал обо всем братьям.

— Поутру мы должны отправиться в поиски наших лошадей. Готовьтесь в дорогу оба. Возьмите с собой подстилки и все, что нужно в пути.

Как сказал им Дзамболат, так и сделали братья. Утром втроем оседлали коней и поехали искать лошадей, что оставил им отец в наследство. Сколько ехали, ведает один бог, но доехали они до одной лощины. Там, под одним деревом, Дзамболат сошел с коня и говорит своим братьям:

— Сойдите и вы с коней и вон под той яблоней расположитесь! Яблоня эта днем цветет, а к ночи поспевает, и сыпятся с нее яблоки. Яблоками и будете жить. А сейчас я покину вас, ждите меня, покуда на яблоне яблоки будут расти. Как засохнет она, не ждите меня, поскорей уходите отсюда.

С этим сел он на коня и поехал искать дорогу в подземное царство. Проехал немного и видит: в одном месте стала дорога в землю уходить. Ударил он коня и въехал в подземное царство. Едет под землей, по сторонам поглядывает: нет ли где жилья? Вдруг завидел он белые хоромы и стал подъезжать к ним. Подъехал к воротам, сошел с коня и привязал его к коновязи, затем постучался в дверь.

— Нана, если ты дома, отвори дверь!

— Не сказал бы ты «нана», распрощался бы со своей головою, но твое счастье, что обратился ко мне, как к матери!

Женщина эта была женой старшего из великанов, похитителей лошадей Дзамболата. Один ее клык уходил в небеса, другой опускался в самую глубь земли. Сидела она на золотом

калатчине,¹ косы золотистые вокруг себя раскинула. Дзамболат сказал ей:

— Нана, если что есть наготове, то, может быть, накормила бы гостя, сильно я проголодался дорогою.

Женщина подала ему фынг, а сама говорит:

— Ешь поскорее! Не то, как застанет тебя тут мой хозяин, съест тотчас.

Дзамболат притворился испуганным, еще не тронул еды, а сам уже спрашивает:

— Скоро ли придет великан домой?

Женщина ему сказала:

— На рассвете уходит он из дому, а к вечеру возвращается и приносит на одном плече оленя убитого, на другом — ветвистое дерево.

Вскочил тут Дзамболат и спрашивает торопливо:

— Каким путем твой муж возвращается к дому? Вдруг ошибусь я дорогою, найдет он меня по следу, съест тогда.

А женщина говорит ему:

— Вон по тому железному мосту возвращается, табуны и стада перед собой гонит. Впереди стада идет громадный буйвол, как подойдет к мосту, так заревет, аж сюда слышно. Перейдет буйвол мост, ударит его великан и закричит на него трижды, да так, что на его крик все горы на земле откликаются. Беги скорей окольным путем, возвращайся в свой дом, спасай свою голову!

«Эй-ей! Мяукающий кот мышей не ловит!» — подумал про себя Дзамболат, а сам говорит хозяйке:

— Долгой тебе жизни желаю за добрые советы, а теперь прощай!

С этим сел он на коня и поехал не окольным путем, а прямо к железному мосту. Доехал до места, вырыл там яму в рост лошади, завел туда коня, сам встал у моста, буйвола-вожака дожидается. «Как подойдет буйвол, убью его, из кожи ремней понаделаю, крепко привяжу себя к столбам моста, коли взлетит мост от великаньего крика, пусть и меня с собой унесит!»

Солнце стало уже клониться к закату, как слышал Дзамболат рев буйвола. Бросил Дзамболат в него палицу и убил его наповал. Тушу его отнес под мост, нарезал из буйволиной кожи ремней и привязал себя к столбам под мостом. Вскоре с великим криком стал подъезжать великан. На одном

¹ Калатчин — деревянное кресло старшего в доме, с точеными ручками и ножками.

плече несет оленя убитого, на другом — дерево, вырванное с корнями. Как подъехал к мосту, стал его конь тревожно хрюкать, поводить ушами и понес его в сторону.

— Чтоб жеребец и кобыла, тебя породившие, собакам на съедение достались! Чего испугался? Не страшны нам враги! Правда, живут на земле три брата: двое старших, никудышных, а у третьего — материнское молоко на губах еще не обсохло!

И ударил он в сердцах коня.

— Пусть еще не обсохло на моих губах материнское молоко, но я покажу тебе, каково оно! — сказал Дзамболат. Метнул в великана палицу, обрезал мечом ремни и набросился на него. Схватились они, стали бороться, но под конец Дзамболат подмял под себя великана, отрубил ему все семь голов мечом, положил к себе в карман одну из них, другие побросал в реку. Сел на коня и поехал к жене великана. Как подъехал к дому, сошел с коня, закричал громовым голосом:

— Нана, ты меня мужем стращала, съест, мол, тебя, а я полюбился ему, послал он меня вперед и яблочко прислал тебе.

Достал он из кармана, словно яблоко, громадную голову великана.

Как увидела женщина голову мужа, оскалила клыки, вздумала съесть Дзамболата, но он хватил ее палицей по голове, и не шелохнулась больше жена великана.

Вышел Дзамболат оттуда, сел на коня, поехал дальше. Сколько он ехал, бог знает, но увидел он вдруг белые хоромы. Направился он туда.

А там хозяином был другой великан. Убил Дзамболат и его, как и первого. Поехал Дзамболат дальше. Кто знает, сколько он ехал, но попал, наконец, в дом к третьему великану. Сразил его так же, как и двух первых. Так он расправился с тремя своими врагами. Но предстояло ему еще самое трудное дело — отыскать табуны лошадей. Много изъездил он безвестных мест, ничего не нашел, но видит однажды хрустальную башню. Обрадовался Дзамболат, стегнул свою лошадь и мигом очутился у башни. Выглянули оттуда три девушки, спрашивают его:

— Кто ты? Что за человек? Видом такой же, как мы, заходи к нам, гостем будешь!

А Дзамболат сказал им:

— Зашел бы, да боюсь женского коварства: вдруг недруги мои окажутся у вас, убить меня задумают.

Стали девушки заверять его клятвами, что одни они в ба-

Еще. По
по стече
жил дежу
—

Доехали
земное
здателью
Если пр
жим теб
и нас с
То

ти нет
канов
Ск

пригна
цы. Ты
птицы
отец
зайти
роги
пусть
мы ст
нам н
два в
ми с
двух
не сд
двер
ется
вень
даже
увид
меша
вихре
взлет
и при
ления
Вслед
его н

зиться

шне. Поверил тогда девушкам Дзамболат, он ударил палицей по стене башни, и стена обвалилась. Зашел он в башню и спросил девушек:

— Чьи вы будете?

— Мы дочери алдара. Однажды поехали мы на арбе в поле. Доехали до опушки леса, а там схватил нас великан, унес в подземное царство и держит до сих пор здесь взаперти. Слава создателю, что теперь хоть один земной человек сюда показался. Если правда, что убил ты великанов, так теперь мы принадлежим тебе и возьми нас с собой. Но если нет, так съедят и тебя, и нас с тобой вместе!

Тогда Дзамболат сказал им:

— Не бойтесь, они убиты. Пусть и ваших недругов постигнет та же участь! Но если бы указали вы, где стада великанов пасутся, так погнал бы заодно и стада врагов.

Сказали ему тут девушки:

— Вон между этих двух гор пасутся стада, но нелегко их пригнать оттуда! Долину между горами сторожат черные птицы. Ты возьми с собой три меры зерна. Как налетят на тебя птицы, скажут: «Ах, чтоб псам на съедение достались твои отец и мать! Сюда птица не залетает, кто же ты, что посмел зайти сюда?» А ты рассыпь тогда им три меры зерна вдоль дороги и поблагодарят тебя птицы, пропустят со словами: «Иди, пусть бог наставит тебя на верный путь! Сколько лет стережем мы стада великана, но не только зерна, пригоршни отрубей нам никогда не дали». Пойдешь ты дальше, выскочат на тебя два волка со стальными зубами с двух сторон дороги. Ты возьми с собой две бараньи туши и кинь им. Доедешь потом до двух гор, будет между ними железная дверь, силой ничего с ней не сделаешь! Возьми кувшины масла с собой, смажь им петли дверные. Как напоит масло их, скрипнет дверь, тихонько откроется и скажет тебе: «Иди, да сопутствует тебе божье благословенье! Сколько лет я оберегаю стада великана, ни разу меня даже простым салом не смазал». Отворится дверь, и за нею увидишь ущелье, полным-полно там табунов и стад. Еще будет мешать тебе стальной жеребец. Как завидит тебя, понесется вихрем. Комья земли из-под копыт его, словно черные вороны, взлетать будут. Красив этот конь. Может, вздумаешь поймать и приучить его, но не нужно тебе этого коня, убей его без сожаления! Среди табуна встретится тебе еще человек войлочный. Вслед тебе будет кричать, заткни уши ватой, подойди, толкни его ногой, как опрокинется навзничь, так изруби его мечом.

— Хорошо! — сказал Дзамболат девушкам и стал готовиться в путь.

Утром, как забрезжил рассвет, взял Дзамболат с собой то, что девушки ему посоветовали, оседлал коня и тронулся в путь. Налетели на него вдруг стаи черных птиц, но он насыпал им зерна вдоль дороги. Стали птицы клевать зерно, а сами говорят ему:

— Иди, да будет твой путь благополучен! Сколько лет сторожили мы стада великанов, не то что зерна, отрубей простых не видали от них.

Поехал он дальше, видит: бегут к нему стальнорылые волки, бросил им Дзамболат бараньи туши. Как увидели волки бараньи туши, так стали его благодарить.

— Счастлив ты, сберегли мы тебе табуны и стада. Поезжай теперь, да сопутствует тебе удача!

Доехал Дзамболат, наконец, до железных дверей. Достал он кувшин масла, смазал дверные петли. Еще оставалось масло, скрипнула дверь, тихонько, приоткрылась и говорит ему:

— Бог да направит тебя на верный путь! Я сюда и птицы никогда не пропустила, но за всю долгую службу ничья рука даже простым салом меня никогда не смазала.

Открылась перед Дзамболатом дверь, но видит: летит на него стальной жеребец. Комья земли из-под копыт его, словно черные вороны, в небо взмывают. Дзамболат подпустил его близко, затем хватил палицей, и жеребец упал замертво. Подошел он к стадам, а тут стал на него кричать войлочный человек. Заложил Дзамболат уши ватой, подошел близко, толкнул ногой, опрокинул его навзничь и изрубил мечом. Теперь ему уже никто не мешал, и он погнал стада великанов к хрустальной башне, где жили взаперти дочери алдара. Забрал он с собой трех сестер вместе с их добром. Дорогою заехали они в опустелые дома великанов, забрали оттуда, что нашли, и направился Дзамболат домой с великим добром.

Когда поднялся он на землю, гоня перед собой табуны и стада, то его старшие братья в испуге бросились бежать; обуял их страх от цокота копыт лошадиных. Стал Дзамболат догонять их, но они пуще прежнего побежали, но Дзамболат все-таки догнал их и сказал:

— Куда вы убегаете, я же для вас пригнал эти стада и табуны!

Вернул он их, поехали они вместе, и сказал он им дорогою:

— Выбирайте себе жен из этих трех девушек. Эту ночь заночуем здесь, а наступит день, поедem домой.

Первым, как старший, жену избрал себе старший брат.

взял он из сестер самую взрослую. Среднему по душе пришлась та, что за ней следом была. А Дзамболату осталась младшая дочь алдара, взял он ее в жены. Как свечерело, сложили они три шалаша и отправился каждый ночевать к себе. Когда Дзамболат уснул крепко, два старших брата вышли ночью, стали думать, как убить Дзамболата. Сказали они:

— Как приедем в селение, люди станут спрашивать, как добыли вы столько скота, где такие табуны достали? Узнают они, что хоронились мы в лесной чаще, а раздобыл все это Дзамболат, станут смеяться над нами. Лучше, чем позор на голову, убить его! Достанем потихоньку меч его, положим у выхода острнем кверху, а сами поднимем тревогу: «Где ты, Дзамболат? Что спишь, как мертвый! Враг гонит стада наши!» Спросонья вскочит он, бросится бежать, упадет на меч и погибнет.

Так решили коварные братья убить своего младшего доброго брата. Повернули они меч острнем кверху и положили у выхода из шалаша, сами сели на коней. Погнали скот и закричали:

— Эй, Дзамболат, что так крепко спишь? Скорей выходи, скот наш угоняют!

Как слышал Дзамболат их крик, вскочил сразу, кинулся из шалаша, да меч, Курдалагоном скованный, ноги по колену ему отрезал, пал он и говорит братьям:

— Пусть не простит вам бог этого! Я вам никогда зла не причинил, но вы поступили со мной, как враги лютые. Прошу об одном — не оставьте здесь младшую невестку, она еще дитя малое.

— Иди с нами! — сказали дзамболатовы братья младшей невестке, но она им ответила:

— Не по дороге мне с вами. Раз вы убили моего мужа, вы и меня не пощадите; оставьте меня с ним, где он умрет, там и я свою смерть найду.

Но Дзамболат сказал ей:

— Если любишь меня, то послушай! Не миновать мне смерти, чтобы не видела ты моих мучений, иди со мной.

Плача, она отправилась со старшими братьями.

Остался Дзамболат один, а вокруг него ни души, некому его покормить, пополз он в надежде хоть птицу летящую подбить палкой и съесть сырой.

Сколько он так прожил, неведомо, но однажды видит — гонится за стадом человек без рук, кого из животных нагонит, у того ляжки откусывает. Запустил Дзамболат в стадо палицей и сразу дюжину убил на месте. Остановился безрукый, в удивлении по сторонам озирается. Дзамболат и говорит ему тогда:

— Иди сюда и, если захочешь, станем товарищами!

Подошел безрукий к Дзамболату и сказал:

— Если ты меня удостаиваешь дружбы, то и я не откажусь!

И решили они жить вместе. Спросил его Дзамболат:

— Что ты умеешь делать?

Тот ответил:

— Я могу зверей пригонять сюда, а ты их будешь убивать!

— Вот это хорошо, — сказал Дзамболат.

И с тех пор безрукий сгонял к шалашу Дзамболата зверей диких, а Дзамболат убивал их.

Вот однажды сидели они в шалаше, слышат: поднялась в лесу какая-то трескотня. «Что бы это значило?» — подумали они. И вдруг из лесу выбежал, запыхавшись, человек и остановился на поляне.

Дзамболат говорит товарищу:

— Пойди-ка, посмотри, что за человек такой, и позови его сюда.

Тот вскочил и побежал к незнакомцу. Как подошел к нему, спрашивает:

— Кто ты? Какого роду-племени?

А тот отвечает:

— Известно, какого я рода, бедняцкого, слепой я, попал вот в лес, как стукнусь сослепу лбом об дерево, с корнями оно выскакивает. Вот так и мучаюсь.

— А у меня рук нет, а товарищ мой, что в шалаше сидит, без ног, все мы трое — калеки. Хочешь, оставайся с нами, будем жить вместе!

— Если возьмете меня в товарищи, я только буду благодарен вам, да **возблагодарит вас бог за меня!** А теперь води меня к своему товарищу! — сказал слепой. Так стали друзьями безногий, безрукий и слепой.

Вот однажды безногий сказал им:

— Нас теперь стало три товарища, а живем мы в шалаше, который я сделал для себя одного. Хорошо бы нам лучшее жилище построить!

А они ответили:

— Хорошо бы, конечно, но как сумеем мы это сделать, ведь у одного из нас нет ног, у другого — рук, а третий глаз не имеет.

Тогда безногий Дзамболат сказал им:

— Не тревожьтесь. Дело это нетрудное! Скажи-ка, слепой, к чему ты способен?

Тот сказал ему:

— Есть у меня особенность: если подведете меня к самому

большому дереву, вырву я его с корнями, ударю о землю, разлетится оно в щепки.

— Тогда сяду я на безрукого, а ты, слепой, держи нас за полы, и так мы пойдем в лес.

Сказал Дзамболат, и они отправились. Как зашли они в лес, подвели они слепого к большому дереву, вырвал он его с корнями, принесли они его к своему шалашу и снова в лес отправились. Когда столько леса собрали, что на дом достаточно было, то сложили из бревен стены, закрыли их изнутри лисьими шкурами, а снаружи оленьими. Кто знает, сколько прошло времени с тех пор, как зажили они в новом доме, но вот однажды пролетела, каркая, над ними ворона и сказала им:

— Что вы пропадаете здесь, горемыки? Ведь умираете с голоду. Лучше бы пошли на свадьбу: алдар выдает дочку замуж, хоть покушаете там вдосталь.

А они ответили вороне:

— Да ведь ты сама падалью питаешься, откуда же ты взяла, что мы голодаем?!

Немного погодя, говорят они друг другу:

— Давайте отправимся туда, может, раздобудем себе хозяйку!

А Дзамболат им сказал:

— Как придем туда, проберемся в то место, где больше народу, станут там над нами подшучивать, скажут: «Ведите гостей в дом, пусть девушки на них посмотрят». А как взойдем наверх, на балкон, то захочет невеста на нас посмотреть, приоткроет окно, высунет голову, я схвачу ее и передам тебе в руки, слепой.

— Пусть только она ко мне в руки попадет, а уж там я ее не выпущу!

А бежать оттуда предоставьте мне! Пока они будут лошадей седлать, я уж дома с ней буду, — сказал безрукий.

Тут уселся Дзамболат на него, слепой взял их за полы, и отправились они на свадьбу. Когда дошли они, увидели их люди, начали над ними смеяться:

— Пригласите этих троих наверх, пусть женщины посмотрят на таких гостей диковинных!

Зазвали их на балкон, и как только высунула невеста голову, схватил ее Дзамболат и передал слепому. Ухватился слепой за полы безрукого, а тот спрыгнул, и поминай как звали.

Хотели некоторые задержать их, но другие воспротивились:

— Оставьте их, далеко не уйдут, все равно на конях вы их тотчас догоните.

Но не такими простыми оказались гости, как люди думали: в один миг исчезли. Как скрылись они из глаз, сели люди алдара на коней, погнались за ними, но их след простыл. А тем временем три товарища с похищенной девушкой доскакали до Кумской степи и прибыли к своему жилью. Тогда женой и безрукий сказали Дзамболату:

— Ты — старший среди нас, бери себе эту девушку в жены! А он им ответил:

— Нет, раньше вас не возьму себе жены!

Но никто из них не соглашался. Тогда Дзамболат сказал им:

— Ну, коли не хотите, пусть будет она сестрой нам!
— Согласны мы, — ответили те, и назвали они девушку своей сестрой.

Как-то девушка спросила их:

— Что с вами со всеми приключилось?

Дзамболат рассказал ей тогда:

— Я был лучше своих братьев, позавидовали они мне и отрезали ноги.

Безрукий сказал:

— Я тоже способнее братьев был и, когда заснул, отрезали они мне руки.

Слепой тоже заметил:

— И я был удачливее своих братьев, заснул я как-то в лесу, а они глаза мне выкололи.

От жалости девушка и слова не может вымолвить

Однажды сказал Дзамболат друзьям своим:

— Есть теперь у нас в доме кому одежду шить, не к лицу нам ходить оборванцами, пойдем в город, купим там материи.

А товарищи спросили его:

— А на что купим, денег-то ведь у нас нет.

Дзамболат сказал им на это:

— Ничего нам и не нужно. Когда войдем в город, то я с безруким зайду в лавку, слепого на улице оставим. Скажем, что деньги наши у товарища. Вынесут они нам материю, а мы попросим разрешения ее показать, убежим с нею, ищи потом ветра в поле.

— Хорошо, — молвили они.

И как раньше, сел Дзамболат на безрукого, слепой взял его за полы, и отправились они в город. Пришли туда, зашли в лавку, говорят хозяину:

— Хотим материал купить!

Тот спросил их:

— А есть чем заплатить?

Дзамболат и говорит ему:

Ваше дело продавать, а наше дело покупать да деньги иметь!

Будь по-вашему! — согласился торговец; начал выкладывать материалы всякие. Выбрали они ткани по сердцу, и Дзамболат сказал:

— Вынесем, покажем мы их товарищу, он на дворе нас дожидается. Если придутся ему по душе, возьмем у него деньги и рассчитаемся с тобою.

Тот сказал им на это:

— Несите!

Захватил Дзамболат материй, сколько мог, сунул их в руки слепому, и в один момент исчезли они из виду. Долго еще кричал лавочник им вслед, денег требовал, но лишь эхо ему отвечало. Прибыли они на место, взялась девушка за шитье и сшила им одежду разную. Начали они снова жить да поживать. Но через некоторое время стала девушка худеть, бледнеть. Спросили ее названные братья:

— Отчего ты худеешь? Если по дому тоскуешь, то отведем тебя!

А она им ответила:

— Не худею я и домой не хочу.

А через несколько дней сильнее она похудела, и Дзамболат сказал товарищам:

— Неспроста девушка худеет, давай потихоньку наблюдать за ней. Хочет, видно, она домой вернуться, но не смеет сказать нам об этом; идите вы вдвоем на охоту, а я здесь останусь. Только не заходите слишком далеко: когда я крикну, чтобы вы слышали.

Ушли на охоту двое товарищей, а Дзамболат спрятался. Видит — спустилась сверху колдунья, поднялась на второй этаж и спрашивает у девушки:

— Никого здесь нет?

Девушка ответила:

— Никого нет.

Тогда колдунья сказала:

— Клянись жизнью Дзамболата!

Та ответила:

— Если говорю неправду, пусть умрет Дзамболат.

Как сказала девушка это, подскочила колдунья к ней, повалила и начала из пятки кровь сосать. Подполз на боку Дзамболат к двери и закричал громовым голосом:

— Где вы, мои смелые товарищи, спешите сюда, вот она та, кто пьет кровь сестры нашей!

Прибежали тотчас слепой и безрукий, открыл им дверь Дзамболат, а сам сидит на пороге, не выпускает из дому никого. Стали товарищи за ведьмой по углам гоняться, но как им было поймать ее? У одного рук не было, у другого глаз. Тогда безрукий схватил колдунью зубами, держит и кричит:

— Вот она!

Как увидел Дзамболат, что ничего им с ней не сделать, сказал:

— Подведите ее ко мне!

Притащили ведьму к двери, схватил Дзамболат ведьму за

волосы, прижал ей голову к земле, испугалась колдунья, взмолилась:

— Не берите греха на душу, сделаю вас такими, как прежде были.

— Неужто, на самом деле? — обрадовались калеки.

— Влетайте ко мне в рот, я проглочу вас, а затем здоровыми выплуну, такими, как были.

Смотрят они друг на друга, не доверяют колдунье, а девушка говорит:

— Дайте, я сначала попробую.

Влезла она в рот колдунье, выбросила та ее обратно. Полез потом безрукий — выпрыгнул с руками. Забрался в рот ей слепой — выскочил зрячим. Сказала тогда колдунья Дзамболату:

— Клянись, если верну тебе ноги, ты не тронешь меня. Поклялся Дзамболат, сунул под язык перочинный нож, полез колдунье в рот. А двое других у дверей сторожат. Бросилась было она бежать, да Дзамболат начал ее изнутри ножом колоть. Тогда выбросила она Дзамболата, и он встал на ноги, как прежде. Теперь все трое стали здоровыми, будто каждого мать сызнова родила.

Захотели убить колдунью побратимы Дзамболата, но он не разрешил им. Тогда убили ее втайне от него. И отправились все вместе в путь. На перекрестке трех дорог попрощались они друг с другом, и пошел каждый к себе домой.

Когда дошел Дзамболат до аула, то повстречается с одним свинопасом и говорит ему:

— Да пошлет тебе бог скота без числа!

— Да будут дела твои праведны! — ответил свинопас.

Дзамболат попросил его пустить к себе на ночь и накормить чем-нибудь, но свинопас ответил на это:

— Мне самому есть нечего, на поминки вот собираюсь идти.

— А что за поминки будут? — спросил Дзамболат.

— Сыновья Бастысарытыха отправились в поиски за табуном отца. В дороге младшего брата убили великаны, вот и устраивают ему поминки два старших брата. Идем со мной, поедим чего-нибудь.

— Нет, я не пойду. Пойди ты, принеси и мне что-нибудь поесть, а я за свиньями присмотрю.

— Хорошо было бы, эти проклятые свиньи ни за что не перейдут через мост, пока не поцелуешь им в зад. Снизойдешь ли ты до этого?

— Почему же и нет? — отвечает Дзамболат; и отправился свинопас на поминки. Дзамболат остался пасти свиней. При-

гнал их к мосту, а там самая большая из них подбежала к нему, хвост кверху подняла. Дзамболат ударил ее дубиной и толкнул в воду. Так он всех свиней побил и побросал в воду. Сам пошел берегом. Идет и слышит: женщина плачет, слезы в ведро роняет. Как посмотрел на нее Дзамболат, сразу узнал, но молчал и глядел, как она ведро слезами наполнила. Вылила женщина слезы, наполнила ведро водой и понесла их домой. Идет за нею следом и Дзамболат, но свою палицу бросил в поле. Пришел он на поминки, посадили его на почетном месте. Слышит он:

— Да будет рухсаг¹ Дзамболату.

Когда покушали люди, Дзамболат им сказал:

— Люди добрые, прошу вас, выслушайте меня!

Когда прислушались люди, он обратился к своим братьям:

— Принесите мне лук и стрелы Дзамболата!

Принесли ему стрелы и лук, и Дзамболат встал и сказал:

— Люди добрые, сидели вы на поминках, пили за упокой Дзамболата, а Дзамболат этот — я, а это — мои два брата. Как нашел я табуны нашего отца, так хитростью отрезали они мне ноги. Милостью божьей отросли у меня ноги, но я хочу спросить братьев: виновен ли я в чем перед ними? Если да, то пусть моя стрела полетит в небо, упадет обратно и поразит меня в голову! Если же нет моей вины перед братьями, то пусть моя стрела летит в небо, обратно вернется двумя стрелами и поразит их в головы.

Пустил Дзамболат стрелу в небо, упали назад две стрелы и пронзили головы старших братьев, рассекли их пополам. Подивился народ этому чуду и разошелся по домам. Спросил тогда Дзамболат свою жену:

— Хорошо ли обращались с тобой жены моих братьев?

Она ответила:

— Целыми днями воду носила да тесто месила, и все поносили меня

— Ладно! — сказал Дзамболат, привязал обеих женщин к хвостам жеребцов, пустил их скакать по горам.

Вечером свинопас постучал в дверь и спросил:

— Где мои свиньи?

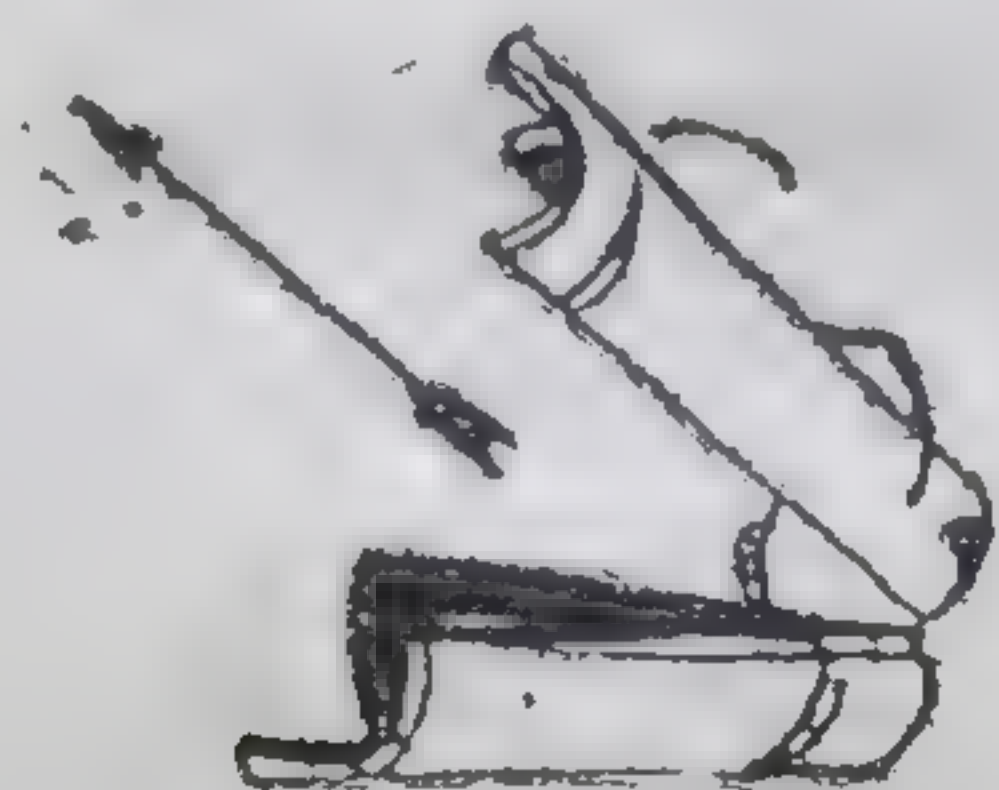
Дзамболат ответил ему:

— Вот тебе деньги, довольно тебе свинопасом быть, поселись возле моего дома.

¹ Рухсаг — слово поминовения покойника: «Да удостоится покойник пребывания в светлом месте!»

Позвал свинопас глашатая и попросил его прокричать:
— Забирайте своих свиней, хозяева!

С тех пор и свинопас живет-поживает возле Дзамболата!
Как всего этого не привелось вам видеть, так пусть беды и бо-
лезни вас минуют!

12. ВОСПИТАННИК ВЕЛИКАНА

Жили однажды бездетные муж и жена. Много лет прошло, а детей у них все не было. Вот муж и говорит однажды жене:

— К чему мне такая безрадостная жизнь, пойду, поищу погибели на свою голову.

Созвал он себе двенадцать товарищей и говорит им:

— Собирайтесь в дорогу, пойдем по белу свету странствовать!

Отправился он в путь со своими двенадцатью спутниками. Долго ли шли, мало ли, но как-то полдень застал их в Черном поле. День выдался знойный. Земля в Черном поле вся от жары потрескалась. Стала мучить их жара, захотелось им воды испить, а ее нигде не было. Подошли они к опушке леса, сели и призадумались: как быть им дальше? Тогда тот из мужчин, у которого детей не было, предложил своим товарищам:

— Пусть каждый из нас пойдет вдоль какого-нибудь оврага, авось набредет на воду, а кто первый ее сыщет, пусть выстрелом даст знать, мы и соберемся все туда.

Согласились они, двинулся каждый в путь. Бездетный тоже пошел вдоль оврага и вдруг видит: в одном месте бьет из-под большого бука холодный ключ. Подъехал мужчина к нему, снял шапку, присел на корточки. Выпил он воды, утолил жажду, потом выстрелил из ружья, чтоб собрались все товарищи.

На выстрел вдруг дерево свалилось, из-под него выскочил семиголовый великан.

— Какой осел, какая собака мой покой нарушает? Кто

здесь смеет стрелять, когда около моего жилища и пикнуть никто не отваживался?!

Тогда пришелец повернулся в его сторону и сказал:

— Бог проклял меня и до старости не дал мне потомства, вот я и уехал из дому с двенадцатью своими товарищами чтобы сложить где-нибудь свою несчастную головушку. В дороге нас стала мучить жажда, и мы решили пойти каждый в разную сторону, чтобы найти воду. Я вот набрел на нее, потому и выстрелил, чтобы собрались сюда мои спутники. Вот тебе и все мои хабары!

— Ну, теперь о смерти не думай больше! — сказал ему великан. — Ступай домой, к возвращению своему найдешь дома три дара, но один из них отдашь мне!

— Появился бы у меня наследник, а там хоть и все три дара пусть твоими будут!

Сказав это, великан исчез под землей, а дерево поднялось и на прежнее место стало, как будто и не падало.

Собрались тут все двенадцать всадников, выпили воды, затем их бездетный товарищ и говорит им:

— Пойдем теперь по домам, хватит скитаться.

А к его возвращению родилось у его жены три сына. Как было ему не обрадоваться! Устроил он пир великий, созвал народ со всех окрестных сел, и целую неделю веселье в доме стояло.

Прошло с того дня несколько лет. Сыновья тем временем подросли. Однажды отец позвал старшего и сказал ему:

— За мною есть долг, не расплатишься ли ты за меня?

— Если ты задолжал, сам и расплачивайся, я тут ни при чем: — ответил старший сын.

Позвал тогда отец среднего, и тот также отказался.

Тогда позвал отец младшего сына, а тот сказал:

— Разве, баба,¹ я смогу тебе отказать в чем-нибудь?

На другой день отец позвал своих двенадцать товарищей, с которыми некогда ходил в дальние края, и сказал им:

— Отведите этого мальчика туда, где мы с вами под деревом воду пили. Как придете к этому месту, крикните: «Великан, вот, тебе твою долю прислали!». Мальчика оставьте в лесу, а сами возвращайтесь обратно.

Отвели они мальчика под то самое дерево и крикнули великану:

— Прислали тебе долг твой! — потом вернулись домой.

¹ Баба — так обращаются дети к отцу, обращение аналогичное русскому «папа».

Дерево повалилось набок. Выскочил оттуда семиголовый великан, увидел мальчика, обрадовался и унес его к себе.

Стал растить его великан: вскармливал его звериными мозгами, умывал студеной лесной водою; и не нашлось бы теперь среди сверстников равных ему по силе и сложению.

Кто знает, сколько времени они так прожили, но великан не мог налюбоваться на своего питомца, а мальчик все рос и мужал. Великан же старел день ото дня. Вот однажды позвал он юношу и сказал:

— Долго я жил на свете и не было для меня ничего недоступного, неисполнимого, только одного не удалось совершить!

— Что же это такое может быть, что бы не удалось тебе совершить? — подивился юноша.

— Далеко-далеко, за двумя горами, которые, смыкаясь, ударяются друг о друга вершинами, подобно круторогим баранам, осталось у меня одно сокровище. Постарел я, уж не надеюсь на свои силы, а то сейчас бы за ним отправился.

— Баба, поеду я вместо тебя, может, удастся мне исполнить то, что ты не успел. Ведь недаром ты меня столько лет вскармливал звериными мозгами!

— А вдруг, дитя мое, с тобой что-нибудь случится, ты ведь у меня еще ребенок!

— Большей силы, баба, чем сейчас, у меня никогда не будет, отпусти меня, не то жизнь отныне станет для меня не мила.

Великан не соглашался, а юноша все настаивал на своем. Наконец великану пришлось покориться, отпустил он юношу, сказав ему на прощанье:

— Пусть будет по-твоему, да сопутствует тебе удача в делах и добудешь ты то, чего я не добыл. Возьми эти семь ключей и слушай меня внимательно: там, за горами, что встречаются вершинами, как два круторогих барана, в ущелье стоит замок. Семь его комнат крепко заперты. Ты одну за другой отомкни все двери и тотчас закрой их за собой! Когда будешь открывать двери, то увидишь в каждой из комнат множество народу: все они будут тебя называть, кто сыном, кто другом, кто родственником, а ты слова никому не скажи, ни доброго, ни худого. И вот, когда дойдешь до седьмой комнаты, то увидишь и поймешь, зачем ты приехал...

Выслушав великана, отправился юноша в путь, как могло быть иначе? Миновал он благополучно то место, где две горы, как два дерущихся барана, стукались друг о друга своими вершинами, и увидел замок, о котором говорил великан. Выполнял он наказ своего названного отца, дошел до седьмой комна-

ты. В комнате был цырахдаран¹ в двести сорок ручек, и сияли они все, подобно звездам. Взял питомец великана этот драгоценный светильник и пошел с ним обратно, прикрывая за собой двери, ни с кем по дороге не обмолвился словом. И вот в своей последней комнате видит он девушку, протягивает она ему такой же цырахдаран и говорит:

— Юноша, возьми с собой и этот, пусть оба они принесут тебе счастье, нам они больше не нужны.

Как только протянул он руку к девушке, так сразу и замок, и люди, и цырахдараны эти прекрасные — все сразу исчезли, остался юноша один. Смотрит, а дороги перед ним нет. Две горы, которые то сходились, то расходились, вершинами сомкнулись и преградили ему путь!

«Положение не из завидных, — сказал себе юноша, — кому пожалуешься? Ни единой живой души кругом не видно! Надо самому искать выход». — Оглянулся и видит: бегут со всех сторон горные ключи, стекаются все в одно место и исчезают под землей.

«Не остаются ж эти воды под горами, — думает юноша, — выходят же они где-то на равнину, может быть, и я с ними найду дорогу, но как?» — И вдруг смотрит, стоят перед ним два горца, буйвола держат. Зарезали они его, освежевали под бурдюк. Юноша и говорит:

— Я влезу в бурдюк, а вы его сверху крепко завяжите и бросьте в воду.

Как сказал он, так и сделали горцы. Пять дней и ночей плыл он в бурдюке под горами, где река себе подземный путь проложила, потом почувствовал вдруг, что движение воды стало менее стремительным. Достал он нож, прорезал отверстие в бурдюке и увидел свет. Но до равнины было еще далеко. Целые сутки, день и ночь, пришлось ему плыть, подталкивая бурдюк. Солнце уже склонилось к закату, когда он вылез из бурдюка и ступил на землю. Пошел он берегом реки и встретил вдруг рыболовов: убирали они сети и складывали наловленную рыбу в арбы.

— Благополучного вам пути! Поздравляю с богатым уловом!

— Да исполнятся твои желания! — отвечали рыбаки. — Но так тебя дальше с пустыми руками не отпустим. Давай на твое счастье еще раз забросим сети в воду.

Забросили они сети в воду, а как же иначе? Достали ему большую рыбу, длиною в двенадцать локтей, шириною в три локтя.

¹ Цырахдаран — приспособление, подставка для лучины.

— Пусть те
трут, вот креме
Поблагодар

яси. Развел он
ем ножа по ж
троха и... о, чу
цырахдаран, ч
обрадоваться?

Зажарил

него ни хлеба

«Не плох

про себя, раз

его, как выск

лю, и появил

еда и напитки

неведомо куд

Уже стемнел

его стоял дом

переночевать

Оставил

раздобыть ч

Догада

нул он о зе

— Появ

пусть стары

И выро

А женщина

она нового

— Верн

не узнаешь

Вошла

настало вр

оземь — и

они, поели,

Когда

— Не

переночую.

Под у

вокруг осв

ноту, и на

Барка

— Пусть тебе, гость, и дальше посчастливится! Вот тебе трут, вот кремь, а тут и соль, угощайся себе на здоровье!

Поблагодарил их юноша, и рыболовы отправились восвояси.

Развел он на берегу реки огонь, взял рыбу, провел лезвием ножа по животу, разрезал ее. Стал выбрасывать рыби потроха и... о, чудо! Видит: в животе у нее тот же прекрасный цырахдаран, что нашел он за двумя горами. Как было ему не обрадоваться?

Зажарил он рыбу на огне, приступил к еде, но не было у него ни хлеба, ни питья.

«Не плохо б хоть корку хлеба иметь!» — думает юноша про себя, разглядывая цырахдаран. Только хотел он поставить его, как выскользнул цырахдаран из рук его, ударился о землю, и появился вдруг перед юношей фынг-самоклад, а на нем еда и напитки разные. Выпил юноша, покушал, и фынг исчез неведомо куда. Взял юноша цырахдаран и отправился в путь. Уже стемнело, когда добрался он до одного селения. На краю его стоял дом бедной вдовы. Зашел юноша туда, попросился переночевать. Забеспокоилась женщина — чем накормить гостя?

Оставила она его дома одного, а сама побежала к соседям раздобыть чего-нибудь, чтоб не остался гость голодным.

Догадался юноша из-за чего обеспокоилась хозяйка, стукнул он о землю цырахдараном своим диковинным и сказал:

— Появись на этом месте дом в четыре этажа, а ворота пусть старые останутся!

И вырос вдруг во дворе бедной вдовы четырехэтажный дом. А женщина к этому времени вернулась от соседей, не узнала она нового дома, прошла мимо своего двора.

— Вернись! — закричал ей юноша. — Это твой дом, разве не узнаешь ты своих ворот?

Вошла вдова в новый дом свой, а как же иначе? А когда настало время ужина, ударил юноша снова цырахдараном оземь — и встал перед ними фынг с едой и напитками. Выпили они, поели, юноша за баркад¹ поднял тост, и фынг исчез.

Когда настало время ложиться спать, гость сказал хозяйке:

— Не беспокойся, я поднимусь на четвертый этаж и там переночую.

Под утро проснулся он, лежит, думает. Смотрит, вдруг все вокруг осветилось, засияло, а затем вновь погрузилось в темноту, и на небе опять зажглись звезды.

¹ Баркад — изобилие стола.

Утром гость и спрашивает хозяйку:

— Что это за диво? Незадолго до рассвета все вдруг озарилось, а потом снова потемнело.

— Это, вероятно, дочь алдара проснулась и потянулась в своей кровати, — объяснила женщина.

— А нельзя ли ее увидеть?

— Алдар никуда не пускает ее, никому не показывает. Призадумался юноша.

Пристало ли ему мужчиной называться, коль не сможет он этой девушки увидеть?! Но как это сделать, если держит алдар свою дочь на самом верху башни, а башня в небо упирается? Думал он, думал, и, наконец, на вторую ночь, когда все село и сам алдар заснули крепким сном, взял свой цырахдаран, ударил им о землю, и вырос вдруг от дома вдовы до самого верха башни железный мост.

С вечера до утра пробыл юноша в комнате девушки, а когда стемнело, вернулся опять в дом своей хозяйки. Ударил цырахдараном о землю, и мост исчез. С того дня каждую ночь в одно и то же время гость вдовы навещал башню алдара.

Но тайное всегда становится явным, и скоро все открылось. Алдар призвал двух слуг своих и приказал им:

— Вот вам бутылка! Возьмите ее, отведите дочь мою единственную в далекие края, убейте там и наполните бутылку кровью моего дитяти, принесите сюда, утолю я жажду кровью ее, успокою свое горе. Опозорила она мою голову.

Повели слуги с собой дочку алдара. А юноша места себе не находит.

— Пропадает из-за меня во цвете лет своих девица-красавица, и алдар по вине моей тяжкий грех возьмет себе на душу. Должен спасти я и дочь, и отца.

В одно мгновение очутился юноша перед слугами алдара. Стукнул цырахдараном и воздвиг на пути их дом, а в доме том стол ломится от яств и напитков.

Стал у порога и приглашает:

Заходите гости, отдохните с дороги, а затем свой путь продолжите!

Зашли гости, сели за стол, едят, пьют, и дочь алдара с ними рядом сидит. Юноша и виду не показывает, что узнал их, спрашивает, кто они, откуда, куда путь держат.

И рассказали ему тут оба слуги откровенно обо всем, что наказал им алдар.

— Не свершите такого злодеяствия, не возьмите себе на душу греха тяжкого!

— Тогда не сносить нам голов наших; правда твоя, большой это грех — загубить девушку, но не оставит иначе алдар нас в живых.

— Послушайте меня: и разбогатеете, и живыми останетесь.

— Расскажи нам, что ты надумал, а мы посмотрим, обернется ли это для нас к хорошему, — сказали гости.

— Ну, так вот вам мой совет: наполните бутылку куриной кровью и отнесите алдару, а за девушку дам я вам столько скота, чтоб никогда вы больше в жизни своей бедности не знали.

Вернулись работники домой, пригнали несметные стада к алдару, принесли в бутылке куриную кровь.

— Не многим столь счастливая дорога выпадает! — говорили они друг другу.

А юноша, спустя некоторое время, вернулся к знакомой вдове вместе с женою. Обрадовалась женщина гостю и дочери алдара, а та тотчас, как подобает невестке, принялась за дело, начала по дому хлопотать, хозяйничать.

Кто знает, сколько времени прошло с тех пор, как поселился в доме вдовы воспитанник великана с дочерью алдара, но вот однажды говорит он:

— Разве можно сыскать в мире красивее моей хозяйки?

— Да проживите вы всю свою жизнь в любви и согласии, да будут долгими ваши дни!

А он снова смотрит на свою жену, не нахвалится:

— Не найдется в целом свете стройней и красивее ее.

Однажды вдова и сказала ему:

— Спору нет, всем хороша твоя жена: и умом, и правом, и красотою, но клянусь, пусть не в обиду тебе будет сказано, ведь на свете всегда найдется красивее самой красивой, прекраснее самой прекрасной.

— Нет, не найдется нигде такой! — сказал юноша.

Прости меня, гость мой, заменивший мне сына. Благодаря тебе невестку имею, радость жизни нашла. Мало ты еще живешь на белом свете, о многом не слышал, а как проживешь столько же, сколько я, так увидишь и тех, кто красивее самых красивых.

— Так назови хоть одну, коль ты такую видела.

— Лучше б не просил ты меня об этом, — ответила женщина, будь доволен тем, что выпало тебе на долю, и проживешь счастливо до конца своих дней.

— Не найду я себе покоя, коль не скажешь мне.

— Ну, если уж говорить о красавицах, то нет равной жене Курдалагона. По всему небесному простору не сыщешь

краше ее, да и не было никогда еще такой на белом свете, — сказала вдова.

Не мог в эту ночь юноша сомкнуть своих глаз. А утром собрался и отправился на небо к Курдалагону.

Долго ли шел он, нет ли, кто знает, но, наконец, добрался он до неба. Переоделся он бедняком и проходит мимо кузницы Курдалагона.

— Кому каменщик требуется? За качество кладки ручаюсь.

Оставил Курдалагон свою работу, пошел к нему и говорит:

— Мне нужно стену сложить. Подожди меня здесь, я пойду, с хозяйкой посоветуюсь, а о плате сговоримся.

Вскоре Курдалагон вернулся, и договорились они об условиях работы.

Приготовили камень, известь, песок — все, что для кладки стен требовалось.

Начал юноша работать. Не успел он несколько рядов камней уложить, как солнце уже за горы спряталось. Наступил вечер. Курдалагон оставил кузницу и направился в свои хоромы. А воспитанник великана ночью достал свой цырах-даран, ударил им о землю, и выросла перед ним стена до половины.

Утром Курдалагон вышел на стену посмотреть, удивился, — никогда еще с такой быстротой и так искусно не работал ни один каменщик.

Уж как было Курдалагону не расхвалить его работу жене своей.

Приготовила тогда хозяйка хорошее угощение, отправила работнику, а на пироге начертала слова благодарности.

На вторую ночь опять ударил юноша цырах-дараном о землю, и осталась только небольшая часть стены несложенной. Утром Курдалагон застал его уже за работой.

— Ничего здесь особенного нет! — сказал юноша удивившемуся Курдалагону. — Пока у меня работа не закончена, не знаю я ни отдыха, ни усталости, а ночью работа у меня лучше спорится.

Хозяйка на этот раз приготовила угощение еще богаче, а сама призадумалась:

«Не простой это, вероятно, работник! Неужели такая работа под силу земному человеку?»

А юноша велел поблагодарить хозяйку и написал, что мечтает взглянуть на нее хоть разок.

Жена небесного кузнеца Курдалагона жила за закрытыми дверями, в седьмой комнате, между двух гор. Никто не видел еще лица ее, ее плавной походки.

II вот однажды ночью явились перед юношей двенадцать арб, запряженных буйволами, и двенадцать работников с лопатами. Взялись двенадцать работников за дело и прорыли подземную дорогу прямо под пол комнаты жены Курдалагона.

А на утро Курдалагон застал юношу опять за кладкой стен. Зашел он в свою кузницу и приступил к работе. Раздулись кузнечные меха, взмахнул он молотом; и как посыпались искры из раскаленного железа на небесной наковальне, в это самое время каменщик постучался в пол комнаты, где жила жена Курдалагона. Впустила его женщина к себе, и стали они советоваться, как им скрыться от Курдалагона. А у того было три сокровища: арчита,¹ кусок воловьей кожи и шуба. И имели они такие чудесные свойства: оденешь арчита на ноги — очутишься там, где захочешь; на кусок воловьей кожи можешь уместить хоть целое село и лети, куда вздумается; а у шубы воротник песни поет, рукава прихлопывают, а полы танцуют.

Захотелось юноше иметь эти чудесные вещи, и стали они придумывать, как бы ими завладеть. Думали, думали и надумали: взял однажды каменщик арчита Курдалагона и передал их одному из работников.

— Возьми, пройди с ними по улице мимо кузницы, предложи их, может быть, кто купит.

Отправился работник продавать арчита. Каменщик продолжал класть стены, а Курдалагон ковал в небесной кузнице. В это время с улицы слышалось:

— Арчита, арчита, кто купит? Дешево отдам! Хороший товар! — кричал работник.

Каменщик стал рассматривать арчита, потом зашел в кузницу к Курдалагону и говорит ему:

— Купи для меня в счет платы за работу, я скоро в обратный путь собираюсь, понадобятся они мне.

Взглянул на них Курдалагон и остолбенел: если только это не его арчита, то до того похожие, что можно их спутать! Но как могли сюда попасть его арчита? Ведь они хранятся за семью замками, между двух гор.

— Подожди меня здесь, я только сбегаю домой.

Как только Курдалагон отправился к себе, каменщик подземным ходом опередил его, передал жене его арчита, и она положила их на прежнее место. Увидел их Курдалагон, изумился. А жена спрашивает его:

¹ Арчита — легкая обувь горцев из сыромятной воловьей кожи, род лаптей.

— Что случилось, хозяин мой, никогда ты так рано с работы не приходил?

— Продаются на улице арчита, спутать можно с моими. Наш каменщик и говорит: «Купи мне в счет платы!» А я задумался: купить ли их? А вдруг они окажутся моими! Но как это возможно, думаю, ведь муха не пролетит сюда, в наши покои.

— О горе мне! С ума сошел хозяин мой! Разве тот, кто их сделал, других таких не сможет сделать, как ты думаешь?

Сконфуженный, вышел Курдалагон из дому. А жена его тотчас передала каменщику арчита под пол. Когда Курдалагон подошел к кузнице, то продавец с арчита дожидался его уже там.

Купил их Курдалагон и отдал каменщику, а как же могло быть иначе? Таким же способом купил Курдалагон каменщику и кусок воловьей кожи, и свою собственную шубу.

А на четвертый день снова донеслось с улицы:

— Продается женщина! Женщина продается! Кто купит женщину!?

— Курдалагон, — говорит каменщик, — на улице женщину продают, ни одна не родит больше такой красавицы. Купи мне ко всему остальному и ее, на днях я кончаю работать и отправлюсь домой.

Поспешил Курдалагон опять в свои покои, но все застал на своих местах — и женщину, и чудесные вещи.

— Отчего ты так запыхался, хозяин мой, что с тобой?

— Да провалится твой очаг! Чуть дух я не испустил, так спешил.

— А что случилось?

— Не видывал я большего сходства: на улице продают женщину, на тебя похожа, как две капли воды. Просит меня каменщик, чтоб для него купил я и ее тоже. Не скрою от тебя, как взглянул я на нее, стал сам не свой и бросился сюда, чтобы убедиться, дома ли ты.

— О, чтоб покинул тебя твой ангел-хранитель. Видать, совсем ты ума лишился! Мать, что меня родила, разве не сможет родить еще такой, как по-твоему, каким ты глупцом оказался! А я еще умным тебя называла. Каменщик ведь бедный человек, купи ему эту женщину, пусть себе живет на здоровье с хорошей женой, он же работой своей не обидел тебя?

Купил тогда Курдалагон каменщику и жену свою.

Сели тут каменщик с женой Курдалагона на кусок воловьей кожи, взяли они с собой арчита и шубу и покинули хоромы небесного кузнеца.

Пусть с врагом вашим так случится, как было с Курдалагоном, когда понял он, что так обманулся. Бросился он тотчас в погоню. Долго ли, мало ли он гнался за ними, кто ведает, но в одном месте он настиг их.

— Почему ты украд чужое добро, чужую жену похитил? — спросил Курдалагон юношу, воспитанника великана.

— Не чужие, мои они! Правда, когда-то принадлежали они Курдалагону, но теперь я единственный их хозяин.

— Каким это образом? — допытывался Курдалагон.

— Воздвигал я стены вокруг твоего двора. Не ты ли сам купил мне эту женщину и эти вещи в счет моей работы? Или, по-твоему, кто-нибудь другой должен был их подарить мне за работу, выполненную Курдалагону?

— Это правда, но поддался я обману.

— Это меня не касается, работал я на совесть; что положено мне за работу, то и беру с собой, не виноват я. Была б тогда вина моя, коль нарушил бы я условия и не выполнил работы в срок.

— В работе твоей нет изъяна!

— Ну и пускай тогда каждый из нас идет своей дорогой!

Понутив голову, сгорбившись, вернулся Курдалагон на небо. С той поры без устали работает он в небесной кузнице. Все сильнее раздуваются кузнечные меха, далеко разносятся удары его молота, не утихает их стук. Не щадит своих сил Курдалагон, в работе забыться старается, боль сердца унять...

А воспитанник великана вернулся в селение алдара и снова стал жить в доме вдовы и по сей день живет в счастье и благополучии.

13. АЦЫРУХС¹

Алдар и его жена были владельцами несметных богатств. Скота у них было так много, что некуда было его поместить.

Если бы вам вздумалось объехать их земли, то прежде всего вам бы встретились птичницы алдара, выхаживающие несметное количество кур, потом бы вы увидели женщин, смотревших за гусями, а за ними множество индюков. Затем вы подъехали бы к бессчетным отарам овец: овец было так много, что чабаны не в силах были иной раз повернуть в сторону это живое волнующееся море. Далее повстречались бы вам стада коров, табуны лошадей. И все это, начиная с птиц и кончая четвероногими, принадлежало алдару.

Множество селений было расположено на землях алдара, и жители ежегодно платили ему большую дань.

Многие, равные ему по происхождению, завидовали его богатству.

Но сердце алдара ничему не радовалось.

Он переступил уже возраст силы и мужества, и к нему и его жене уже подкрадывалась старость, а детей у них не было.

¹ Ацырухс — женское имя — дословно: ацм — этот, рухс — свет, дочь солнца.

Черные думы завладели алдаром: «Пойдет все мое состояние по рукам! Как волки жадные грызутся над добычей, так чужие люди разорвут на части, растащат то, что осталось мне от моих отцов. За мои несметные богатства на поминках не скажет никто даже рухсаг!»

И решил алдар предать огню все свое достояние и сам погибнуть вместе с ним.

Горит поместье алдара, далеко видны отблески пожара, дым к самым небесам поднимается.

Тогда призвал бог ворону и приказал ей:

— Лети, узнай, кто мне дымом досаждаёт?

Полетела ворона, но увидела по дороге навоз, присела и задержалась там.

Не дождавшись вороны, бог послал вслед за нею ласточку. Полетела ласточка, посмотрела на жизнь алдара с женой, на их одинокое горе, вернулась к богу и сказала:

— Алдар остался без потомства, горе переполнило его сердце, и потому поджег он свое достояние.

— Вот тебе шкатулка, — сказал бог, — в ней сидят три воробья. Отнеси ее алдару и скажи, чтобы прежде всего он потушил пожар; затем отдай шкатулку и предупреди его — пусть жена его съест трех воробьев с потрохами поджаренными, и к концу года у нее родится сын.

Отнесла ласточка шкатулку алдару и поведала ему о веле-нии бога.

Алдар приказал слугам потушить огонь, а жена его села у очага, стала на вертеле жарить воробьев и есть их.

Съела она двух воробьев, потом надела на вертел третьего и стала держать над огнем. В это время вбежала в дом сука и села около очага.

Держала держала женщина воробья на огне, вдруг брюшко его лопнуло и выпали потрошки. Сука схватила их и съела. А воробья алдарова жена скушала.

Не прошло года, как ахсин¹ родила мальчика, и сука тоже оценилась мальчиком.

— Оба эти мальчика — дар бога, — сказал алдар и в честь такого торжества устроил великий пир.

Как было алдару с женой не растить этих мальчиков?

Начали мальчики жить, есть, пить. Быстро летели дни, так же быстро росли мальчики. Стали в игры играть разные. Алдар натачил им стрелы, и с тех пор до позднего вечера домой их было не дозваться.

¹ Ахсин — госпожа, жена алдара.

С некоторых пор сын алдара начал шалить: не могли из-за него девушки пройти ни на мельницу, ни к источнику за водой — разбивал он стрелами их кувшины, разрывал их кожаные мешки.

Однажды дочь колдуньи вернулась домой с плачем и сказала:

— Не могу я больше терпеть шуток сына алдара! Что ни день, разбивает он у меня по кувшину.

Мать приласкала ее и утешила:

— Не плачь, доченька, свет моих глаз! Стерпи еще на этот раз. Но если еще он обидит тебя, ты скажи ему: «Что это ты разошелся? Чем так возгордился? Или любовь к Ацырухс, сестре семи великанов, так сильно тебе сердце поранила?! Пусть с того времени, как ты узнал о ней, покинет тебя покой, да не захочешь ты ни пищи, ни воды!»

Выпала стрела из рук сына алдара, когда наслала дочь колдуньи на него это проклятие. Вернулся он домой мрачный, опустив голову. Не вышел сын алдара и на второй день на улицу, не взял больше стрел в руки.

— Что с тобой? Отчего ты такой грустный? — спросил его рожденный сукой.

Ничего не сказал ему в ответ сын алдара. Но тот не оставил его в покое, пока сын алдара не поведал ему о проклятии дочери колдуньи и не рассказал об Ацырухсе, сестре семи великанов.

— Отправимся на поиски Ацырухс, — сказал сын суки. — Если великаны считают кого-нибудь достойным своей сестры Ацырухс, неужели они не окажут этой чести тебе, кого они могут найти лучше тебя?

Собрались они в дорогу и поехали свататься к Ацырухс.

Долго они ехали и вдруг видят — дорога исчезла; куда дальше ехать, не знают. Тогда сын суки достал из своего колчана стрелу, натянул ее на тетиву и сказал:

— Лети, стрела, вонзись в дом семи великанов, и пусть развернется следом за тобою проезжая дорога до самого их дома.

Стрела полетела и вонзилась у самого порога дома великанов. Задрожал весь дом снизу доверху, ружья со стен падали.

— Недобрые гости к нам жалуют, — говорят великаны, — когда в ненастные дни земля с небом сходится, то и тогда наш дом так не трясется!

Вскоре по широкой проезжей дороге прибыли к великану оба брата.

Более-не
как же иначе
ликанов обр
— Как
— Хот

Если кого-н
ры своей А
нем рассказ
жет быть, п
валяемся, н
зы бывалы
пускаетесь!

— Ми
не скроем,
впредь ник
Ацырухс ж
чьими дела
ней жених
это время,
Ацырухс с
за эти три
ти наши, н
пытайте с

На вт
ки, отпра
Ацырухс.
ку, сразу
напала, ч
Стал он
вокруг к
вернулся
о том, о

На
ликаны
тыми о
окна ба
Вот
да от с
весело.

На
отправи
ся. Но и
ла с ним
Вер

Волей-неволей пришлось великанам гостей приветствовать, как же иначе? Посидев для приличия немного, старший из великанов обратился к гостям:

— Каким ветром занесло вас в наши края?

— Хотим мы породниться с вами, — ответил сын суки. — Если кого-нибудь из земных людей вы сочтете достойным сестры своей Ацырухс, то тогда приехали мы свататься. Если станем рассказывать, из какого дома мы, из какой семьи, то, может быть, покажется вам это некрасивым, подумаете, что похваляемся, но об алдаре, наверно, вы сами слышали — люди вы бывалые, в какие только края не ездите, в какие походы не пускаетесь!

— Много женихов приезжало к нашей сестре Ацырухс, не скроем, никому из сватавшихся не ответили мы отказом, и впредь никого не вернем мы из храбрых людей. Сестра наша Ацырухс живет в той высокой башне, целый день она там девичьими делами занимается — кроет и шьет. Открыта дорога к ней жениху в течение трех дней. Если заговорит она с ним за это время, и мы возражать не станем. Знать, сам бог судил Ацырухс судьбу такую! Если же не заговорит она с женихом за эти три дня, то снимем ему мы голову с плеч. Если вы, гости наши, надеетесь на себя и согласны на наши условия, то попытайте свое счастье!

На второй день утром семь великанов и гость их, сын суки, отправились на охоту. А сын алдара направился к башне Ацырухс. Смело вошел он в башню, но, как взглянул на девушку, сразу утратил всю свою решимость, такая робость на него напала, что слова не может вымолвить, точно язык проглотил. Стал он у света, чтобы девушка его приметилла, затем обошел вокруг красавицу, но она даже не взглянула на него. Наконец, вернулся к нему дар речи. Начал он с Ацырухс заговаривать, о том, о другом спрашивать, но она в ответ и рта не приоткрыла.

Наступил вечер. Юноша покинул башню. Чуть позже и великаны с охоты в обратный путь направились. Едут они с убитыми оленями, и гость их тоже с добычей возвращается. Из окна башни светится лицо Ацырухс, дорогу им освещает к дому.

Вошли они, приготовили ужин, угостились на славу, а когда от сына алдара узнали его хабары, стало у них на сердце весело.

На следующий день великаны и сын суки снова на охоту отправились, а сын алдара опять в башню к Ацырухс поднялся. Но и в этот день ничего не смог он поделать — не заговорила с ним Ацырухс.

Вернулись опять из лесу семь великанов с оленьими ту-

шами, с громадными, в несколько обхватов, деревьями, с корнями вырванными; сын суки тоже принес на спине убитого оленя. Вдруг подул ветер, подхватил перо, лежавшее возле башни, и коснулось оно оленя, убитого юношей. И олень вдруг ожил, соскочил со спины юноши, бросился бежать и скрылся в темном лесу. Сын суки, пораженный, застыл на месте: такого дива до сих пор никогда не случилось. Поднял он это перо и положил в газырный карманчик своей черкески. Узнав о неудаче сына алдара, великаны обрадовались пуще прежнего. А сын суки, глядя на них, думает:

— Рано вы зубы скалите, ослы слюнявые! Прежде времени развеселились!

А сам повернулся к сыну алдара, стал его подбадривать и дал совет:

— Во дворе рваная шубенка валяется, как встанешь утром, одень ее, лицо себе разноцветными красками вымажь и поднимись в таком виде в башню к Ацырухс. Я уверен, как увидит она тебя размалеванным, сразу заговорит с тобой!

На третий день явился сын алдара к Ацырухс в этой старой шубенке, вымазал себе лицо разноцветной краской.

Не устояла Ацырухс, улыбнулась и говорит ему:

— Что ты меня не оставляешь в покое. Уж третий раз по твоей вине остаются мои дела невыполненными.

Вечером вернулись великаны домой, принесли олени туши и деревья, с корнями вывороченные. Шли дорогой, веселились — снимут, мол, они гостью голову, отведают мяса человеческого.

«Посмотрим, придется ли вам радоваться!» — подумал про себя сын суки.

Недобрая весть ожидала великанов: дома они узнали, что Ацырухс заговорила с сыном алдара.

Полуночи великаны обратились к гостям:

— Сестра наша заговорила, это правда, но если зять наш не выполнит еще одного поручения, то нам он в зятя не годится, и сестра наша Ацырухс не выйдет за него замуж.

— Когда мы вначале договорились, то, верно, вы еще малыми детьми были, за три дня у вас, я вижу, ума прибавилось! А еще через несколько дней, пожалуй, умнее вас и не сыщешь! Теперь Ацырухс приходится мне невесткой, и вы уж никаких прав на нее не имеете, — сказал сын суки. А великаны не соглашались.

— Во дворе растет у нас высокое дерево, если зять наш донесет до его верхушки чашку с растопленным маслом и принесет ее обратно, не расплескав ни капли, слова лишнего не

скажем, а иначе невестку вам отсюда не забрать! — сказали они.

Стал с ними товарищ сына алдара препинаться.

А молодой зять тем временем дал знать Ацырухс о новой затее великанов.

— Возьми один волосок с головы моей, влезая на дерево, опусти один конец его в чашку, и станет масло твердым, как чед, а когда сойдешь с дерева, опусти другой конец его в чашку, и растопится масло снова. А теперь иди и пусть прекратятся споры между вами.

Взял юноша чашку с растопленным маслом, опустил в нее кончик волоска, и масло затвердело. Тотчас юноша оказался на верхушке дерева, кто знает, какой высоты было оно? Но когда кинул взгляд с вершины ее вдаль, то увидел отчий край, где вырос он сам. Сжалось у него сердце, вспомнил он родительский дом и вдруг, на дереве сидя, заплакал.

— Пролил он масло, — обрадовались великаны, — не напрасно же он слезы льет. Теперь не уйти ему от нас!

— Пусть слезет пока с дерева, а там видно будет, как с ним поступить! — возразил им сын суки.

Сошел сын алдара с дерева, сунул в чашку с маслом другой конец волоса, растопилось масло снова.

— Видно, бог предназначил ее для тебя — сказали великаны, — пусть будет единственная сестра наша Ацырухс тебе доброй подругой!

Начали молодые готовиться в дорогу. А великаны с сыном суки отправились на охоту.

— Повелитель мой, вручаю тебе семь ключей — обратилась Ацырухс к сыну алдара, — отомкни вон ту дверь, а за нею увидишь другие шесть дверей. Как зайдешь ты в шестую комнату, увидишь там все наши сокровища: найдешь золото, серебро, бусы, цыкура, алмазы, бриллианты и, помимо того, доспехи всякие, снаряжение для коня и мужскую одежду. Что тебе придется по душе, сколько ни пожелаешь, можешь взять. Не открывай только, зарекаю тебя, дверей седьмой комнаты, отомкнешь ее — погибли мы тогда оба!

Взял у нее сын алдара семь ключей, открыл одну за другой шесть дверей, окинул взором все сокровища. Затем подошел к двери седьмой комнаты, призадумался: отомкнуть ее, да вдруг с ним беда лихая приключится, не открывать дверей, так не подобаает ему, зятю великанов, не зная, что у них в седьмой комнате находится.

«Да и пристало разве мне, мужчине, женщину слушаться?!» — сказал он про себя и открыл двери седьмой комнаты.

Открыл он ее, а как же иначе? Смотрит — посередине громадной комнаты вырыта глубокая яма, а в ней закованный в железные цепи семиголовый великан пламенем полыхает.

— Бедняга, тяжело тебе приходится! — пожалел юноша великана.

— Если сердце твое так сильно болит, так помоги мне. За дверью, которая из этой комнаты ведет, есть молочный пруд, зачерпни в нем немного молока и меня этим молоком обрызгай.

— Это нетрудно, — сказал юноша и обрызгал великана молоком.

Разорвал тогда великан железные цепи, выскочил из ямы, схватил юношу, поломал его между пальцами и забросил за притолок над дверью. Затем кинулся в башню и похитил сестру семи великанов — Ацырухс. Унес он ее, а куда, неизвестно.

Не светилось теперь в башне лицо Ацырухс, не освещало, как всегда, братьям обратную дорогу. Когда они с охоты возвращались, добрались они впотьмах до дому.

Смотрят — а двери их дома настежь распахнуты. Бросились к башне. Не оказалось там больше сестры их Ацырухс, и седьмая дверь, заповедная, тоже была открыта: исчез их пленник — семиголовый великан, закованный в железные цепи.

Поняли тут великаны, что случилось, и стали горевать. А сын суки тоже опечалился: тревожился он о своей молодой невестке Ацырухс и о сыне алдара — нигде не видно было его названного брата.

«Куда же он подевался?» — подумал он, разыскивая его повсюду. Вдруг взгляд его устремился вверх, и видит он: над притолоком бездыханное тело юноши лежит. Снял он его, достал перо, вернувшее жизнь оленю, провел им по юноше, и тот сразу ожил.

А великаны в гневе набросились на сына алдара.

— Это по твоей вине стала добычей нашего злейшего врага единственная сестра, украшение нашей жизни. И пока не отомстим за нее, не уйти тебе отсюда!

— Да мы и сами не уйдем, — ответил названный брат сына алдара, — разве допустим мы, чтобы какой-то осел похитил нашу невестку! Пока наверняка не узнаю, куда, в какое место унес семиголовый великан Ацырухс, до тех пор не успокоюсь. Я иду на поиски.

— Доброго пути тебе! — сказали великаны. — Но знай, если не вернешься ты к условному часу, то не заставишь больше в живых сына алдара.

Попрощался сын суки и отправился искать Ацырухс.

Каких только народов не встречал он на своем пути! Не

осталось места на равнине, не было горной вершины, где бы он об Ацырухс не спрашивал. Наконец, дошел он до Белых гор. Поднялся на них, смотрит и видит: в одном месте дом стоит.

«Пойду, осмотрю еще и этот дом напоследок», — сказал себе юноша и залез на крышу. Заглянул он внутрь дома. Смотрит, а у очага сидит женщина, золу чашкой отмеряет и приготавливает:

— Это на сегодня мне! Это — на завтра!

Вгляделся в нее юноша и с трудом узнал Ацырухс: так похудела она и совсем стала на себя непохожа. Оказалось, что это дом семиголового великана.

«Нечего сказать, в хорошее место я угодил!» — подумал юноша, а затем спрашивает:

— Ацырухс, ты ли это?

Подскочила Ацырухс на месте от удивления, узнала она юношу по голосу и говорит:

— Не довольно разве вам моей гибели?! Скорей беги отсюда, не то вернется великан и съест нас обоих.

— Нет, не уйду я отсюда, — ответил ей юноша, — не для того столько краев исходил, чтобы убежать от страха тогда, когда нашел я ту, которую искал! Не может быть, чтоб не было от чего-либо гибели этому семиголовому ослу.

— Если бы я знала, где он смерть найдет, так чего б еще лучшего и желать мне, — сказала Ацырухс.

— А ты будь с ним поласковой, тогда и узнаешь, где его смерть, — учил ее юноша. — Знай, если не выведаешь его тайну, не вернуться мне домой.

— Хорошо, — сказала девушка, — попытаюсь сделать так, как ты говоришь, но ты должен спрятаться: скоро великан придет.

Тогда юноша вышел из дому. Только он успел спрятаться, как, окутанный клубами дыма, в комнату ворвался великан.

— Гыкыни, ой Гыкыни, аллон-биллоном от тебя пахнет. Повсюду ты скитаешься, в дальних краях пропадаешь, а аллон-биллоном от меня пахнет? — притворилась удивленной Ацырухс.

— Я не шутки ради говорю: пахнет от тебя аллон-биллоном!

Сделав обиженный вид, Ацырухс сказала голосом, полным слез:

— Сюда и ворона косточки не занесет, кому же жизнь на-

Гыкыни — куколка, маленькая девочка.

доеда, что
храбрец? Г
тости и с
домой не по
в печали и
— Не с
мой ног не

— Мне
жешь, не о

Гыкыни

— Хор

здесь остав

минная. Где

— Хор

вон в том

Побеж

ным желт

— Ха,

Не сошла

— А

— Вор

Подск

яичным ж

— Ха

потеряла

— А

— Х

вет каба

у зайца

шкатуло

моя сил

— С

—

и в по

станет

очаге.

—

Гыкыни

—

постиг

—

Д

мясо, су

доела, чтоб тебе на глаза показаться, найдется разве такой храбрец? Говоришь ты все напрасно! Возгордился ты от сы-
тости и смеешься надо мной. С раннего утра до заката солнца
домой не показываешься, а я целыми днями одна дома сижу
в печали и тоске.

— Не сидеть же мне сложа руки возле очага: ведь дела
мои ног не имеют и сами сюда не придут.

— Мне скучно без тебя, — сказала Ацырухс, — если мо-
жешь, не оставляй меня одну.

Гыкыни, а, Гыкыни, что ж мне поделать с тобою?

— Хорошо б, — просит Ацырухс, — если б душа твоя
здесь оставалась, тогда б не тосковала я так сильно, тебя вспо-
миная. Где душа твоя?

— Хорошо ты сказала, Гыкыни, очень хорошо! Душа моя
вон в том очажном камне спрятана.

Побежала Ацырухс к очажному камню, обмыла его и яич-
ным желтком обмазала.

— Ха, ха, ха! Гыкыни! Ну, что там моей душе делать?
Не сошла ли ты с ума?

— А где же она?

— Вон под потолком, на конце даландыгона¹ висит.

Подскочила Ацырухс, обмыла даландыгон и обмазала его
яичным желтком.

— Ха, ха, ха, — смеется великан, — ну что моя душа там
потеряла?

— А где же она?

— Хочешь знать, где? Далеко отсюда, в темной роще, жи-
вет кабан по имени Бузнаг, у Бузнага в животе сидит заяц, а
у зайца внутри шкатулочка находится, три ласточки в этой
шкатулочке сидят: в одной из них — надежда моя, в другой —
моя сила, а в третьей — моя душа.

— Ой, погибла я теперь, — запричитала Ацырухс.

— Что с тобой? Отчего ты погибнешь?

— Множество охотников повсюду скитается — и в роще,
и в поле, и в лесу — убьет кто-нибудь из них твоего Бузнага,
станет тогда моя жизнь бесприютной, погаснет огонь в моем
очаге.

— Ха, ха, ха! — расхохотался великан. — Такой охотник,
Гыкыни, еще на свете не родился, чтоб Бузнага убить!

— А что, Бузнаг твой до скончания веков жить будет? Не
постигнет разве смерть его?

¹ Даландыгон — у горцев плетень высоко над очагом, на котором коптят
мясо, сушат солод.

— У Бузнага на лбу три белых волоса, кто попадет в них стрелой Курдалагона, в небесной кузнице скованной да моей слюною смоченной, тот только и убьет Бузнага. Не бойся за меня. Не так-то легко великана твоего сразить, Гыкыни.

На другой день Ацырухс вместе со своим гостем, сыном суки, сидят, думают-гадают, как им убить семиголового великана, как добыть глоток воды, с его слюной смешанной.

— Этой ночью ты должна как-нибудь с ним расправиться, — сказал юноша.

Вечером великан вернулся домой навеселе, устал в постель и захрапел тотчас. Захотел он ночью пить, пошел на гору к источнику — пьет, а вода вместе со слюной из его рта с высокого утеса в глубокое ущелье выливается. А Ацырухс только этого и ждала: стояла она в ущелье с бурдюком на голове и наполнила его водой, со слюной великана смешанной. Отправился сын суки с этим бурдюком на небеса к Курдалагону, как же было б иначе?

Сковал ему Курдалагон булатный меч, закалил на огне три стрелы и смочил их слюной великана.

Поблагодарил его юноша, взял стрелы и пошел искать Бузнага.

Кабан Бузнаг был владельцем многих земель, на землях этих было расположено множество селений. Бесчисленные отары овец, стада коров и табуны лошадей принадлежали Бузнагу.

Сын суки попал на его луга в день праздника Атынаг¹. Стояла горячая пора покоса. Работники Бузнага косили и сгребали сено. Трудно им приходилось у Бузнага. Поручал он им тяжелую работу и, если не выполняли в срок, денег им не выплачивал.

Пошел юноша к косцам, поздоровался, но они даже не взглянули на него. Тогда он начал с ними о том, о сем заговаривать, о жизни в других краях рассказывать; понравились косарям его речи, положили они косы, окружили его и слушают.

Заслушались они и о работе своей забыли, и даже никто не вспомнил, что оставит их Бузнаг без денег.

А тут вдруг появился Бузнаг.

— Что за осел, что за собака мешает моим людям работать? — захрюкал кабан, приближаясь к ним.

— Сам ты осел и собака! — ответил юноша. — Это я разговаривал с твоими работниками. А теперь, пожалуйста, если хочешь силой помериться, я готов. А ну-ка, покажи, на что ты

¹ Атынаг — религиозный праздник, в честь урожая.

способен, о пощаде не прошу, пусть и гнев твоих родителей падет на меня! — закричал юноша и вскочил на копну сена.

Разбежался кабан и обрушился со всей силой на копну. А юноша в этот миг стрелу пустил, оторвала она белый волосок на морде Бузнага.

— Этот волос на мне лишний был! — рявкнул громоподобно кабан.

— И моя стрела тоже лишняя, — ответил юноша.

Тогда разбежался кабан с другой стороны копны, бросился на нее и проткнул насквозь клыком своим.

А юноша спустил вторую стрелу, и снова выхватила она белый волос на морде Бузнага.

— Ох! Этот волос тоже бесполезный! — хрюкнул грозно кабан.

— И стрела эта тоже не пужна мне была, — заметил юноша.

В третий раз разбежался кабан, хотел разнести копну, разорвать на куски юношу, как вдруг и третий белый волос исчез с головы Бузнага. Мечом Курдалагона снес юноша кабанью голову.

Повалился кабан замертво, иначе и быть не могло. Рассек ему юноша брюхо, вынул оттуда зайца, а из зайца достал шкатулочку. Сбежался народ, окружили юношу со всех сторон, кричат, и радостные крики их до неба долетают: «Спаситель наш! Избавитель!» Ликуют люди, что не стало кабана Бузнага.

Отправился затем сын суки в дом семиголового великана. Далеко еще было до дому, как достал он из шкатулки одну ласточку, надежду семиголового великана, и оторвал ей голову.

Великан и Ацырухс сидели в это время дома. Вдруг как крикнул великан:

— Гыкыни, что это со мной делается! Страх мне в сердце закрался.

— Ничего с тобой не случится! Не бойся! Мало ли чего в жизни не бывает!

Подошел уже юноша к дому близко, достал из шкатулки вторую ласточку, силу великана, и оторвал ей голову.

— Гыкыни, а Гыкыни, не ладно со мной, — сказал великан и рухнул на пол посреди комнаты. — Ноги меня больше не держат, сила сломилась! Что такое со мной?! Гыкыни, положи мне на голову твою руку, плохо мне.

— Как бы не так, ненасытная утроба, и без моей руки дух испустишь.

Переступил тут юноша через порог, оторвал третьей лас-

точке голову. И перестал в тот миг семиголовый великан дышать.

— Нельзя нам медлить ни минуты, — говорит юноша Ацырухс, — если к положенному сроку не явимся, тогда братья твои погубят сына алдара, твоего жениха.

Покинули тут названный брат и Ацырухс дом семиголового великана и Белые горы. Как долго они шли, кто знает, но час, назначенный великанами, наступил, а они еще не добрались до места.

— Убьют, не пощадят великаны моего брата, время истекает, а мы еще далеко.

Выватил он тогда из колчана стрелу, натянул ее на тетиву и вознес молитву богу всех богов: «Пусть летит стрела моя к великанам, возвестит, что мы близко уже и идем невредимыми».

А великаны, когда истек положенный срок, положили сына алдара на фынг и только собрались отсечь ему голову, как стрела пробила стену их дома. Разбежались великаны с перепугу, кто куда. «Хорошо еще, — говорят, — что никого из нас не поразил этой стрелой гость наш злосчастный». А алдаров сын тем временем распрямился, встряхнулся и встал на ноги.

А тут и Ацырухс с его названным братом прибыла. Провели они несколько дней еще в доме великанов, в путь снарядились и однажды утром отправились на арбе в дом алдара.

Долго ли, мало ли они ехали, кто знает, но вот решили они отдохнуть: покушали, выпили и, утомленные дорогою, Ацырухс и сын алдара задремали. Не до сна было только названному брату.

Смотрит он, прилетели три голубя, опустились на арбы. Поворковали немного, а потом один из голубей говорит:

— Жаль отдавать Ацырухс сыну алдара.

— Если жаль, так придумаем что-нибудь, — заметил другой голубь.

— Я обернусь таким конем, таким, — сказал третий, — что, как проснется он, не устоит его аллон-биллоново сердце, вскочит он на меня, и умчу я его в такие края, что всем светом искать будут — не найдут его.

— Если коня побоится, так превращусь я в золотой мяч. Как только он дотронется до меня, сам не узнает, куда денется.

— А если случится так, — сказал первый голубь, — что ускользнет он от вас, тогда я стану кроватью из слоновой кости и буду стоять на пути. Понравится ему кровать, — устало ляжет он на нее, и да случится так с твоим врагом: глазом моргнуть не успеете, как он исчезнет.

Кончили голуби и произнесли заклятие:

— Кто нас слышал и расскажет об этом, пусть в лежащий камень обратится, чтобы не было ему исцеления! Единственное спасение для него будет: как родится у Ацырухс сын, пусть мать разрежет своими руками его грудь и кровью сердца своего ребенка окропит лежащий камень..., а другого чтобы не было ему избавления!

Улетели три голубя, иначе и быть не могло. А Ацырухс, алдаров сын и названный брат его свой путь продолжают. Вдруг конь перед ними появился. То с одной стороны подскочет к ним, то с другой, а коня такого никогда еще видеть им не доводилось: и стать у него красы необычайной, и летит стрелой, и убранство на нем богатое — смотришь, не налюбуетшься!

— Из всех четвероногих нет более совершенного создания на земле! — сказал восхищенный сын алдара. — Попади он в руки мне, цены ему нет.

— Лучше подумаем о нашей дороге! — сказал сын суки. — Был бы добрый конь, не посылся бы здесь по заброшенным полям, как нечистый дух. Да и в конях ты не нуждаешься. Табуны твоего отца и загнать некуда.

Двинулись они дальше. Смотрят — по дороге золотой мяч то вверх взлетает, то вперед катится.

Сошел с арбы сын алдара, направился к мячу.

— Пригодится отцу в подарок, — сказал юноша.

— Не такая уж это находка, — заметил названный брат, — иначе давно бы кто-нибудь поднял его, не подходи к нему, наведет этот мяч на тебя беду! В доме твоего отца нет числа золотым шарам.

Отправились они дальше, едут, едут, видят — на пути кровать из слоновой кости стоит. Красивее и прекраснее вещи и сыскать трудно.

— Не стану тебя больше слушать, — сказал сын алдара, — остался я без коня статного и без мяча золотого, отдохну я на этой кровати, а затем увезу ее домой.

— Немало бед на наши головы обрушилось в этих дальних странствиях, грозит тебе беда, лишь только ты прикоснешься к этой кровати! — предостерегал его названный брат.

— Нет, на этот раз будет по-моему. Никогда еще не было такого случая, чтобы кто-нибудь умер оттого, что лег на кровать из слоновой кости, — сказал сын алдара и пошел к кровати.

«Ох! Не послушает он меня больше. Придется открыть ему тайну трех голубей, не то случится с ним неладное, как покажусь тогда я на глаза его родителям».

И рассказал юноша Ацырухс и сыну алдара весь разговор

голубей, от начала до конца. Не успел он кончить, как упал под деревом у самой дороги и превратился в лежащий камень.

Конечно, теперь сын алдара и близко бы не подошел к кровати из слоновой кости, да и кровать вдруг исчезла, будто и не бывало ее.

Долго горевали Ацырухс и алдаров сын над лежащим камнем, но слезами горю не поможешь. Бессилен человек перед смертью!

Тогда сын алдара говорит Ацырухс:

— Что случилось, того не изменить, со смертью ничего не поделаешь, поедem дальше.

— Если хочешь, поезжай сам, — ответила ему Ацырухс, — а я до дня годовщины не покину этого места! А там будет видно. Ради тебя и моего избавления он не пожалел себя, а теперь разве можно его покинуть, оставить в этом забытом людями месте только потому, что мы в нем не нуждаемся.

И стала с того дня Ацырухс жить рядом с лежащим камнем. Кто знает, как и сколько времени прожила она здесь, но в один из дней родился у Ацырухс сын.

«Теперь, Ацырухс, — говорит она себе, — должна ты быть сильной и мужественной! Из-за нас верный и преданный друг обращен в камень лежащий на дороге. Не должна ты разве все сделать для его спасения? Ведь средство в твоих руках!»

Взяла она свое поворожденное дитя, рассекла ему грудь кровью его сердца окропила камень у дороги. А как же иначе?

Ожил юноша и стал в семь раз краше, чем был.

Посмотрел он вокруг себя, понял, что с ним случилось, а как узнал он, что Ацырухс в печали сидела возле камня лежащего целый год и кровью сыновьяго сердца вернула ему жизнь, затрепетало его сердце.

— Не пропадет, Ацырухс, твоя праведная жертва! — и с этими словами выхватил он перо из газырного карманчика, провел им по ребенку, и мальчик ожил в объятиях матери.

— Все это хорошо, — сказал юноша, — но где же сын алдара, твой повелитель, Ацырухс?

— Давно уж мои глаза не видят его, — ответила Ацырухс.

— Не отправился ли он домой? Истомился он здесь.

Пошли они дальше. Идут и видят: катится перед ними бычий помет по дороге.

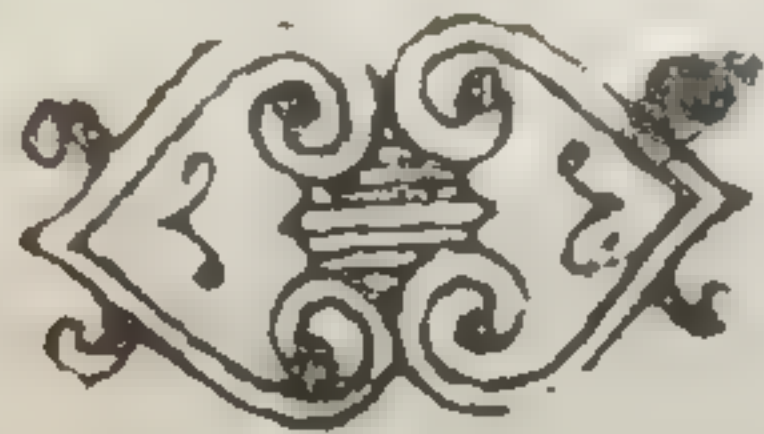
— Не видал я еще никогда такого дива, — сказал сын суверим, — не оказался бы он тем, о ком мы беспокоимся. Давай проверим!

Достал он свое перо, провел им по помету, и предстал перед ними сын алдара.

Прибыли они домой живы, здоровы, а с ними Ацырухс — сестра семи великанов.

А алдар и ахсин совсем с горя высохли, в щепки превратились. Взял сын суки свое перо, провел по ним, и стали алдар и ахсин снова молодыми и здоровыми.

Живы они до сих пор, живите и вы, не ведая горя и печали, до тех самых пор, пока с ними не повстречаетесь!

14. СКАЗКА О МАЛЕНЬКОМ ГАЛАУ

Давным-давно жили муж и жена. Родился у них сын, и назвали они его Галау. Были они очень бедны. И однажды жена сказала мужу:

— Мальчик этот нам не помощник, отведи его куда-нибудь подальше.

Муж долго думал и, наконец, решился: отвел сына в лес, оставил его там, а сам вернулся домой. Галау в лесу вырос, научился плести из прутьев корзины и носил их в село к колдунье продавать.

Однажды, выглянув из окна ее дома, он увидел вдали ограду, унизанную человеческими черепами. Галау удивился и спросил колдунью:

— Что это за ограда?

А она ответила:

— Не спрашивай меня об этом.

А он ее донимает: Расскажи да Расскажи...

Тогда она сказала:

— Это ограда алдара. У него есть красавица-дочь. Когда приезжает кто-нибудь к ней свататься, алдар бьется с ним об заклад, кто кого победит в споре, и если выигрывает, то снимает жениху голову с плеч и сажает на кол ограды.

Как услышал это Галау, так и сказал себе:
— Не миновать, видно, и мне этого дома...

А колдунья его упрашивает:

— Боже упаси тебя пойти туда, не сносить тебе своей головы!

Но юноша все же не послушал, пошел к алдару и сказал ему:

— Давай о чем-нибудь поспорим с тобой!

Алдар его выслушал и ответил:

— Приходи в пятницу к большому кургану, там и сговоримся.

Рано утром в пятницу Галау уже был у кургана и ожидал алдара. Алдар выехал к кургану со своей свитой. Взглянули слуги алдара на дорогу и удивились — видят: около кургана ходит взад-вперед юноша. Подъехал к нему алдар и говорит:

— Эй ты, юноша, начинай-ка сегодня ты первым! Говори, о чем поспорим?

И поведал тогда им юноша:

Жила-была колдунья, и было у нее шесть сыновей. Соседом же ее был один алдар, и была у него дочь-красавица, но похитил ее белый великан. Тогда опечаленный алдар сказал женщине: «Пусть твои сыновья возвратят мне дочь, а я дам тебе за это столько денег, сколько можно навьючить на двух верблюдов». Колдунья прикинулась больной и послала за сыновьями. Те тотчас явились к ней. Она им говорит: «Пришла, видно, моя смерть! Что я скажу Аминону¹ в царстве мертвых, если спросит о моих сыновьях, чем они замечательны». Подошел к ней старший сын и говорит: «Обладаю я свойством отыскивать по следу человека, куда бы он ни ушел». Второй сказал: «А я между двумя глазами могу у человека нос утянуть, и он не заметит». Третий тоже открыл свою особенность: «Если я скажу — быть здесь дому, сразу дом на этом месте вырастет». Заговорил тут и четвертый: «Запущу я стрелу, и вонзится она туда, куда я ей прикажу». Сказал тут и пятый сын: «Если бы с неба упала чашка со свежезаквашенным сыром, схватил бы я ее на лету, кусочка бы из нее не выпало, капли не вытекло». Шестой молвил: «Негде будет пройти люкам — скажу слово, и появится дорога». Сказала тогда колдунья сыновьям: «У нашего соседа алдара великан похитил дочь, найдите и верните ее ему, тогда даст он нам много де-

¹ Аминон — судья в царстве мертвых.

нег». Младший сын ее усмехнулся и ответил: «Мы сразу догадались, что ты нас испытываешь».

Отправились сыновья в путь. Вел их за собою следопыт, но вдруг дорога исчезла. Вышел тогда вперед младший сын, произнес свое тайное слово — и дорога перед ними скатертью развернулась. Когда они добрались до места, где находилась девушка, то и второй сын свое свойство показал: не успели братья оглянуться, как он похитил пленницу. Девушку сторожил орел. Как только увидел он, что девушка исчезла, закричал великану:

— Девушка пропала!

Вскочил великан со своего ложа, погнался за похитителями и стал уже настигать их. Тогда вышел вперед второй брат, по велению которого дом вырастал, — и появился сразу дом.

Разгневался великан, с разбегу обрушился на дом боком и сломал себе ключицу. Отошел он в сторону и снова изо всей силы ударился о дом другим боком и обломал вторую ключицу.

Тогда вернулся он к орлу и сказал ему:

— Только ты один можешь вернуть мне дочь алдара, кроме тебя никто. В крыше дома есть большая щель, ты влетишь в нее и вынесешь девушку.

Взлетел орел, опустился на крышу дома и схватил девушку. Обратились тут братья к тому, кто искусен был в метании стрел. «Смотри, орел уносит девушку!» Натянул он тотчас тетиву, направил стрелу прямо в орла, а сам крикнул другому брату, который на лету мог поймать упавшую с неба деревянную чашку с гумбылом:¹ «Живей взбирайся на крышу и смотри вверх! То, что будет падать, истекая алым цветом, пусть ударится об землю, а бслое, что слезой горючей будет струиться и вниз, шелестя, опускаться, лови». Сделал он так, как сказал ему брат: орел упал, истекая кровью, на землю, плачущую девушку он подхватил на лету, как перышко.

Кончил Галау рассказывать и спросил алдара и свиту его:

— Кому из братьев по праву должна теперь эта девушка достаться?

Стал говорить тут каждый свое, спорили, спорили, но так и не пришли к соглашению, и юноша выиграл. Тогда алдар сказал:

— В следующую пятницу приходи сюда снова, поспорим с тобой еще раз.

¹ Гумбыл — вновь заквашенный сыр, который часто кладут в деревянную чашку, чтобы отстоялась сыворотка.

Наступила пятница, и Галау рано утром снова уже был у кургана. Приехал и алдар со своей свитой.

Стали алдар и юноша между собой договариваться.

И решил Галау опять загадать им загадку:

— Были однажды три брата, и жили они в самом конце города. Попросили как-то два младших брата старшего: «Сходи, купи нам хлеба!» Отправился старший брат в город, смотрит — перед одной лавкой множество народу собралось. Подошел он к ним, видит — чашку продают. А чашка эта свойство имела: если нальешь из нее мертвому в рот глоток воды, он снова живым станет. Купил старший брат эту чашку, а о хлебе на радостях забыл. Вернулся он домой, а братья спрашивают, почему он хлеба не принес. Не открыл он им секрета, сказал, что лавка уже была закрыта. Отправился тогда за хлебом средний брат, видит: народ со всех сторон в одно место сбегается. Подошел он тоже, смотрит — продают куски арчяга¹. А арчяг был не простой: сядешь на него — лети, куда вздумается... Купил он кусок арчяга, принес, показал братьям. Тогда и старший рассказал о своей покупке:

— Вот чашка, если дать из нее мертвому глоток воды, он воскреснет.

Младший брат тоже признался:

— А я купил зеркало, глянешь в него и увидишь, что делается в любом месте, о котором знать пожелаешь.

Тогда братья решили:

— Сватались мы к одной девушке. Давайте посмотрим в зеркало и узнаем, что она делает.

Заглянули они в зеркало и видят: несут девушку хоронить. И сказали тут братья:

— Это как раз то, что мы искали.

Сели они на кусок арчяга, в один миг долетели до кладбища. Опустились на землю и говорят родственникам девушки:

— Если мы воскресим ее, какая нам будет награда?

Брат девушки ответил:

— Непристойно глумиться над покойницей!

Тогда братья дали умершей глоток воды из диковинной чашки, и девушка вдруг ожила.

Отдали ее братьям, и они увезли ее домой.

Кончил Галау свой рассказ и спросил алдара и его людей:

— Кому из трех братьев должна достаться девушка?

¹ Арчяг — воловья сыромятная кожа, из которой горцы делают легкую для ходьбы по горам обувь.

Не смогли люди алдара отгадать. И сказал тут алдар в последний раз:

— Приходи снова в следующую пятницу.

Чуть забрезжил в пятницу рассвет, Галау опять оказался на вершине кургана. Приехал и алдар со своими людьми и говорит юноше:

— Загадывай!

— Нет, теперь твой черед! — ответил юноша.

Но уж очень хотелось алдару вновь услышать рассказ Галау. И тогда тот снова поведал:

— Ехали однажды всадники, и у одного лошадь ожеребилась по дороге. Вскоре показалась новая группа всадников, один из наездников поскакал вперед, поднял жеребенка и положил его на траву у дороги. Через некоторое время показался другой ездок, он слез со своей лошади и дал жеребенку молока, и жеребенок окреп.

— Кому же из троих должен принадлежать жеребенок?

Долго думали, раздумывали алдар и его люди, но так и не угадали. Выиграл Галау девушку и увез ее.

И теперь еще живут они и поживают, да сладко кушают.

15. О КАУРБЕКЕ — СЫНЕ ЗНАМЕНИТОГО БОГАТЫРЯ АСЛАНА

Когда прославленный между богатырями борец Аслан постарел, то задумал он испытать своих трех сыновей, узнать, кто из них обладает ловкостью и мужеством. Призывает он их к себе и говорит им:

— Дети мои, вы знаете, что имя мое покрыто славой. Я спокойно взгляну в глаза смерти, если увижу, что вы выросли такими же богатырями. Что делать, прошли мои лета, миновала моя молодость. Старее дерево, старее камень, впал в дряхлость и я, и живу теперь лишь воспоминаниями о прошлом. Они служат мне утешением, скрашивают последние дни моей старости! Теперь настала ваша пора, ваше время пришло!

Минуло несколько дней после этой беседы. И вот старший сын Асланбек пришел к отцу своему Аслану и попросил у него позволения отправиться странствовать и поискать где-либо молодецких приключений. Обрадовался старик и говорит:

— Исполни свое желание! Так добывают себе славу богатыри.

И он подвел сына к своим коням, вскормленным стальными опилками, подал ему богатое оружие, и Асланбек тро-

нулся в путь. Долго, долго он ехал. Прошла неделя, вот уж и месяц на исходе, а вокруг все степь, усеянная человеческими костями. Доезжает он, наконец, до шалаша. Входит в шалаш, а в нем даже следов человеческих не видно; только неизвестно откуда доносится пение птиц и раздаются рев зверей. «Дальше ехать мне уж некуда», — подумал Асланбек и решил после месячного своего странствования вернуться домой. Узнал старик Аслан о возвращении сына и спрашивает:

— Ну, где ты побывал, что добыл?

Асланбек отвечает:

— Ехал я целый месяц по бесконечным, безлюдным степям, усеянными человеческими костями; в конце месяца доехал я до более живописных мест, смотрю — стоит там шалаш, а в нем уж и следов человеческих не видно, лишь доносится откуда-то пение птиц да рев зверей. Тут и месяц кончился, и я возвратился домой.

Аслан улыбнулся и сказал:

— Это тот самый шалаш, который служил моим постоянным убежищем. Бывало, я на рассвете выезжал из дому на ветрогонном коне и успевал приехать к шалашу как раз к восходу солнца, затем вступал в схватку с врагами, кости которых рассеяны и теперь по этим степям, а к вечеру частенько успевал и домой вернуться. Можешь ли ты быть после этого достойным Аслана сыном, служить утешением моей старости? Грешно, грешно тебе называться сыном знаменитого Аслана; не вижу я в тебе никаких признаков богатыря.

Асланбек, не смея возражать отцу, скрылся от стыда.

Проходит время, и среднему сыну Сосланбеку пришла мысль постранствовать, силы свои испытать. Испросил и он позволения у отца своего Аслана поехать на месяц по белу свету. Отпустил его отец. Сосланбек оседлал лучшего коня, вскормленного стальными опилками, взял дорогое оружие и отправился путешествовать. Едет, едет Сосланбек по пустыням и бесконечным долинам. Проходит неделя, а там и другая кончается, а приключений все нет никаких. Проехав обширные степи, усеянные человеческими костями, он увидел, наконец, одинокий шалаш. Поехал прямо на него. Подъехав к шалашу, он слез с коня и вошел в него. Оглянулся — не видно ни единого следа человеческого, лишь птицы какие-то поют да звери рычат. «Нечего мне больше здесь делать, кончился месяц», — сказал про себя Сосланбек и поехал домой.

Узнав о приезде сына, Аслан его спрашивает, где он был и какие имел приключения. И Сосланбек рассказал, что путь его продолжался целый месяц по бесконечным степям, усы-

нашим человеческими костями, никаких приключений. Мест он не встретил, а лишь в самом конце странствования увидел, что он шалаш без единого человеческого следа, оглашаемый только пенем птиц и ревом зверей, и поэтому ему оставалось только возвратиться домой...

Пришел к отцу младший сын Каурбек и говорит:

— Отец! Теперь очередь за мной, отпусти и меня попытать богатырской удачи, а я постараюсь не уронить твою славу.

— Хорошо, — говорит Аслан, — видел я, каким мужеством отличаются твои братья, — целый месяц им понадобился на дорогу, которую я успевал проезжать с рассвета до завтрака. Посмотрим теперь, каков ты окажешься!

— Сам увидишь, на что я способен. Но знаю я, что из твоих лошадей-ветрогонов ни одна не понравится мне.

Идет Каурбек и начинает выводить по одиночке всех ветрогонов. Но ни один ему не подошел: на чью спину не опустит свою руку, падает тот конь на землю. Приходит он к отцу и жалуется, что ни один из коней не выносит силы его руки. Тогда Аслан воскликнул радостно:

— Ужели из всех моих лошадей-ветрогонов, вскормленных стальными опилками, деливших со мной мои ратные труды, нет подходящей лошади для Каурбека! Значит, он будет достойным меня сыном, и я смогу гордиться им до тех пор, пока не сойду в могилу.

И он указал сыну на высокий курган и сказал:

— Верю — будешь ты славным богатырем! Видишь ли ты этот курган? Под ним откармливаются мои ветрогоны огненной породы, по сумеешь ли ты их вывести? А за ними мое дорогое, разукрашенное золотом оружие, которое только мне было под стать. Ты сможешь добыть и коней, и оружие, если одним ударом своей ноги разнесешь этот большой курган в прах так, что земля от него развеется пылью по воздуху, и коли тебе это не удастся, то не достанешь ни того, ни другого.

Каурбек пришел к кургану, ударил его ногой, и от этого удара высокий курган рассыпался до самого основания мелкой пылью, помрачилось на мгновение день, как будто ночным мраком или туманом одело землю. Заглянул юноша в образовавшуюся под курганом глубокую яму и увидел там двенадцать стоявших по самые уши в своем помете лошадей, откармливавшихся стальными опилками, и сейчас же принялся вытаскивать их за уши по одной. Настал черед и последнего коня, которого ему труднее всего было вытянуть из навоза. Но Каурбек не жалел своих сил, он знал, что найдет, наконец, достойную лошадь, созданную для него самим небом, вскорм-

ленную невидимой силой под большим высоким курганом стальными опилками. Достав с большим трудом прекрасного, огненной породы коня, мгновенно обмыв его, он стал любоваться его необыкновенной красотой. Подоспел и Аслан и с великой радостью обнял своего сына:

— Тебе удалось добыть лучшего из всех ветрогонных коней, который долго стоял в глубине кургана. Первый твой шаг молодецкий меня утешает; судя по нему, ты совершишь великие подвиги и сумеешь носить славное имя богатыря. Вот там, левее от ветрогонов, под тем же самым курганом, ты найдешь мое богатырское оружие: оно жаждет боя и пышет пламенем. Но хватит ли у тебя сил поднять оружие, которое я носил не без усилий? Это оружие так тяжело, что, кроме меня, никогда и никто из славнейших богатырей не только не мог действовать им, но даже и поднять не мог.

Идет Каурбек и под тем же курганом достает богатырское оружие своего отца, украшенное золотом, и подносит к нему. Уверившись в богатырской силе и мужестве сына, Аслан обращается к нему с напутствием:

— Каурбек! Передаю тебе свое оружие, владей им, да поможет оно тебе стать богатырем своего времени. Не урони моего имени и имени нашего знаменитого рода! Желаю тебе громкой славы и успеха в блестящих состязаниях богатырей и наездников! Добрый тебе путь. Надеюсь, я буду радоваться тому, что у тебя окажется еще больше силы и мужества, чем было когда-то у меня, в пору моей молодости.

Встал Каурбек с рассветом, сел на ветрогона и, украсив себя богатырским оружием, пустился странствовать. Мигом он пролетел бесконечные пустыни, усеянные костями жертв его отца, как градом. Наконец подъезжает он к тому самому шалашу, который служил убежищем старого его отца. Приблизившись к шалашу, Каурбек заметил перед ним огромную кучу овса, которым кормилась привязанная лошадь. Он остановился около лошади и слез со своего ветрогона. Сняв с него седло, он подвел его к куче овса, а сам вошел в шалаш, где увидел спящего богатыря; без шума, без шороха прилег он на постель, подложив себе под голову седло; о лошади же своей он не беспокоился, зная, что она, ухвативши свою соперницу за загривок зубами, забросила ее на самый край степи. Выспавшись, пробудился богатырь ото сна, встал с постели и вышел полюбоваться природой. Вдруг видит он: стоит у кучи брошенного им овса чей-то конь, а его лошадь в конец степи заброшена и увязла там в землю по самое брюхо. Взревел борец:

— Кто посмел так сильно меня оскорбить? Что это за дерзость? Я никогда не прощу такой обиды?

От этого крика буря пронеслась по всей земле, а Каурбек и ухом не повел: спит себе богатырским сном. Долго кричал богатырь, по всем сторонам оглядывался, взад и вперед забега, но никого не нашел; вошел он обратно в шалаш и тут заметил на своей постели спящего юношу-богатыря, славного и сильного по виду борца. Прикрыл он его одеялом и вышел опять из шалаша. Сел около шалаша и, прислонившись к нему, задумался:

— Ну, что мне делать? Он молодой борец и, как видно, искатель приключений. Убить его сонного, это позорно для богатыря.

А Каурбек между тем проснулся, вышел из шалаша и остановился около богатыря. Крикнул на него богатырь:

— Кто ты, как ты дерзнул бросить мне такой вызов? Знаешь ли, что не было еще никогда на свете существа, которое бы решилось нанести мне подобное оскорбление! Посмотрим теперь, чья возьмет. Идем бороться!

Каурбек отвечает ему:

— Бороться еще успеем, не к чему торопиться, сейчас же я утомлен немалой дорогой и к тому же голоден, как волк. Сперва ты накорми меня досыта, потом я отдохну, и тогда уже настанет время бороться. А теперь, посуди сам, не будут ли о тебе говорить, что ты сперва заморил меня голодом, а потом одолел?

Борец привез из стада двух лучших откормленных волов и, зарезав их, приготовил завтрак — на каждого по целому волю. Позавтракав, они пошли бороться. Долго боролись и, наконец, Каурбек победил великана-борца. Вынимает он свой меч и, держа его над грудью соперника, говорит ему:

— Скажи, кто ты, а не то пришел тебе конец!

Побежденный отвечает:

— Я брат знаменитого борца Аслана — Ислам!

Каурбек же, опустив меч свой, говорит:

— А я сын этого славного богатыря! — и освобождает побежденного своего соперника. Бросаются они друг другу в объятия, радуются и благодарят небо, избавившее их от кровопролития и доставившее им случай узнать друг друга. Затем, после взаимных приветствий и разговоров, Ислам указывает вдаль, на усеянные человеческими костями бесконечные степи, и говорит Каурбеку:

— Видишь ли эти кости жертв моей борьбы с дочерью Дон-Сеттыра? Каждый день она выводила из моря свежие силы, а

я истреблял своим мечом всех, до последнего, морских воинов! Сама же она ловка и проворна, подобно рыбе: успевает нырнуть в море и скрыться там. Теперь довольно мы пародовались и наговорились, милый мой Каурбек, — говорит Ислам, — пора нам и за дело приниматься. Дочь Донбеттыра уже на месте, со своими свежими силами поджидает меня.

Собирается он в путь и выезжает. Вслед за ним и Каурбек отправляется навстречу несметным силам дочери Донбеттыра на берег моря. И началась сеча богатырская. Дочь Донбеттыра ранили мечом, и Каурбек было схватил ее, но она ускользнула и бросилась в море.

Видит Каурбек свою неудачу, подбегает к берегу и убивает своего ветрогона, мигом содрав с него кожу, делает из кожи ремни. Привязав концами один ремень к другому, прикрепив один конец их к мечу своему, всаженному в землю, а другой, — себе к шее, он бросается в море за дочерью Донбеттыра.

Доплыв до дна моря, видит Каурбек большой и красивый город, где и жил Донбеттыр с дочерью. На самом краю этого города стояла избушка бедной вдовы-старушки. Входит Каурбек в избу, здоровается:

— Добрый день, матушка.

— Добрый день, сынок, — отвечает старушка. — Откуда тебя бог принес, милое детище земли? Знаешь ли ты, что здесь каждый, подобный тебе, юноша оставляет свою бесталанную головушку? Жаль мне тебя, бедного, ты еще так мало жил на свете!

И, указывая на груды человеческих черепов, она говорит:

— Видишь ли эти черепа, принесенных в жертву Донбеттыром людей? Зачем ты сюда явился на свою погибель, скажи мне?

Каурбек отвечает:

— Явился я сюда за подстреленной мною дичью, я ее преследую.

— Да это такая дичь, что она тебя проглотит, и ты навсегда распростишься со своей молодой жизнью! — говорит старушка-вдова.

Но не испугаешь этим Каурбека, и он снова спрашивает вдову дать верный совет, как настичь ему свою израненную добычу. И старушка тогда в ответ:

— Ах ты, пригожий сын земли, жаль мне тебя, ведь не мало подобных молодцев погибло, преследуя эту коварную дичь. Но что поделаешь! Если уж тебе так на роду написано, я укажу тебе способ, как выйти из этой беды, но не знаю только, под силу ли тебе будет исполнить мои наставления.

Далее она продолжает:

— Войдешь в укрепленный замок Доибеттыров и в том месте, где происходит борьба, увидишь два медных сосуда, наполненных водой, стоящие по сторонам. В этих сосудах вода особая: в сосуде по правую сторону — вода такого свойства, что к борцу, испизшему ее, сторицею возвращаются утраченные силы; эту воду пьет кровожадная дева, отдыхая во время борьбы; в сосуде же, стоящем по левую сторону, находится вода, от которой утоляющий жажду теряет все силы и становится слабым и беспомощным, — это мертвая вода. Прежде всего ты должен постараться переменить воду в этих сосудах так, чтобы вода из одного сосуда очутилась в другом. Тогда твоей сопернице выпадет доля испить во время борьбы из сосуда с мертвой водою и, как только эта дева утолит свою жажду водой, уничтожающей силу, она, конечно, станет твоею жертвой, а ты будешь пить живую воду, которая возвращает потерянные силы. Кроме того, у этой кровавой девы есть привычка перед борьбой отправляться в баню и, выкупавшись там в живой воде, возвращающей силу и мужество, выходить на борьбу. Когда дева предложит тебе борьбу с нею, ты не соглашайся до тех пор, пока она не дозволит тебе тоже выкупаться в бане, в той самой целительной, живой воде, которая вдесятеро подкрепляет силы. Добейся также, чтоб она накормила тебя досыта. Если ты всего этого не потребуешь, то сделаешься жалкой ее жертвой, как вот те несчастные, которые усеяли своими костями окрестности города!

Следуя советам вдовы, Каурбек проник в замок и переменял в сосудах воду, потом вошел во внутренние покои дочери Доибеттыра, где она сидела, окруженная роскошью и богатством. Дева спросила его:

— Какая нужда тебя, дорогого сына земли, привела сюда? Каурбек отвечает:

— Я преследую подстреленную мною дичь, она должна быть моей добычей, жаль мне ее бросать!

Дева ему на это:

— Ах, это ты, такой искусный и меткий охотник, сумевший подстрелить дичь и желающий заполучить свою добычу! Хорошо же, — говорит она, — идем и будем бороться; но если ты меня не победишь, то останки твои пополнят вот эти груды костей. А если ты победишь меня, то возьмешь свою подстреленную дичь.

— Я готов, но прежде, говорит ей Каурбек, — я должен смыть грязь со своего тела в твоей бане, а после того подкрепить свои силы сытным обедом, только тогда я могу бороться.

Выкупавшись в живой, целительной воде и наевшись до-
сыта, он стал бороться с девой. Боролись долго, и никто не
мог победить. Тогда дева остановила Каурбека:

— Я устала, не мешает нам отдохнуть; не желаешь ли на-
питься и утолить свою жажду? Из какого сосуда хочешь вы-
пить?

— Желаю, — ответил Каурбек, — а из какого сосуда, мне
безразлично.

Тогда она указала ему на сосуд, где была прежде мертвая
вода. Всю воду Каурбек выпивает залпом. А дева моря вместо
живой, целительной воды, утолила свою жажду мертвой. Пош-
ли они опять бороться — дева пала побежденной.

Берет Каурбек дочь Донбеттыра, набирает целительной,
живой воды и выходит на берег моря. А там лежит труп его
ветрогонного коня. Подходит он к нему, прикладывает на свои
места ремни из его кожи, обливает его живой водой, и конь
вскакивает на ноги, как ни в чем не бывало.

Привозит он свою добычу — деву морскую — в шалаш
дяди своего Ислама, которому и передает ее в руки. И радости
их не было конца.

Однажды Ислам рассказал Каурбеку о том, что на краю
света живет в своем владении хан и есть у него шесть богаты-
рей, которые борются ежедневно во мраке, но не могут побе-
дить друг друга.

Ислам с девой морской вернулся домой, а Каурбек, в поис-
ках молодецких подвигов, отправился в путь. Ехал он долго-дол-
го. Приезжает, наконец, к хану и видит — у хана большое
царство, но весь народ живет в ночном мраке, и ежедневно
шесть богатырей борются не побеждая. Доносят хану о приезде
молодого борца Каурбека. Хан встречает его с большими по-
честями и радуется, что бог послал к нему сына славного бога-
тыря Аслана, который, наверно, окажется достойным сыном
своего отца. Окружили борцы Каурбека и приглашают на борь-
бу, но он отказывается, говоря, что не готовил себя к таким
детским играм. Задетые этими словами, борцы просят хана ис-
пытать силу Каурбека, — пусть, мол, докажет перед ними свое
превосходство, иначе они сочтут себя оскорбленными. Хан вмес-
те с Каурбеком и шестью своими богатырями отправляется на
место состязания, к пещере, где лежал остов первого древней-
шего богатыря — борца Хасана, отца Аслана, деда Каурбека.
В черепе Хасана от сильного удара застрял меч, поразивший
его насмерть, и богатыри хана ежедневно упражнялись, пыта-
ясь вытащить его, но усилия их были тщетны. Остов Хасана
не имел ни одного дня покоя, а меч все оставался в черепе.

Указывает хан Каурбеку на скелет его деда и говорит ему:

— Если ты сильнее моих борцов и желаешь это доказать, то пойдн к этому скелету и вынь из головы его меч.

Каурбек, оставив в стороне хана и всех его богатырей, вошел в пещеру. Ухватился одной рукой за меч, торчащий в черепе скелета, и вытащил. Как только Каурбек вынул меч, скелет ожил и заговорил:

— Долгие годы держал я в своем черепе всаженный в него ударом сильной руки меч, и никто из знаменитых богатырей не мог освободить его из моего черепа, но ты оказался сильнейшим из всех богатырей, Каурбек! Желаю тебе долгой жизни. Возьми меч с собой и, как только дойдешь до ханского дворца, сейчас же поразн одним ударом хана, но смотри, чтобы меч не ускользнул из твоих рук, а когда хан, после первого нанесенного тобою удара, попросит повторить удар и попробовать еще раз поранить его мечом, то ты отвечай ему так: «И отец мой заканчивал жизнь врага только одним ударом своего меча». Если ты не последуешь моему совету и повторишь удар, то сейчас же погибнешь навсегда!

Каурбек поступил точно так, как и учил его скелет. Вынес он меч хану. Увидев в руках Каурбека меч, хан начал корить своих богатырей:

— Эх, вы, горе-богатыри! Много лет тому назад я зсидил в череп богатыря Хасана свой меч, и вот вы с тех пор ежедневно пытались освободить его, и все напрасно; могу ли я положить на вас и назвать вас борцами?! Вот богатырь, вот боец! — говорит хан, указывая на Каурбека.

Только подошли они к замку, как Каурбек взмахнул мечом и поразил хана одним ударом. Хан, умирая, взмолился:

— Повтори же еще раз свой богатырский удар!

Но Каурбек ответил:

— Нет, и отец мой обыкновенно поражал насмерть одним ударом.

Тогда хан испустил свой дух. Все владения и богатства хана остались в руках Каурбека; шесть богатырей, убедившись в его необыкновенной силе, разбежались со страху, кто куда. Весь народ, от старого до малого, благодарил избавителя. Сама дочь хана отдала себя в руки Каурбека и поклялась остаться ему верной навсегда.

Время шло своим чередом. Каурбек успел ближе ознакомиться с населением ханских владений, лучше узнать его дочь. Однажды он спросил у нее, почему владения хана лежат в полном мраке и никогда не озаряются лучезарным светом солнца. Ханская дочь не могла указать причины, но еще более привя-

залась к благородному богатырю и начала молить его о помощи бедным жителям мрака.

Долго размышлял Каурбек, как разгадать загадку тьмы и, наконец, решил обратиться к самому солнцу. И отправился он лежит кит, растянулся от одного берега до другого вместо моста.

Кит, хотя и был живым, но всех пропускал разъезжать по своей спине, а зверям не запрещал и мясом его лакомиться; лежал себе без движения, не обращая внимания ни на разгуливающих по нему путешественников, ни на зверей, грызущих его. Каурбек, подивившись этому чуду, переехал по спине кита на другой берег и за морем увидел дом солнца. Входит он в него и застаёт там старушку — добрую мать солнца, которая встречает его ласковым укором.

— Откуда тебя бог принес, сын земли? Разве не знаешь ты безжалостного и немилосердного сына моего? Если он вернется домой, то не сдобровать тебе. Неужели ты совсем не дорожишь своей жизнью, или неволя какая заставила тебя, бедняжку, приехать сюда?! Ведь вестимо тебе, что лучи моего сына могут сжечь все царства на земле?! А на тебя ему стоит только взглянуть, ты и погибнешь.

Каурбек, бросившись старушке на грудь, умоляет:

— О, нана, усынови меня, прими меня под свою защиту. Два важных обстоятельства привели меня сюда, и мне не обойтись без твоей помощи. Первое, что желаю узнать, — продолжает Каурбек, — почему твой сын-солнце, который щедро освещает свою землю, отказал светить одному ханскому владению и оставил его в ночном мраке?.. Это одно обстоятельство, а другое — вижу я, что большой кит на всем протяжении моря раскинулся от одного берега до другого и лежит себе неподвижно, служа мостом для странников, не отказывая всякого рода зверям в лакомом кусочке, а сам, между тем, жив. Этому чуду я немало дивился, но так и не понял, чтобы оно значило.

— Все это, милый мой сын, тебе нетрудно будет узнать, — отвечает мать солнца Каурбеку, — гораздо труднее мне запрячь тебя от лучей моего безжалостного и немилосердного сына, когда он вечером придет домой. Но вот как я устрою...

Она встает, берет наседку и, вырвав у нее из крыла перышко, прячет в середине его Каурбека, а затем по-прежнему вкладывает перо в крыло курицы и сажает наседку на яйца.

Является вечером сын ее, солнце, домой. Как только он входит в дом, так и говорит своей матери:

— Фу! Что это сегодня у тебя земной запах чувствуется?

Не скрывается ли у тебя какое-либо существо человеческое? До сего времени никогда такого духа в нашем доме не было! Пахнет у нас влагой, как от земной твари!

А мать, прикинувшись огорченной, начала плакать:

— Не стыдно ль тебе напускаться на меня? Откуда у меня может быть земной запах, когда я по целым дням, за дверь не выглядывая, сижу дома! Опомнись! Как ты можешь возводить на меня такую напраслину, чем я заслужила такое оскорбление?!

— Виноват, — говорит солнце, — виноват перед тобой, моя милая матушка! Неправ я, прости меня, прости великодушно.

Нежно расцеловав сына, мать подводит его к столу, затем подает ужин. За ужином она говорит ему:

— Мой милый сын, ты умеешь верно разгадывать сны. Сегодня ночью я видела необычайные сны и не знаю, чтобы они значили, может ты мне растолкуешь. Приснилось мне, будто очутилась я во владениях одного знаменитого хана; велики были владения хана, но все они были окутаны мраком. Люди, живущие там, никогда не видят дневного света, они бледны, как воск. Жаль этих несчастных: отчего их окружает вечная ночь? В чем они провинились перед тобой? Почему ты отказался освещать владения хана своим лучезарным светом, тогда как лучи твои заглядывают во все другие уголки земли? Это первый мой сон, а второй знаешь ли какой? Когда я возвращалась из ханских владений домой, дорога привела меня к берегу моря, и какое же я вижу здесь чудо! Вижу: кончилась дорога, и через море, как мост, перекинулся кит, голова его на одном берегу, а хвост на другом. Кит этот живой, лежит неподвижно и позволяет всякому путешественнику проезжать по своей спине, а зверям лакомиться его мясом. Что означают эти мои сны? Не сумеешь ли ты верно мне их объяснить?

— Хорошо, — отвечает солнце, — я тебе растолкую эти сны. Первый сон твой в руку: я в самом деле не освещаю владений хана своими лучами, и это оттого, что он намеревался похитить мою красавицу-дочь. Ты ведь знаешь, матушка, что она каждую неделю по пятницам купается в Красном море. Узнав о том, что хан собирается увезти мою дочь, красавицу, которой нет равной, я разозлился на него и вот уже много лет как не освещаю его владения своим светом; вот почему его бедный народ находится в ночном мраке. Другой твой сон тоже правда: тот большой кит, растянувшийся от одного берега до другого, проглотил целый флот кораблей вместе с добрым людом, на нем находящимся. За это я обратил свой гнев на него, и вот уже несколько столетий он отбывает назначенное ему

изказанье. И
флот. будет с
Кончив с
отправилось
Все, что
запрятанный
как благода
то, что он х
На друг
шел до бере
говорит ему
— Эй,
на тебя за
ты будешь
дишь и кор
от мук.
После
вают кораб
был довол
столетие, к
А Кау
дочь солн
светить бе
себе на б
комствам
прилетела
к ней:
— И
моими с
— Я
чин: ты
плавати
Ка
стал б
понрав
го испи
опасно
посади
мгнове
Со
на хан
стями,
Еперед
наводи.

наказание, и до тех пор, пока он не возвратит поглощенный флот, будет обречен на эти муки.

Кончив свой ужин и растолковав матери сны, солнце опять отправилось путешествовать по всей земле.

Все, что говорило солнце своей матери, не мог не услышать запряганный в куриное перышко Каурбек. Вылез он и не знал, как благодарить мать солнца, что она дала случай выведать то, что он хотел.

На другой день Каурбек отправился в обратный путь. Дошел до берега моря, залез на спину кита, добрался до уха и говорит ему:

— Эй, кит! Знаешь ли ты, что солнце обратило свой гнев на тебя за то, что ты проглотил весь флот, а с ним и людей? И ты будешь переносить эти мучения до тех пор, пока не освободишь и корабли и людей. Возвратя все это, ты избавишься от мук.

После этих слов кит открывает свой рот и из него выплывают корабли. Спасенный народ радовался и ликовал, не менее был доволен и кит, что освободился от мук, которым вот уже столетие, как не было конца.

А Каурбек стал размышлять, каким путем заманить ему дочь солнца и увезти ее во владения хана, чтобы солнце стало светить бедным людям, живущим в ночном мраке. Он устроил себе на берегу Красного моря шалаш и запасся редкими лакомствами и напитками. Заметив однажды, что дочь солнца прилетела и стала купаться в Красном море, он обратился к ней:

— Не желаешь ли, красавица, дочь солнца, полакомиться моими сладостями?

— Я бы рада была отведать сладостей, но опасаясь мужчин: ты меня, пожалуй, увезешь, — говорит она, продолжая плавать по морю.

Каурбек, видя, что ему не удалось выманить ее на берег, стал бросать ей сласти прямо в море, а потом и напитки. Очень понравились они дочери солнца, она вдоволь угостилась и много испила напитков, от которых опьянела до того, что, забыв об опасности, выплыла на берег. А Каурбек только того и ждал — посадил ее на коня и привез в ханские владения, над которыми мгновенно рассеялся мрак и засиял дневной свет.

Солнце, узнав, что его дочь увезена Каурбеком, наслало на ханские владения страшных кобылиц со стальными челюстями, изо рта которых полыхало пламя, пожиравшее людей. Впереди табуна скакал солнечный жеребец и своим ржаньем наводил на жителей ужас. Многие умирали от страха при од-

ном взгляде на пылающий изо ртов кобылиц и жеребца огонь. Вывел Каурбек свою ветрогонную лошадь и выпустил против табуна. И тут свершилось чудо: вступила ветрогонка Каурбека в борьбу с несметным числом огненных кобылиц, часть из них растерзала на куски, а часть разбросала по степи.

Дочь солнца, увидев, что Каурбек и тут вышел победителем, придумала на него новую погибель. Говорит она ему:

— Ты победил меня, победил моего отца, царствующего над всем земным шаром, а ветрогонка твоя одолела огненного коня и весь табуна солнечных кобылиц, сжигавших ранее своим пламенем всех врагов отца. Теперь уж, нет сомнения, я в твоей власти и навсегда останусь твоей. Прошу тебя об одном — исполни обычай, который ведется у нас исстари: должен ты поймать оставшихся кобылиц, выдоить их и молоком их наполнить пивной котел. Когда наполнится котел, то прикажи вскипятить молоко на самом сильном огне. Вскипит молоко, бросишься ты в котел и искупаешься, а затем и я последую твоему примеру, и так мы станем мужем и женой.

Не мог Каурбек не исполнить желания дочери солнца, будущей своей жены. Только принялся он доить кобылиц, как подошел к нему его конь и спрашивает:

— Что за нужда заставляет тебя доить кобылиц?

Каурбек же не замедлил объяснить ему, в чем дело. Конь посоветовал Каурбеку не бросаться в кипящее молоко, а лишь пройти по перекладине, на которой висит котел. Пот его прошибет и, выйдя к людям, он сможет объявить, что выкупался в котле. А иначе ждет его погибель, станет он жертвой своей коварной невесты, дочери солнца. Каурбек поступил так, как ему посоветовал конь. Прогулявшись в молочном пару по перекладине и показавшись людям, идет он к своей невесте и объявляет, что желание ее исполнено — выкупался, мол, он при народе в котле. Дочь солнца тоже бросается в кипящий котел и, накупавшись в нем вдоволь, выходит совершенно невредимой. С тех пор рассеялся многолетний ночной мрак над ханством, и оно навсегда осветилось солнцем. Весь народ благодарил Каурбека, как своего избавителя от кромешной тьмы.

И потекло время своим чередом. Отправился Каурбек вместе с ханской дочерью и дочерью солнца в путь. Долго он ехал и однажды встретил на дороге большую толпу народа, с плачем и рыданием несущую впереди на руках необыкновенно красивых мальчика и девочку. Приблизившись к толпе, Каурбек остановил ее и спросил:

— Отчего вы рыдаете и куда путь держите?

— Как же нам не плакать, — ответили люди. — Владения

нашего князя расположены на берегу моря. А в море забрался Залнаг-калм, не дает нам воды для питья, да еще ежемесячно берет с жителей дань — по два ребенка — мальчика и девочку. Этих несчастных жертв змей пожирает. Теперь жребий пал на этих детей, и вот змей должен их проглотить.

Тем временем вдали показался змей, направляющийся прямо к толпе и извергающий из пасти огненные искры. Народ, увидев его, затрепетал в ужасе и указал на него Каурбеку:

— Вот идет это чудовище, сколько уж лет пожирающее наших птенцов.

Жаль стало Каурбеку этих людей и их детей, спрятался он за скалой и стал поджидать змея. Как только Залнаг-калм приблизился, выскочил он с обнаженным мечом в руках, бросился на него и одним ударом меча отсек у него хвост и швырнул в море. Стал затем он сражаться с верхней половиной змея, старавшейся своими семью головами и жалом уязвить Каурбека. Но Каурбек молодецкими взмахами меча отсек все семь голов и искрошил их в куски. От потока змеиной крови море приняло желтый цвет и стало называться «Желтым морем». Увидев, что змей, столько лет пожиравший их детей, уничтожен, толпа бросилась к Каурбеку, и все от мала до велика благодарили его, как своего избавителя. В награду за спасение князь отдал ему свою дочь. И Каурбек со своими тремя спутниками отправился дальше.

Устал Каурбек и на полпути заснул богатырским сном.

В это время старшие братья Каурбека, Асланбек и Сосланбек, возвращались с охоты, набрели на спавшего Каурбека. Не узнав его и польстившись на его доспехи и бывших с ним красавиц, они набросились на него и убили вместе с ним красавиц, они набросились на него и убили вместе с ним конем-ветрогоном. Забрав его жену и невест, а также оружие, они приехали к своему отцу Аслану. Стали Асланбек и Сосланбек похваляться перед отцом своими победами, принесли в доказательство оружие и приведя красивых женщин. Доволен Аслан, что наконец его сыновья, Асланбек и Сосланбек, показали себя удалцами; на радостях пир устроил. Не знал старик, что убили они своего младшего брата и приписали себе его подвиги богатырские, что оправдалась на них народная поговорка: «безногой перепелке ветер приносит».

Много ли времени прошло, бог ведает. Ждут, поджидают Каурбека, а его все нет и нет. Между тем, в доме Аслана начались неурядицы: Ислам и сыновья Аслана, Асланбек и Сосланбек, что ни день, то поднимают большую ссору из-за привлеченных женщин: каждый из них требует руки своей избранницы. Не стеснялся каждый из них говорить:

— Не добудь я этих красавиц своим мечом и силой, не было бы у нас невест.

А о брате своем Каурбеке они и вовсе забыли.

А дочь солнца между тем стосковалась по своему мужу и попросила дочь Донбеттыра дать ей живой воды. Взяв живую воду, пошла она в поле, где братья убили ее мужа, собрала все кусочки тела Каурбека, разложила их по местам, затем обмыла труп живой водой, побрызгала и на ветрогонную лошадь. Потянулся Каурбек и поднялся со словами: «Ну и долго ж я спал», — а за ним уж и конь его ветрогонный стоит.

— Да, — говорит ему жена, дочь солнца, — спал ты немало... — и рассказала ему обо всем, что с ним случилось...

Поблагодарил Каурбек свою возлюбленную жену, дочь солнца, за то, что она вывела его из царства мертвых, сел вместе с нею на своего ветрогонного коня и поехал в дом отца, старца Аслана. Приезжает и застаёт там раздоры: ссорятся все, хвастаясь друг перед другом, спорят из-за невест. Поведал он отцу о своих приключениях, добыче невест, о своей смерти от рук братьев и, наконец, о том, как был оживлен и возвращен из мертвых дочерью солнца, его женою. Помирил Каурбек ссорившихся — и дочь Донбеттыра досталась Исламу, ханская дочь — Асланбеку, княжна — Сосланбеку.

Остался седоголовый старец Аслан одиноким. Жаль стало его Каурбеку, обмыл он его живой, целительной водой, и Аслан преобразился: седые волосы его почернели, морщины исчезли, и превратился он в юношу, только начинающего жизнь.

«Чем отблагодарить отца за его родительские попечения и труды?» — подумал Каурбек. «А вот чем, — решил он, — найду-ка я ему жену». Слышал он, что на краю земли живет в железной крепости могучий князь, по имени Темир-Хан, а у князя есть храбрая, сильная и гордая дочь Хадижа. Всякий жених, который просил ее руки, должен был прежде бороться с ней или же с ее тремя братьями: Тауханом, Сауханом и Донханом. Отправился Каурбек во владения князя, обнесенные железными стенами: подъезжает к крепости, но никто его не встречает. Видит он, что посредине крепости стоит семиэтажная башня, а из самого верхнего окошка выглядывает прекрасная и гордая Хадижа. Но башню окружают семь стен и семь ворот. Привязав ветрогона к коновязи, он прилег отдохнуть у железной стены, прислонив к ней свой гигантский меч. Спал он богатырским сном несколько недель сряду без просыпу. Девушка Хадижа, увидев из окна меч, узнала по нем богатыря. Стала она в спящего Каурбека бросать мелкими

камешками, но он и ухом не повел. Когда же он проснулся, Хадижа вновь решила испытать на нем свою меткость, но Каурбек опять не почувствовал. Вышла она и принялась открывать замки на воротах отцовской крепости, обнесенной семью железными стенами, и ввела Каурбека к себе в башню. Стала она его расспрашивать, зачем он пожаловал, не жених ли? Он ответил: да, жених! Тогда Хадижа указала ему на высокий курган, на котором обычно и состязались женихи с Хадижей и ее тремя братьями, и пригласила его на борьбу. При этом она сказала, что если победа останется за нею или за ее братьями, то, как и всем другим женихам, ему отрубят голову, и череп его украсит этот курган. А если ему удастся взять верх, то она готова стать его женою. Каурбек согласился на условия Хадижи.

Рано утром он явился на курган. Долго не было борца. Он вынул меч, всадил его вместо коновязи в землю и привязал к нему свою лошадь. В это время пришел богатырь, одетый в богатый панцырь, с луком и стрелами, в кольчуге, и спросил Каурбека:

— Не ты ли сватаешь мою сестру?

Он ответил:

— Да, я.

Тогда богатырь, на известных Каурбеку условиях, предложил борьбу, и началась между ними битва. Продолжалась она без перерыва и отдыха от утра до полудня. К этому времени Каурбек победил своего противника, связав его по рукам и ногам, прикрутил к своему мечу, всаженному в землю, и сам побежал в крепость. Там никого не оказалось, не слышно было ни человеческого голоса, ни визга охранявших Хадижу борзых со стальными челюстями, ни малейшего шороха и шума. Каурбек свободно поднялся на последний этаж железной башни, где жила Хадижа, но и там никого не нашел. Вдруг откуда ни возьмись прилетел большой белый ястреб со стальным клювом и спрашивает Каурбека:

— Что тебе здесь нужно, добрый и сильный богатырь?

Каурбек отвечает:

— Я желаю видеть красавицу Хадижу — дочь князя железного замка.

Белый ястреб говорит:

— Хадижа уже ожидает тебя на кургане: это она, переодевшись в богатырское одеяние своего брата, сражалась с тобой. Трудно поручиться за успех, победить ее во втором и третьем бою силой не в твоей власти. Только после поцелуя она потеряет свой богатырский дух и сделается кроткой. Но

корной. Много лет подряд немало женихов-борцов приходило сюда, и никто не сумел победить эту гордую богиню силы, все они, как ты видишь, сложили свои головы, — и ястреб указал на груды черепов, окружавшие кўрган. — И чем более она одолевает своих противников, тем больше возрастают ее твердость и мужество. Но если она примет от кого-либо из своих противников-женихов поцелуй, то она навсегда простится со своим богатырским духом и сделается слабой женщиной.

Довольный тем, что проник в тайну воинственной девы, Каурбек возвратился к своему противнику, прикрепленному к его мечу, и говорит:

— Ну, значит, я тебя победил, победа остается за мной! Теперь сестра твоя Хадижа должна принадлежать мне.

Пошел он к связанному противнику своему и наградил его поцелуем. Хадижа, снимая с себя шлем, говорит Каурбеку:

— Да не простит тому бог, кто наставил тебя на этот поцелуй. — я сама Хадижа, братьев моих еще нет дома, они странствуют вот уже целый год. Ты победил меня, теперь я в твоих руках и ты можешь располагать мною, как знаешь. Когда возвратятся братья, ты потребуешь у них моей руки, они не могут не согласиться, так как сразу заметят поцелуй на моем лице. А пока, положившись на мое верное слово, можешь ехать по своим богатырским делам.

Приехав домой, братья Хадижи с первого взгляда заметили на лице своей сестры поцелуй и спросили:

— Любимая наша сестрица, ты уже избрала себе жениха?

Она отвечает им:

— Есть ли на свете что-либо, чему нет конца?

В это самое время является Каурбек и говорит братьям Хадижи:

— Сестра ваша должна принадлежать мне. Я своей силой заслужил ее руку, я победил ее и наградил горячим поцелуем.

Что оставалось братьям, как не отдать свою сестру Хадижу Каурбеку. Он привез ее своему отцу Аслану, превратившемуся из дряхлого старика в юношу цветущих лет. И зажили они счастливо: Каурбек с дочерью солнца, Аслан с Хадижой, Ислам с дочерью Донбеттыра, а старшие братья со своими женами.

Много еще подвигов совершил Каурбек.

16. АРСЕН

Жили-были муж и жена. Между небом и землей не сыскать было никого беднее их. Имели они одного сына, по имени Арсен.

Ничего-то у них не было, даже клочка земли. Но отец Арсена расчистил себе маленькую поляну и сеял там то ячмень, то пшеницу.

Наступила осень — пора уборки урожая. Собрались муж и жена вместе с сыном косить свою поляну. А Арсену шел всего двенадцатый год.

Пришли на покос, смотрят, а граблей-то нет.

Отец и говорит:

— Я пойду и принесу.

А жена:

— Нет, лучше я.

Арсен возразил:

— Я знаю, где лежат грабли, сбегая и принесу, а вы работайте себе.

Бежит Арсен, напевая, не тужит, что бос и гол. Он здоров и на душе нет забот. Вдруг из кустов прямо на него выскочил медведь, схватил Арсена и потащил в лес.

Бедняк косил до самого вечера, а жена вилами сгребала скошенное в копны. Арсен все не появлялся.

— Вероятно, с детьми заигрался, — сказала мать.

Возвратились они вечером домой, ждут мальчика. На дворе уже темнеть стало. Сельские пастухи давно пригнали скот. Отец с матерью надеялись, что Арсен ушел к пастухам, но и с ними его не оказалось.

В горе расцарапали они себе лица, побежали с плачем по улицам, спрашивают то одного, то другого, и все отвечают им:

— Нет, не видали. Не видали мы Арсена.

Всю ночь они горько проплакали. А утром, едва наступил рассвет, отец отправился на поиски мальчика в близкие села: идет, себя надеждой тешит, думает, может, убежал он куда-нибудь со сверстниками, но и там об Арсене никто даже не слышал.

Обливаясь слезами, смолотили бедняки собранный на поляне хлеб. Потом помололи зерно на мельнице и, уверившись в своем несчастье, решили сделать из этой муки поминки по Арсену. Совсем доконало их горе, жизнь стала беднякам не в радость, сидят, целыми днями горюют:

— Кто знает, может, вороны тебе, сынок, глаза исклевали, а, может быть, лежишь ты на дне глубокой реки?!

Так и прошло с тех пор восемь лет.

А Арсен не умер — остался жив: притащил его медведь в свою берлогу и стал за ним ухаживать и растить его. Здоровеет со дня на день Арсен, крепнет.

Однажды вывел медведь мальчика из берлоги и предложил ему испытать свою силу — попробовать согнуть деревья, которые росли перед их логовом, но Арсену не удалось еще это. Отвел медведь тогда его обратно, стал пуще прежнего за ним ухаживать: то баранину принесет ему, то оленье мясо раздобудет.

Стал Арсен замечать, как с каждым днем все больше сил в нем прибавляется.

Как-то утром отправляется медведь на охоту. Арсен в это время спал еще богатырским сном. Проснулся он в полдень, наелся, напился, потянулся во все стороны и вылез из берлоги. Оглянулся вокруг: кругом скалы да лес, да синее небо. И вспомнил Арсен, как однажды медведь заставлял его деревья гнуть. Подошел он к одному дереву, обхватил его, вырвал с корнями и отбросил в сторону. Так одно за другим все деревья разбросал. Затем забрался в берлогу, повалялся на спине и заснул.

А медведь вернулся вечером с добычей, принес целого

барана. Смотрит — и поляна та же, и берлога на месте, а деревьев как не бывало.

Позвал медведь Арсена:

— Вылезай-ка, посмотри, кто тут был?

Вскочил Арсен, выбрался из берлоги, а медведь его спрашивает:

— Кто здесь был сегодня?

— Никого не было, — отвечает Арсен.

— А кто же вырвал эти деревья? — спросил медведь.

— Не очень-то крепкие они были, чему ты удивляешься? Это я был, — сказал Арсен.

Медведь этому очень обрадовался. Накормил он его хорошенько, а затем говорит:

— Арсен, ты сын одного бедняка, а я тебя похитил, когда отец послал тебя за граблями, о чем ты и сам, наверно, хорошо помнишь. До сих пор ты рос у меня, я тебя выхаживал, сил своих не жалел. Теперь ты возмужал, силы у тебя хватает, иди к своим отцу и матери. Коли застанешь их еще в живых, так дай им хоть на старости пожить хорошей жизнью — они, бедные, хорошей жизни не видели.

Показал ему тут медведь дорогу в то село, где Арсен жил в детстве. Обнялись они напоследок, и Арсен отправился к отцу и матери.

Пришел он в село, ходит из дома в дом, спрашивает, не пропал ли у кого сын.

Сельчане смотрят на него, разинув рты: стоит перед ними великан, большими глазами в разные стороны водит. Указали ему на бедняков, мужа и жену, которые на окраине села хлеб молотили, мол, у них когда-то сын пропал, иди и спроси их.

У Арсена и походка была сильная, как взмах орлиных крыльев. В одну минуту оказался он около работавших.

— Да будет полным гумно ваше, добрые люди! — приветствовал он бедняков.

Они поблагодарили пришедшего, поникнув головами. Арсен поздоровался с родителями за руку; видит — еле они ноги передвигают. С самого утра с одной копной возятся, но и к вечеру, видно, им не осилить. На току¹ под ногами бычков и телок солома скучивалась, то в одном месте, то в другом скотина обрывала уардахи,² которыми были привязаны к верев-

¹ Особый способ молотбы на Кавказе.

² Уардахи — скрученные прутья, используемые вместо веревки.

ке, тянувшейся от столба, посреди тока, и тогда старикам приходилось гоняться за ними. Постоял возле них Арсен, посмотрел, потом спрашивает:

— Где же ваши сыновья, почему они вам не помогут?

Заплакали тут муж и жена, и бедняк со слезами в голосе ответил:

— Нет у нас больше сына. Был у нас, по божьей милости, единственный мальчик и тот пропал. Мы даже не знаем, зверили его растерзали, или где-нибудь в другом месте нашел он себе погибель.

Сомнений не было — перед Арсеном стояли его отец и мать. Помедлил он немного и спрашивает:

— А скажи, отец, как звали твоего сына?

Бедняк, утирая слезы подолом одежды, посмотрел на юншу и ответил:

— Арсеном его звали. Арсеном.

Тогда Арсен радостно засмеялся, обнял старика и сказал:

— Не горюй, есть теперь у тебя защита, я — сын твой, Арсен!

— Живи на радость тем, чьим Арсеном ты являешься, а мне уж бог не пошлет больше такого сына! — произнес бедняк с болью в сердце.

Тогда Арсен припомнил, как пошли они однажды на поляну хлеб косить и забыли грабли дома.

Мать его в это время в стороне переворачивала вилами снопы, и как только донеслось до нее «поляна», «грабли», бросила она вилы и подбежала к ним. А Арсен продолжает рассказывать отцу:

— Помнишь, как собрался ты домой вернуться за граблями, но мать моя тебя не пустила, сама хотела принести их. Тогда я вскочил и говорю вам: «Вы работайте, а я быстро за ними сбегаю».

Тут мать стала подходить все ближе, а Арсен вспоминает дальше:

— Побежал я, как вдруг из чащи леса выскочил медведь, схватил меня и потащил в свою берлогу.

Арсен хотел было поведать о том, как растил его медведь, но вдруг мать его разрыдалась и бросилась к нему:

«Дитя мое!» От радости она лишилась чувств. Начали ее обливать водой, и, наконец, она очнулась. Свидевшись после долгой разлуки, старики и сын их не могли наглядеться друг на друга. Затем Арсен отослал мать домой, принялся сам за работу: начал ногами мять, ворошить колосья, руками перетирать их, ше-

лушить зерно, собрал его в кучу, очистил от остатков стеблей и принес домой в кожаном мешке.

Мать за это время испекла два лаваша,¹ а немного муки в куту² про запас насыпала.

Арсен проглотил оба лаваша в один присест и спрашивает свою мать:

— Нана, принеси еще хлеба, разве мы ужинать не будем? А мать, усмехнувшись, ответила:

— Разве, по-твоему, это не ужин был?

Тут Арсен сказал:

— Эх, нана, да разве меня такими крохами насытишь?!

Тогда мать снова испекла хлеб из оставшейся в куту муки, но Арсен и этот лаваш проглотил, не успев даже и вкуса его испробовать.

Наутро отец Арсена отправился к царю наниматься на работу. Царь повелел ему лущить кукурузу. Проработал бедняк целый день до вечера, а за работу дал ему царь лишь мешочек зерна. Пришел бедняк домой, а Арсен его спрашивает, где он был. Отец отвечает:

— У царя кукурузу лущил.

Арсен стал просить отца взять утром и его с собою на работу. Отец не соглашался, мол, для такого труда ты еще не годен, молод слишком, но Арсен и слушать об этом не хотел. Наконец, отец уступил. Обрадовался Арсен, что пойдет на работу, даже об ужине от радости позабыл. Утром, когда отец поднялся, вскочил и Арсен, не отстает от отца, идет с ним рядом и говорит:

— Пришло время и тебе отдохнуть, теперь я буду работать, силы у меня хватает, чтобы вас прокормить.

Вот пришли они к царю. Глядит Арсен: вытянулись в ряд на царском дворе переполненные кукурузой куту, конца им не видно. Но Арсен не унывает, знает, что и для ему достаточно, чтобы всю эту кукурузу обмолотить. Говорит он отцу:

— Возьми подряд на все эти куту.

Отправился отец Арсена к царю и говорит:

— Дай нам всю свою кукурузу, мы тебе ее обмолотим.

Царь вышел на двор, увидел юношу, понравился он ему. Думает, такой и вправду много сработает. Выставил царь свои условия:

— Если вылущите всю кукурузу за полтора месяца, то

¹ Лаваш — плоский, тонкий хлеб.

² Куту — сапетка или амбар для хранения муки и зерна.

возьмете в счет платы сколько сможете унести вдвоем; если же нет — ничего вам не достанется.

Вернулся царь в палаты и усмехается про себя: проработают они у меня месяц с половиною, всей этой кукурузы не обмолотить им и за год, вот и получают у меня даровые работники! Оглянулся, видит — в дверях снова бедняк стоит, послал просить его Арсен, не обидится ли царь, когда они ему кукурузу за день обмолотят.

Приблизился бедняк к царю и спрашивает:

— А если мы сегодня всю кукурузу обмолотим, не рассердишься?

Царь отвечает:

— Дело ваше, я дал вам срок, а если вы желаете, так хоть до обеда кончайте. Вон там недалеко амбар стоит, туда и ссыпайте зерно.

Вернулся бедняк от царя к сыну и все ему пересказал.

Принялся тут Арсен за работу. Поднимет куту, отнесет, поставит перед жгтницей, а в руке у него дерева обрубок, переверошит он им кочаны, потом встряхивает куту, зерно все и осыпается, лишь несколько никудышных зерен на кочане остается; отбросит Арсен куту в сторону и возвращается за новой.

Отец Арсена тоже работает, старается, но где ему за сыном поспеть! Как соберется у отца зерна побольше, так Арсен подхватывает его и за один раз все в закроем пересыпает.

А царская дочь смотрит, удивляется, как быстро у Арсена работа спорится, и хочет она узнать, кто же это такой работник, хочет рассмотреть его поближе.

Приготовили работникам завтрак, а царская дочь схватила хлеба, сама хочет их снести. Напустились тут на нее со всех сторон, как это так, где это видано, где это слыхано, чтоб царская дочь сама работникам хлеб носила?

А девушка никого не слушает, на своем настаивает, только просит отцу не говорить. Взяла она два хлеба и понесла, а Арсен, как увидел, засмеялся и говорит девушке:

— Вероятно, вы боитесь, что царю зерна не хватит, потому и хлеб свой так жалеете?

Смутилась царская дочь, вернулась обратно и назло юноше целый мешок хлебом наполнила и принесла.

Как было Арсену не обрадоваться?

Говорит он ей:

— Вот так, милая девушка, за работниками надо ухаживать!

Сел Арсен тут и все съел.

Посидели немного, отдохнули, потом принялись вновь за работу.

Солнце еще не закатилось, когда они закончили молотьбу и все зерно в закрома сложили. Затем Арсен накрепко закрыл дверь амбара. У дверей царского дома росли такие высокие ивы, что вершины их в небо уходили. Пригнул их Арсен к земле, вырвал с корнем, перекрутил, сделал из них уардахи, перевязал ими амбары. Потом обратился к отцу:

— Теперь только поспевай за мной!

Продел плечи в уардахи, поднял одним махом весь амбар с зерном. А царь в это время мимо взад-вперед прохаживался, Арсен ему и говорит:

— Счастливо оставаться! Мы теперь с вами в расчете! Отец мой даже ничего и не прихватил с собой, идет себе налегке!

Царь и слова вымолвить не смог, как увидел свой амбар на спине у Арсена. А царская дочь смотрит, радуется.

Притащил Арсен амбар к себе, снял с плеч, поставил перед родительским домом и зовет свою мать:

— Нана, выйди, взгляни на свой амбар!

Выглянула мать Арсена, как ей было не обрадоваться: теперь хоть кусок хлеба буду иметь.

С тех пор, как унес Арсен амбар, царь ходил хмурый. Не о кукурузе он жалел, а сокрушался, как жить ему дальше рядом с таким силачом. Денно и ночью раздумывал царь, как поступить ему с бедняцким сыном: взять его в обучение и потом убить, иначе от него не избавишься; или махнуть на него рукой, пусть живет себе, как хочет. Но не мог царь найти себе покоя — если оставить его в живых, то однажды рассердится он и всем царским добром завладеет.

Как-то вечером за ужином поведал царь жене свои думы. Жена была за то, чтобы привести Арсена в дом и затем убить его, а дочь о таком коварстве и слушать не хотела. Как это, сначала Арсена обучить, а потом со света сжить?!

Решил царь с царицей позвать к себе Арсена. Утром царь послал за ним слуг, велел передать, берет, мол, его в обучение.

Родители не хотели отпускать Арсена, но он им сказал:

— Не бойтесь, кукурузы пока у вас достаточно, не только вам на житье хватит, но и беднякам поможет, а тем временем и я вернусь.

Отправился Арсен к царю. Первой заметила его царская дочь. Выбежала к нему навстречу, обласкала, завела в

царские покон. Царь с царицей тоже приветливо встретили Арсена, поздоровались с ним за руку, а как же иначе могло быть?

И остался Арсен у царя, прожил там несколько лет. Больших успехов добился он в обучении, даже птичий язык постиг. А царю это было не по душе.

Сидит однажды царь, понурился. Подошел к нему Арсен и спрашивает:

— Нездоровится тебе или огорчил кто?

Царь ему отвечает:

— Нет, здоров я и расстроить меня никто не посмеет, но привиделся мне дурной сон, будто выпадет в этом году большой снег, долго простоят зима, и скот мой свалится от голода, так как не успел я корм на зиму заготовить.

Покачал Арсен головою:

— Ай, яй, яй! Плохо ты о нас думаешь! Разве мы дадим скоту твоему погибнуть? Хоть с неба, да достанем корм.

А царь и говорит Арсену:

— Недалеко от нас есть зеленые луга, но некому их косить.

— А обо мне забыл?! Кто же лучше меня управится с этим делом? Вели наточить косу поострее.

Приказал царь, и наточили ему косу. Взял Арсен ее в руки и поломал на кусочки.

Пошел он, созвал всех кузнецов сразу, попросил изготовить большую косу с деревянной ручкой, такую, чтоб под стать ему была.

А царская дочь поставила перед ним обильный завтрак. Поел Арсен на дорогу досыта, затем завернул в кусок домотканного сукна несколько хлебов, привязал себе на спину, взял в руки косу и отправился в путь.

Царь ему вслед кричит, показывает, где растет хорошая трава, а Арсен и не оглянулся.

— Теперь сам разыщу, — отвечает.

А этими покосами другое царство завладело. Чужой царь велел обнести луга железной оградой, а для охраны вокруг нее войско поставил.

Раскинулся в этом месте огромный фруктовый сад.

Явился туда молодой косарь Арсен, видит — луг огражден со всех сторон. Рассердился Арсен, ухватился за железную ограду, начал ее трясти и обломал. Занес он на луг свои хлебы, повесил их на раздвоенное дерево и начал косить. Ходит по лугу, косой размахивает, где ни ступит, все ложится: и трава, и деревья. Проведало об этом войско царя, окружили

луг, стрельбу подняли. А Арсен и не замечает, косит себе, ни о чем не думает.

Пули вокруг него градом сыпятся, а ему будто и дела нет да-то. Так и не остановился, пока все не скосил. А кто из царских стражников попал ненароком под его косу, всех скосил, будто маленьких ягнят, да случится так с твоим врагом!

Как увидели они, что грозит им всем гибель, бросились бежать без оглядки. Те, что уцелели из войска, добежали до царя и поведали о том, какой великан косил их луг. Рассказывают, что стреляли в него, а он даже в их сторону не взглянул; а когда ближе к нему подобрался, то тех, кто попал под его косу, скосил он, как былинку.

Закричал тут царь на своих стражников:

— Как же, вы и ранить его не смогли?!

А они ему в ответ:

— Пули от него, как от железа, отскакивали.

Тогда сказал царь:

— Так он, верно, нечистый дух какой-то! Оставим его тогда в покое.

А Арсен тем временем, не спеша, кончил косить, сел, поел вдоволь хлеба и тронулся в обратный путь.

К приходу его царская дочь наготовила угощений всяческих. Арсен и там всласть наелся, да увижу я так свою радость, не оставил себя голодным!

Прошло два — три дня. Сидит царь, снова голову повесил, пуще прежнего печалится.

А Арсен его спрашивает:

— Что случилось? О чем ты снова кручинишься?

Сказал тогда царь:

— Корм-то для скота теперь заготовлен, да какой в нем прок, если стада мои зимой на снегу да на льду останутся.

Утешил его Арсен:

— Об этом не тужи. Прикажи только изготовить топор, молоток и гвозди, или лучше, — поспешно прибавил Арсен, — я сам себе сделаю.

Поднялся Арсен с этими словами, отправился в кузницу. Посмотрел ему царь вслед, презрительно улыбнулся и говорит:

— Посмотрим, каково тебе придется, как пошлю я тебя в лес к двенадцати великанам хлев для скота строить! Покажут они тебе, почем фунт лиха. Не нравится тебе топор, сделанный моими кузнецами, но какой бы большой ты сам себе ни изготовил, все равно они выпотрошат тебя, как курицу.

И царь
где завтра
А Арсен
гвозди разн
наготовила
рался, тоже
возле дома
му и спраш
ему в ту ст
да царь на
Солнце
рался до л
человека. М
щинами. А
лю, поверн
рево накл
под самый
го хлева н
время про
младшему
— По
поднять, с
Выше
— Чт
кто трево
А Ар
— А
Взял
к велика
ему пинс
— Г
А с
для хле
ворит то
— Е
Так по
изготов
тые де
под по
приказ
— е
ежели

И царь поднялся, грозясь, указывая рукой в ту сторону, где завтра великаны должны были съесть Арсена.

А Арсен тем временем изготовил себе топор, молоток и гвозди разной величины. Царская дочь снарядила его в дорогу, наготовила ему еды всякой. Царь, зная, что Арсен в путь собрался, тоже поднялся спозаранку. Вышел он из палат своих, возле дома прохаживается. Увидел Арсен царя, подошел к нему и спрашивает, где лучший лес водится. Царь тотчас указал ему в ту сторону, где жили великаны. Арсен и пошел туда, куда царь направил.

Солнце докатилось уже до середины неба, когда Арсен добрался до леса. Лес был дремучий, не касалась еще его рука человека. Могучие вековые деревья уходили в небо своими вершинами. Арсен положил свою котомку с едою и гвозди на землю, повернулся к лесу и принялся дуть: дунет раз — одно дерево наклонится, другой — второе, толкнет он их и подрубит под самый корень. Вот уже почти и вдосталь лесу для царского хлева наломано, собрался уже Арсен перекусить, но в это время проведали о нем великаны. Старший из них говорит младшему:

— Пойди-ка, взгляни, кто там на наш лес руку посмел поднять, съешь его!

Вышел великан, увидел Арсена и кричит на него:

— Что за собака такая нашлась, какой осел выискался, кто тревожит наш лес?!

А Арсен ему в ответ:

— А ты не видишь разве, собака, что я дом строю?!

Взял он, нагнул большое дерево, скрутил его, подбежал к великану, схватил его, обмотал этим толстым уардаком, дал ему пинок в спину и говорит:

— Попробуй только пикнуть, горе тогда твоему дому!

А сам выбрал самые длинные бревна, настлал из них пол для хлева и принялся воздвигать стенки. Старший великан говорит тогда другому брату:

— Сбегай, посмотри, не обидел ли кто мальчика.

Его тоже постигла та же участь, что и самого младшего. Так по очереди связал Арсен всех братьев. Построил он хлев, изготовил все, вплоть до дуг, потом вырвал из земли ветвистые деревья, обстругал их и просунул в нескольких местах под полом хлева, затем освободил великанов, выстроил их и приказал взяться за просунутые под пол балки.

— Ну, собаки, поднимайте-ка хлев, горе вашим очагам, ежели накренится он в какую-нибудь сторону, сожгу тогда

всех вас на костре из колючек, сложу одного на другого, как поленья.

Сел Арсен сам на пороге постройки, и двинулось шествие к владениям царя.

Дошли они до царского дворца. Как завидел царь волосатых великанов, затрясся от страха. Спросил было его Арсен, куда хлев поставить, но где там было царю отвечать — убежал он вмиг, скрылся в своих покоях. Тогда Арсен огляделся вокруг, выбрал широкую поляну и велел великанам поставить там хлев. А затем поддал каждому пинок и прикрикнул:

— А теперь убирайтесь с глаз долой! Да подальше унесите свои головы, чтобы и слух до меня от вас не дошел, иначе разыщу вас и даже мертвых из могилы достану; а теперь идите, не оглядывайтесь, горе вам, если посмеете взять с собою хоть козлиное ушко из моего стада!

Бегут бедняги, улепетывают, хоть и болят их побитые спины, но благодарят они Арсена, что живыми их отпустил. И так они помчались, что, наверно, и по сей день бегут.

Поутру Арсен спросил, сгребли ли скошенное им сено, но никто ему не ответил. Тогда изготовил он себе железные грабли. Угостила его царская дочь перед работой хорошенько и с собой хлебы завернула. Заиграло от этого у Арсена сердце, возрадовалось. Отправился он на покос, собрал там деревья для дров, а тех из войска чужеземного царя, кого он скосил ненароком, пошвырял в разные стороны, потом взялся за грабли. Сгребает сено в одно место. Обошел он луг вдоль и поперек, собрал все сено. Сложил он деревья, прикрутил друг к дружке, приготовил вязанки дров для носки.

Отнес сначала сено к хлеву, сметал его в стога. Покончил с сеном, за дрова принялся. Столько дров натаскал и сложил перед царскими воротами, что и целый год жечь, не сжечь.

А царь все про себя думу черную думает, в раздумье взад-вперед расхаживает. Чем лучше у Арсена работа спорится, чем легче он от всяких напастей избавляется, тем он царю все ненавистнее становится. Думает царь: «Захочет это бедняцкое отродье, так и корки хлеба собственного мне не даст».

И надумал он тогда учинить Арсену новое зло. На высокой горе жил воин-исполн, никто на свете еще не осилил его. Метал он во врагов своих сверху каленым железом. «Пошлю я Арсена, — решил царь, — к подножью этой горы, малик, мол, меня в гости к себе приглашает, а я стар, пойти не в силах, не сходишь ли ты вместо меня». Вечером рассказал царь о своем намерении жене и напоследок прибавил:

Прзвиз.
Жена сразу
— Пошли
от него!
Порешили
Еще рано
дал его пр
детым, спрос
— Отчего
Царь под
Никогда до
Улыбаяс
в черном сер
Взял он
зять, похвал
я ни слово
добро моим
постарел я
спросил ме
приглашен
зовали; с
ним за тр
будить ра
трудиться
зал, что,
прислал
которые
А у
— М
думами
и доче
имеется
не пож
По
Арсен
и гор
—
услуг
трет

— Правда, Арсен для нас много потрудился, силы у него хоть отбавляй, но чей он сын? Бедняка какого-то, только и всего!

Жена сразу согласилась и говорит:

— Пошли его, пошли непременно, и мы, наконец, избавимся от него!

Порешили они Арсена отправить в «гости» безоружного.

Еще рано было, и Арсен спал, а царь уже поднялся и ждал его пробуждения. Встал Арсен и, когда увидел царя одетым, спросил:

— Отчего ты чуть свет поднялся? Не в гости ли собрался?

Царь подошел к нему, стал сладкими речами отуманивать. Никогда до сих пор не говорил он с ним так ласково.

Улыбаясь, показывает царь Арсену белые зубы, а злобу в черном сердце прячет.

Взял он его руку и начал про свою молодость рассказывать, похваляется: никто с ним, с царем, не смел тогда тягаться ни словом, ни силой, ни молодечеством. «Видишь, все это добро моими руками нажито! Ну, а теперь посмотри на меня, постарел я вовсе, не гожусь больше никуда. А почему это ты спросил меня, не зван ли я в гости куда-нибудь. Правда твоя, приглашен я. Живет у подножия горы малик, к нему меня и позвали; сегодня рано поутру послал он гонца за мной, мы с ним за трапезой сидели, пока ты спал еще, пожалел я тебя будить ради этого. А то, может быть, ты бы и согласился потрудиться за меня — в гости вместо меня поехать. Малик скажет, что, если сам я не смогу быть на пиру, то чтоб кого-нибудь прислал из своих. А у меня, сам ты знаешь, нет наследников, которые бы вместо меня ответ держали».

А у Арсена от жалости даже сердце в груди стеснилось. — Милость твоя, напрасно ты так печалишься, горькими думами себя изводишь, ведь живут же и такие цари, у которых и дочерей нет, совсем одинокие. А у тебя, хвала богу, дочка имеется. Если нет у тебя сына, так на что же я? Жизни своей не пожалею, а не отдам очаг твой на посрамление.

Поблагодарил царь Арсена за такие речи. Видит он, что Арсен не прочь поехать посланцем от него на чей-нибудь пир, и говорит:

— Я приглашен к малику, если ты в самом деле хочешь услужить мне, поезжай.

Арсен, конечно, не отказался.

Принарядился, как надлежало; думали, не станет он смтреть на еду перед пиром, но не тут-то было, закусил Арсен

хорошенько, да еще и с собой на дорогу прихватил то, что царская дочь ему приготовила, тогда и отправился в путь. Не забыл и меч свой прихватить Арсен.

Сказал царь тут своей жене:

— Ну, теперь, наконец, избавились мы от него!

Едет Арсен низом горы. Кинул взгляд наверх и видит: летят в самую его голову каленые железные палицы, огненными брызгами сверкают. Если угрожает в Арсена, обожжет, испепелит его, но не таким Арсен уродился, чтобы так легко было его обратить в пепел. Хватал он падавшие вокруг него железные брусья и кидал обратно вверх, в грудь богатырю.

Закипел бой. Ни одна железная палица не попала в голову Арсену. Тогда воин начал спускаться с горы пониже, чтобы на близком расстоянии вернее сразить Арсена. Арсен подскочил к нему. Стащил его вниз за ногу. Набросились они друг на друга. Начали биться. Подмял его Арсен под себя, выхватил меч, занес над головой, снести ее хочет, вдруг оборвал боец тот на груди застежки, и видит Арсен — девушка перед ним. Тогда девушка-воительница обняла Арсена и сказала:

— Ты мой суженый, нашла я, наконец, равного себе по силам. Многие до сих пор на этой горе погибали.

Достала девушка кольцо и отдала Арсену, а Арсен, в знак обручения, надел ей на руку золотой браслет. Хотел он взять девушку с собой, но она не согласилась.

— Возвращайся домой, приведешь с собой царских гостей, устроим мы помолвку на славу.

Обнял тут ее Арсен еще раз и отправился в обратный путь. А девушка вслед ему вещее слово сказала:

— Пусть отныне, Арсен, станешь ты насыщаться пищей, как всякий человек, а сила твоя да удесатерится.

Спустился Арсен с горы, пришел к царю. Как увидел его царь, так съежился весь, подобно курице в морозный день. Думал он, избавится от Арсена, а оказалось, не сбылась его надежда. Принесла тут царская дочь хлеба вдоволь, хочет угостить Арсена.

А с Арсеном случилось так, как девушка-воительница пожелала: поел он немного, как всякий обыкновенный человек, встал из-за стола, вытер руки и вышел из царских покоев. Царю стало не по себе: сколько раз он посылал его на верную смерть, теперь Арсен даже хлеба их не отведал, как обычно. Решил царь, что Арсен догадался, что он его на погибель посылал, потому и хлеба его есть не хочет. Вышел царь следом за ним на улицу. А Арсен присел на большой камень, сидит, думает о том, кого царь пошлет с ним гостями зваными на го-

ру. Вышла дочь царская, глядят они на Арсена молча. Потом царь и спрашивает:

— Видно, на пиру тебя так напоили, что даже от хлеба теперь отказываешься!

А Арсен усмехнулся и говорит:

— Ты, верно, думаешь, что я всю жизнь так много хлеба есть буду? Нет, мне до сих пор от бога было положено много есть, а теперь я буду кушать, как вы все.

Услышала слова Арсена царская дочь, которая и прежде его уже любила, еще больше возрадовалась.

А царь Арсену говорит опять:

— Ни из одной поездки не возвращался ты таким хмурым, или досадил тебе кто чем-нибудь?

Допытывался он и так, и этак, расспрашивал Арсена, не приключилось ли с ним какое зло или, может, раны нанесли ему тяжелые. Арсен, наконец, ответил:

— Думаю я, царь, о том, как устроить мне дальнейшую свою жизнь, достиг я уже того возраста, когда очаг свой пора иметь. Остались у меня дома отец и мать, за всю свою бедняцкую жизнь одного дня они сытно не покушали. Мой сыновний долг теперь, чтоб, хоть на старости, они увидели хорошую жизнь. Нашел я себе невесту, и ты должен послать со мной гостями достойных людей, чтобы мы привезли ее сюда с честью, как по обычаям нашим положено.

Как услышала об этом царская дочь, чуть чувств не лишилась: дыхание в груди у нее стеснилось, глаза наполнились слезами.

Взглянул царь на Арсена и говорит ему:

— Хорошее ты дело задумал!

— Неплохо оно и кончится, но кого ты дашь мне в спутники из людей своих?

Царь ответил:

— Выбирай сам, кого пожелаешь!

Довольный, Арсен провел по усам рукой, надвинул папаху, поглубже на глаза и сказал царю, понизив голос:

— Спасибо тебе, делу моему ты помог, но чтоб совсем счастливо оно увенчалось, нужно еще кое-что.

Царь недоумевает:

— Вези жену в дом! Чего тебе еще не хватает?

— Это теперь от меня не убежит, по милости божьей будет она в моем доме, но знаешь, чего хочу я еще?

Помолчал Арсен немного, потом опять сказал:

— Знаешь, чего мне не достает?

А дочь царская, уткнув глаза в землю, прислушивается, слово не пропускает и вдруг слышит:

— Отдай мне твою дочь, тогда будет еще лучше.

Девушка тут подняла голову, бросилась к матери, обнимает ее на радостях. Говорит она матери:

— Слышишь, о каких важных делах они разговаривают?

А мать тоже этот разговор мимо ушей не пропустила, а как же иначе, и усмехнулась.

Царь не ответил Арсену, не сказал, отдаст ему дочку или нет; встал с места и говорит:

— Пока ничего об этом не знаю, посмотрим... подумаем...

Поднялся и Арсен. Вышли они оба. Сердится дочь на отца, что не согласился он выдать ее за Арсена, кроме него, решила она ни за кого замуж не выходить, крепко полюбила она его.

К вечеру этого дня Арсен отобрал под стать себе товарищей из приближенных царя, сам нарядился, как жениху подобало, и отправился в путь. Приехали они к той горе, где Арсен сражался. А там люди девушки-воительницы к приему гостей готовились без устали. Справили богатую свадьбу, а затем с песнями и плясками поехали обратно, повезли с собою добра всякого, имущества всевозможного.

Знал Арсен, что в бедняцком доме своих родителей не сможет он принять гостей и жену, и решил поехать в царский дворец, но тут жена ему сказала:

— И не думай об этом! Мы все себе справим собственными руками.

Подъехали они к месту, где жили родители Арсена. Возле дома был у них навес и амбар хороший, который Арсен у царя заработал. Велела Арсену молодая жена поодаль четыре камня поставить, сама молитву вознесла:

— Услышь меня, мой ангел-хранитель, пусть по твоему велению вырастет здесь дом, да такой большой, чтоб царского дворца возле него и заметно не было, и чтоб в доме всего полным-полно было.

Зашумело вдруг, загремело все вокруг, и появились на месте этом такие хоромы, что царский дворец рядом с ними показался людям маленьким курятником. Поднялись Арсен с женой, с гостями в новый дом. Арсен хотел привести отца и мать гостей приветствовать, но жена сказала, что так вести их не положено.

Спустилась она с Арсеном к отцу его и матери, вынула шелковый платок, взмахнула им над стариками, и стали они

в семь раз моложе и краше, чем были. Одели их, повели с честью, посадили с гостями рядом.

Арсен вспомнил и о табуне великанов. Взбежал он на пригорок, да как крикнет оттуда пастухам:

— Гоните скорее лошадей и скот!

Услышали пастухи крик Арсена, обрадовались и погнали вниз стада. Поняли они, что свадьба готовится, будут скот резать — попадут они гостями на пиршество, какого свет досель не видел.

А Арсен за царской дочерью собрался, чтобы обеим невестам по обычаю должные почести воздать. Поднялись все гости и вместе с ним двинулись к царю во дворец. Ступили гости на порог дворца, вышел к ним царь, что же еще ему оставалось делать? Пригласил всех в царские покои. Отправил царь гонца во все края, и собралось к нему великое множество народу дочь его замуж выдавать. Справил царь богатую свадьбу, одарил щедро дочь и зятя своим царским добром и в путь-дорогу отправил.

17. РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА, КОНЬ И КУСЫФТАГ¹

Пошел однажды бедняк в лес. Вдруг видит: волк за чертом гонится. Увидел черт бедняка и взмолился:

— О, бедняк, спаси меня от серого, трижды тебя отблагодарю!

Прогнал бедняк волка. Избавился черт от беды и говорит:

— Как только завтра солнце осветит вон ту лесную полянку, не мешкай, беги прямо туда.

Утром, едва солнце осветило поляну, подоспел и бедняк. Смотрит, черти хоровод водят, симд² танцуют. Заметили рогатые бедняка и сгнули, осталась на полянке ручная мельница. Посмотрел бедняк на мельницу и думает: «На что она мне, все равно дома молоть нечего, лучше бы черт мне золотой дал».

Не знает бедняк, что с мельницей делать. Думал, гадал и нечаянно тронул жернова, а из-под них золотые монеты посыпались.

Обрадовался бедняк, подхватил золото и мельницу — и домой. С тех пор зажил бедняк с женой без нужды и горя. Что только не пожелают, все им мельница дает. В один прекрасный день говорит жене бедняк:

— Давай-ка, жена, алдара в гости позовем.

¹ Кусыфтаг — кубышка из особого вида тыквы.

² Симд — народный осетинский массовый круговой танец.

— Вот еще, что выдумал! — отвечает жена.

Не послушался бедняк, отправился к алдару и пригласил его. Алдар, известное дело, в одиночку не привык в гости ходить; кого только встретил по дороге, всех с собой позвал. Зашли они в дом к бедняку, расселись. Хозяин стол накрыл. И чего только на нем не было, каких только кушаний и напитков! Едят и пьют гости вдоволь. Не успеют за столом высказать свое желание, хозяева покрутят ручную мельницу и, пожалуйста, гость дорогой, получи, что просил. Вышел алдар в сени и увидел мельницу. Вернулся, сел на свое место, но пить и есть не может: от зависти аппетит пропал. Забеспокоились хозяева.

— Что с тобой, алдар, почему к еде не прикасаешься, кушай на здоровье!

— В рот куска не возьму, — отвечает алдар, — пока вы мне ручную мельницу не подарите.

Делать нечего, как гостю отказать.

— Ты только ешь, пей, а мельница твоя будет, — говорит хозяин.

Кончили пировать, разошлись, а алдар мельницу забрал. Муж и жена опять в бедность впали. Куска хлеба в доме не сыщешь. Говорит тогда бедняк:

— Пойду-ка я до черта с поклоном, авось, поможет горю нашему.

Только солнце полянку светом залило, бедняк тут как тут. Черти опять симд танцуют. Увидели человека — сгнули, а на том месте остался жеребенок с веревкой на шее. Подошел бедняк к жеребенку и думает: «На что мне лошадь, самому есть нечего». Но не оставлять же в лесу жеребенка. Взял веревку, тянет, а жеребенок ни с места. Хлестнул его бедняк, а у жеребенка из-под хвоста золотые монеты посыпались. Обрадовался бедняк. Собрал золото, привел жеребенка домой и давай стегать веревкой. Зажили муж и жена, нужды не ведая.

Как-то вздумалось старику за покупками отправиться. Сел на своего жеребца и доехал до базара. Привязал лошадь у конюшны, а сам в лавку вошел. Ехал мимо алдар, увидел жеребенка. Поправился ему конь. Обошел его со всех сторон, в зубы заглянул и напоследок плетью огрел. Глядь, а у жеребца сзади монеты посыпались, и не простые, а золотые.

Вскочил на него алдар и поскакал. Заметил бедняк, погнался за алдаром.

— Куда коня моего гонишь?! — кричит.

Алдар смеется:

— Какого коня?!

— Того, на котором ты сидишь. Слезай, это моя лошадь! Рассердился алдар, приказал слугам:

— Ну-ка, ребята, набейте спину этому ослу!

Набросились слуги на бедняка, повалили, избили нещадно. Еле добрал бедняк до дома. И опять с женой с голоду умирают.

— Пойду, черту поклонюсь! — говорит муж жене.

Когда солнце осветило поляну, бедняк туда явился. Черти сидели полукругом и только его увидели, исчезли, но знакомый черт остался. В руке он держал связку прутьев и кусыфтаг и сказал бедняку:

— Дарю тебе вот эти вещи, больше ничем помочь не могу. Возьми их, не давай никому, прутья не развязывай, не вынимай затычку из кусыфтага.

Пришел бедняк домой, принес подарки, рассказал жене о наказах черта. Стали опять жить муж и жена бедно, раздетые, голодные.

Однажды пришел алдар к бедняку в дом. Мужа не было дома, и он говорит жене:

— С тех пор, как я был у вас в гостях, твоя красота запахла мне в сердце и с той поры не знаю покоя. Зачем тебе здесь умирать с голоду? Иди ко мне, будешь жить, как княгиня, станем мужем и женой.

Женщина обрадовалась и согласилась.

— Только ты мне должна сказать, где бедняк ручную мельницу и жеребца взял, — говорит алдар.

— У моего мужа, да буду я жертвой за тебя, есть знакомый черт, вот он ему и дал их.

— А что дал еще ему черт? Покажи! — просит алдар.

Жена быстро принесла связку прутьев и кусыфтаг и говорит алдару:

— Вот это. Черт наказывал не развязывать прутьев и не вынимать затычку из кусыфтага.

Ушел алдар с женой бедняка и последние подарки черта прихватил. Вернулся бедняк и застал дом пустым. Догадался он, в чем дело, и отправился к алдару. Говорит ему:

— Алдар, зачем ты меня губишь? Зачем ты увел мою жену? Верни мне ее, и я отведу ее домой.

Вышла к нему жена и говорит:

— Чтобы я к тебе вернулась? Никогда!

— Ступай отсюда, иначе опять тебя мои слуги изобьют. — пригрозил алдар.

— Отдай мою мельницу, жеребца вместе с прутьями и кусыфтагом, — просит бедняк.

— А какой силой обладают прутья и кусыфтаг? — спрашивает жадный алдар.

— Не знаю, про это черт ничего не сказал.

— Ну тогда я и сам узнаю! — говорит алдар. Взял прутья и распустил завязку. Путья посыпались на землю. Рассердился алдар.

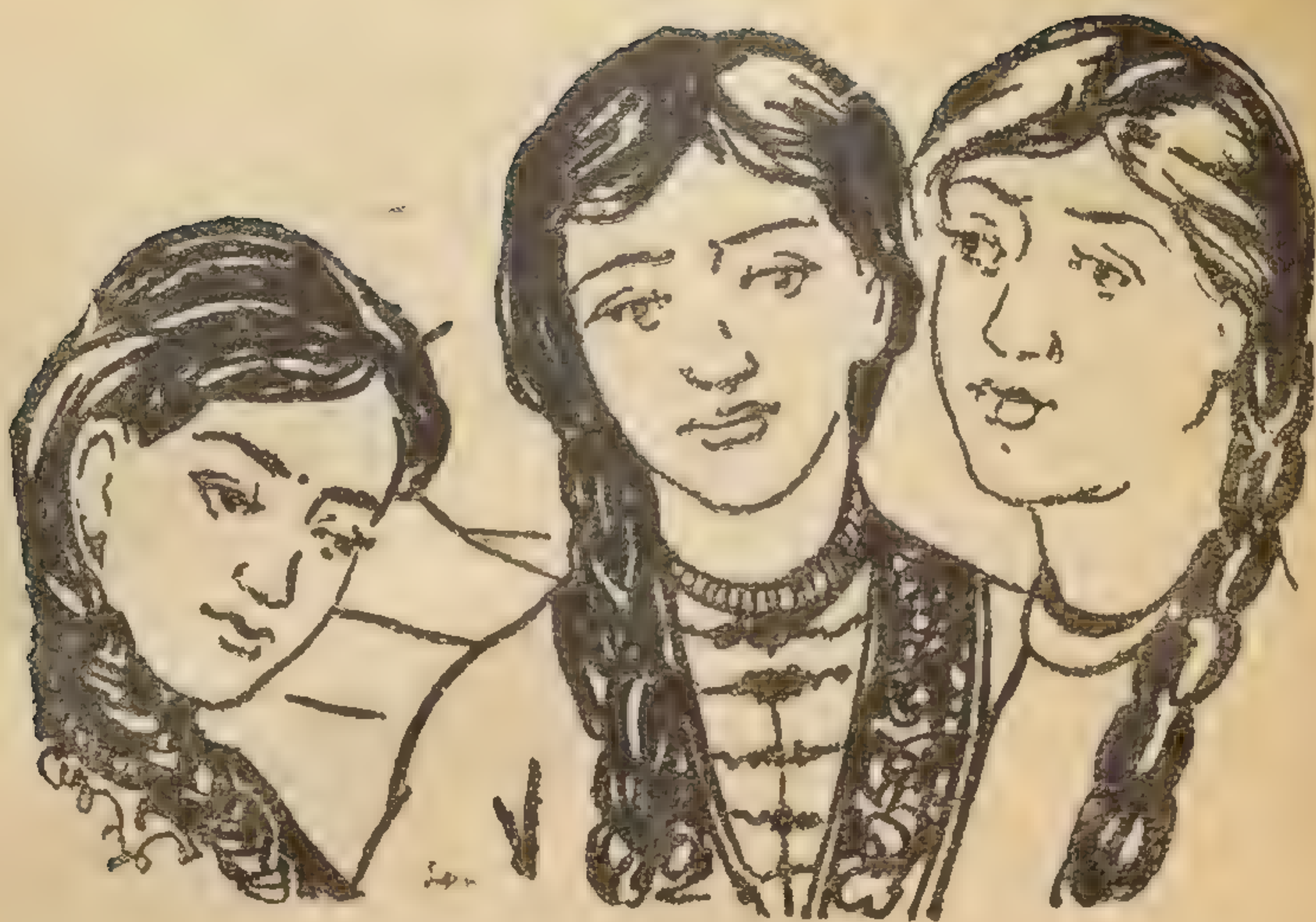
— Это ведь простые прутья!

Вынул затычку из кусыфтага. Оттуда вылетели осы, напали на алдара, жену и их слуг, облепили им лица, глаза да так стали жалить, что те ослепли. К ним подскочили и прутья и начали сечь всех, кто был там.

Алдар с женой плакали, стонали и, наконец, от ударов дух испустили, а с ними и все их домочадцы.

Бедняк собрал все принадлежащее ему — мельницу, жеребца — и отправился домой. Живет он и по сей день и долго жить будет.

18. СКАЗКА О ТРЕХ СЕСТРАХ

Жили муж и жена. Было у них три дочери. Жена умерла, и отец привел вторую жену. Мачеха невзлюбила своих падчериц и как-то раз говорит мужу:

— Этих девчонок ничем не насытишь. Все наше добро из-за них пойдет прахом. Или убей их, или спровадь куда-нибудь.

Муж ответил ей:

— Мне нужна была жена для того, чтобы она следила за моими детьми, а ты хочешь, чтобы я их убил.

— Я не буду с ними жить! — настаивала на своем жена. И тогда отец пошел в лес, нашел там большую яблоню, выкопал под ней яму и накрыл ее буркой. А сам взобрался на дерево и потряс его. Потом пошел домой за девочками и привел их в лес. Подвел к яблоне и говорит:

— Соберите яблоки. Прыгайте все вместе на войлок!

Девочки прыгнули и упали в яму. Отец натаскал бревен, прикрыл ими яму сверху и пошел домой.

Несколько дней девочки питались яблоками, но когда они кончились, то голодные девочки решили: «Давайте попробуем зубы друг у друга, и у кого они окажутся сладкими, ту и съедим».

Попробовали они зубы старшей сестры, и оказались они

горькими. Потом попробовали у средней, но и у нее оказались горькими. Попробовали у младшей и оказались они у нее сладкими. Тогда две старшие сестры и говорят:

— Мы должны тебя съесть!

— А младшая сестра им отвечает:

— Что от того, что вы меня съедите? Этим вы лишь ненадолго утолите голод. Давайте лучше попросим бога, чтобы он дал нам лопату, и мы как-нибудь выберемся отсюда.

Они попросили бога, и он дал им лопату. Начали они рыть. Рыли, рыли и попали в хлев, который принадлежал какому-то алдару. Смотрят девушки и видят, что работники положили корм коням и вышли. Тогда они взяли корм и унесли для себя. И так они стали делать каждый раз. Лошади отошались, и когда алдар заметил это, он рассердился и спрашивает своих работников:

— Отчего худеют мои кони?

Работники отвечают:

— Мы кладем много корма, почему они худеют, ума не приложим.

Алдар приказал им:

— Увеличьте корм!

Конюхи стали еще больше подсыпать корму лошадям, но те не становились особенно упитанными, и тогда алдар приказал следить за ними днем и ночью и узнать в чем дело.

Работники стали стеречь лошадей. Как-то ночью они видят, что появились какие-то девушки и хотят унести корм. Работники схватили их, привели к алдару и говорят:

— Вот кто съедал корм твоих лошадей.

Алдар приказал посадить их под замок. Утром, когда рассвело, алдар стал расспрашивать девушек. Спросил он сначала старшую:

— Что ты умеешь делать лучше всего?

Девушка ответила:

— Если дать мне аршин материала, то я из него сошью рубашки для десяти мужчин.

Спросил алдар среднюю:

— А ты что умеешь?

Девушка ответила:

— Если дать мне один стакан арак, то я сумею опить им десять мужчин.

— Что же умеешь делать ты? — спросил, наконец, алдар младшую сестру.

— Я ничем особым не могу похвастать, — скромно ответила младшая.

— Но все же, ты ведь должна уметь что-то делать? — настаивал алдар.

И тогда младшая сказала:

— Если сделаешь ты меня своей женой, то рожу я тебе золотокудрых мальчика и девочку.

Алдар устроил свадьбу и женился на младшей сестре. Старшей сестре он дал аршин материала, но она не сумела сшить даже одной рубахи. Средней сестре дал стакан араки, но она не опила ни одного мужчину. Алдар рассердился и сделал сестер прислужницами своей жены.

В один день жена сказала алдару:

— Сегодня никуда не уходи. Пришло время мне родить. Но алдар ответил:

— Я уйду на охоту, но когда ты будешь рожать, позвони в колокольчик: у моей лошади чуткое ухо, она услышит, и я вернусь.

Старшие сестры подслушали этот разговор, пошли и набили уши лошади ватой. Алдар отправился на охоту. Когда пришло время рожать, жена долго звонила в колокольчик, но лошадь ничего не слышала, и алдар не вернулся.

Тогда жена алдара спрашивает своих старших сестер:

— Как рожала наша мать? Вы старше меня и, наверное, помните?

Сестры ответили:

— Наша мать залезла на крышу и оттуда рожала, а внизу держали бурку для детей.

Жена алдара залезла на крышу и оттуда родила. А у алдара была собака и она тоже ощенилась в этот день. Пока жена алдара спускалась с крыши в дом, сестры принесли щенят и положили их в бурку, а золотокудрых мальчика и девочку отнесли и положили с собакой. Когда алдар вернулся и увидел, что вместо золотокудрых детей жена родила ему щенят, он сильно разгневался. Заколот быка, снял с него шкуру целиком, сделал из нее мешок, бросил в него жену и щенят, повесил мешок на двери и велел каждому, кто будет входить, плевать на дверь.

А тем временем две старшие сестры позвали одну бедную женщину и приказали ей:

— Возьми собаку и обоих детей и где-нибудь загуби, чтобы духу их не было!

Бедная женщина понесла собаку и детей и оставила их в лесу. Собака стала ловить зайцев и кормить ими мальчика и девочку. Скоро они подросли. Прослышали сестры о том, что

дети остались живы.
на нее: — Что ты не
Вот теперь они вы
застав, алдар убо
с ними, то пеняй
Отправилась
застав девочку сд
— Тебе не ск
— Что подел
зает на охоте, и
Тогда женщи
— Вот когда
молочном озере
этой свиньи, я б
Вечером, ко
рит: — Не могу
озере есть одна
Юноша утр
ли он прошел,
женщина, один
уходит.
— Я много
Женщина
— Если б
как съедаю в
И она за
— Куда
Юноша с
— В мо
сти для свое
Женщина
— Вста
жди. Когда
покажется
прямо поср
падешь в э
съест.
Юноша
молочного
лука и по
лоса. Сви

дети остались живы, позвали бедную женщину и напустились на нее:

— Что ты натворила! Почему оставила детей живыми? Вот теперь они выросли и могут прийти сюда, и, если все раскроется, алдар убьет нас. Иди, если и теперь не расправишься с ними, то пеняй на себя!

Отправилась бедная женщина к пещере, где жили дети, и застав девочку одну, спросила:

— Тебе не скучно одной?

— Что поделаешь, — ответила девочка. -- Мой брат бывает на охоте, и со мной некому быть дома.

Тогда женщина ей говорит:

— Вот когда вечером вернется брат, ты скажи ему, что в молочном озере есть одна свинья. Принеси, мол, мне ножку этой свиньи, я буду ею забавляться. И он принесет ее.

Вечером, когда брат пришел с охоты, девочка ему и говорит:

— Не могу я больше жить одна. Мне скучно. В молочном озере есть одна свинья, принеси мне ее ножку.

Юноша утром встал и отправился в путь. Мало ли, много ли он прошел, но дошел он до одного дома. Смотрит — сидит женщина, один клык у нее в землю упирается, другой в небо уходит.

— Я много прошел, — сказал он ей, — и очень устал, нана.

Женщина в ответ сказала:

— Если бы ты не называл меня «нана», я бы съела тебя, как съедаю всех остальных.

И она завела его в дом, накормила и спросила:

— Куда путь держишь?

Юноша ответил:

— В молочном озере живет одна свинья. Я должен принести для своей сестры ее ножку.

Женщина дала ему совет:

— Встань рано утром, пойди на берег молочного озера и жди. Когда солнце начнет подниматься в небе, тогда и свинья покажется из молочного озера. Когда выглянет ее голова, то прямо посреди ее лба увидишь три белых волоса. Если ты попадешь в эти три волоса, то убьешь ее, нет, так она сама тебя съест.

Юноша так и сделал. Пошел рано утром и сел на берегу молочного озера. Когда показалась свинья, он выстрелил из лука и попал ей в голову как раз в то место, где были три волоса. Свинья упала замертво. Юноша вытащил ее на берег озе-

ра, отрезал ей ногу и понес домой. Дома он повесил ногу на стену.

Утром, когда юноша ушел на охоту, пришла к ним опять та бедная женщина и спрашивает девушку:

— Ну, как ты живешь? Видно, скучно тебе одной, не с кем поговорить, не с кем посмеяться!

Девушка говорит:

— Что делать? Кого привести?

Тогда женщина опять ей посоветовала:

— Заставь брата взять себе в жены рыжеволосую девушку, сидящую на седьмой горе, и будет тебе с кем веселиться и играть.

Вечером, когда брат вернулся с охоты, девушка говорит:

— Я не могу жить одна. Приведи себе жену!

— Кого мне привести? Я никого не знаю, — ответил брат.

— Найди рыжеволосую девушку, сидящую на седьмой горе, и приведи ее себе в жены, — сказала сестра.

Утром юноша встал и пошел. Подошел он к дому рыжеволосой девушки, сидящей на седьмой горе, и позвал ее:

— Выгляни, рыжеволосая девушка, сидящая на седьмой горе!

Вышла девушка и спрашивает:

— Чего тебе надобно, брат мой?

Юноша ответил:

— Я должен взять тебя в жены.

Девушка выругала его:

— Да превратись ты в стоячий камень!

И в ту же минуту стал юноша стоячим камнем.

А тем временем сестра прождала брата две недели и когда увидела, что он не возвращается, пошла его искать сама. Вошла во двор рыжеволосой девушки, сидящей на седьмой горе, и позвала ее.

— Рыжеволосая девушка, сидящая на седьмой горе, выгляни-ка!

Та не вышла, а только крикнула ей в ответ:

— Чего тебе нужно и кто ты?

Сестра юноши рассердилась!

— Выйди, говорю тебе, собака!

Та вышла. Сестра юноши спрашивает:

— Куда делся мой брат?!

— Я не видела твоего брата! — ответила рыжеволосая.

Тогда девушка бросилась на нее, повалила и крикнула:

— Говори мне, где мой брат?!

Рыжеволосая девушка взмолилась:

— Отпусти меня, я встану и оживлю твоего брата.

Отпустила она ее. Та пошла и оживила юношу. Сестра сказала:

— Теперь идемте все вместе. Ты, рыжеволосая девушка, сидящая на седьмой горе, будешь женой моему брату.

Ушли оттуда втроем. Пришли к себе. Невестка огляделась и спрашивает их:

— У вас нет жилища лучше этого?

Девушка ответила:

— Нет у нас лучшего жилья. А матерью и отцом была нам эта собака.

Невестка сказала:

— Идите за мной, я покажу вам, где ваш дом. Но когда вы будете входить в него, ваш отец заставит вас плюнуть на дверь, но вы не плюйте.

Они пошли и дошли до дома алдара. Когда они входили, то алдар сказал им:

— Плюньте на дверь!

Но они не плюнули, вошли и сели.

Алдар рассердился:

— Почему вы не плюете?

— А зачем ты заставляешь плевать на дверь? — спросила алдара невестка. Алдар ответил:

— Моя жена сказала мне: «Я рожу тебе золотокудрых сына и дочь», но обманула меня. Родила двух щенят. Я бросил ее вместе со щенками в мешок, подвесил на двери и теперь заставляю каждого, кто входит, плевать на них.

Невестка сказала:

— Посмотри на этих юношу и девушку, разве они не золотокудрые?

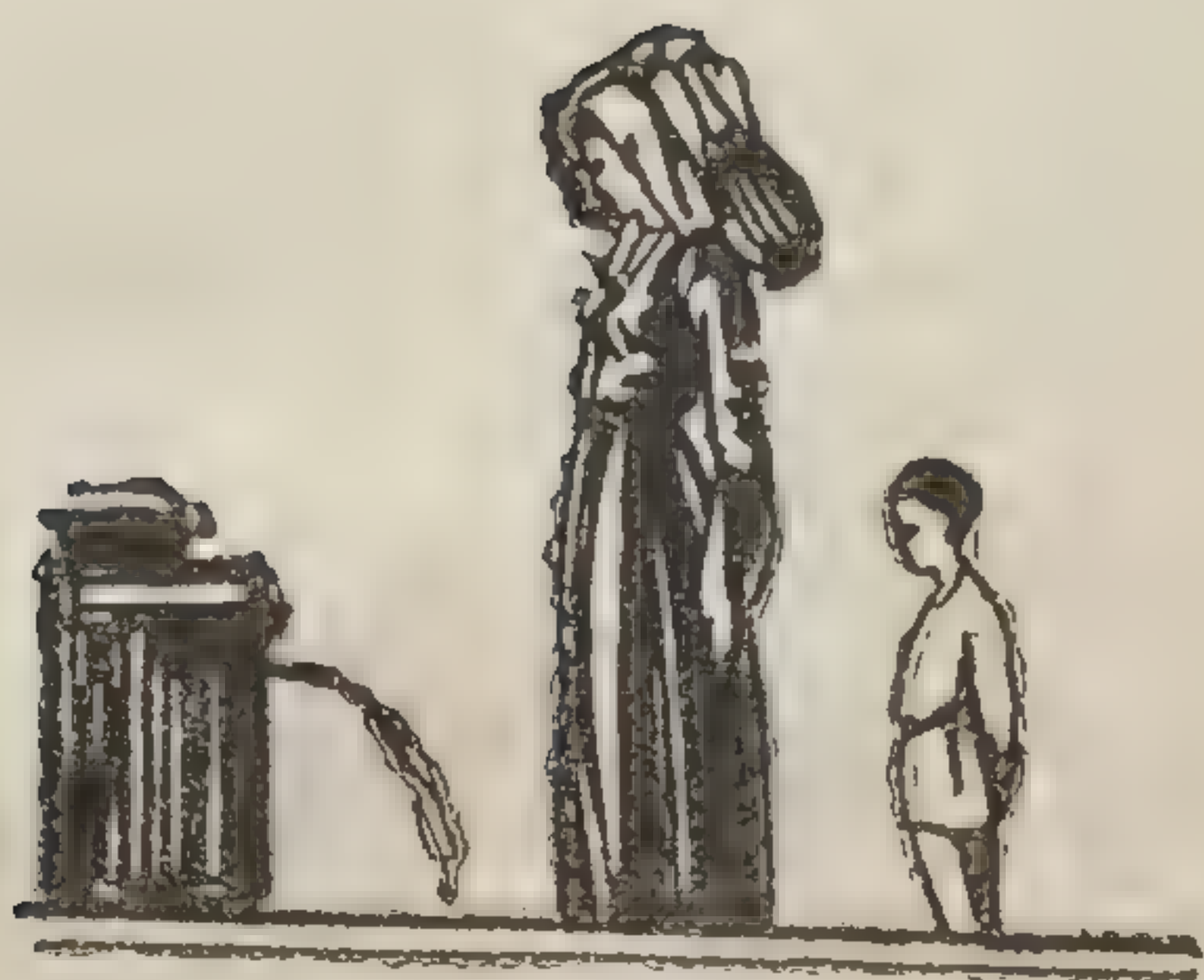
Алдар подошел, взглянул на головы юноши и девушки и видит — выются на них золотые кудри. Тогда невестка сказала:

— Это твои сын и дочь, я твоя невестка, а это — твоя собака.

Алдар все понял, подбежал к двери, вытащил мертвую жену свою, обтер ее золотым полотенцем, и ожила она, стала прекрасней, чем прежде.

Потом алдар устроил пир в честь своего счастья. Пируют они на радостях, пируют и сегодня.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

19. ДВА АЛДАРА-ПОБРАТИМА

Очень дружили два алдара-побратима. Лишь здоровья и добра желали друг другу. У одного алдара были дети — сын и дочь. Другой был бездетным. Жили они, жили много лет, и у того алдара, у которого были мальчик и девочка, умерла жена. Однажды алдар оставил свою дочь в доме бездетного побратима, а сам с сыном отправился по делам в дальнее путешествие. Живет девушка в доме алдара-побратима, очень ласковы с ней хозяйка и хозяин. По правде говоря, девушка и сама никогда ни в чем им не перечила. Чтобы гостя не скучала, алдар устроил веселый праздник в своем доме: затеял игры, состязания. Много народу собралось на игрища. Веселятся гости, поют, танцуют. Немало нашлось среди них красавиц, но пригожее всех была дочь алдара. Многим юношам она понравилась, и начали они к ней свататься. Весь народ заглядывался на девушку, и говорили люди: «Не сыскать краше и добрей девушки, чем алдарова дочь, не родится больше такая. Никто не умеет лучше нее кроить и шить, никто не испечет хлеб вкуснее, чем она. Мало того, что красавица, скромностью своей добрый пример любой девушке покажет».

Во второй раз устроил алдар игры. Молодежи собралось еще больше; все лучшие юноши и девушки пришли. И снова никто не мог отвести глаз от дочери алдара. Красота ее заставляла гореть сердца старых и молодых. Не могли гости насмотреться на ее пляски, послушаться ее песен. Еще больше юношей стали к ней свататься.

Дочь алдара стала гордостью дома, была исполнительна и послушна, как и подобает младшей. Полюбили ее словно родную.

В третий раз по зову алдара собралось столько гостей, что, если бы с неба слетела головешка, ей некуда было бы упасть.

И вновь алдаровой дочке не нашлось равной. Кончились игры, опять от женихов отбоя нет.

А самого алдара одолели тяжкие мысли, заскучал он днем света божьего не видит, ночью спать не может. Забросил все дела, кусок в горло ему не идет. Видит семья — алдару не по себе, но спросить о причине никто не осмеливается.

Долго терзался алдар, но никак не мог побороть чувства, зародившегося в его сердце. Дьявол его искушал. Любовь оказалась сильнее того доверия, уважения и братства, которые связывали его с другом. Он полюбил девушку-гостью!

Застал он ее однажды наедине и поведал ей свою печаль. Будто громом поразило девушку, но она и виду не подала, решив ввести алдара в заблуждение. «Чтобы уберечься от любви алдара, надо схитрить, иначе не избежать мне бесчестья». — подумала про себя девушка и обратилась к алдару с такой речью:

— Да живет алдар долгие лета! Нет здесь моего отца и брата, хорошо, если бы ты подождал их возвращения.

— Добрая девушка, это невозможно. Я не властен над собой. И раньше ты примечала, наверно, что хожу я сам не свой, хотя не знала причину моей грусти. А теперь, когда я открылся тебе, ты понять должна, что без тебя мне и жизнь не мила.

— Когда отец мой узнает, что я вошла второй женой к тебе в дом, как ему будет горько и обидно, лучше тебя, его побратима, никто не поймет. И я сама никогда не позволю так опозорить, оскорбить брата и отца перед всем светом. Да и ты сам не должен оскорбить того, кого называл любимым другом, кому поклялся в братстве, побойся бога!

— И это я обдумал; с миром и почетом отправлю я жену в отчий дом, как этого требует приличие.

И, действительно, отослал алдар жену свою на родину.

Тут поняла девушка, в какую беду она попала, как трудно ей выйти из сложного положения, чтобы не запятнать чести своего отца и брата. Не зная, что делать, она убежала и спряталась в крепости алдара. Закрыла она за собой семь дверей и не выходит оттуда никуда. То угрожает алдар, то умоляет, но девушка не поддается. Томится она за семью дверями, мучает ее голод, жажда, в башне темно и грязно, донимают ее мыши и насекомые. Плачет она с горя, и слезы ее превращаются в алмазные и жемчужные бусы.

Прослышал тем временем алдар, что возвращается его побратим с сыном из путешествия и просит выехать к нему навстречу, чтобы на день раньше с другом увидеться. Алдару, конечно, стало неприятно, но делать нечего, другого выхода нет, и он выехал встречать друга. Поздоровались побратимы, обнялись. Говорит алдар побратиму:

— Что с тобой? Почему ты такой хмурый? Много бед мы испытали с сыном в той жаркой пустынной земле: и голод, и жажду, и страх перед разбойниками, но поверь мне, не было мгновенья, чтобы я не вспоминал тебя, не было часа, когда бы ты не пребывал в моем сердце. Не так я беспокоился за дом свой и единственную дочь, как за тебя. И сейчас послал за тобой потому, что мне не терпелось скорей свидеться с тобой. А ты будто и не рад встрече. Бог свидетель, ведь раньше и вправду свет тебе был без меня не мил!

— Мой друг, прости меня, если я огорчу тебя, наберись мужества, выслушай меня, и я тебе расскажу, отчего я не похож на себя, почему тебе кажется, что я изменил нашему братству. Но лучше было бы, если бы ты позволил мне молчать, спрятать всю боль глубоко в сердце. Не в силах я рассказать тебе о том, что случилось, боюсь причинить тебе горе.

— Нет, пусть то, о чем я должен услышать завтра, я узнаю сегодня от своего названного брата. Да перенесу я болезнь, которая суждена мне, как можно скорее, да заплачу долги свои вперед. Поведай, что тебя терзает, я слушаю!

— Да будет по-твоему. Единственная дочь твоя жила в моем доме, как в своем, мы с женой так относились к ней, как не могут любить и лелеять родные мать и отец. Ничего нам было для нее не жалко. По чести говоря, день — два девушка вела себя прилично, но потом... тяжело мне и вымолвить... переменялась, нет такого позора и низости на свете, которых она себе не позволила. Жили мы с женой мирно, — твоя дочь своим злым языком сделала из нас лютых врагов: мне одно говорит, хозяйке — совсем другое. Совсем стыд потеряла, многих парней обнадевивала, обещала им недостойное:

Чего она то-то
казавшему. Но
я ей и пригро-
крепость, зак-
Что она там
я не сумел у-
езда — не да-
звину!

Тогда па-
любным гром-
— Сын

твоя сестра,
в крепость
дочь. Прине-
с себя позор
своего наро-
дства, был
любимое де-
ланы, осп-
дл и мой
все детьми

Искры
двезжал к
казал ей с
заговорил
это я, тво

— Ес
нашей ма-
ница.

Юно
и пр
воему б
ирлу. Д

Что
двез гла
идеяла
Бра
вает:

—
Он
чилось
куруцу

Чего она только не натворила. До того дошла — мне, твоему названому брату, себя предлагала! «Бесстыжая», — сказал я ей и пригрозил твоим именем. Она надулась и убежала в крепость, закрыла за собой семь дверей и не показывается. Что она там делает, чем живет, один бог знает. И вот то, что я не сумел уберечь дочь твою, что она в моем доме так себя вела — не дает мне покоя. Виновными считаю и себя, и хоззяйку!

Тогда паломник повернулся к своему сыну и, голосом, подобным грому, сказал:

— Сын мой, ты слышал из уст моего друга, что натворила твоя сестра, дочь моя единственная?! Возьми сылык,¹ поспеши в крепость и лиши жизни свою сестру, мою единственную дочь. Принеси мне полный сылык ее крови! Пока я не смою с себя позор ее кровью, не вернусь я домой, не покажу лица своего народу. Я прожил в почете, ничем не запятнал своей чести, был равным среди равных. Теперь же, к старости, мое любимое дитя, моя единственная дочь, покрыла позором мои седины, осрамила меня, заживо похоронила! Без вины пострадал и мой верный друг. Как трудно перенести горе, причиненное детьми! Торопись, я буду ждать тебя здесь!

Искры гнева сыпались из глаз сына алдара, когда он подъезжал к крепости, где пряталась девушка. Брат сердито приказал ей открыть дверь, но она не откликнулась. Тогда юноша заговорил ласково: «Не бойся, сестрица моя, не бойся, открой, это я, твой брат».

— Если ты в самом деле мой брат, тогда кинь кольцо нашей матери, иначе я даже не выгляну, — отвечала затворница.

Юноша бросил ей кольцо, девушка примерила его на палец и прямо с верхнего этажа башни бросилась в объятия к своему брату, а он повалил ее, как жертву, приставил нож к горлу. Девушка и говорит:

Что с тобой, брат мой, в своем ли ты разуме? Выцвели от слез глаза мои, искусала я губы в нетерпении, вас ожидаючи, надеялась — вызволите меня из ада, отомстите за меня!

Брат опустил нож, помог девушке подняться и спрашивает:

— Что это значит?

Она рассказала все с самого начала о своих муках. Смягчилось сердце брата, пожалел он сестру. Поймал во дворе курицу, зарезал ее, наполнил сылык куриной кровью, вскочил

¹ Сылык (сылыкъ) — кожаное ведро.

на коня, сестру посадил сзади и выехал со двора алдара. Не доезжая до места, где ждал их родитель, оставил сестру в кустах у дороги, а сам поскакал к отцу, соскочил с коня и подал ему сылык.

— Бисмил-ла! — произнес отец, приложил сылык к губам, утолив этим жажду мести. Отправились отец и сын домой. Дочь алдара сидит в кустах и горюет, не знает, что ее ждет в будущем. Вдруг ее окружили с громким лаем охотничьи собаки. За ними показались и охотники, увидели девушку, окликнули, но она даже не взглянула. Но вот на поляну выехал всадник, молодой алдар из дальних краев.

— Кто ты и что здесь делаешь? Отвечай скорей, иначе натравлю на тебя своих собак, — сказал он.

— Не горячись, алдар, никто пока еще от угроз не умирал, а меня тоже ими не запугаешь. По рождению я тебе равная, но теперь вы меня застали в беде, и я не могу выйти потому, что недостойно одета, — стыдно мне.

Алдар-охотник снял с себя кое-что из одежды. Девушка прикрыла лохмотья, и они отправились в дом алдара. Он накупил для нее дорогих тканей, вызвал портных, чтобы сняли с девушки мерку.

Девушка отослала их обратно и сказала:

— Я не надену платья, сшитого другими. Дайте мне материал, ножницы, иглу и нитки, я сама сошью.

Села она, взяла булатные ножницы, раскроила материал и принялась шить. Когда кончила и облачилась в новое платье, то обрела прежнюю красу. Коса ее, длинная, как хвост у саулохского¹ коня, спадала до пят.

— Лань к топору пришла, — сказал алдар-охотник. — Я нашел лучше той, о какой мечтал всю жизнь!

Справили свадьбу, стали мужем и женой алдар и дочь алдара. Родились у них два сына, прекрасных, как два драгоценных камня. Тяжело вздыхает по ночам жена алдара.

— Что с тобой? О чем ты так тяжело вздыхаешь? — спросил ее однажды муж.

— Я потому грущу, что боюсь, как бы малыши мои не выросли похожими на своего отца: непонятливыми, глупыми. Из корня колючки вырастает колючка.

— За что обижаешь меня, жена?

— Как мне тебя не корить! Твои два сына скоро перерастут отца, а ты до сих пор не догадался спросить меня: «Неужели на то место, где я тебя нашел в лохмотьях, ты упала с

¹ Саулохская лошадь — одна из лучших пород лошадей.

неба, может быть, ты родилась под кустом или выползла из камня?!»

— Ну, моя добрая хозяйка, если у тебя есть родители, мне это приятно слышать, значит, счастье мое удвоилось. Расскажи о себе.

— Родилась я так же, как и все, от отца и матери. Есть у меня и брат. Мать у меня умерла, но отец и брат живы-здоровы. Хочется мне повидать их, показать им своих детей.

Что мешало алдару снарядить свою хозяйку в путь-дорогу? Уложили еду, напитки, подарки, посадили возле хозяйки двух детей, надежного человека, и сто всадников послал алдар им в провожатые. Ехали они, ехали и, когда доехали до берега одной реки, жена алдара сказала:

— Здесь мы отдохнем, перекусим, а затем снова двинемся в путь.

Поели, попили. Всадники легли в тени деревьев на берегу реки вздремнуть, лошадей пустили пастись в высокой, по пояс, траве. Жена и доверенный алдара наблюдали за людьми. И вот мужчина говорит:

— Давно ты мне мила, ни одна женщина никогда так не нравилась мне, как ты, — будь моей.

— Разве тебя муж мой для этого послал, будь ты проклят?! Чтобы я такого бесчестного слова больше не слышала! Разве друзья так поступают?!

— Если ты не согласишься, я тут же зарежу одного из твоих сыновей!

— Если ты убьешь даже обоих, все равно я не поступлю так низко, не осрамлю своего мужа!

— Значит, ты не согласна?

— Ни за что!

Мужчина встал, выхватил кинжал и отрубил обоим мальчикам головы. Женщина схватила одежду одного всадника, бросилась в воду и переплыла реку. Одеда мужское платье, подобрала волосы под шапку и в таком виде двинулась по дороге. Дошла она до одного села, стала искать себе работу. Повстречался ей пожилой алдар и говорит:

— Так и быть, возьму я тебя к себе, пасут мои отары одиннадцать человек, одного пастуха не хватает. О платье сговоримся.

Женщина согласилась. Живет среди пастухов, приглядывается, что и как они делают. То в одном их поправит, то в другом и, наконец, за старшего среди них стала. Разделила стадо, каждому пастуху поручила ту работу, на которую он больше способен. Позаботилась и о жилище пастухов, и о ко-

шарах для овец. Все строения раньше были сплетены из прутьев, она же велела их заменить дощатыми и каменными. Хорошо зажили пастухи, лучше стали работать. Много стало скота. Далеко разнеслась весть о старшем пастухе. Алдары-скотоводы, владельцы отар, стали завидовать тому, у которого распоряжалась жена алдара. Собрались они как-то и решили своими глазами увидеть то, что сделал знаменитый пастух. Собирались алдару, его хозяину, жди, мол, в гости едем. Алдару стало стыдно:

— Весь свет узнал о моих пастухах, а я еще ни разу их не проведаль, что они сделали, не видел.

В назначенный срок прибыл на пастбище алдар с гостями. Старший пастух всем сумел угодить: заколол жирного быка, приготовил на любой вкус кушанья и напитки. Поели гости, попили, расспрашивать стали. Все их интересует, и нет предела их удивлению. Спросили гости хозяина:

— Кто твой старший пастух? Видел ли, узнал ли он где-то, что здесь делает, или своим умом дошел до всего этого?

Но алдар ничего ответить не мог, так как сам не знал, кто у него старший пастух. Делать нечего, позвали старшего пастуха:

— Скажи нам, кто ты? То, что ты сделал, до этого сам додумался или где-нибудь на стороне этому научился? Мы все немало повидали, каждый из нас имеет скот, пастухов, но то, чего ты достиг, никому и не снилось. Благодаря твоей работе, хозяин стал самым богатым среди нас, скота его не счесть!

Старший пастух ответил.

— Добрые люди, я считаю своим долгом рассказать вам все, о чем вы просите. Но прежде, чем открыть вам, кто я, поведаю одну притчу. Дайте только слово, что удалите отсюда каждого, кто меня будет прерывать, не будет мне верить и вступит со мной в спор, пока я не кончу рассказывать.

Все согласились с пастухом. Стала жена алдара рассказывать о своих приключениях так, точно все случилось не с ней, а с кем-то другим. Первым во время рассказа удалили алдара, побратима ее отца, который во время отъезда ее родителей так издевался над девушкой, от которого она столько мук претерпела. Затем увели друга ее мужа, того, кто зарезал ее детей на берегу реки, когда она ехала в родной дом.

Кончил пастух рассказывать притчу, снял шапку, и роскошные волосы рассыпались из-под нее.

— Я та, которую хотели оскорбить, которая вынуждена была убежать из дому, та, у которой зарезали детей, та, кото-

рая выстрадала так много! Теперь я обращаюсь к вам с жалобой, будьте судьями.

Стали судить, а как же иначе?

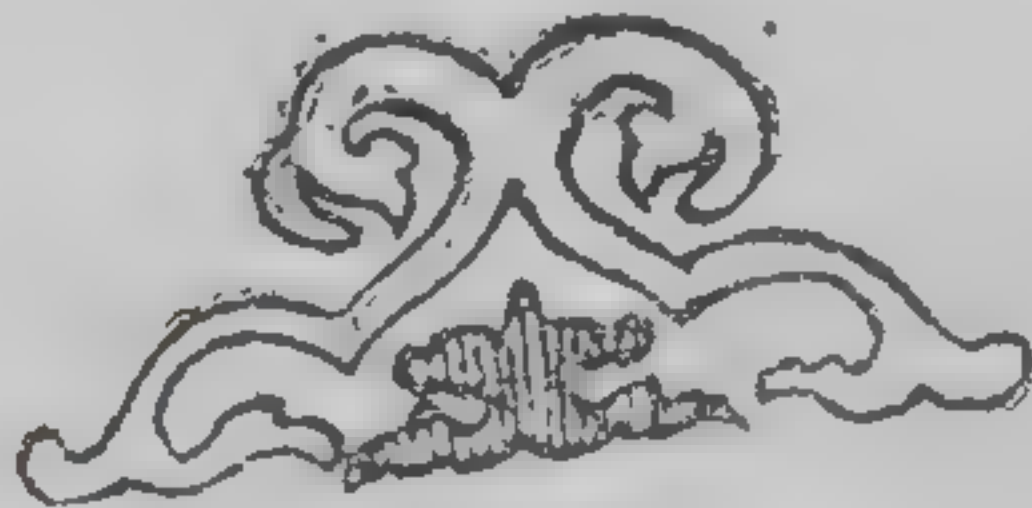
— Разрежем их деревянной пилой на четыре части, другого решения не может быть, — сказал один.

— Так нельзя, — сказал другой. — Разрезанный на четыре части — все равно покойник, потребуется исполнение всех обрядов, которые покойникам полагаются. И похороны, и поминки нужно будет устраивать, а стоит ли из-за них беспокоиться?

— В моем стаде есть жеребцы, еще не бывшие под седлом. Привяжем обоих злодеев к хвостам, и лошади разнесут их о камни и деревья так, что не останется от них даже косточек. Таков мой приговор!

Все согласились с последним судьей. Привязали двух бесчестных к хвостам жеребцов, и те разнесли их в прах.

Тут и отец узнал свою дочь, и алдар-охотник обрадовался встрече с женой. Снова зажили они дружно, родились у них еще дети, и счастливо провели они свои дни.

20. АЛДАР И ПАСТУХ

Жили-были муж и жена. Имели они сына да дочь. Отец батрачил и этим кормил свою семью. И несмотря на то, что он работал от зари до зари, голод часто гостил у них в доме. Отец любил лошадей, хорошо разбирался в них и обладал способностью по одному ржанью узнавать, хорош конь или плох. Научил он этому и своего сына.

Шло время. Жена умерла. Дети подросли. И вот однажды решил сын пойти поискать удачи. Много он бродил по свету, наконец, попал в одно село и нанялся там пастухом к алдару.

Как-то раз, в поисках пастбища для скота, юноша поднялся на один из курганов. Смотрит — лежат в яме, приоткрывшись от ветра или времени, кости коня. Подумал юноша о хозяине этого коня, да и самого резвого скакуна стало ему жаль, и он заплакал. Долго он плакал, пока не пришло время гнать стадо в деревню. По дороге встретились ему другие пастухи, увидели, что глаза у него красны от слез, и рассказали об этом алдару.

— О чем ты плакал? — пристал алдар к пастуху.

Нечего было делать пастуху, и он признался:

— Вон там, внутри холма, лежат кости одного коня. И по костям видно, что был это славный конь, но погиб он, а вместе с ним, наверно, и хозяин, и никто о них не знает, не вспоминает об их доблести. Глядел я на кости этого коня, и предстала передо мной моя жизнь, такая же судьба и меня ожидает, подумал я, такой же бесславный конец, и сердце мое сжалось от тоски и обиды.

— Славному не грозит бесславие, — сказал сердито алдар и ушел. Но в душе подумал: «Видно, этот пастух не зря так го-

верят, скрывается
это испытать». Ю
Шли дни. Ю
дел. Как-то вечер
— А ну-ка, Д
е равного? Д
— Я готов.
— Показался
срешь коня лу
эвание. Нет, та
— сказал
Юноша сог
дз-х жеребят, а
д-л. Поставили
алдара купить
вместе растить.
Прошло в
юша сказал:
— Зареже
Зарезали
ягненка и сказ
— Нет, ра
И начали
вились все у
опять спросил
— Ну, ка
— Зареж
Зарезали
вой.
— Подо
Ничего
и заранее р
дется мальч
лет». Неко
опять юнош
— Смо
Теперь мож
День з
наконец, н
отослал о
они ждали
скакун, на
14. Осетин

ворит, скрывается, зная, в нем какой-то талант и надо будет его испытать».

Шли дни. Юноша день ото дня все больше тосковал и худел.

Как-то вечером, зайдя к нему, алдар спросил:

— А ну-ка, скажи, о чем ты тоскуешь? В каком деле нет тебе равного? Давай состязаться.

— Я готов, а каковы твои условия? — спросил юноша.

— Показался ты мне знатоком коней, что ж, если ты подберешь коня лучше, чем я, — пусть станет твоим все мое состояние. Нет, так проработаешь безвозмездно семь лет пастухом, — сказал алдар.

Юноша согласился. Он даже разрешил алдару выбрать двух жеребят, а сам выбрал одного, и то от вислоухой кобылы. Поставили этих трех жеребят отдельно, юноша попросил алдара купить также еще трех ягнят, и начали они их всех вместе растить.

Прошло время, и алдар решил объездить жеребцов, но юноша сказал:

— Зарежем пока ягненка, там видно будет.

Зарезали ягненка. Юноша надломил кость передней ноги ягненка и сказал:

— Нет, рано пока на них садиться.

И начали они опять за ними ухаживать. Жеребцы становились все упитанней и ретивей. Не терпелось алдару, и он опять спросил юношу:

— Ну, как же наш спор? Давай пробовать наших коней.

— Зарежем и другого ягненка, — ответил юноша.

Зарезали. Юноша опять надломил кость и покачал головой.

— Подождем еще немного.

Ничего не поделаешь, пришлось ждать еще. Алдар ждал и заранее радовался, думал про себя: «Выиграю спор и придется мальчишке батрачить у меня бесплатно в течение семи лет».

Некоторое время спустя зарезали и третьего ягненка, опять юноша надломил кость и теперь уже сказал алдару:

— Смотри, суставы окрепли и кость наполнилась мозгом. Теперь можно и коней наших объезжать.

День за днем готовились алдар и юноша к скачкам. И наконец, настал день состязаний. Алдар предусмотрительно отослал одного из жеребцов со своими слугами вперед, чтобы они ждали его на пути скачек, на тот случай, если устанет скакун, на котором он начнет бег. Алдар был уверен в победе

и не собирался слишком загонять своих коней. И вот алдар и юноша поскакали. Конь юноши шел тяжелее, зато ровно, и скоро опередил коня алдара.

— Почему я не могу догнать тебя! — кричал алдар. — Ведь подо мной более породистый конь!

— Твой конь не породистей, просто его мать находилась в лучших условиях, больше ее нежили. Задняя нога твоего коня хоть и белая, да не упругая, и ему трудно ступать по острым камням, — ответил юноша.

— Я обгону тебя на другом коне! — кричал алдар.

Доскакали до места, где алдара ждали с другим конем. Алдар пересел, и начался опять бег. Но не может алдар опередить юношу. «Что такое, почему опять мой конь не может опередить жеребца этой вислоухой кобылы?» — рассердился алдар.

— Бедный и несчастный бывает и горбатым, и вислоухим, но это не значит, что он плох, — услышал он слова юноши, скачущего далеко впереди.

А тем временем отец юноши ждал своего сына. Уж почти год минул с тех пор, как сын ушел из дому.

— Посмотри-ка, дочь, не видно ли там твоего брата, — попросил старик свою дочь.

Вышла девушка, подошла к краю горы, взглянула вниз на дорогу.

— Ничего не видно, только клочки облаков поднимаются вдали, — сказала девушка.

— Боже! Не погаси света в моих очах до тех пор, пока я не увижу своего сына, — промолвил старик и тяжело опустился в кресло.

Через пару дней он опять послал девушку посмотреть, не показался ли кто на дороге.

— Пойди, пожалуйста, посмотри, послушай...

Вышла девушка и тотчас прибежала обратно к отцу. — Слышен топот.

Вскочил старик с кресла и выбежал из дома, словно и лет за спиной не бывало.

— Это сын мой, я его увижу, — радостно кричал он на бегу.

Вскоре из ущелья появился всадник, и старик узнал в нем сына. Широкогрудый гнедой играл под ним. За ним прискакал и алдар.

— Ты выиграл! Гони сюда свои стада. Нанимаюсь к тебе в пастухи. Ничего не поделаешь, — со вздохом сказал он.

Жил-был
была краси
заглядывало
Она была
ей царь, во
рить, наско
Решил
сказал:
— Все
С эти
нем слыши
— Пр
дишь? Вы
Стала
нее была
всем увер
ше любо
на них
было люб
те. Одни
вей». Др
алыми г

21. ЧЕРНОБРОВАЯ ДА НЕВЕРНАЯ

Жил-был царь и была у него красивая жена. И такая она была красивая, что не было мужчины, который бы на нее не заглядывался, и женщины, которая бы ей не позавидовала. Она была с виду очень преданной женой и, чтобы ни сказал ей царь, все исполняла. И задумал царь испытать ее, проверить, насколько она его любит.

Решил он отправиться в далекий поход, позвал жену и сказал:

— Всех люби, всем помогай, но честь свою береги.

С этим и ушел в поход. Долгое время ничего не было о нем слышно. Начали родственники уговаривать жену царя:

— Пропал твой муж где-то в далеком походе. Чего сидишь? Выходи замуж.

Стала женщина заводить любовников. Каждую ночь у нее была свадьба, каждый день пир. Минуло еще время. Со всем уверилась жена, что погиб где-то царь. Завела еще больше любовников. Целые дни проводила с ними, наглядеться на них не могла, ласкала их, целовала. Что еще нужно было любовникам! И называли они ее самой красивой, на свете. Одни говорили: «Нет ничего красивее твоих черных бровей». Другие прибавляли: «Что может сравниться с твоими алыми губами». Третьи восклицали: «Твоя грудь лучезарнее

солица!». Четвертые: «Разве есть что-нибудь на свете достойнее твоей лебединой походки». Пятые: «Твои глаза дороже любых драгоценностей мира».

Нравились женщине эти похвалы. И жила она, как ей хотелось. А богатство царя стало таять.

Тем временем царь решил вернуться обратно и посмотреть, как встретит его жена. Переоделся он в нищенскую одежду и отправился в путь. Ночь застала его в одной деревне, и он остался на ночлег в доме бедняка. Его радушно встретили, приготовили ужин, положили спать. Бедняк и его жена были очень дружны и все дела по дому делали вместе. Это очень понравилось царю, и он решил остаться у них еще на один день, притворившись больным. Утром бедняк ушел на работу. Царь стал домогаться любви жены бедняка, предложил ей деньги. Женщина сказала:

— Если вместе с этими деньгами ты дарил бы мне жизнь без забот, и то бы я не оглянулась на тебя, не покрыла бы позором голову моего мужа.

Тогда царь говорит:

— Я царь, ты не смотри на эти отрепья. И за то, что ты оказалась такой верной, я дарю тебе золотом тысячу рублей.

— Женщина не взяла их:

— Пусть придет пока мой хозяин, как он скажет, так и сделаю.

К тому времени вернулся и бедняк. Царь ему все рассказал и добавил:

— Я оставил свою жену одну. Если и она окажется такой, как твоя жена, то и моя жизнь будет для меня сладкой. А зато, что вы такие дружные и верные, я оставляю вам три тысячи золотом.

И царь ушел от них, удивляясь стойкости женщины и думая про себя: «Как все же она не взяла у меня денег! Видно, все жены бедняков таковы».

Пришел царь к себе в одежде нищего и застал свою жену, обнимающуюся с любовником. Царь сказал:

— Разрешите мне переночевать у вас.

Женщина не узнала своего мужа, выбежала, схватила царя за плечо и выдворила вон. Царь ушел, ничего не сказав. Одел свою царскую одежду и, когда любовник жены ушел от нее, вошел к ней. Начала она с ним заигрывать, то поднимет свои черные брови, то опустит. Улыбается ему. А потом спросила, откуда он. Царь ответил, что он сын другого царя, и бросил женщине тысячу рублей. Женщина бросилась к нему, стала обнимать и на поцелуи тоже не поскупилась.

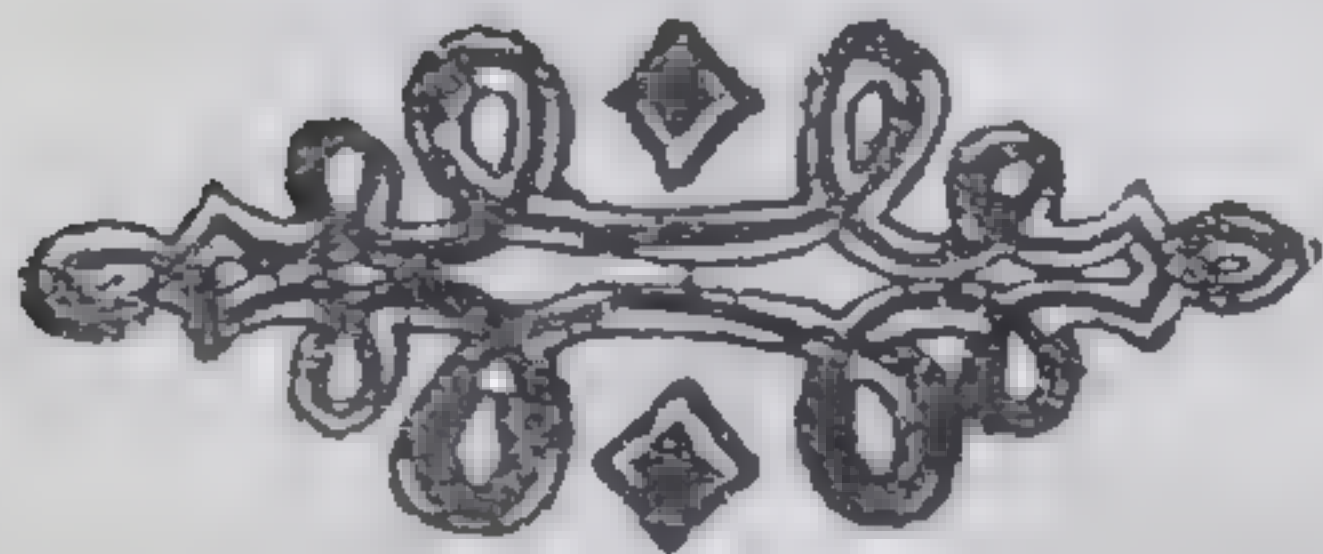
Тут царь от-
каза
Царь сказал:
— Ты из-за
моя с гр-
дами прес-
едет человека
И с этими

Тут царь открылся ей. Женщина от стыда и ужаса остолбенела.

Царь сказал:

— Ты из-за своей красоты мое счастье в реку бросила, а честь мою с грязью смешала. Богатство мое со всякими проходимцами проела. Ты непригодна для жизни. Красота сперва сводит человека с ума, а потом губит его.

И с этими словами прогнал царь свою жену.

22. СКАЗКА О ПЛЕМЯННИКЕ

Завела себе одна женщина друга дома, а мужу с каждым днем в доме жилось все хуже и хуже. Проедает чужой человек его добро; все им нажитое по ветру идет... Тогда муж отправился и привез к себе жить маленького племянника. Сам он работал в поле, а мальчика оставлял дома, и тот все видел и примечал.

Однажды хозяин с племянником отправились косить ниву. А женщина со своим дружкой сидят и беседуют, обсуждают, как бы им обмануть мальчика.

— Я пойду косить, — говорит мужчина, — дорогой буду бросать на землю луковичную шелуху, а ты по этой шелухе меня найдешь и принесешь мне в поле вкусный завтрак.

Как раз в это время вернулся мальчик и подслушал их разговор. Пошел он следом за мужчиной, собрал шелуху от лука, а затем разбросал ее на тропинке, которая вела к полю, где работали они вместе с дядей. А женщина для милого друга зарезала двух кур, араку медовую приготовила, испекла пироги с сыром, маслом их вдосталь сдобрила, мужу же с племянником чуреки сухие выпекла.

Понес
племяннику
Наступ
и он опять
вести маль
— За
дорогу, во
А мал
посыпал во
к своему
к мужу с
на давай
знакомо
вился; иде
тился он
пустилась
позвал го
хлеба по
нагнется.
муж ее к
всех ног.

Тогд
ся к дзуа
лышал э
Пришла
свечки,
изменил

—
дом сво
приведи
прикаса
его, так

От
и зарез
ло два
мальчи
себя э
мейку
их за
из дом

и
туда с
нагта.

Понесла она завтрак в поле и вдруг пришла к мужу и племяннику, принесла им неожиданно обильный завтрак.

Наступил вечер. Женщина встретила со своим дружкой, и он опять стал придумывать, что бы такое сделать, чтобы про-вести мальчика.

— Завтра утром я возьму с собой воду, буду лить ее на дорогу, воду-то ведь он не соберет.

А мальчик снова все слышал и на следующий день утром посыпал все мокрые места сухой землей, а водой полил дорогу к своему полю. И женщина с хорошей закуской попала снова к мужу с племянником. Пришло время садиться за еду, а жена давай мужа донимать, чтобы он пригласил к завтраку ее знакомого. Послал муж за ним племянника. Мальчик отправился; идет, а по дороге кусочки хлеба бросает. Потом возвратился он и сказал, что мужчина не захотел с ним идти. Напустилась женщина на мужа, сердится, требует, чтоб он сам позвал гостя. Делать нечего, пошел он; идет, дорогой кусочки хлеба подбирает, сделает шаг — нагнется, еще шаг — снова нагнется. Как завидел это приятель женщины, подумал что муж ее камни собирает, чтобы его убить, бросился бежать со всех ног.

Тогда женщина предложила своему любовнику отправиться к дзуару¹, упросить святого наслать на мальчика смерть. Услышал это мальчик и решил спрятаться внутри молельни. Пришла женщина туда, принесла кувинагта², поставила три свечки, просит, заклинает святого убить мальчика. А мальчик изменил голос и отвечает ей вместо святого:

— Мальчик умрет, но только при таком условии: иди в дом своих родителей, у них семь лет стоит нетельная корова, приведи ее сюда и зарежь. А к мясу коровьему пусть никто не прикасается, кроме твоего мужа и племянника. Как съедят они его, так и придет им конец...

Отправилась женщина в отчий дом, привела оттуда корову и зарезала. Ели это мясо только муж с племянником, и прошло два месяца, прежде чем они его всего съели. После этого мальчик отправился в лес и надрал лыка с ольхи. Обмотал себя этим лыком и обернул им хозяина дома. Сели они на скамейку и сидят неподвижно. Увидела это женщина, потянула их за ноги, а ноги не двигаются. Обрадовалась она, выбежала из дому и привела своего милого дружка. А тот все еще не

¹ и ² Дзуар — святой, молельня, раньше в день праздника приходили туда со своими приношениями, пирогами и проч., которые назывались кувинагта.

может поверить, что хозяин и его племянник умерли. Зажгли они тогда артхос¹, поднесли к одному и к другому — но они даже не пошелохнулись.

Тогда говорит мужчина женщине:

— Я выйду наружу, потом вбегу в дверь, заржу жеребцом, а ты отвечай мне «ми», «ми», как кобыла ржет. Станем мы гоняться друг за другом, весело проведем время.

С этими словами он выбежал за дверь, потом как вскочит обратно, как заржет призывно жеребцом, и начал гоняться за женщиной по комнате.

Как вскочили тут хозяин и мальчик:

— Ой, подавят нас жеребцы под ногами!

Выхватили они из очага головешки и давай колотить неверную жену и ее дружка и забили их до смерти.

А нам с вами жить в благополучии до того, как с ними повстречаемся.

¹ Артхос — трут.

23. СКАЗКА О БАЗЫРГАНЕ И СЕМЕРЫХ БРАТЬЯХ

Было в одной семье семеро братьев. Отец их умер, и жили они с матерью. Как-то заместили они, что амбары их начали пустеть. Удивлялись они:

— Почему это так? Ведь у нас же много было всего.

Тем временем жена младшего брата стала худеть и худеть, а жены старших братьев — полнеть. Стал младший брат бить жену. Бьет ее и спрашивает:

— Отчего ты худеешь?

Но жена молчит. Однажды она не вытерпела и говорит мужу:

— Утром, когда отправишься косить, сделай вид, что забыл что-нибудь, возвращайся и узнаешь, в чем дело.

Муж так и сделал. Уходя косить, оставил дома точильный камень. Вернулся за ним в дом и увидел, что жены старших братьев заигрывают с великанами.

— Дайте мне точильный камень, — только и сумел он сказать.

Один из великанов бросил в него точильный камень и попал в глаз. Взяв точильный камень парень сел на лошадь и, в горькой обиде и гневе, уехал жить в такое место, куда еще не ступала нога человеческая. Там прожил он со своей лошадью в одиночестве около пяти лет.

Однажды забрел в эти места один человек, по имени Базырган, с козлом.

— День добрый! — поздоровался Базырган.

— Да благословит тебя тот, чей сегодня день! — ответил младший брат.

— Нет ли у тебя чего-либо поесть? — попросил Базырган.

— Ничего, кроме оленьего мяса. Если хочешь, то его у меня вдоволь, — ответил младший брат.

— Бодз, Бодз, — позвал Базырган своего козла, — делай свое дело!

Подвел он козла к себе, отвернул один рог, а там... чего только там не было, какой только еды там не оказалось. Попировали они, отдохнули, парень и говорит Базыргану:

— А теперь давай в прятки играть. Найдешь ты меня, бери себе мою лошадь, а если тебя найду, ты отдашь мне своего козла. Договорились?

— Согласен, — отвечает тот.

— Прячься первым ты, — говорит парень Базыргану.

— И Базырган отправился прятаться. Ушел он далеко за семь перевалов, спустился в лощину; там росло три борщевика, в одном из них он и спрятался.

А тем временем парень и говорит своему коню.

— Нужна мне твоя помощь, не то увезет тебя Базырган.

А конь ему в ответ:

— Садись на меня и найдем его.

Конь поскакал и остановился за семью хребтами, в лощине у борщевиков. Парень сошел с коня, срезал два борщевика и съел, хотел срезать третий, но оттуда выскочил Базырган и говорит:

— Не ешь меня, а спрячься сам. Если я тебя найду, пусть все останется по-старому. Если же нет, то, видимо, богу угодно, чтобы козел был твоим.

С этим они разошлись. Конь говорит хозяину:

— Встань передо мной.

Парень встал. Конь проглотил его, затем выплюнул, превратив в пулю, и застряла эта пуля в голове коня.

Искал Базырган парня, искал, но где ему было найти! Тогда крикнул Базырган во весь голос:

— Где ты? Покажись! Моего козла, видно, бог тебе предназначил.

Изрыгнул конь парня, и он стал семь раз краше прежнего. Присели они, отвернули рог козла, попиrowали и расстались. Базырган ушел в свою сторону, а парень двинулся восвояси. На лугу он застал своих братьев. Смотрит — остались

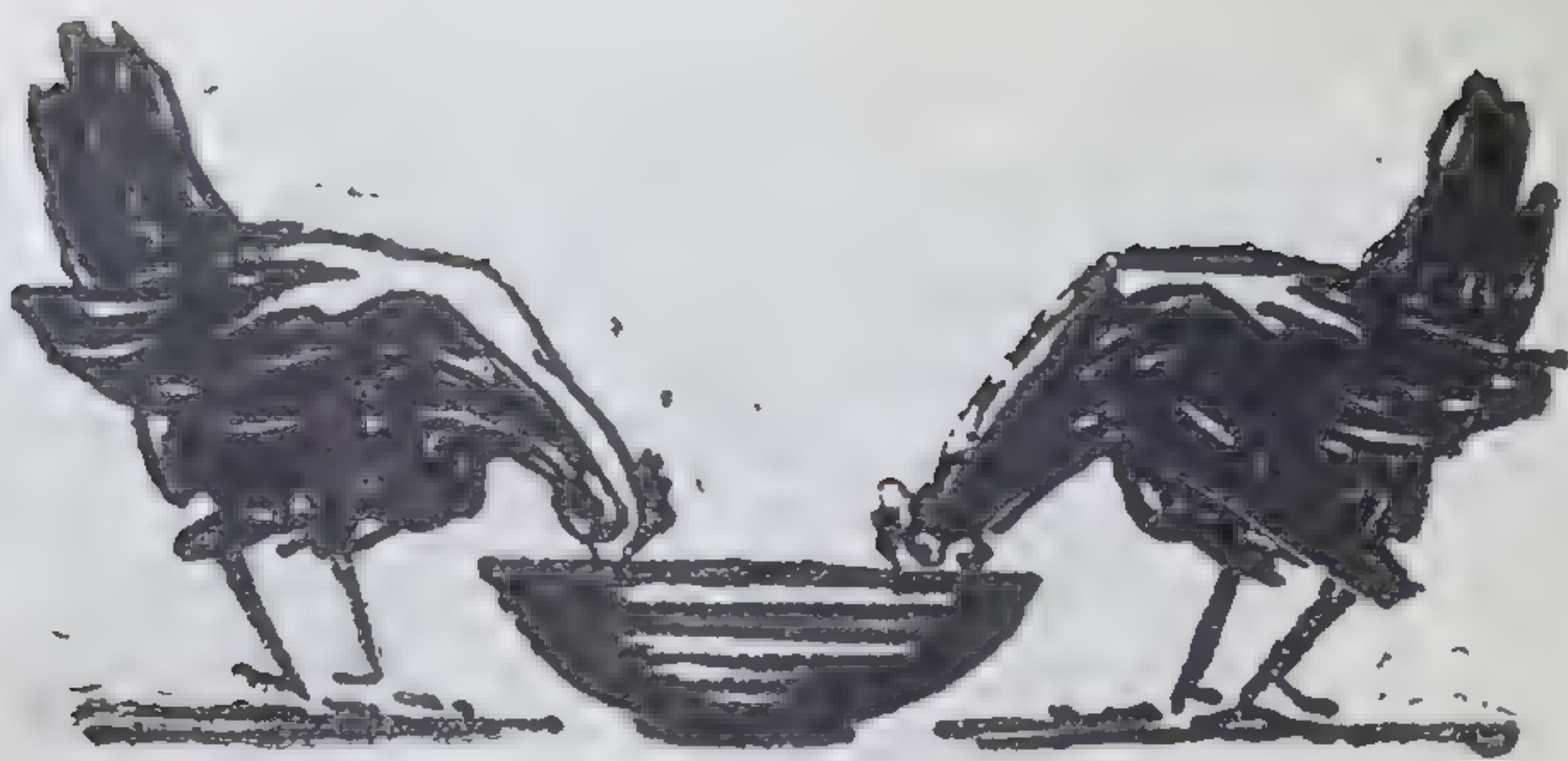
от них кожа да кости. Пришла на поле и жена его в старом зипуне. Принесла она братьям хлеба. Повертел парень их хлебы в руках, отложил, а затем позвал козла и сказал: «Бодз, делай свое дело!» Угостил братьев на славу. Работать им уже не дал, а повел всех домой.

Во время ужина младший брат опять козлу рог отвернул, и появилось на столе все, чего только душа желала. Невестки начали прятать снесь для своих любовников-великанов. Козел все это видел. Когда все улеглись, он взял припрятанную снесь, часть поел, а остальное выбросил.

Утром братья ушли косить, а козла оставили дома. Жены решили отвернуть у козла рог и полакомиться. Подошли к нему, и... о, чудо! Все они, кроме жены младшего брата и матери, прилипли к рогам. Понес их козел на луг. Увидел козла хозяин и приговаривает: «Бодз, Бодз, по тропинке, на гору!»

Занес их козел на гору, мотнул головой и скинул с горы в овраг. Стали братья жить да поживать в согласии и довольстве, дружно трудились и день ото дня богатели.

24. БЕДНЯК И ЧАШКА ПРОСА

Жили-были себе бедняки, муж и жена. Детей у них не было. Однажды посеял муж просо. Когда скосил ниву, смолотил зерно, то получилась одна чашка.

Понес он эту чашку проса продавать, а базар был далеко, вот и решил бедняк заночевать дорогою в одном доме. Случайно чашку с просом хозяева забыли возле курятника, и ночью куры склевали все зерно.

Когда бедняк утром узнал о судьбе проса, он пригорюнился.

Тогда хозяева сказали ему:

— Не тужи, мы возместим твою потерю.

И, правда, дали они бедняку вместо проса петуха.

Обрадовался бедняк и пошел с петухом дальше. Шел он, шел и добрал до стоянки чабанов. Остался там ночевать.

Чабаны впустили петуха к овцам, а овцы задавили его ногами.

Опять стал бедняк горевать. Тогда подарили ему чабаны за убитого петуха большого барана.

Развеселился бедняк, ведет барана по дороге. Дошел он до пастухов, заночевал там. А пастухи барана загнали к коровам, и быки ночью забодали его насмерть. Опечалился бедняк, когда увидел своего барана мертвым. Пастухи же решили дать ему быка.

Довольный, идет бедняк, гонит быка на базар.

Долго ли шел он, нет ли, кто знает, пусть черт угадает, но, наконец, попал он в дом к хозяину, у которого было три дочери. Младшая дочь загнала быка в хлев, а дверь забыла закрыть.

Бедняк утром хватился своего быка, а его и нет...

Тогда хозяйка дома, мать дочерей, сказала ему:
— Твоего быка загрыз волк по вине моей младшей доч-
ки. Вот и возьми ее себе.

Посадил бедняк девочку в мешок, завязал его туго и понес.
Стал подходить уже к своему дому, да одолела его сильная
жажда. Снял он со спины мешок, поставил на землю, а сам
спустился к роднику.

Мешок тем временем развязался, девочка выбралась из
него, бросилась бежать да и пропала.

Бедняк выпил воды, вернулся, видит — мешок пуст. Делать
нечего. Пошел домой.

Жена его спрашивает:

— А где же просо?

— Получил я за него петуха...

— А петух где?

— Какого барана мне за него дали!..

— Где же баран? — допытывается жена.

— За барана я получил знатного быка!

— Тогда где же бык?

— Быка отдал, а за голову его взял девочку, ведь у нас
детей-то с тобой нет, — пояснил бедняк.

— А где же эта девочка? — забеспокоилась женщина.

— Я ее положил в мешок, крепко его завязал, а девочка
исчезла из мешка...

25. КОБАЛА И ЕГО БРАТЬЯ

Жили однажды три брата. Одного из них звали Кобала. И было у них всего пятнадцать овец. Стали они делиться, и каждому досталось по пяти овец. Взял Кобала и погнал своих пята-терых овец в лес, завел в самую чащу и строго-настрого на-казал:

— Слышите вы, тупые головы, я иду на охоту, если забре-дет сюда волк и станет спрашивать, чьи вы овцы, скажите ему, что хозяин ваш Кобала.

С этим отправился он на охоту.

Только он скрылся из виду, как показались волки, уви-дели овец и спрашивают:

— Чьи вы будете?

Они и отвечают:

— Кобала.

А волки снова их вопрошают:

— А сам-то Кобала где?

Овцы и говорят:

— На охоту отправился.

Набросились волки на овец и ни кусочка от них не оста-вили.

А пока они с ними расправлялись, откуда ни возмись, Ко-

бала вдруг тут как тут. Погнался за волками, бежит, вот-вот догонит... Бросились волки врассыпную, кто куда. А Кобала преследует одного, не дает ему ни вдохнуть, ни выдохнуть. Испугался волк за свою шкуру, оглянулся он и говорит Кобале:

— От меня тебе все равно мало проку будет, а вон, видишь — недалеко одноглазый пастух стадо пасет. Подкрадусь я к овцам и всполошу их, поднимется возня. Пастухкинется за мной отнимать овцу, а ты тем временем стадо поверни да гони домой. Чего еще лучшего мог Кобала просить у судьбы?!

Согласился он.

Схватил волк одну овцу из стада, а пастух за ним. Прикрикнул тут Кобала на овец и погнал перед собой.

Пригнал он их домой, а как же иначе и быть могло?

Братья его и спрашивают:

— Где ты взял, Кобала, так много овец?

— В глухом лесу они у меня размножились...

Стали тогда братья думать, как бы им заиметь столько же овец, как у Кобала, и наконец, порешили:

— Отведем и мы своих овец в глубь леса, может, и у нас прибавятся...

Погнали оба брата своих овец и оставили их без догляда. Волки разыскали их там без труда, накинулись на них и съели. Пусть враги ваши такую беду узнают, как братья, когда поняли они свою потерю.

Вернулись они домой и говорят Кобала:

— Мы убьем тебя!

— За что? — спросил их Кобала.

— Еще спрашиваешь за что — не отдавал бы лучше на съедение волкам наших овец.

А он и говорит:

— Не убивайте меня, сожгите лучше мой дом!

Братья не убили его, а сожгли его дом.

Кобала собрал угли от погоревшего дома, навьючил их на лошадь и отправился в путь-дорогу. Дошел он со своей поклажей до реки и кричит на другой берег:

— Это царское добро, стерегите его как следует!

Переправили его через реку, заночевал он в одном месте.

Вьюки он поручил людям. После полуночи Кобала потихоньку пробрался к ним, высыпал угли на землю, затем вернулся обратно, лег как ни в чем не бывало и проспал до утра.

А утром говорит сельчанам:

— Загубили вы себя и меня! Кто-то ночью похитил из вьюков царское золото, а вместо него углей насыпал. Как прослышит царь про это, велит казнить меня и вас заодно.

Испугали
Кобал

— Откуда
— Я на у
Задумали

Звонили у
дот дорогой

— Кто х
Что и го

изколотили
Разгнева

лись на К

— Из-за
смерти!

— Не у
деву, — сказ

Сплели

реки.

А Коба

— Вы с

трех на ду

И отог

у самого б

— Не з

Близко

Сала да и

— Чег

Кобал

— Гов

лубь, том

Пасту

— Я

раться в

А у

за своего

Вот

свовал»

логнал д

Спр

— С

А К

— К

лами. Е

15. Осет

Испугались сельчане, наполнили выюки Кобала золотом, и привез Кобала драгоценную ношу домой. Спросили его братья:

— Откуда, Кобала, у тебя золото взялось?

— Я на угли его обменял...

Задумались братья, затем взяли да подожгли свои дома. Навьючили углями лошадей и отправились с поклажей в путь. Идут дорогой и кричат:

— Кто хочет на угли золото менять?

Что и говорить, никто золото на угли не обменял, да еще наколотили их...

Разгневались братья. Вернулись домой мрачные и набросились на Кобала с угрозами:

— Из-за тебя мы свои дома сожгли, не уйти теперь тебе от смерти!

— Не убивайте меня, а сплетите куту и столкните меня в реку, — сказал им Кобала.

Сплели братья из новых прутьев куту и отнесли на берег реки.

А Кобала им и говорит:

— Вы сами отойдите подальше: не хочется мне, чтоб вы грех на душу брали.

И отошли два брата далеко от того места, а Кобала стал у самого берега и кричит:

— Не хочу я этого! Не хочу!

Близко к нему пастух пас стадо, прибежал он на крик Кобала да и спрашивает:

— Чего ты не хочешь, чего?

Кобала ему и рассказывает:

— Говорят, кто влезет в куту и поплывет в ней в самую глубь, тому и царствовать!..

Пастух тут стал умолять Кобала:

— Я прошу тебя, ради самого бога, разреши мне забраться в эту куту, а стадо мое пусть достанется тебе.

А у пастуха было овец видано-невидано, столько, что стада своего он не мог поворотить в сторону.

Вот и толкнул Кобала куту с пастухом в воду, чтоб «царствовал» он там, на самой глубине, а сам повернул его стадо и погнал домой.

Спрашивают его опять братья:

— Откуда взял такое стадо?

А Кобала им в ответ:

— Как попал я в воду, так сразу там разжился этими овцами. Еще бы больше пригнал, если бы доплыл до самого гл...

бокого места. Небось, и по сию минуту пасется еще там, на самой глубине, скот.

Услышав такие речи, братья закричали наперебой:

— Столкни и меня! Столкни и меня!

А Кобала заупрямился, не хочет:

— Я ведь так не делаю! Это вы меня хотели убить, а мне это на пользу обернулось, во благо пошло, а вот как у вас дела пойдут, это еще неизвестно. Пожалуй, вы из воды не выберетесь...

— Нет, не будет так!

— Ну, а как же? Плетите тогда себе куту!

Сплели братья по куту, отнесли их к реке, влезли в них, и Кобала толкнул их подальше, в самую глубину...

С тех пор и слух о них пропал...

А Кобала вернулся домой цел, невредим, пригнал свои бесчисленные стада и зажил себе припеваючи.

И вам, люди добрые, жить в счастье и довольстве, пока с Кобала не повстречаетесь!..

Жил
Однажды
испечь х
Пос
слала за
гой бере
ней. Пр
Мать сл
— С
— Я
реки, и
ответил
Усл
берегу
давши
дома н
печен,
ро пое
чушим
ли о п
мыми
—
пока
и жен
И

26. СКАЗКА О МУЖЕ И ЖЕНЕ

Жили-были муж и жена. Была у них единственная дочь. Однажды отправился муж в лес за дровами, а жене наказал испечь хлеб и принести ему.

После ухода мужа жена принялась печь хлеб, а дочь послала за водой. Девушка спустилась к реке, взглянула на другой берег и заплакала. Не дождавшись дочери, мать пошла за ней. Придя к реке, она увидела, что дочь ее горько плачет. Мать спросила:

— Отчего ты плачешь? О ком печалишься?

— Я подумала о том, что будет у меня муж с того берега реки, и когда-нибудь, переправляясь через реку, он утонет, — ответила девушка.

Услышав это, мать тоже заплакала. И так они сидели на берегу вдвоем и долго плакали. К этому времени отец, не дождавшись обеда, вернулся из лесу. Поглядел кругом, видит — дома никого нет. Подошел он к столу, увидел, что хлеб не выпечен, оторвал кусочек от теста, положил на жар, испек, быстро поел и пошел искать жену и дочь. Нашел он их у реки плачущими и спросил, о чем они плачут. Когда они ему рассказали о причине своих слез, он очень рассердился, обозвал их самими глупыми на свете и отвел домой. Дома же он сказал им:

— Я уйду из дому, буду ходить по свету и не успокоюсь, пока не найду еще где-нибудь таких же глупых, как моя дочь и жена.

И с этими словами отправился в далекий путь. Шел, шел и

попал в одно незнакомое село. Видит — сидит женщина и горько плачет. Он спросил ее:

— О чем ты плачешь, женщина?

Тогда она стала ему рассказывать:

— Был у меня очень хороший сын, но он умер, не успев жениться. Вот об этом я и плачу.

Выслушав ее, он сказал:

— Я посланец Барастыра — повелителя царства мертвых. Я пришел, чтобы каждому покойнику отнести что-нибудь с этого света. Не плачь, я постараюсь женить его там.

Пока они разговаривали, к ним подошли и другие жители села. А так как была рабочая пора, то это были в основном женщины и старики. Услышав, что к ним пришел посланец Барастыра, они стали приносить много пищи и разной одежды для передачи своим покойникам. Особенно старались женщины. Он наполнил свои хурджины и ушел из села.

Мужчины работали в поле. Вернувшись в село и узнав, что кто-то обманул их жен, они страшно разозлились, и один из них, вскочив на коня, пустился в погоню за обманщиком.

А тот, узнав, что за ним гонятся, свернул в лес, припрятал свои хурджины, а сам, сделав вид, будто идет с противоположной стороны, направился навстречу догоняющему. Завидев всадника, он поздоровался с ним. Преследователь спросил его:

— Не повстречался ли тебе по дороге человек с хурджинами? Он грабитель!

— Повстречался. Вон он идет. Тебе не стоит даже догонять его на лошади. Пока она будет переставлять ноги, ты успеешь уже спешиться и отобрать у него хурджины.

Гонец, соскочив с лошади, попросил встречного поддержать коня за уздцы, а сам помчался за разбойником. А тот тем временем взял свои хурджины, взвалил их на лошадь и поскакал дальше.

По пути повстречал он одного пастуха. Пастух спросил его, кто он и откуда. Мужчина ответил ему, что он лекарь. Пастух страшно обрадовался, узнав это, и попросил:

— У меня парша. Вылечи меня, пожалуйста!

Мужчина ответил, что берется вылечить его, если тот достанет желудок овцы и деготь. Пастух прирезал овцу и принес деготь. День стоял жаркий и потому деготь был жидким. Мужчина смазал им голову пастуха, натянул на нее желудок овцы и сказал:

— Лежи так и в течение двух дней и ночей не двигайся с места.

А сам тем временем угнал его скот. Шел он, шел и зави-

дел пахарей. Приближаясь к ним, он так быстро погнал свой скот, что некоторые овцы переломали ноги. Пахари увидели это и спросили, почему он так быстро гонит свое стадо. Мужчина ответил, что сзади его нагоняют солдаты и что скот испугался их. Пахарей тоже охватил страх, но мужчина сказал, что он их может спасти:

— Проведите большую борозду, и я вас в ней спрячу.

Они так и сделали. Провели борозду, легли в нее, и тот засыпал их землей. А пока они там лежали, он взял и угнал их волов.

Тем временем хозяин лошади в поисках грабителя попал к пастуху и спросил его, не видел ли он человека с лошадыю. Пастух рассказал о том, что с ним произошло. Хозяин лошади с трудом сорвал овечий желудок с головы пастуха; кровь стекла с него ручьями.

Пастух, оглядевшись вокруг, увидел, что овец его нет, и убедился, что его одурачили. Тогда они вдвоем пошли искать обманщика. Идут они и видят: стоят в поле одни плуги. Пригляделись и заметили, что из борозды торчат ноги. Потянули одну ногу, а нога вглубь тянется, потянули другую — то же самое. Люди, зарытые в борозде, решили, что пришли солдаты. Вдвоем им все же кое-как удалось выкопать пахарей.

Рассказали пахари о проделках незнакомца, и все убедились, что они обмануты. Решили догонять обманщика вместе. Тому оставалось немного дойти до дому, как они его нагнали. Увидя свой скот, они начали с ним ругаться и уже собирались его отколотить, но он обратился к ним:

— Дойдем до села, спросим первых двух людей, которых встретим по пути, и что они скажут, так тому и быть.

Мужчина быстро погнал скот к своему дому и, зайдя, сказал жене и дочери, что встретил людей глупее их. Вслед за ним зашли и хозяйка скота. Он сказал им:

— Сегодня покутим, а завтра гоните уж свой скот. Чего еще спрашивать кого-нибудь — он ваш!

Всю ночь они прокутили, а к утру уснули. Хозяин принес барды и облил обладателя лошади ниже ног, пастуха от поясицы до колен, а хозяев волов от поясицы до шеи. Утром те проснулись, посмотрели друг на друга, проверили постели и говорят:

— Осрамились мы хуже маленьких детей... Стыд и позор! Бежим, пока нас никто не застал в таком виде...

Вскочили они и удрали, чтобы их никто не заметил, скот же остался у самого мудрого, и по сей день он живет с женой и дочерью в благополучии.

27. СКАЗКА О ПАСТУХЕ

Жил-был один пастух. Все свое время он проводил на пастбище: шел ли дождь, жара ли стояла. А пас он господскую отару. Раз на пастбище волк задрал одну овцу. Испугался пастух и решил не возвращаться к хозяину. Убежал он прямо с пастбища. Шел, шел и попал в одно большое село. На окраине этого села стоял огромный дом. Из него доносилось пение и звуки гармонии. Пастух подумал: «Видно, здесь играют свадьбу, дай-ка зайду, закушу». Подойдя же ближе к дому, подумал: «Никто меня здесь не знает, никто мне ничего не даст, лучше я погляжу, что там за народ».

Вошел пастух в сени и увидел в сенях седло коня своего алдара. Удивился пастух: откуда здесь это седло, дай-ка, заберу его и отнесу хозяину. Может, он и перестанет гневаться за овцу. Взял он седло, но опять подумал: «А может, и хозяин здесь, пойду посмотрю».

Взвалил пастух седло себе на плечи, влез на чердак, посмотрел в отверстие и видит, что хозяин сидит среди гостей. С испугу пастух вместе с седлом упал прямо на гостей. Гости повскакали с мест, набросились на пастуха, начали его избивать. Поколотили его изрядно. Хозяин схватил его за руку и говорит:

— Этот пропавший хотел украсть мое седло. Заприте его в кладовую и не выпускайте, пока я не прикажу.

Отвели пастуха в кладовую и заперли. Скоро гости опьянели. И пьяному алдару захотелось поглядеть на своего пастуха. Шатаясь, он пошел к кладовой. Испугался пастух, отскочил в угол, споткнулся, и рука его попала в горшок с узким горлыш-

ком, где было масло, и застряла там. Зовет хозяин пастуха своего, а тот не идет. Тогда алдар сам отправился к пастуху. Споткнулся и упал навзничь. Голова у алдара была лысая. Пастух принял его за белый камень. Поднял руку с горшком и ударил о голову алдара.

Горшок разбился, пастух высвободил свою руку. Алдар взревел от боли. На его рев гости кинулись в кладовую, но пастух тем временем незаметно выскочил оттуда. Вынесли алдара из кладовой с окровавленной головой. Начали искать пастуха. А он тем временем добежал до жены алдара и говорит:

— Муж твой в соседнем селе с кем-то подрался, и ему разбили голову. Он послал меня к вам за дочерью. А также поручил мне привезти ему мешок денег, чтобы расплатиться с тем, кто спас его от смерти.

Заплакала жена, заголосила, запрягла бричку, отдала мешок с деньгами, а дочери наказала ехать. Сел пастух с дочерью алдара и погнал лошадей.

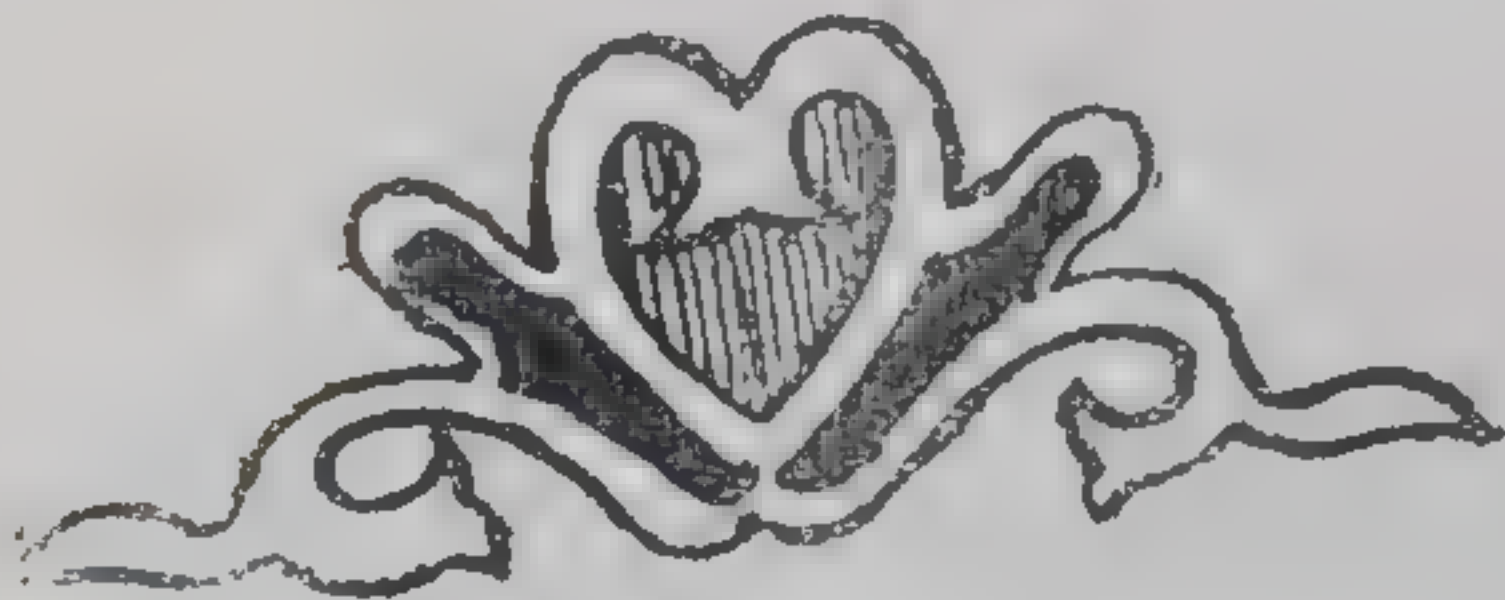
Тут подоспел к себе домой с разбитой головой и алдар. Жена его и спрашивает:

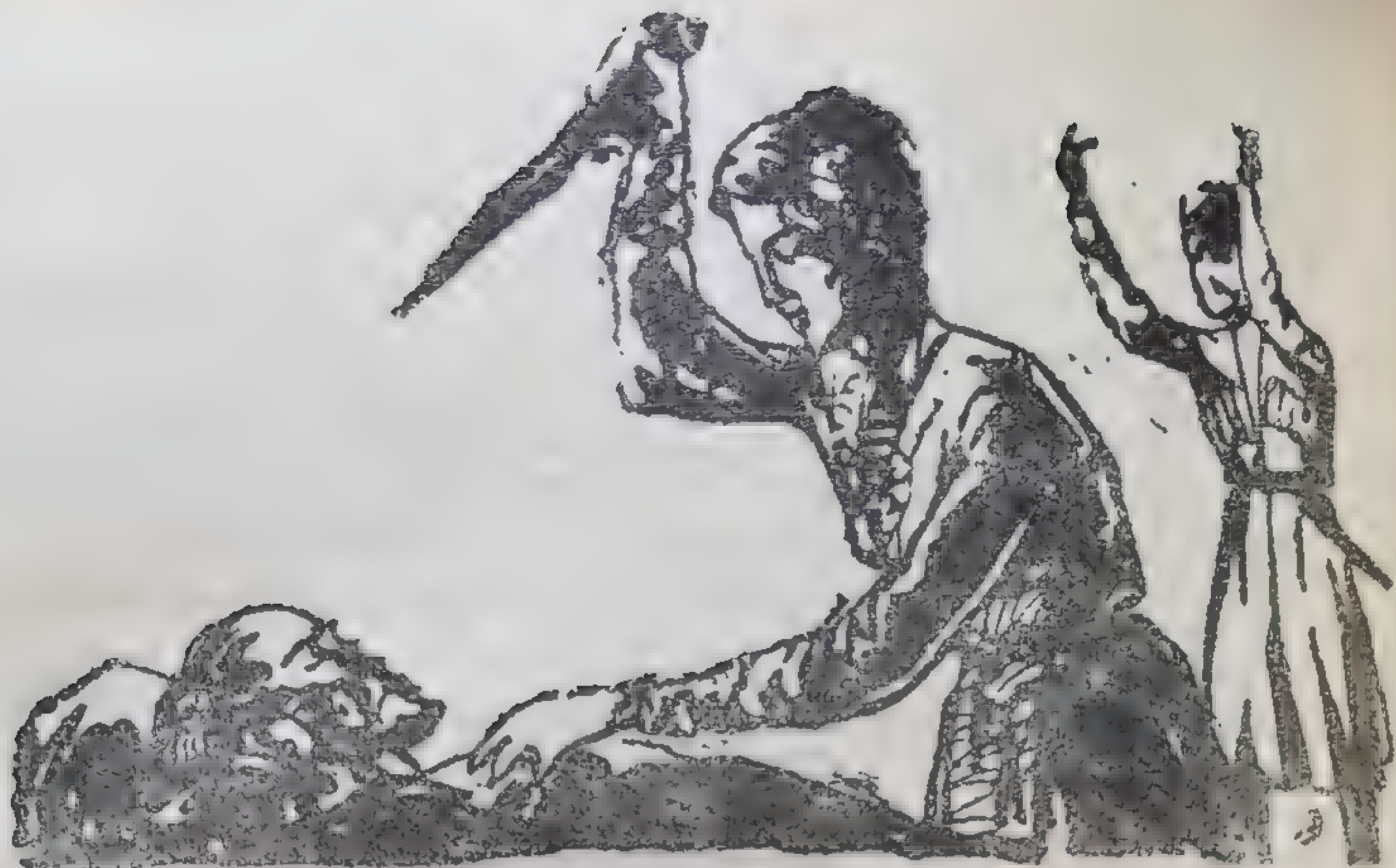
— А где дочка твоя? Ведь я ее с пастухом к тебе направила да мешок денег дала.

Услышав это, взревел алдар, как медведь, схватился за голову и говорит жене:

— Ты подарила пастуху свою дочь и мешок денег, а я ему еще дал выместить свою злобу на моей голове.

А находчивый пастух и по сей день живет и здоровствует с дочерью алдара.

28. СПАСИТЕЛЬ

Шел по дороге однажды бедный человек и видит: спит на траве путник, а к нему подкрадывается волк. Закричал бедняк:

— Эй, кто там? Вставай! Волк близко!

Путник вскочил, а волк испугался и убежал. Тогда незнакомец сказал бедняку:

— Ты спас мне жизнь. Волк загрыз бы меня, если бы не ты. Есть у меня хурджин денег, я дам тебе из них половину, только ты приходи за ними ко мне домой, да не один, а вместе с человеком, которому ты доверяешь.

Пришел бедняк домой, рассказал обо всем жене и попросил у нее совета:

— Нужен мне верный человек, с кем бы пойти за деньгами. А жена и сказала:

— Где же ты такого сыщешь? Нет у нас такого, пойду уж лучше я сама с тобой. Кому ты можешь больше верить, чем мне?

Отправились они вдвоем и пришли в дом к незнакомцу. Он встретил их радушно, угостил, как подобает. Выпив вина, бедняк прилег и задремал, а жена его сидела рядом.

Тогда хозяин дома сказал жене бедняка:

— Я дам вам деньги, которые обещал, но знаю, что вы их скоро истратите и снова будете жить в бедности, давай лучше сделаем так: я — жених, ты мне нравишься, есть у меня богатство — сама видишь, как я живу; убей своего мужа, и будем жить вместе.

Женщина ответила:

— Откуда у меня такая сила, чтоб убить мужчину?
А хозяин опять ей говорит:

— Муж твой спит, всади ему кинжал в горло!

Женщина согласилась. Наточила кинжал, и, когда занесла
его над спящим мужем, хозяин закричал:

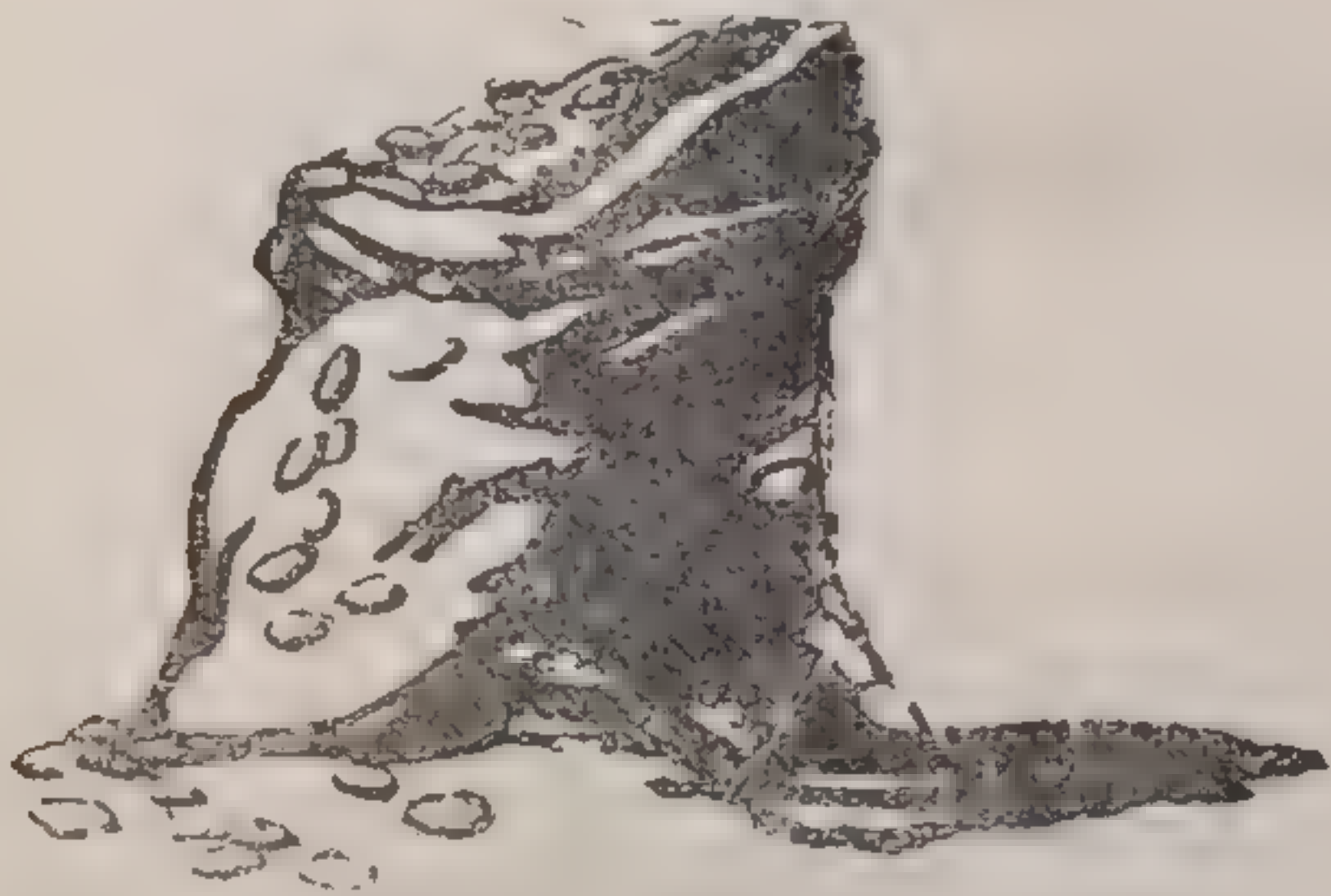
— Вставай, гость! Жена тебя зарежет!

Женщина застыла на месте с занесенным кинжалом.

Сказал тогда хозяин своему гостю:

— Вот видишь, меня волк хотел загрызть, и ты спас мне
жизнь, а тебя жена чуть не убила, если бы не я. Вот мы и вы-
ручили друг друга из беды. Выходит, денег я тебе больше не
должен.

Шел бедняк домой, бранил, поносил жену. И остались они
без денег, в такой же бедности, как прежде.

29. ПОП И ДОЧЬ БЕДНЯКА

Один поп в пасхальный вечер ходил по домам и брал с прихожих долги. Зашел он в дом к одному бедняку, который тоже был у него в долгу, так как поп крестил ему сына. Поп осмотрелся вокруг и взгляд его упал на дочь бедняка. Очень понравилась она попу, и говорит бедняку:

— Я с тебя ничего не возьму. Пусть твоя дочь пробудет у меня с год. Я ее обучу, и вам будет от нее польза в будущем.

Бедняк поблагодарил попа и отдал свою дочь ему в обучение. Поп привел ее к себе, одел в нарядное платье, и такой она стала красивой, что он чуть ума не лишился.

Прошло несколько месяцев. Как-то поп отправил свою жену повидать родителей, и остался в доме один с дочерью бедняка. Когда стемнело и девушка накрыла на стол ужин, поп сказал:

— Сегодня день Христа. В воскресный день каждый человек должен отдыхать со своими близкими. Моей жены нет здесь, и ты вместо нее ляжешь у моих ног.

Девушка поняла намерения попа и спрашивает его:

— Когда ты собирался жениться на своей жене, ты ее не ласкал?

— Как нет! Я обнимал ее и даже целовал, — ответил поп.

— Я пока молода, — сказала девушка, — и не умею всего

этого делать. Ты для начала сделай дырку в стене, я подставлю к ней губы, а ты пока поцелуй их своим языком, чтобы я постепенно привыкла ко всему этому.

Поп в душе обрадовался, мол, сбудется мое желание. Продырявил стену и просунул в нее свой язык. А дочь бедняка взяла и прибила гвоздем поповский язык к стене. Поп взревел. Дочь бедняка взяла веник из гладких прутьев да как стала стегать попа. Тот не выдержал, подскочил и оборвал себе пол-языка. А девушка убежала к своим родителям.

Утром прихожане собрались в церкви. Поп тоже пришел, стал читать проповедь, да только из его проповеди никто ничего не понял.

30. ПОП И МУЛЛА

Однажды в туманный день, когда хмурое небо низко повисло над землей, ехал по дороге на своей хромой лошади Уастырджи. Повстречался ему поп. Поздоровался с ним Уастырджи и спрашивает:

— Ты людей учишь вере, человек ты ученый, скажи, будет дождь или нет?

Поп взглянул на небо и ответил:

— Будет дождь.

— Ради бога, имени Христа, которому ты молишься, заклиная тебя, скажи только правду, пойдет дождь или нет?

Поп снова обвел небо глазами и сказал:

— Быть дождю непременно!

— Ну, — сказал Уастырджи, — если только ты сказал неправду, обратись в осла! — И тотчас поп превратился в осла и трижды громко закричал по-ослиному. Взял Уастырджи хвостину и погнал его по дороге. Идет он, идет, а небо все хмурится. Вдруг показался вдали мулла.

— Доброго тебе пути, мулла!

— А тебе удачи в делах, путник!

— Сделай милость, эфенди¹, скажи, будет дождь или нет?

Мулла, не задумываясь, ответил:

— Быть дождю!

¹ Эфенди — вежливое обращение к лицам духовного звания у грамотных мусульман, вроде «господин».

— Верой и имамом¹ тебя заклинаяю, скажи наверняка, пойдет дождь или нет?

— Обязательно будет дождь.

— Ну, так, если произнес ты неправду, стань по моему велению ослицей!

И обратился тут мулла в ослицу. Погнал Уастырджи осла и ослицу перед собой, идет и видит — спускается с гор человек и несет под мышкой четыре кожаных мешка.

— Доброго пути тебе!

— Да завершатся и твои дела, солнце мое, успехом, — ответил горец.

— Скажи, добрый человек, как ты думаешь, быть дождю или нет?

— На это, солнце мое, я не могу тебе ответить. Бог не открыл мне своих помыслов!

— Вот ради этого самого бога и сделай одолжение, скажи мне, пойдет дождь или нет?

— Да будет моя душа принесена в жертву богу, но пути его неисповедимы, и мне ничего о них неведомо. Могу сказать только, что и в солнечный день иной раз дождик закапает, а иногда и в дождливый день выглянет солнышко. Может статься, и сегодня пойдет дождик, а, возможно, и не будет его.

— А куда ты путь держишь?

— Спускаюсь вниз, на равнину, хочу раздобыть хлеба — настали для моей семьи голодные дни.

— А что это ты несешь под мышкой?

— Кожаные мешки.

— И что же ты пешком сможешь унести на себе?

— Если удастся, найму лошадей или, если найду — ослов. Нет, так пойду пешком, понесу на себе столько, сколько спина вытянет.

— Послушай тогда меня: я отправляюсь в дальнюю дорогу. а эти ослы мне только помеха. Веди их к себе домой. Работай на них год и соседям не отказывай, если попросят. А как пройдет год, пригони их на это самое место.

Сказав это, Уастырджи насыпал в кожаные мешки бедняка по несколько зерен пшеницы, и сразу мешки наполнились зерном доверху. Затем он срезал в лесу две кривые палки, сделал из них седла для ослов, и бедняк навьючил на них мешки с пшеницей. Поблагодарил бедняк своего благодетеля, и каждый из них пошел своей дорогой. С песнями возвратился горец домой.

¹ Имам — здесь руководитель религиозной общины мусульман, вроде священника.

Стал он с того дня работать не покладая рук: днем не присядет, ночью спать не ляжет. К концу года за ослицей забегал красивый длинноухий осленок.

Через год, когда наступил назначенный срок, бедняк погнался ослов в условленное место.

— Здравствуй!

— Живи в довольстве!

— А кто это следом за ослиами бежит?

— А это к ослиам придача... ослица осленка принесла.

— Ну, раз так, поработай на них еще год, мне сейчас не до них.

Горец второй год поработал на ослах, а к этому времени за ними стала бегать маленькая ослица.

В назначенный день горец с ослиами опять пошел на старое место. Увидел Уастырджи двух маленьких ослят и говорит ему:

— Две эти придачи к ослиам возьми себе, ступай домой, выкорми ослят и работай на них себе на здоровье!

Затем погнался Уастырджи осла и ослицу по дороге. На рассвете он обратил осла снова в попа.

— Я узнал, что это был ты, Уастырджи, но пусть не простит тебе этого бог — досталось моей бедной спине от этого «хаххон дзигло».

Проехав немного дальше, Уастырджи обратил ослицу в того, кем она была раньше. Мулла тут и сказал ему:

— Я сразу тебя узнал, красноглазый Уастырджи! Но пусть бог не сочтет тебе это за праведное дело! Тяжело пришлось моим бокам у этого «хаххон дзигло»...

Оглянулись поп и мулла, а Уастырджи исчез...

31. ГЫРГОКО И ЕГО АРЧИ

В Лаце жил-был хан, а в Бардзыкау было три брата: Абрек, Уырызмаг и Гыргоко. Лацкий хан объявил: «Тот, кто меня усыпит словами, получит одну из моих трех дочерей».

И пришел к хану Абрек из Бардзыкау. Говорил он, изощрялся в словах, но усыпить хана не смог. В наказание хан содрал у него со спины три ремня кожи, и Абрек ни с чем отправился домой.

Пошел к хану Уырызмаг, но вернулся с тем же. Пришла очередь идти младшему, Гыргоко. Явился он к хану и говорит:

— Хан наш! Мира и благополучия тебе! Ради святого — хранителя твоего очага — позволь и мне испытать судьбу.

Хан завел его к себе в крепость и говорит:

— Ну, юноша, настало и твое время, говори, я слушаю тебя.

И начал Гыргоко рассказывать:

— Я в нагорье пастухом был и прямо с горных лугов в Бардзыкау к очагу матери проложил желоба. Доил коз и молоко их по желобам пускал, а мать моя сыры из него делала. В

одно пасмурное утро в желобе улегся волк. Я его не заметил и пустил молоко. Молоко понесло с собой спящего волка, прошел волк через сито, попал в творожную гущу и мать сделала из него сыр. Во время сенокоса отправились мы с братьями косить. Как-то раз мать испекла из того сыра пирог и принесла на луг. Я как младший начал резать пирог, а из него выскочил серый волк. Кинул я в него косу, она вонзилась волку в затылок и застряла там. Так с косой в затылке он скопил мне тридцать копен сена, а затем я прогнал его. После косовицы я сел на коня и стал табунщиком. Раз я сошел с коня и присел отдохнуть. Над головой у меня пролетала перепелка. Я кинул в нее дубинку и убил. Разрезал ее, достал больше двенадцати корзинок сала. Арчита у бедняка всегда твердые, засохшие. Решил их смазать салом. Мазал, мазал и все сало на один арчи истратил. Вторым обиделся и убежал. Погнался я за ним. Вижу, мой арчи молотит на чужой риге. Решил я потребовать его долю. Выдали моему арчи полторы меры. Забрал мой дурень то, что ему причиталось, и мы пошли. Дошли до моста. Я говорю арчи: «Давай я тебя понесу, чтобы ты на мосту не споткнулся». Не послушался меня дурной, упрямый арчи, споткнулся, упал, и просо в воду посыпалось. Превратился я в наседку с цыплятами и собрал все просо. Лишь одно зернышко с половинкой ушло к рукам, а из остального проса сварил я три огромных котла каши. Поел и двинулся дальше. Стоял июль месяц. Погнался я табун на водопой. Вижу, все родники покрыты сплошным льдом. Я кинулся к рекам, а на них лед еще крепче. Из руки своей сделал я долото, из темени — обух, продолбил лед, напоял табун и погнал обратно. По пути вижу чудо: в дупле дерева один человек молотит зерно двенадцатью буйволами.

— Ох, чтоб тебе провалиться! Мы и на ровной поляне с трудом молотим, а этот в дупле умудрился, да еще с двенадцатью буйволами!

— Провались ты сам. Не видал до сих пор такого дива — сидит человек на пол-лошади, а у самого полголовы.

Глянул я на лошадь, а у нее половины нет, провел рукой по голове — не нашел темени. Вернулся берегом. Вижу — в болоте торчит половина моей лошади. Вытащил, приложил обе половины. Потом срезал большую ветвь яблони, обстругал ее, сделал веревку и обмотал вокруг лошади. Одну веточку с ветви срезать позабыл, и на хребте у лошади из нее выросла яблоня. Сел я на лошадь, залез на яблоню и, перебираясь с ветки на ветку, съедая яблоко за яблоком, добрался до неба. Там попросил небесного кузнеца выковать мне медное темя. Оттуда стал спускаться по тоненькой, как соломинка, веревочке. Во время

спуска у
вернулся
лишь. лац
Но х
как крепк
Прос
— И
дядю од
Приве
дочь хана
Хан
— Чт
Гырго
— На
части.
— Эт
и отдайте
Вот
лацкого х
на славу,
счастливо

спуска у меня ноги застыли. Развел костер, прилег. Уснул, повернулся во сне и упал; падая, разбил себе позвоночник. Не веришь, лацкий хан, посмотри мои ребра сам!

Но хан от его длинных речей впал в глубокий сон, заснул так крепко, что Гыргоко сбрил ему ус, а тот и не шелохнулся. Проснувшись, хан сказал:

— Идите и приведите этому храброму, хитроумному молодцу одну из моих дочерей.

Привели ее. Гыргоко достал нож и собрался разделить дочь хана на три части.

Хан и спрашивает его:

— Что ты делаешь, что это тебе вздумалось?

Гыргоко ответил:

— Нас трое братьев, и поэтому я делю дочь твою на три части.

— Это не человек, а черт! — воскликнул хан. — Приведите и отдайте ему двух других моих дочерей.

Вот так Гыргоко привез к себе в Бардыкау трех дочерей лацкого хана. В один день сыграли три свадьбы. Угостили всех на славу, и стали братья со своими женами жить да поживать счастливо, чего и вам желаем.

32. СКАЗКА О МАЧЕХЕ И ПАСЫНКЕ

Давным-давно на одно село напал мор. Все вымерли, кроме одной вдовы и ее пасынка. Раз юноша сказал мачехе:

— Не будет нам здесь жизни, надо бежать куда-нибудь.

Он поднял мачеху на плечи и отправился с ней в дремучий лес, куда не ступала еще человеческая нога. Сделал он себе шалаш, и стали они там жить. Юноша был очень ласков с мачехой. Бывало, умоет ее, причешет, покормит, а сам уйдет на охоту. И не было случая, чтобы он вернулся с пустыми руками. Так шли дни, каждое утро юноша поднимался, ухаживал за мачехой, а затем уходил на охоту. Но как-то выпал несудачный день. Долго охотился юноша, но ничего ему не попадалось. Наконец, поднялся он на вершину горы и глянул кругом. В поле он увидел пахарей. В плуг было запряжено двенадцать пар волов. «Дай-ка, — думает юноша, — и я спущусь и проведу пахарей». Спустился он к пахарям, поздоровался с ними. Те ответили на приветствие. Юноша обратился к одному из пахарей:

— Хорошие у тебя волы, сам тоже выглядишь молодцом, а вот погонщики твои никуда не годятся. Не позволишь ли мне заменить их?

Пахар
в разные
волы пом
ком быстр
путался и
будь нас
прыкнул па
— По
Но па
круг, увид
зал плуг
сил его сд
же гору, с
спустил от
стрела поп
пойду я с
домой».
В этот
ый из них
дереву и п
Старш
— Вы
Встал
ладони. О
сил его:
— Чт
Млад
— Бу
Старш
— Эх
После это
— По
Сред
Ол тоже
— Ну
Сред
— Да
Вско
лишился.
Все
— К
— Д
ли они.
Тогд

Пахарь согласился. Подбежал юноша к волам, разбросал в разные стороны погонщиков и сам с криком погнал волов. Волы помчались, что было мочи. Когда они побежали слишком быстро, переворачивая огромные глыбы земли, пахарь испугался и подумал: «Плохо мое дело. Это, наверно, какой-нибудь насильник». И спрятался за одну из глыб земли. Юноша крикнул пахарю:

— Поворачивай плуг!

Но пахарь не откликнулся. Когда юноша, оглядевшись вокруг, увидел, что пахаря нигде нет, он остановил волов, отвязал плуг и понес его в небесную кузницу Курдалагона и попросил его сделать из плуга лук и стрелы. Затем отправился на ту же гору, откуда смотрел прежде. Поднялся на вершину ее и спустил оттуда стрелу. А далеко в поле жили три великана, и стрела попала в главный столб их дома. Юноша же решил: «Не пойду я сегодня за стрелой. Поздно уже, темно. Вернусь-ка и домой».

В этот день великаны были на охоте. Возвратившись, каждый из них притащил на спине по одному большому ветвистому дереву и по оленю.

Старший из великанов, увидя стрелу, говорит младшему:

— Вытащи из столба эту стрелу:

Встал младший, схватил стрелу, и стрела обрезала ему ладони. Обвернул он их тряпкой и сел грустный. Старший спросил его:

— Что, не сумел вытащить?

Младший ответил:

— Будь она проклята, не смог.

Старший брат упрекнул:

— Эх! И на охоте ты без нашей помощи не обходишься.

После этого он обратился к среднему:

— Пойди-ка, вытащи ты!

Средний со злостью дернул стрелу и тоже порезал руки. Он тоже присел рядом с младшим. Старший спросил:

— Ну что, и ты не смог вытащить?

Средний отвечает:

— Да будь она проклята, не смог! Встань сам и вытащи.

Вскочил старший, дернул стрелу изо всех сил и пальцы рук потерял.

Все сидели молча. Старший спросил братьев:

— Кто-нибудь из вас поранил себя?

— Да, будь она неладна! Без рук нас оставила, — ответили они.

Тогда старший из великанов сказал:

— Нам уже здесь не жить. Это дело рук того, кто сильнее нас, надо бежать.

Великаны покинули это место. Перешли через семь хребтов, а на восьмом остановились.

Юноша утром встал, умыл мачеху, причесал ее, приготовил шашлык, покормил, а сам отправился на ту вершину, откуда пустил стрелу. С вершины он оглядел все кругом, затем спустился за стрелой вниз, к дому великанов. Заглянул и обрадовался: стрела была в столбе. Вынул стрелу, повесил ее на шею. Второпях три великана оставили большие медные котлы с едой. Юноша поел вдоволь, вернулся домой, поднял мачеху на плечи и отнес в дом великанов. И стали они там жить да поживать.

Прошло много времени. Великаны жили на новом месте. Однажды старший великан говорит братьям:

— Пойдемте, узнаем, кто поселился в нашем доме!

Двое младших ответили:

— Мы даже и не посмотрим в ту сторону. Если хочешь, иди сам.

Старший великан встал и отправился один.

Пришел он в дом и видит: сидит женщина и на солнышке греется. Юноша был в то время на охоте. Когда великан увидел женщину, он пустился бежать. А женщина крикнула ему вслед:

— Подожди, не бойся. Объясни мне, зачем ты пришел.

Великан подумал: «Дай-ка остановлюсь, посмотрю, что будет». И остановился. Поздоровались они. Женщина завела его в дом и стала расспрашивать о том, зачем он пришел, кто он и что ему нужно?

И великан рассказал ей о том, что раньше он был хозяином этого дома, о том, как попала в дом стрела, как вместе с братьями они пытались ее вытащить, но лишь поранили себе руки и убежали. Женщина ответила, что стрела эта принадлежит ее пасынку, что он на охоте и скоро вернется.

Узнав об этом, великан испугался и решил вернуться к братьям, но женщина попросила его остаться.

— Днем будем вместе, а ночью я тебя буду прятать, — сказала она.

Великан остался. Днем наиграются они себе в удовольствие, а ночью мачеха прячет его в сундук.

Однажды женщина говорит великану:

— Надоела мне эта тайная жизнь, надо как-нибудь избавиться от пасынка.

Великан ответил:

— Оставь меня в покое. Я с ним ничего не могу поделать.

В этот день все осталось по-прежнему. Вечером юноша возвратился домой, а утром, опять умыв, причесав и накормив мачеху, ушел на охоту.

Утром женщина вновь говорит великану:

— Надо как-нибудь избавиться от пасынка.

Великан опять ответил:

— Я с ним не справлюсь. Сама, что хочешь, то и делай.

— Научи меня, и я сделаю, — говорит женщина.

Великан сказал:

— Притворись больной и скажи пасынку, что есть в молочном озере кабан-буран, если, мол, поем его печени, то не умру.

Вечером юноша, придя с работы, застал стонущую мачеху.

— Что с тобой, мать, ведь я тебя оставил здоровой.

— Заболела я, сынок, не жить мне больше на белом свете.

— Что тебя спасет, скажи! Я достану все.

— В молочном озере есть кабан-буран, если я поем его печени, то исцелюсь.

Утром юноша встал, умыл мачеху, как всегда, причесал, приготовил шашлык, покормил и отправился на молочное озеро. Шел, шел юноша и повстречался ему табун лошадей. Один жеребец стал перед юношей и спросил его:

— Куда ты путь держишь?

Юноша ответил:

— Мать у меня больна, иду на молочное озеро, там есть кабан-буран. Если мать поест печени его, она поправится.

Конь ответил:

— Эх, юноша, туда много таких, как ты, направлялось, но назад никто не вернулся.

— Нет, не могу я не пойти туда, — ответил юноша.

Тогда конь сказал:

— Хорошим ты мне кажешься парнем. Купи сбрую, садись на меня и поедем вместе.

Купил юноша сбрую, оседлал коня, сел и поехал. Встретился им на пути дуб. Конь и говорит юноше:

— Дай-ка взглянуть на твою стрелу! Испробуй ее — запусти в дуб, если пронзит его, тогда удастся нам что-нибудь сделать.

Запустил юноша стрелу в дуб, и она насквозь пробила его.

Двинулись они дальше, прямо к молочному озеру. Когда они приблизились к молочному озеру, кабан почуял их. Стал кабан выпускать изо рта пену, и вокруг озера поднялся густой туман. Конь говорит юноше:

— Поверни немного, а когда туман осядет, целься прямо в голову, но смотри, не промахнись.

Юноша стал ждать. Вскоре туман рассеялся, до кабана тоже было уже недалеко. Юноша прицелился — стрела попала кабану прямо в лоб и вышла у хвоста.

— Сюда многие приходили, но всех кабан поедал, — говорит конь юноше, — вот потому-то я заставил тебя проверить стрелу на дубе.

Освежевал юноша кабана, вынул печень и отправился в обратный путь. Коня он отпустил там, где повстречался с ним. Конь дал ему на прощание волос и наказал:

— Иди теперь с богом к себе, но когда я понадоблюсь, достань из кармана волос — и я появлюсь перед тобой. Пришел юноша домой. Мачеха вышла к нему охая:

— Ох, сынок, я еще сильнее заболела в тревоге за тебя. Слава богу, что вернулся живой.

Накормил ее сын печенкой, мачеха сделала вид, что поправилась. Утром сын, как всегда, умыл ее, причесал, приготовил шашлык, покормил, а сам отправился на охоту.

После ухода пасынка мать опять сказала великану:

— Что-нибудь сделай с ним, иначе я выдам тебя, и он тебя проглотит.

— Я ничего не могу с ним сделать, — сказал великан испугавшись, — но я научу тебя, как быть. Притворись опять больной. Он, как обычно, спросит тебя, что с тобой, а ты ответь: «Живут в одном месте три великана, у каждого из них по одной яблоне, если, мол, я поем яблок с этих яблонь, то поправлюсь. Иначе, не видать тебе меня больше».

Вечером пришел сын. Мачеха, охая, говорит ему:

— Умираю, сынок, умираю. Нет мне спасения!

— Неужели не найти на свете такого средства, которое бы помогло тебе? — спрашивает юноша.

— Слыхала я еще от родителей, что растут в саду трех великанов целебные яблоки, только они и могут мне помочь.

— Не дам я тебе погибнуть из-за каких-то яблок, — сказал юноша и вышел из дому.

Достал он из кармана волос, и конь очутился около него. Рассказал он коню о саде трех великанов. Конь выслушал его и говорит:

— Таких, как ты, много отправлялось туда, но обратно никто живым не возвращался. Иди к кузнецу и закажи гвозди, длиною в две ладони, принеси их, садись на меня и поедем.

Юноша все исполнил, как приказал конь, и они отправи-

лись в путь. Когда юноша подъехал к крепости, великаны спали. Он взобрался на яблоню, потряс ее, яблоко сорвалось и упало на грудь младшему великану. Но он не проснулся. Второе яблоко покатилося по груди среднего великана — не проснулся и средний. Третье яблоко ударило в грудь старшего великана. Проснулся он. Удивленно поглядел на яблоню и говорит:

— Странно, пока ведь рано падать яблокам.

И вдруг он заметил на дереве юношу. Великан обратился к нему:

— Кто ты? Какой нечистый дух принес тебя сюда! Вот дуну я на тебя, и ты превратишься в пыль.

— Зачем ты хочешь дунуть на меня? Разреши мне сойти вниз, а там воля твоя, — ответил юноша.

Великан позволил ему спуститься, и между ними завязалась борьба. Юноша срубил семь голов у старшего великана. Затем срубил пять голов у среднего великана, а у младшего срубил две головы. Когда он хотел срубить третью, младший великан взмолился:

— Не отрубай мне третью голову, и я тебе расскажу обо всем, что есть здесь хорошего.

И начал младший:

— Мы похитили дочь малика, красавицу. Спорили мы из-за нее, не уступали друг другу и, чтобы не было никому обидно, заключили мы ее в медную башню. Есть еще тут родник. Если отпустить в него мертвую рыбу — она оживет.

Потом великан отдал ему десять ключей. Один из них весил три пуда. Это был ключ от крепости. Узнав все, юноша отрубил великану и третью голову. Все головы он сложил в один угол, туловища — в другой, ноги — в третий, а руки — в четвертый.

Ключом он открыл медную крепость и увидел девушку необычайной красоты. Понравились они друг другу. Девушка и говорит юноше:

— Отец мой каждую неделю приезжает проведать башню. Открой ее и оставь так.

Юноша так и сделал. Через неделю малик послал слуг проведать башню. Люди его вернулись и сообщили, что великаны убиты. Малик не поверил и прикрикнул на них:

— Смеесть вы надо мной, что-ли!

Послал других людей. Те вернулись и сказали то же самое. Тогда малик сам отправился туда с войском. Прибыв, он увидел, что великаны убиты. Спросил он дочь о том, что же случилось с великанами. Дочь же сказала, что она не знает. Малик,

однако, упросил ее рассказать правду. Тогда дочь показала ему юношу, который уничтожил великанов. Малик очень обрадовался и сказал юноше:

— Ты сделал доброе дело. Отдаю тебе мою дочь в жены. Юноша обрадовался и согласился. Малик увез их к себе во дворец. Целую неделю продолжалась свадьба. Юноша был счастлив. Но однажды он сказал малику:

— У меня мачеха больна, я должен отнести ей яблоки из сада великанов, и она поправится.

— Если есть у тебя мачеха, — говорит малик, — то привези ее сюда и живите с нами.

Юноша забрал яблоки и поехал к себе. Подъехав к дому, он постучал и крикнул:

— Открой дверь, я вернулся.

Мать, услышав голос юноши, спрятала великана и говорит:

— О сын мой, тревожась за тебя, я о своей болезни забыла. Слава богу, что ты вернулся живым.

Утром, как обычно, он опять позаботился о мачехе и ушел на охоту.

Великан, видя, что юноша вернулся здоровым из таких испытаний, взял свою палку и решил вернуться к братьям.

Тогда женщина опять стала просить великана:

— Все же ты, наверное, знаешь какое-либо средство, как погубить юношу. Научи меня.

— Где он побывал, оттуда никто не возвращался живым, кроме него, что еще с ним можно сделать?!

Но мачеха не успокаивалась. Тогда великан сказал:

— Вечером, когда он вернется, притворись опечаленной, он тебя спросит, в чем дело. Ты скажи ему, мол, целый день он ходит по горам да по полям, а ты боишься за него. И спроси, где находится его душа.

Мачеха так и сделала. Юноша ответил, что душа его в столбе. Мачеха украсила столб и стала ласкать его. Увидев это, юноша сказал:

— Смешная ты женщина, что делать моей душе в столбе?

— Так ты обманываешь меня, да еще смеешься надо мной! — обиделась мачеха.

— Ты ищешь беды! Душа моя находится в тетиве от лука. И если хочешь, принеси тетиву, свяжи меня, и если она порвется, погибнешь и ты, и я.

Принесла женщина тетиву. Связала юношу, затянула сильно. Затем кликнула великана. Великан выскочил из сундука, схватил молоток, ударил юношу по голове, да так, что у него

зыскачили глаза. Унесли его, похоронили, а могилу завалили огромным камнем.

Когда весть о смерти зятя дошла до малика, он послал гонцов проверить, правда ли это. Гонцы вооружились, сели на коней и поехали. В дороге их застала буря. Они остановились в поле, где был похоронен юноша. Присели на большой камень. Вдруг слышат: из-под камня доносится стон. Глава посланцев сказал, что надо узнать, кто стонет. Затем он сам обратился к стонущему:

— Если ты представитель этого света, отзовись. Мы тебе поможем.

— А чем вы мне можете помочь? — раздался голос из-под камня.

— Нас здесь много, приподыдем камень.

Все взялись за камень, но сдвинуть его с места не смогли. Нагнулись они и крикнули, что ничего сделать не могут.

Голос снизу ответил:

— Никого не оставляйте с восточной стороны. Переходите все на западную сторону, толкните камень, а я вам помогу.

Они так и сделали: взялись все за камень, и он отлетел в сторону. Видят — лежит там слепой человек. Взяли его, привезли к малику. В это время малик готовил большие поминки по погибшему зятю. Люди варили пиво в больших котлах. Когда пиво было готово, они не смогли даже сдвинуть чаны с места. Слепой спросил их, чем они заняты. Люди ответили, что у малика умер зять, он готовит поминки и что они не могут сдвинуть с места котлы с пивом. Слепой сказал им:

— Я не вижу, но дайте мне ухватиться за ушки котла, а сами идите впереди, и я отнесу его туда, куда вы хотите.

Дали ему взяться за ушки котла, и он донес его куда нужно. Подивились люди и спросили слепого:

— Кто ты, что с тобой случилось?

Слепой рассказал им все. Сообщили об этом и малику. Узнав зятя, он превратил поминки в пир. На пиру все пили за здоровье зятя. Малик сказал, что он ему дорог и слепым, и пообещал заботиться о нем. Так они зажили. Как-то раз дочь малика вдруг рассмеялась. Юноша решил, что она смеется над его слепотой и спросил:

— Эй, жена, ты не разлюбила меня?

Она поклялась, что нет. «А смеюсь, — говорит, — потому, что купила на обед рыб, понесла их мыть к роднику, а они ожили и уплыли».

Юноша тяжело вздохнул:

— О, неужели мне уж ничего не поможет, неужели нельзя

вернуть мне зрение, если рыбам можно было вернуть жизнь?
— Что тебе может помочь? Ведь у тебя нет глаз.

— Загляни-ка в карман моей черкески. Я помню, когда великан меня ударил, глаза выскочили и попали в карман черкески.

Она посмотрела в кармане — глаза и вправду оказались там. Достала она их и вставила в глазницы юноши. Потом принесла из родника воды, промыла юноше глаза, и юноша тут же прозрел.

Все стали поздравлять малика. Он от радости всех одарил подарками и закатил большой пир. После пира юноша сказал, что еще раз хочет съездить домой.

— Зачем ты едешь? — спросил его малик. — Что тебе там делать? Была у тебя мачеха, но как она с тобой поступила? Не едь туда больше!

— Нет, — ответил юноша, — я должен туда поехать.

Собрал он до нитки разную мелочь, уложил в корзину и под видом торговца отправился в путь. Пришел к себе домой. Видит — сидят мачеха и великан. Они его не узнали. Юноша сказал им, что у него есть в продаже нитки, щетина и другие товары. Великан ответил, что щетины они боятся, а что-нибудь другое они купят. Мачеха и говорит великану:

— Давай продадим в обмен лук и стрелы. Для чего они нам?

— А что у вас за лук и стрелы, покажите мне, — говорит юноша.

Принесли лук и стрелы. Юноша купил их, повесил на плечо и вышел. Затем вернулся к ним и говорит:

— Быка пронзить или корову?

Мачеха не поняла вопроса, но великан догадался и говорит:

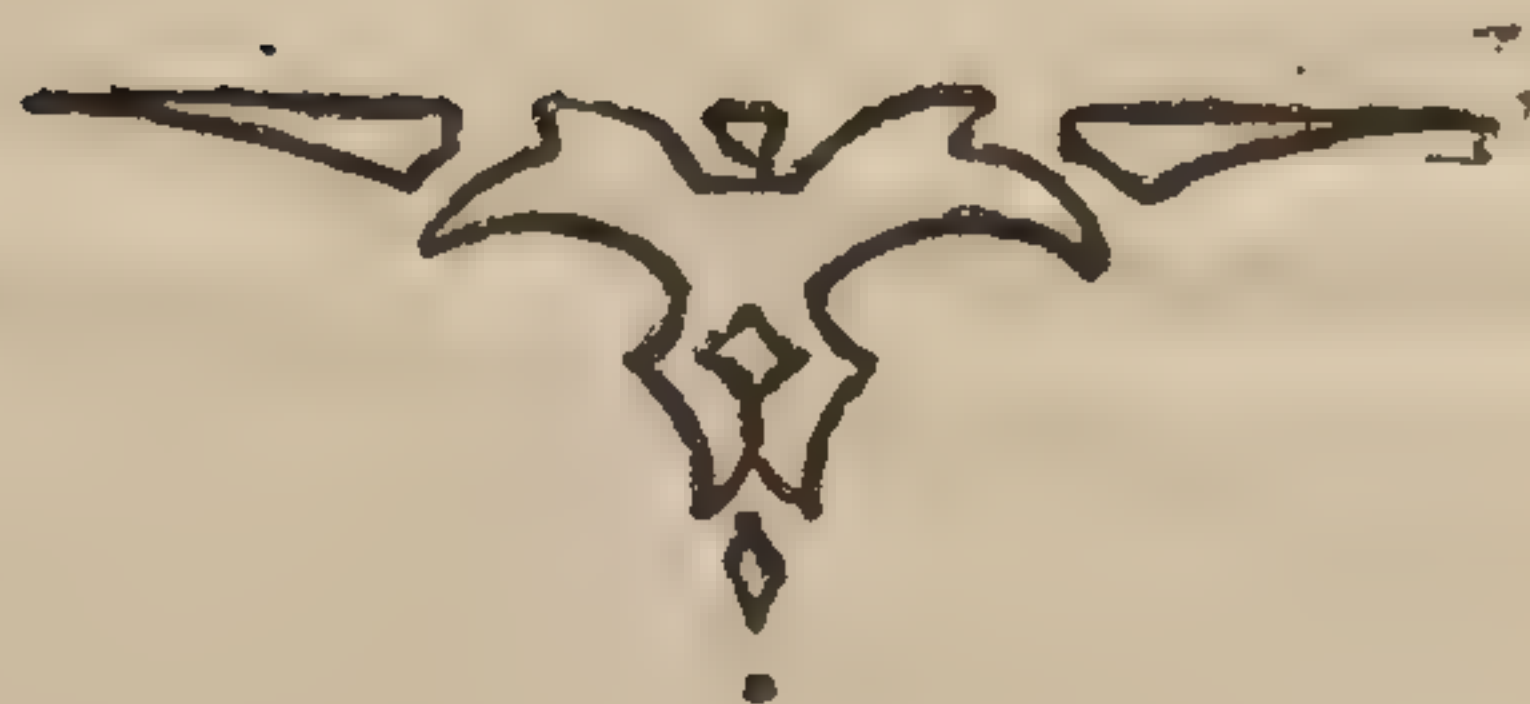
— А что тебе бык сделал? Во всем виновата корова.

Юноша подошел, отрубил голову великану, схватил мачеху за волосы и стал ее таскать до тех пор, пока волосы не остались у него в руках. Сжег он волосы, потом поджег дом и ушел.

Возвратился он к малику, и живут они благополучно и по сей день. Живите и вы счастливо, пока с ними не повстречаетесь.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СКАЗКИ

СТ
ВС

СТ

МУ

ОД

О

Я

В

С

Д

Х

П

О

Г

Я

Б

И

П

33. СКАЗАНИЕ ОБ ЕДИНСТВЕННОМ СЫНЕ

Давно, кто знает, когда и где это было, в одном селе жила старушка и был у нее единственный сын. Однажды утром сын встал с постели и говорит своей матери:

— О, нана, видел я ночью удивительный сон.

— Сначала умойся, и тогда расскажешь, — сказала его старая мать.

— Стадо оленей бежало через наше село; все, кто у нас мужчинами считаются, бросились за ним, но никто не убил ни одного оленя. К тому времени подросел я, и тоже поскакал за оленями. Люди возвращались и, завидев меня, начинали смеяться. Стал я преследовать оленей, стал их убивать и перебил всех поголовно. По всему берегу Терека тянулись туши оленей с ветвистыми рогами. Обхожу я их и спиливаю рога. Дошел до того оленя, которого первым повалила моя стрела. Только хотел взяться за рога, как олень вонзил мне их в живот. Тут я проснулся. Пот так и лил с меня.

Мало ли, много ли времени прошло с того дня, сын опять в одно утро стал рассказывать матери сон, а она говорит:

— О, не видеть твоей нана белого света, что это у тебя за привычка: еще не умывшись, начинаешь свои сказки. Не буду я тебя слушать, пока не умоешься.

— Сколько было в селе круторогих быков, все собрались в нашем дворе, волосы дыбом поднимались на голове от их рева. Тогда вышла к ним наша старая корова и тоже стала реветь. Подул с севера холодный ветер, нахмурилось небо, солнце спряталось, и перестала блестеть снежная вершина.

И в третий раз как-то ранним утром сел возле огня единственный сын и говорит матери:

— Опять я видел сон, нана, будто две голубки прилетели в наш двор, сели на жердочку и начали клевать друг друга, разорвали себя в клочья. Как первый снег, летели по двору их перья. А потом к нам пришли все мужчины села, вывели из конюшни нашего саулохского коня, остригли ему гриву и хвост. О, нана, пока ты мне не объяснишь эти удивительные сны, — не оставлю тебя в покое.

Сначала старуха не соглашалась, но сын так долго и упорно упрашивал ее, что она не устояла:

— Нехорошие сны ты видел, мое дитя, единственная моя надежда, ради которой я живу на этом белом свете. Казыкумухи и солы¹ вторгнутся в наше село и твою названую сестру, красавицу Агунду, насильно увезут. Все мужчины наши поспешат на выручку, но вернутся обратно люди той же дорогой ни с чем; прекрасную Агунду не смогут отбить у врагов. Напоследок ты на своем саулохском коне, чтоб ему долго носить тебя, станешь преследовать похитителей. Возвращающиеся сельчане будут тебя встречать, начнут смеяться над тобой, над тем, что один выехал ты против врагов, с которыми все они не могли справиться, станут советовать повернуть коня, но ты продолжишь свой путь и настигнешь насильников в ущелье Терека. Истребишь их, отнимешь красавицу Агунду и все их доспехи. А когда вернешься к первому, которого ты поразил, он пронзит тебя своим черным кинжалом. Много народу соберется в нашем дворе, никто из односельчан не усидит дома, все твои друзья и товарищи придут сюда, а я, твоя старая мать, выйду на середину. Небо можно будет еще успокоить, но утешить меня, унять мои слезы и причитания никому не удастся. Это твой первый сон.

Две родные сестры твои в горе будут друг на друге рвать волосы. Глядя на них, треснут от жалости камни, на небе померкнет солнце. Это твой второй сон.

Ты, которая носит твое имя и живет в нашем доме, мою единственную невестку, пригласят к могиле, обведут вокруг три раза, булатными ножницами отрежут ее длинные косы и положат с тобой в гроб. Вот твой третий сон.

И вот однажды казыкумукские и сольские насильники вторглись в село, похитили красавицу Агунду. Всполошилось село, все мужчины поднялись... Понял единственный сын, что Агунда-краса похищена и воскликнул:

¹ Казыкумухи и солы — дагестанские народности.

— Великий стыд, опозорен я среди родов и фамилий! Снарядился, сел на своего коня и бросился за насильниками. Не успел он далеко отъехать, как рассвело. Стали ему встречаться односельчане: смеются над ним, советуют вернуться, но единственный сын по Терскому ущелью скачет за врагами. След их ведет к востоку, туда и летит его саулохский конь, догоняет похитителей.

— Не увезете девушку, клянусь матерью и отцом! — кричал единственный...

Сбылись вещие сны. Смертельно ранили единственного, но с Агундой-красой добрался он до родного очага.

Недолго прожил он после удара черного кинжала солнца. Ушел из этого мира в другой мир, исполнив свой долг.

Если бы с неба слетела головня, ей некуда было бы упасть, столько народу собралось на похороны единственного. Бьют себя по голове его друзья, не перестает рыдать мать, его две сестры вырвали друг у друга столько волос, что из них можно было бы соткать большую власяницу.

Булатными ножницами отрезали у жены единственного длинные волосы и положили их покойнику за пазуху.

— О, единственный, какой ты несчастный! Даже лесные вороны счастливее тебя!

34. СКАЗКА О БУРСАМДЗЕЛИ

Царица Тамара была женою Бурсамдзели. Жил он на вершине высокой горы. И народ теперь называет эту покрытую снегом вершину именем Бурсамдзели.

А в давние времена там была зеленая поляна, и высилась на ней грозная башня.

Но шли века, башня истлела, поляна стала прибежищем диких зверей.

В те далекие времена никогда там не выпадал снег...

Однажды пленницей Бурсамдзели стала прекрасная Бонварнон.¹ Посадил он ее в сундук и замкнул его накрепко.

А табун лошадей Бурсамдзели пасся на лугах Имеретии.² Решил он навеститься туда.

Когда он уезжал из дому, то передал ключи жене и строго наказал ей не открывать сундука, не выпускать на волю Бонварнон, иначе грозит им гибель.

Отправился Бурсамдзели проведать своих коней. По дороге остановился в незнакомом селении и зашел в один хадзар. Радушная хозяйка приготовила гостю еду. В это время в комнату вошел ее ребенок и с голыми ножками выскочил во двор. Тотчас вбежал он обратно и с удивлением рассказал матери:

— Нана, с неба падает что-то белое, и у меня руки и ноги от него замерзли.

Понял тогда Бурсамдзели: ослушалась жена его и выпустила Бонварнон на свободу, пленница зло отомстит теперь ему.

¹ Бонварнон — буквально планета Венера, а здесь звезда утренней благодати.

² Имеретия — область в Западной Грузии.

Встал он быстро, отодвинул фынг в сторону, вскочил на коня и поскакал обратно. Как доехал он до первого жилого места, снег достиг уже до сгута¹ лошади, и назвал он тогда эту местность Сгута.

Доехал он до другого села, и снег дошел до онга² лошади, и назвал он это место Он.³ А как добрался он до третьего селения, конь его пал, и месту этому он дал название Кудар.⁴

Горько стал сетовать Бурсамдзели на бога и в обиде ушел от него к Барастыру⁵ под землю, а горная вершина, где он жил, покрылась вскоре вечными льдами.

У Тамары, жены его, были слуги. Каждый день по утрам выносили они ее постель и бросали в воздух, но постель не падала, лежала на солнечных лучах.

Однажды ночью вошел к ней слуга и овладел ею. И родились одновременно два мальчика: один у Тамары, другой у жены слуги. Наутро, когда вынесли постель Тамары и бросили в воздух, упала постель на землю.

И спросила тогда Тамара у своих слуг:

— Кто из вас ночью приходил ко мне?

И сказала она тому, кто осмелился в ту ночь быть мужчиной:

— Если достанет у тебя мужества добыть мне образ из Мцхетской церкви, удостоишься тогда стать моим мужем, если не сумеешь, ждет тебя смерть!

Когда был он уже у цели, вознесла Тамара к богу молитву:

О боже, сделай так, чтобы река вышла из берегов и потопила его в своих волнах!

Оглянувшись Тамара, видит: устремилась вниз многоводная река.

Сказала Тамара тогда своим слугам:

— Не показывайте мне и сына моего, огнесите и бросьте его в реку!

Много ли, мало ли времени прошло, а сын слуги Тамары вырос и стал уже играть со сверстниками.

Увидела его однажды Тамара и позавидовала:

— И мой сын уже таким бы был! Ох, тяжкие грехи на моей душе! Выпустила я Бонварнон, и вечными льдами пок-

¹ Сгута — бедра лошади.

² Онга — лопатки.

³ Они — город в Западной Грузии.

⁴ Кудар — одно из ущелий и село в западной части Юго-Осетии.

Кудари по-грузински — покойник

⁵ Барастыр — повелитель загробного царства в осетинской мифологии

рыла она горы. Погубила я храбрейшего из мужей — Бурсам-
дзели. Сына, выношенного во чреве своем, предала я смерти.

Сказали тогда Тамаре слуги:

— Если не причинишь нам зла, покажем тебе сына.

Обрадовалась Тамара, прижала сына к груди. И сказал
тогда мальчик:

— Нана, здесь теплее всего!

И с тех пор говорят в народе, что нет ничего на свете теп-
лей материнских объятий.

Сын
охлаждь

— Т

И х

был бли

И с

— И

я прид

С э

На

Выехал

—

тем у

Ка

ворит:

—

С

То

—

1

35. СЫН БУРА, МАХАМАТ

Сын Бура, Махамат, был очень любим богом. Сказал ему однажды бог:

— Три дня в году даю тебе право сидеть за моим столом! И ходил Махамат к богу вместе с Уастырджи. Уастырджи был близок с дочерью Сайнага.¹

И сказал он Махамату:

— Если ты первый выйдешь на дорогу, жди меня, если же я приду раньше, то я подожду тебя.

С этими словами разъехались, каждый в свою сторону.

Наступил и день, когда Махамату надлежало ехать к богу. Выехал он в широкое поле и слышит — свинопас песню поет:

— Да-ла-лай, о-ла-лай, едет к богу Махамат, будет гостем у него, а я к жене его пойду, приласкаю ее...

Как услышал песню Махамат, позвал свинопаса и говорит:

— Хорошо ты поешь, хочу еще раз послушать. Спой!

Свинопас пропел свою песню снова.

Тогда Махамат сказал ему:

— Врет твоя песня, парень. Не верю я тебе. Если правду

¹ Сайнаг — мужское имя.

сказал, оставь свиней, я их посторожу. А сам отправляйся к жене Махамата и не ложись с ней в постель, пока она что-нибудь тебе не подарит. Будет тебе давать всякое, а ты попроси то, что дала Махамату божья жена в дар! Коль привезешь мне это, дам тебе на выбор любую из своих черкесок!

Обрадовался свинопас и пошел к жене Махамата. А Махамат сошел с коня, сел около свиней да и заночевал там.

Чуть только рассвело, пришел свинопас. Принес с собой золотые носки Махамата. Как увидел их Махамат, сильно рассердился... Стал думать, как быть ему: вернуться обратно, значит, не попасть в гости к богу, не возвращаться — сердце от муки разорвется. Наконец решил: «Пусть лучше бог на меня не обидется!»

Отправился он в путь, дорогой заехал к Вайсантовым и решил там подождать Уастырджи.

Вскоре на краю поля показался Уастырджи. Махамат говорит:

— Это он едет.

Девушка же из рода Вайсантовых сказала:

— Едет Уастырджи, только не один, на лошади сидят трое. А Махамат говорит ей:

— У меня тоже глаза есть, и, кроме Уастырджи, я никого на коне не вижу, смеешься ты надо мной, что ли?

А девушка ему в ответ:

— Как подъедут, увидишь их сам!

Подъехал Уастырджи, привязал коня и поднялся к ним. Хлестнул в шутку Уастырджи девушку плетью, а она ему в ответ:

— Хватит тебе потешаться надо мной, сколько раз ты уже изводил меня, а, небось, сумы своей никогда не развяжешь, не покажешь, что там спрятано!

Тогда Уастырджи достал из кармана суму и бросил ее девушке. Девушка схватила ее и зовет Махамата:

— Иди-ка сюда, покажу тебе, кто ехал на лошади!

Открыла она суму, а там жена Уастырджи сидит со своим милым дружкой... Как было Уастырджи не разозлиться!

Махамат ему говорит:

— И со мной то же самое случилось, но что поделаешь?!

Опечаленные, поехали они дальше. Рано утром приехали они к богу. Отвели коней своих в конюшню, сели на ясли и пригорюнились.

Пришел божеский конюх, подметает в конюшне, а сам все на дверь поглядывает. Махамат с Уастырджи в яслях спрятались. Удивляются, чтобы это значило?

Когда конюх выглянул в третий раз, то видят они — бежит к нему божья жена, шурша платьями. А конюх метлой как ударит ее.

— Ах ты, проклятая! Что ты надо мной издеваешься?! Коли приходишь, то приходи вовремя, а нет, так на что ты мне нужна!

Взглянули Махамат и Уастырджи друг на друга.

— Придется, видно, стерпеть нам обиду! Если уж у самого бога жена так поступает, так что ж еще тогда нашим делать?!

Вышла божья жена из конюшни, они тоже вылезли из ясель. Поднялись они к божьему престолу. Обрадовался бог гостям.

Угощение им приготовили. Когда все было на столе, слуга воды принес — обмыть руки перед едой. Вымыл бог руки, вытер их шелковым платком, потом жене его бросил. Шелковый платок попал жене в грудь. Как она закричит:

— Убил меня муж мой! — и убежала из-за стола.

Мужчины переглянулись и усмехнулись, а бог на них обиделся:

— Над чем же вы смеетесь, что ж хорошего, если я убью жену свою?! Сейчас же скажите мне, над чем вы смеялись?

Уастырджи чувствовал себя с богом смелее: рассказал он ему сначала о своей жене и жене Махамата, а потом говорит:

— Только что твой конюх метлой три раза огрел жену твою, и она не умерла от этого, что ж теперь из-за шелкового платочка такой шум подняла?

Разгневался бог.

— Давайте уйдем, скроемся все вместе!

Встали они из-за стола и отправились в путь. Едут мрачные. Видят — крестьянин в поле землю пашет, а за спиной у него сундук, с ним он и за плугом пашет.

Удивились они, зачем это крестьянин тяжелый сундук взад-вперед по полю за спиной таскает.

А Уастырджи им говорит:

— Пока не узнаю, в чем дело, не уйду.

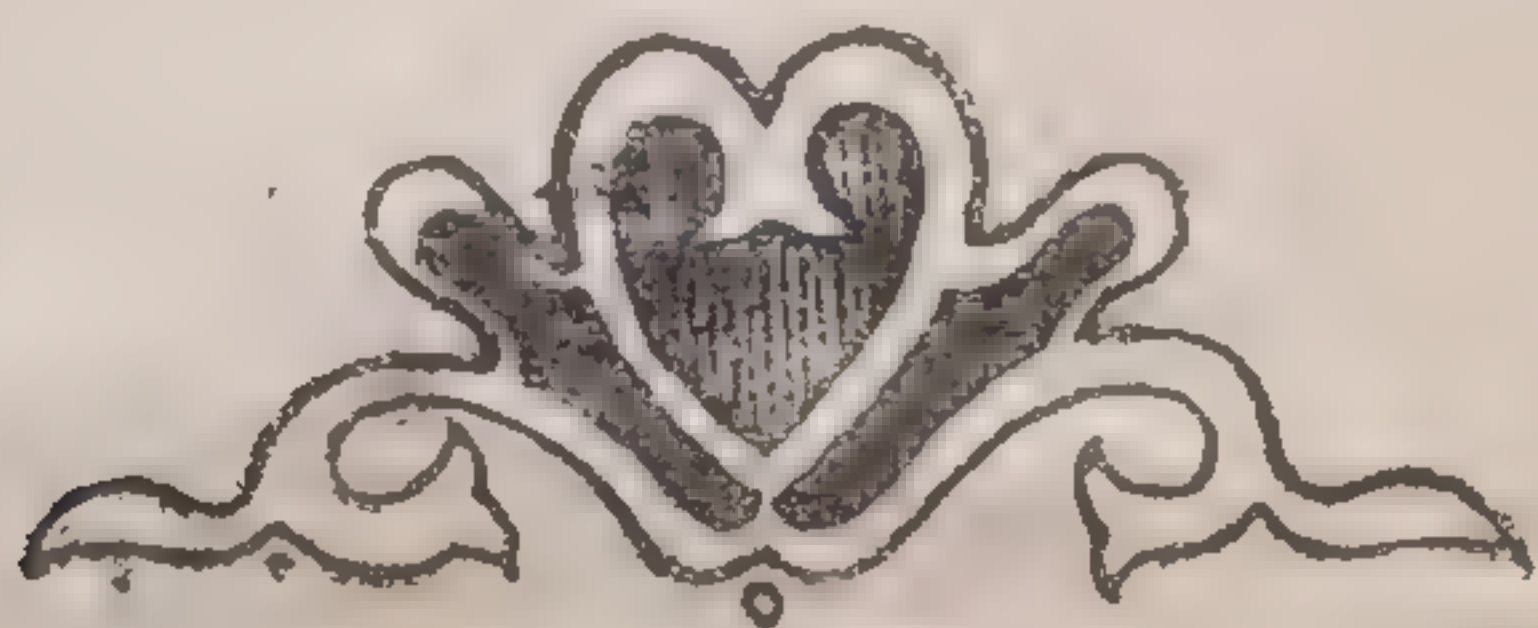
— Да будут радостными твои дни! Скажи, добрый человек, что есть в твоём сундуке такого драгоценного, что ты его не опускаешь на землю?

— Что поделаешь, да пусть перейдут ко мне твои болезни, я единственный мужчина в семье, а жена у меня очень красива. Оставил бы ее дома, а вдруг осрамит ее какой-нибудь бездельник.

Поставил крестьянин сундук на землю и видит — сидит в нем его жена с чужим мужчиной; как открыл сундук, так они оттуда сразу вдвоем и выпрыгнули.

И сказал тогда бог своим спутникам:

— Давайте вернемся каждый в свой дом! Пусть отныне это станет обычаем, но никогда пусть не останется в тайне!

Да
жить
оперся
лать,
Н
перед
—
—
тот и
Празд
Г
—
тебе
говор
—
все
—
хозя
да
поло

36. ПАСТУХ И ЧЕРТ

Давным-давно жил один бедный человек. Надоело ему жить в бедности. Сел он однажды на камень перед пещерой, оперся подбородком о палку и горестно задумался: «Что делать, как бы раздобыть хотя бы несколько овец или коз?»

Не успел он об этом подумать, как откуда ни возьмись перед ним черт появился.

— Что случилось, бедный человек? О чем ты печалишься?

— Как же мне не печалиться? Кто имеет скот и землю, тот и человеком считается, у меня же нет ни того, ни другого. Праздника от будних дней не отличаю.

Подумал черт и говорит ему:

— Послушай-ка меня, бедняк! Если сговоримся, дам я тебе пять коз в ласк¹.

Лицо у бедняка просветлело, сдвинул он назад папаху и говорит:

— Да как же это так, чтоб мы да не сговорились?! Я на все буду согласен, чтобы ты ни предложил.

¹ Ласк — особый вид займа или платы за работу при натуральном хозяйстве у осетин, когда работник получал, например, половину приплода обслуживаемого им стада, а заемщик или арендатор получал, например, половину урожая из занятого им зерна и т. п.

— Ну, хорошо тогда. Даю тебе своих коз на три года, паси их! Пройдет три года — козы снова мои, а приплод от них пополам поделим. но при таком условии: не зарежь ты за это время ни черного козлика, ни серого, ни безрогого, ни длиннорогого, ни белого, ни пестрого!

Бедняк от удивления остался стоять с открытым ртом, ничего не сказал в ответ. А про себя подумал:

«Чем такой скот иметь, лучше уж совсем без скота быть! Не разрешает мне за три года ни одного козленка зарезать, зачем же мне тогда их пасти?».

Подумал бедняк еще немного и, наконец, смекнул, и сказал:

— Я согласен на твои условия, но со своей стороны тоже скажу слово: как придет время дележа коз, не приходи ко мне ни в воскресенье, ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду, ни в четверг, а также ни в пятницу и ни в субботу, а вот в остальные дни можешь приходить ко мне, когда тебе вздумается! — сказал бедняк и погнал коз домой.

Прошло три года, настало время дележа коз. Не знает черт в какой день ему прийти к бедняку за козами. В неделе семь дней, но ни один из дней этих бедняк не велел ему приходить. Тогда он придумал: раз не остается дней в неделе, так он к нему в среду ночью придет.

Что оставалось делать бедняку? Пришлось дележом заняться. Одна из коз оказалась общей, не могут они поделить ее. Тогда черт сказал:

— Эта коза чужая¹, давай ее зарежем!

И вот с тех пор в эту ночь в честь «чужих» в народе обычай повелся резать козленка. И эту ночь так и называли «ночью чужих».

Погнал утром черт коз домой, а бедняку досадно:

— Ну и перехитрил же меня черт, откуда мне в голову могло прийти, что он не днем, а ночью ко мне заявится?

Стал бедняк думать: «Чтобы такое сделать, чтобы коз получить обратно?»

Однажды пас он свое стадо. Вдруг разразился сильный ливень. Бедняк скинул с себя одежду и сел на нее. Когда дождь кончился, бедняк поднялся и оделся. В тот же день черт на северном склоне горы листву с деревьев сбивал козам на зиму. Промок он до нитки, увидел бедняка и спрашивает:

¹ Чужие, ночь чужих — так в старой Осетии было принято называть чертей и ночь, которая якобы принадлежала им. В эту ночь по обычаю резали козу.

— Скажи, сделай милость, как случилось, что я совсем мокрый, а ты сухим остался?

Бедняк на это ему и говорит:

— Мне все премудрости на свете известны, вот я и не намок...

А черт давай умолять его:

— Ты только открой мне свою тайну, а там проси в подарок, чего только душе твоей захочется.

— Хорошо, дай мне своих коз, а я тебе секрет открою...

Черт отдал коз, и бедняк говорит ему:

— А теперь слушай меня, да повнимательней.

Черт навострил уши.

— Если застанет тебя в дороге дождь, разденься и спрячь одежду под себя. А как перестанет дождь идти, оденься, вот и останешься ты сухим! — говорит бедняк.

Разозлился черт:

— Подумаешь, «колдовство» какое! А коз моих как ловко выманил!

Набралось, таким образом, у бедняка много скота. Никому теперь в голову не приходило называть его бедным.

Как-то раз пригнал он свой скот к речке, у которой паслись стада алдаров.

Козы бедняка сразу вошли в воду и переплыли на другой берег. Удивились чабаны и пошли рассказать о чуде малику. К

— Да падет на нас твой гнев, если скажем неправду. К нам в ущелье пришел один пастух. Стадо его на твое не похоже: козы у него все серые. По воде плывут так быстро, как рабы: олени от охотника убегают. А наши овцы в воду захотеть боятся. Хорошо бы обменять часть наших овец на его коз, тогда бы и наши овцы вслед за ними по реке поплыли.

Малик послал слуг и приказал:

Малик послал слуг и приказал:
— Идите и дайте пастуху четырех овец за одну козу.

— Идите и дайте пастуху четырех овец за одну козу. Обменяли слуги овец на коз. За козла давали по многу баранов, а за козу несколько однолеток.

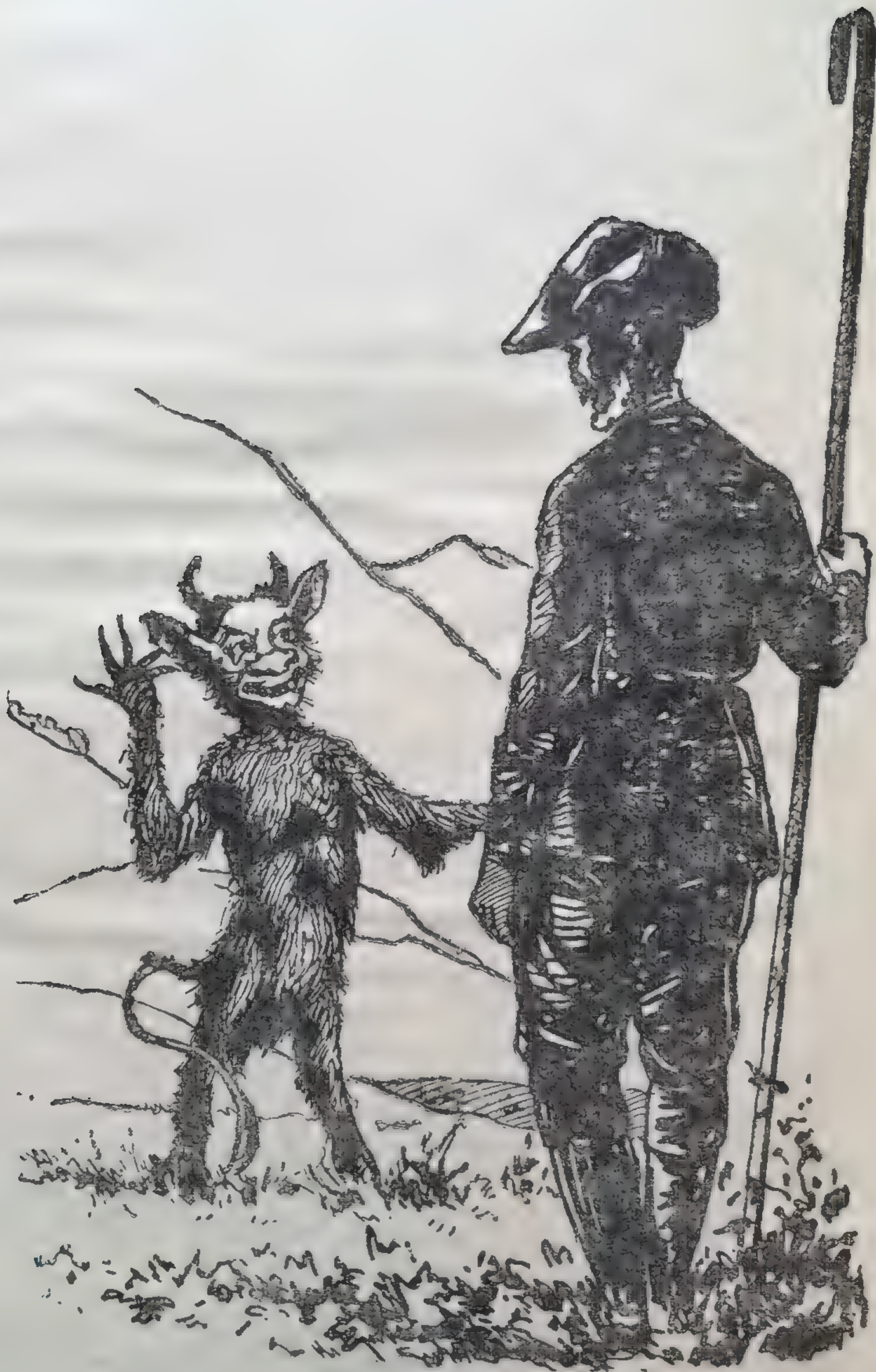
Раньше у бедняка ни одной овцы не было, а теперь новш
прибыло. Разбогател он так, что и бога перестал почитать.

Однажды зимой, в последние холодные дни марта, бедняк как закричит вдруг:

— Марти-бурти¹, напрасно стараешься, все стадо у меня цело, уха козленка и того не потерял!

Обидно стало марту місяцю, но дни его ушли

¹ «Марти-бурти» — насмешливое обращение в рифму к марту месяцу.

ли, признал он тут три дня в долг у февраля да такого мороза напустил, что половины стада бедняка как и не бывало... Вот поэтому и бывают последние дни марта холодными, а февраль потому и короче, что март у него дни в долг взял. Снова стал бедняк стараться как-нибудь приумножить свое стадо.

А черту очень хотелось, чтобы у бедняка вовсе ничего не осталось. Как-то раз колдунья отправилась на гору Тарангел, на моление. Когда возвращалась она обратно, то в заброшенной долине вышел ей навстречу черт, скрестив руки на груди. Потолковали они о том, о сем, потом колдунья спросила его:

— Что это ты не в духе?

— Как же мне быть веселым? Были у меня козы, так один бедняк выманил у меня их всякими правдами и неправдами. Никто в ущелье не знал о моем стаде, а он часть его алдарам отдал в обмен, а я без скота остался.

Успокоила черта колдунья:

— Я верну тебе твоих коз, а стадо бедняка изведу.

Поймала она волка, надела ему веревочку на шею, пришла к дому бедняка и остановилась у ворот. А бедняк никогда волка не видел и спрашивает:

— Это что за скотина?

Она ему отвечает:

— Слышала я, что скот у тебя пропадает и вот пришла с Фалваром¹. Если купишь Фалвара у меня, скот твой сразу приумножится. Пустишь его к стаду на одни только сутки, побудет он там день и ночь, станет у тебя столько скота, что не сможешь двери открыть.

— Какова же твоя цена за Фалвара? — спросил бедняк.

— Надо мной старших много, не возьму я плохих овец и коз, а дай мне пятнадцать лучших овец и столько же коз.

Отделили они тридцать голов. К остальным волка впустили и дверь за ним крепко заперли.

В этот день жена бедняка приготовила пироги, и они вознесли моление Фалвару.

После угощения колдунья погнала домой доставшийся ей скот.

На второй день бедняк отворил дверь, захотелось ему заглянуть в овчарню. Видит — всю скотину, до одной, волк истребил, кровь высосал и туши их друг на друга навалил горой...

С этих пор люди молятся Фалвару, чтобы уберег их скот.

¹ Фалвар — покровитель животных в мифологии осетин.

А бедняк так и остался ни с чем, как раньше жил, так и теперь живет в бедности...

Долго он искал еще колдунью, чтобы отомстить ей, но нигде не нашел.

Как всего этого вы не видели, мои добрые слушатели, так чтобы и в жизни своей вы не видели никаких бед и болезней!..

37. ЛЕГЕНДА ОБ УАСТЫРДЖИ

Стояла жаркая рабочая пора. Покос был в самом разгаре. Каждый торопился воспользоваться хорошей погодой и заготовить себе на зиму сено. Но не всех наделил бог счастьем иметь свое хозяйство. Были и бедняки, к числу которых, казалось, принадлежал и человек, проезжающий мимо косарей.

Сгорбленный, с изнуренным от усталости и жары лицом, он сидел на хромом белом коне.

Занятые работой косари то ли не заметили его или заметили, но не захотели время терять, только бедняка никто не пригласил в свой шалаш.

Доехал он до одного шалаша, где за скудным обедом сидели трое братьев.

Младший брат, увидев странника, сказал братьям:

— Посмотрите, едет какой-то незнакомец; вид у него такой, будто он едет издалека и перенесся от голода и жажды. Пригласим его к себе и угостим, чем бог послал.

На это старшие братья возразили, что у них нет ничего, кроме черствого хлеба и воды, а за такой стол гостя приглашать неудобно.

Но, не дослушав старших братьев до конца, младший уже пригласил странника. Странник подъехал к шалашу, слез с коня и вошел в убогий шалаш братьев.

Братья посадили гостя по правую сторону, и старший брат попросил младшего угостить гостя, а сам, обращаясь к гостю, присовокупил:

— Не обессудь, божий гость, ничем лучшим не можем

угостить тебя, а только лишь тем, чем бог послал: хлебом да водой.

Гость же ответил:

— Не беспокойтесь, вы встретили с почетом бедного путника, и бог вам поможет!

Тем временем младший брат наливал из бурдюка в чашку воды, — и что же? — вместо воды у него из бурдюка потекла свежая, приправленная медом брага; достает он из мешка хлеб, и вместо черствого хлеба в руках его оказался прекрасный пирог. Заметили это братья и догадались, что в шалаше у них сидит не простой гость.

Покушав и утолив жажду, гость сказал братьям:

— Я Уастырджи, и в награду за ваше гостеприимство, пусть каждый из вас попросит то, что он хочет, и его желание будет исполнено.

Старший брат сказал Уастырджи, что он хотел бы иметь стадо белых баранов, которое бы никогда не уменьшалось.

Средний попросил, чтобы у него на гумне никогда не переводилась хорошая пшеница, а он мог бы всегда проводить ее и любоваться.

Старшие братья уже кончили, и очередь осталась за младшим. Уастырджи обратился к нему:

— А ты чего попросишь?

Он на это ответил:

— Если ты меня за мою незначительную услугу хочешь чем-нибудь наградить, то позволь мне спросить совета у моего дяди, так как сам я еще молод и не знаю, что мне пожелать.

Уастырджи согласился, и младший брат побежал к дяде, брату матери.

Приходит он в село, где жил его дядя, которого, он и в лицо не знал; входит он в его дом и видит перед собой почтенного старца с белой, как снег, бородой. Рассказав ему, в чем дело, он попросил у него совета. Дядя и говорит племяннику:

— Сбегай к старшему брату, который живет в другом селении, и он тебе даст совет.

Племянник побежал в другое селение, спросил у соседей, где живет его дядя, и ему указали. Зайдя в дом, он увидел перед собой мужчину, который ему показался более молодым, чем младший дядя, и удивился: «Как это так? Первый дядя сказал, что этот старший, между тем на вид он моложе».

Рассказав и этому дяде, в чем дело, он попросил у него совета, но тот отправил его в третье селение, к самому старшему брату.

Заходит юноша в дом к самому старшему брату и видит — совсем молодой на вид мужчина спит, а жена отгоняет от него мух. Племянник попросил женщину, отгонявшую мух, показать ему дядю; она указала на спящего:

— Вот он, твой дядя, а я — его жена. Муж теперь спит. Никогда я его раньше не будила, но ради того, что у нас вырос уже такой взрослый племянник и пришел просить совета, я разбуджу его.

Сказав это, она, как бы нечаянно, задела мужа концом платка, которым отгоняла мух. Муж вздрогнул, проснулся, и в бороде у него появился седой волосок. Проснувшись, он упрекнул жену:

— Жена, что с тобой? Отчего ты прервала мой сон? Сколько лет мы живем, и ты никогда такого не делала, а теперь к старости вдруг решилась; видишь, у меня от этого седина появилась.

Жена тогда и говорит ему:

— Пришел к тебе племянник, которого ты никогда не видел, за советом; торопится он, поэтому я тебя и разбудила.

Дядя, увидев племянника, бросился обнимать его. Племянник рассказал ему все и попросил совета, причем, высказал свое удивление.

— Как это, дядя? Ты выглядишь еще совсем молодым, между тем как младшие по летам братья твои на вид уже старики.

— Слушай и узнаешь, — сказал дядя и приступил к рассказу.

— Ты видел младших братьев. Они, как ты сам сказал, совсем состарились, а я еще с виду молод. Это благодаря тому, что у меня жена хорошая; она заботится обо мне, а я о ней и нам живется хорошо. Если Уастырджи хочет наградить тебя, то попроси у него лучшую в мире жену, и ты будешь счастлив.

Такой совет дал дядя племяннику.

Сколько времени прошло, бог ведал, но младший брат застал еще Уастырджи в шалаше и успел высказать ему свое желание. Старшие братья, услышав его слова, стали смеяться. Но Уастырджи сказал юноше:

— Ты просишь трудного: суженая твоя в эту ночь выходит замуж, и потому нужно нам торопиться.

Сели они на коней и поехали в то селение, где жила эта девушка. Дорогой Уастырджи поучал юношу:

— Мы проедем мимо того дома, где сегодня вечером должна быть свадьба, как раз в то время, когда хозяева станут

приглашать гостей в комнату. Хозяева, увидя подъехавших странников, попросят зайти и нас. Меня, как старшего, попросят, сесть выше всех. Я, вознеся хвалу богу, протяну «ахсарфанбал»¹ и скажу: «Жених, подойди и возьми!» А ты тем временем подскочи и возьми. Потом опять, держа чарку в руках, скажу: «Жених, приди и возьми чарку, предназначенную тебе». Ты опять подхвати, а что дальше, потом посмотрим.

По окончании этих наставлений, путники подъехали к тому дому, где должна была состояться свадьба, и их пригласили зайти. Они вошли. Уастырджи, как старший, сел выше всех, в красном углу. Подали «ахсарфанбал». Уастырджи, приняв его и сотворив обычную молитву, протянул руку говоря: «Жених, иди возьми!»

Юный спутник Уастырджи подскочил и вырвал из рук его «ахсарфанбал». Настоящий жених и гости, увидев это, стали недоумевать, но дальше этого не пошли.

После «ахсарфанбала» подали Уастырджи чарку с пивом, и он, протянув руку, снова сказал: «Жених, приди и прими чарку, предназначенную тебе!» Юноша опять быстро схватил чарку. Поднялись негодование и ропот между сторонниками первого жениха, которые не признавали молодого незнакомца женихом.

Уастырджи попросил их успокоиться и стал настаивать на том, что настоящим женихом является молодой человек, приехавший с ним, а не тот, которого они считают женихом. Тогда все единогласно потребовали от него доказательств.

В подтверждение своей правоты Уастырджи предложил взять яблоко, разрезать его попалам, одну половину дать одной стороне, а другую — другой, пусть, мол, как та, так и другая сторона положат свои доли в огонь, и из чьей половины к утру вырастет яблоня и даст плоды, та сторона и возьмет верх.

Сказано — сделано. Утром все гости явились к тому месту, где должен был решиться спор. Пришли и увидели, что из половины, брошенной в огонь Уастырджи, выросло большое дерево и дало прекрасные яблоки, а другая половина сгорела дотла.

Добившись своего, Уастырджи и его товарищ со своей невестой отправились в обратный путь. По дороге, пожелав своим спутникам счастья, Уастырджи исчез...

Сколько времени прошло с тех пор, бог ведает, но вот вздумалось Уастырджи навестить всех трех братьев.

Направился сначала он к старшему брату. Бесчисленные

¹ Ахсарфанбал — шашлык особого приготовления.

стада рассыпались по полям, пастухи собрались около них, а сам хозяин со стороны любовался этой картиной.

Подъехал Уастырджи и обратился к нему:

— Эй, добрый человек, дай мне хоть одного худенького ягненка — я три дня ничего не ел и умираю с голоду.

Старший брат ему и отвечает:

— Если я всем проезжающим мимо буду давать по ягненку, то у меня ничего не останется.

Услыхав это, Уастырджи сказал:

— Знай же, кто тебе их дал, тот может и взять.

Не успел Уастырджи сказать этого, как хозяин и его стада превратились в камни.

А Уастырджи¹ отправился к среднему брату, который в это время на гумне проведал большую кучу пшеницы. Уастырджи подъехал к нему и сказал:

— Эй, добрый человек, дай-ка мне мякинки накормить лошадь, она еле ноги тащит.

Тот ему надменно отвечает:

— Да если я буду мякину всем отдавать, кто здесь проезжает, то моим лошадям ничего не останется.

— Знай же, — сказал Уастырджи, — что тот, кто тебе все это дал, может и отобрать.

Не успел Уастырджи произнести этих слов, как куча пшеницы и хозяин превратились в камни.

Поехал Уастырджи к младшему брату. Остановился у его дома и позвал хозяйна по имени, но так как его не было, то на зов вышла жена.

— Муж твой дома? — спросил Уастырджи.

— Его нет, но хозяйка его дома. Прошу пожаловать: у тебя вид усталый, и лошадь, как видно, голодна; слезай, утоли свой голод и жажду, чем бог послал, а я тем временем покормлю и напою твою лошадь, — сказала она. Пока Уастырджи слезал с лошади, хозяйка вбежала в комнату и прикрыла тело сына, умершего незадолго до приезда гостя. Это она сделала для того, чтобы гость не стеснялся есть и пить.

Уастырджи вошел и хозяйка поднесла ему перед едой стакан араки. Вознеся хвалу богу, он попросил хозяйку дать отведать ребенку¹. Но она отговорила тем, что ребенок спит. Когда же гость стал настаивать, она открыла ему свое горе, сказав, что ребенок умер.

Перестав есть, гость обратился к хозяйке:

¹ Старинный обычай у осетин, после благословения пищи и питья старший передавал пирог или бокал младшему отведать, откусить от пирога или отпить из бокала.

— Приготовь мне поскорее три пирога, начиненных солью, и бурдюк воды и привяжи их к седлу моей лошади.

Она так и сделала. Получив нужное, Уастырджи спешно отправился в путь. Выехал он в поле и видит, что смерть гонит впереди себя души покойников в виде барашек. Догнал ее Уастырджи и поехал рядом.

Долго ли, мало ли ехали вместе, но вот Уастырджи обратился к богу с молитвой:

— Бог богов, прошу тебя послать такую невиданную жару, чтоб даже кожа на плешивых головах полопалась, а поле это преврати в пустыню.

Как просил Уастырджи, так и сбылось. Смерть мучилась от голода и жажды. Уастырджи накормил ее солеными пирогами, и смерть взвыла от жажды. Уастырджи согласился ей дать воды, но с условием возвратить душу ребенка; смерть долго не соглашалась, но, наконец, жажда осилила ее, и она освободила душу ребенка.

Тогда Уастырджи взял с собой душу ребенка и вернулся к его родителям.

Тем временем возвратился и хозяин. Радости родителей не было конца, когда ребенок их вдруг ожил. А еще более они обрадовались, когда узнали, кто их гость.

Уастырджи рассказал им о том, как встретили его старшие братья и что с ними случилось, а затем прибавил:

— Все богатства твоих братьев перейдут к тебе.

Младший брат до сих пор живет со своей хорошей женой в радости и благополучии, а Уастырджи покровительствует ему.

38. ЛЕГЕНДА О ГУД-ГОРЕ

На дне глубокого ущелья, где быстрая Арагва с шумом и ревом вырывается из каменной расселины, у самой подошвы Гуд-горы находилась некогда осетинская деревня под названием «Гуд», а на краю ее, на склоне горы, ютилась убогая сакля, и в ней жили бедняки, муж и жена. Долго у них не было детей, и, наконец, родилась у них дочь, которую нарекли Ниной. Девочка была так красива и прелестна, что пленила сердце злого горного духа — старого седовласого Гуда, который лелеял и оберегал ее от невзгод и недугов.

Малютка частенько взбиралась на вершину горы и любовалась оттуда природой. Никто, кроме Нины, не мог подняться на эту неприступную гору. Горная тропинка, по велению старого Гуда, становилась под ногами Нины широкой и пологой дорогой, и девочка свободно поднималась на любую скалу.

Самые редкие горные цветы рассыпал перед ней Гуд на лугах, стоило лишь нагнуться и собрать их. Полюбив Нину, старый Гуд охранял стадо, принадлежавшее ее отцу, и ни один баран из этого стада не падал с кручи и не становился добычей хищных зверей.

Часто старый Гуд, опершись своими могучими локтями о каменные громады, долго любовался очаровательной Ниной, мечтая о ней, как о своей будущей жене. Но он горько ошибся в своих надеждах. Став в пятнадцать лет прекрасной девушкой, равной по красе которой было не сыскать, Нина не отвечала ему взаимностью. Она не могла полюбить такого старика.

И влюбленный Гуд чувствовал себя одиноким и отвергнутым и безутешно плакал, проливая тихие слезы, которые, скатываясь по его длинной седой бороде, струились ручьями до самого подножия горы. Увидев эти слезы, люди говорили друг другу:

— Грозный седой Гуд плачет о своей возлюбленной.

Молодая красавица равнодушно относилась к страданиям старого Гуда. Она полюбила юного удалого Сосико, который также души в ней не чаял. Влюбленные часто встречались. Наблюдая за ними, Гуд жестоко мучился. Он старался отомстить за оскорбленную любовь юному Сосико: неоднократно заводил он его в непроходимые трущобы, когда тот охотился за дикими козами, застилал перед ним густым туманом бездонные пропасти, сталкивал на него с вершины груды камней, поднимал бурю, собирал грозовые тучи и метал молнии, насылал мороз за морозом, один другого лютее, засыпал его снежной метелью или поднимал страшный гул и треск, чтобы напугать юношу. Но молодой Сосико всегда выходил победителем и возвращался к своей любимой с дичью веселым и невредимым. Ловкий, смелый и сильный, он счастливо избегал все опасности, грозившие ему.

Видя победу Сосико даже над природой, старый Гуд приходил в страшный гнев, продолжая мстить своему сопернику, и, наконец, ему удалось достичь желаемой цели и отомстить влюбленным.

Однажды суровой зимой Сосико, не успев наговориться вдоволь со своей подругой, остался с ней наедине в хижине, а злой Гуд в досаде и ревности сбросил на них огромную лавину снега, завалив ею саклю и закрыв выход.

Влюбленные, увидев, что хижина занесена снежным обвалом, обрадовались своему уединению. Они развели огонь в очаге, уселись перед ним и, наслаждаясь прелестью молодости, предались радостям любви. Но недолго продолжалось их счастье, скоро голод дал себя почувствовать, заставив их опомниться. Невольные узники стали думать о хлебе, который утолил бы их голод и спас от страданий и смерти.

Но все было тщетно: как они ни старались, как ни искали по всем углам, нигде не оказалось ничего съестного, и над ними нависла угроза голодной смерти...

Отомстив своему врагу, старый Гуд обрадовался и разразился таким громким смехом, что целая гряда камней посыпалась с горы в долину: и по сей день говорят, будто бы эта долина, которая носит название Чертовой, еще усеяна осколками гранита.

39. УАСТЫРДЖИ В ГОСТЯХ У СТАРИКОВ

Жили старик и старуха. Были они очень бедны. Узнал об этом великан, явился к ним и предложил корову. А корове этой едва ли нашлась бы равная на всем свете: молока она давала так много, что и девать его было некуда. Отдавал старикам эту корову великан на следующих условиях: по прошествии года он снова явится к ним, и если на каждое слово его старики найдут ответ, то корова — их навсегда, если же нет, то они сами поступают в его полное распоряжение. Подумали старик и старуха и согласились: «Все равно приходится умирать с голоду, — сказали они себе, — возьмем пока корову, а там, что бог пошлет, то и будет!»

Прошел год. Под вечер назначенного дня во двор стариков въезжает Уастырджи в виде простого всадника.

— Не пустите ли, хозяева, к себе в гости? — обратился он к старику, который вышел ему навстречу.

— Гсть — божий посланец, кто не пустит! — ответил ему старик.

Слез Уастырджи с лошади и последовал за хозяином, который, входя в дом, извинился за бедность, не позволяющую им принять, как бы подобало, хорошего гостя. У стариков, действительно, не оказалось даже сносной скамьи. Гость уда-

рил кончиком плети о землю, и появились два кресла: серебряное — для гостя и деревянное — для старика. Во время трапезы хозяйка, извиняясь за скудное угощение, подала на деревянном столике сыр с хлебом. Гость ударил плетью о конец деревянного столика — и оказались всевозможные яства и напитки как перед гостем на серебряном столике, так и перед стариком — на деревянном. Хозяева были очень удивлены, но более всего их тревожило предстоящее объяснение с великаном. Чем дальше, тем большее беспокойство обнаруживали хозяева, и гость, наконец, будто ничего не зная, спросил о причине их тревоги. Старики обрадовались вопросу гостя и рассказали ему все, как было. Гость взялся выручить их, только велел им, как придет великан, молчать, предоставив отвечать ему. Затем гость вновь ударил кончиком плети о землю, и появились две кровати — серебряная и деревянная, богато убранные. Все легли спать. В полночь во дворе послышался шум: это пришел великан. Окликнул он хозяина и, услышав, как ему показалось, другой голос, удивился, однако же начал испытание.

— Один, один — сказал он.

— Ах, чтоб тебе провалиться!.. Да где ты найдешь одного лучше меня? — послышалось из дома.

Великан струсил и убежал. Но затем раздумал: жалко ему стало так легко уступать корову, и он вернулся назад, а Уастырджи снова подошел к двери.

— Два, два — начал опять великан.

— Из парных что лучше моих двух глаз? — ответил Уастырджи.

— Три, три — продолжал великан.

— Трехперая стрела летит и в небо, и под землю, — был ему ответ.

— Четыре, четыре!

— Четырехколесная телега катится и по горам, и по полям.

— Пять, пять!

— А, такой-сякой, коснулись бы тебя мои пять пальцев, я бы тебе задал!

— Шесть, шесть!

— Как обеднеть тому, у кого сено косит шесть косарей?

— Семь, семь!

— Да не пройдет около моего дома женщина, семь раз похоронившая мужа!

— Восемь, восемь!

— Разве назовет тебя бедным тот, кто стрижет восемьсот овец?

— Девять, девять!

— А девятого меня здесь не было.

— А где ты был? — спросил великан.

— Охотился, перелетая на хромом комаре море от края до края... — ответил Уастырджи.

— А может, то море было маленькое?

— Такое маленькое, что орел не мог перелететь от одного берега его до другого и упал в воду.

— Орел, может быть, был молодой?

— Он был настолько велик, что в дождливый день мог прикрыть своим крылом целый аул.

— Да аул, может быть, был маленький?

— Ну уж и маленький — когда осел во весь голос орал в одном конце, в другом конце аула его не было слышно.

— Осел мог быть маленьким?

— Разве тот осел маленький, который с мельничными жерновами на спине погнался за зайцем и поймал его за хвост.

— А если заяц был маленький?

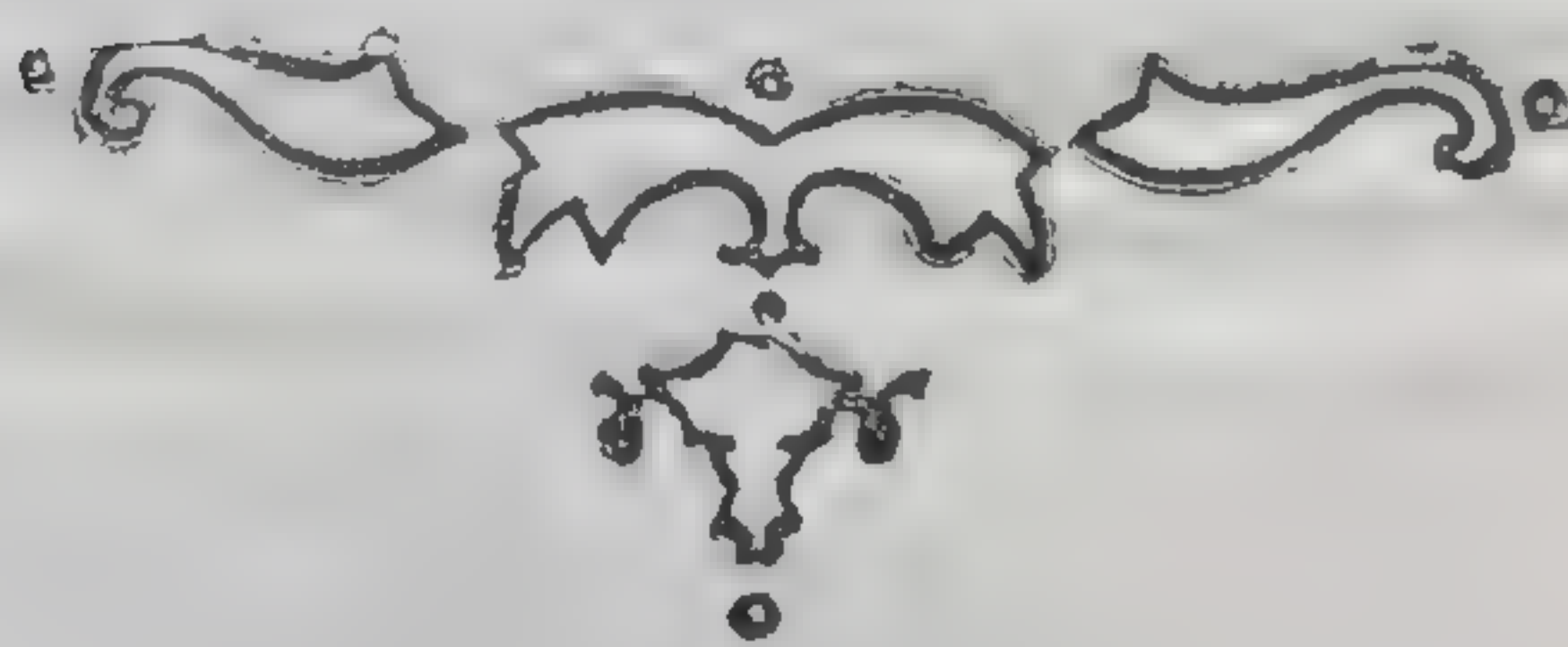
— Заяц был такой, что из шкуры его сделали шубу и шапку старшему из нартов, Урызмагу, а известно, что Урызмаг был такой рослый, что крик петуха, стоящего на его ступне не достигал его ушей.

Великан не мог уже дальше продолжать и хотел убежать. Тогда Уастырджи проклял его, и он превратился в большое полено для очага стариков — в сосновый пенёк с воткнутом в него новым топором.

СКАЗКИ
О
ЖИВОТНЫХ

40. ЛИСИЦА И ЕЕ ДЕТЕНЫШ

Однажды лисица со своим детенышем сидела на вершине горы.

Вдруг она протянула лапы в сторону равнины, словно хотела согреть их у огня.

— Почему ты лапы свои вперед выставила?

— А вон, видишь, внизу огонек мерцает, вот я и греюсь, — ответила мать лисенку.

Не прошло и минуты, как лисенок вздрогнул.

— Что с тобой? Что случилось? — встревожилась мать.

— Ничего! Искорка от того огня прямо в меня попала, — ответил малыш.

Э! Ты, я вижу, еще больший хитрец, чем я! — сказала лисица своему детенышу...

41. ЛИСА-ПЛУТОВКА

Давным-давно жила-была медведица и было у нее три медвежонка. Вынесла она их на солнце и стала искать у них в шерстке. Прибежала откуда-то лиса и спрашивает:

— Чем это ты занимаешься?

А медведица ей в ответ:

— Разве не видишь, бью вшей у моих медвежат.

— Ловить тебе их, не пересловить, лучше пойд и спеки ватрушку и отнеси ее вон на ту гору, покровителю лесных зверей. А я до твоего прихода поиграю с ними в чурку.

Отправилась медведица и спекла ватрушку, и снесла на гору. А лиса тем временем поставила на огонь котел и бросила туда медвежат, сама же вышла и смиренно села у дверей. Вернулась медведица и спрашивает:

— Где мои медвежата?

Та ей отвечает:

— Играют дома в чурку.

Медведица вошла в дом, а лиса побежала на гору, села и стала есть свою ватрушку. Откуда-то пришел волк и полюбоществовал.

— Там внизу, под горой, привела медведица невестку, и я пожелала ей: «Пусть родится у твоей невестки мальчик!» — и она дала мне за это ватрушку.

Обрадовался волк, побежал к медведице и сказал:

— Пусть родит тебе твоя невестка мальчика!

Медведица схватила палку и отдубасила волка что было силы. Волк еле ноги унес. Стал он преследовать лису, но где

там — плутовки и след простыл. В другой раз наткнулся волк на лису. Видит лиса — не сдобровать ей: прикинулась занятой делом, сидит, крутит веревку. Заинтересовался волк и спрашивает:

— Зачем тебе веревка?

— Этой веревкой я себе зад зашью, и пища мне впрок пойдет — один раз поем, на целый год сыта буду.

Волк просит:

— Сделай милость, зашей и мне, а то сколько ни ем, все голоден.

— Как мне не исполнить просьбы такого друга, как ты, — сказала лиса и зашила ему зад веревкой.

Волк ушел, украл где-то ягненка и съел его. Потом пришла ему нужда, вздулся у него живот, взвыл волк от боли. Метался по лесу, пока веревка не лопнула.

— О, поплатишься ты за это, лиса.

И вот встретился он с лисой вновь, хотел на нее наброситься, да видит — сидит лиса смирнехонько и каким-то делом необычным занята.

— Что это ты делаешь, лиса? — спросил он.

— Что я делаю, солнце мое? Плету корзину.

— А зачем она тебе?

— Саму себя заплету, скачусь в ней с горы к стаду алдара, накладу полную корзину овец и унесу.

— О, ради твоих покойников, заплети меня в корзину, — взмолился волк.

— Что мне с тобой делать? Хотя ты меня иной раз и обижает, но для тебя я и зеницы ока своего не пожалею, — сказала лиса.

С этими словами заплела его в корзину и затем спустила с утеса.

Катится волк вниз по кочкам, а лиса кричит:

— Эй, принимайте волка! Волк к вам спускается!

Прибежали пастухи, отколотили волка — насилу удрал. Стаз волк преследовать лису, нагнал у самой норы и оторвал хвост. Шмыгнула лиса в нору, а волк и говорит ей:

— Теперь тебе не уйти — ты с приметой.

Только волк ушел, лиса вышла как ни в чем не бывало и нашла в одном месте рыбу. Собрались другие лисицы и спросили ее:

— Где ты раздобыла себе эту рыбу?

Она сказала им:

— Вот там, внизу, я опустила на ночь хвост в прорубь реки, а утром вытащила этих рыб.

Слу
те у ни
да хвост
жал вол
через ре
—

Лис
хитрила
закрича
См

спрыгну
правой.
Х

Спустились лисицы вниз, опустили свои хвосты в воду, и те у них за ночь примерзли. Попытались они утром подняться, да хвосты и оторвали. Так и стали все лисицы куцые. Прибежал волк и не узнал лисицу-обманщицу. Сделал он тогда через реку мост из щетины и сказал:

— С той, которая упадет с этого моста, я и расправлюсь.

Лисицы стали переходить через мост, и та, которая перехитрила волка, упала в воду, а под ногу ей попала рыба. Волк закричал:

Смотрите, смотрите! Вот она, моя лиса!

— Как бы не так, твоя лиса! Я увидела в реке рыбу и спрыгнула, — ответила лиса-плутовка. Так она и осталась правой.

Живите и вы счастливо, пока ее не повидаете!

42. ЛИСА И БАРСУК

Лиса и барсук набрали на улей и никак не могли его поделить. Целый день спорили они, а к ночи лиса сказала барсуку: — Давай сделаем так: ляжем спать, тому, кто из нас увидит лучший сон, пусть улей и достанется.

Барсук согласился. Легли спать. Барсук прикрыл лапками уши, чтобы ему ничего не мешало спать и чтобы скорее увидеть хороший сон. Лиса, как только заметила, что барсук заснул, тихо встала и съела весь мед. Насытившись, она легла на свое место и сделала вид, что спит. К тому времени барсук проснулся и стал будить лису:

— Вставай скорее! Я расскажу тебе свой сон.

Лиса встала, потянулась и говорит:

— Ну, давай рассказывай, что за сон ты видел?

— Я видел удивительный сон. Будто я очутился на чудесном пиру в селе нартов. Нарты посадили меня во главе стола, и чего я только не отведал, каких блюд не испробовал.

— Вот-вот, — говорит лиса, — когда ты сидел там во главе стола и пировал, я тоже оказалась в селе нартов. Долго стояла я у дверей, ожидая, что меня пригласят к столу. Но меня так никто и не пригласил к столу, ничем не угостил. Тогда я вернулась и съела весь наш мед, подумав: после такого пира для чего моему барсуку мед.

43. ОСЕЛ И ВОЛ

У одного крестьянина было два вола и один осел. Пахал он все время на волах, и они выбивались из сил. А осел выполнял в доме легкую работу.

Однажды вечером, после пахоты, один из волов пожаловался ослу на сильную усталость. Тогда осел сказал ему:

— Я помогу тебе.

— О, если бы ты смог помочь мне! — сказал вол.

— Когда настанет утро, ты начини прихрамывать, вот и не возьмут тебя на работу.

Совет ослу понравился волу и он решил ему последовать.

Оказалось, однако, что хозяин хорошо понимал язык животных и подслушал их.

А утром, когда нужно было идти на работу, вол вдруг захромал, притворился, что ступить на ногу совсем не может. Тогда хозяин велел запрячь осли вместо вола. Целый день ослу пришлось пахать поле. Истомился он сильно. А вечером, когда осел вернулся, вол спросил его:

— Ну, как твои дела? Легко ли пахать?

— Мои дела неплохи, — сказал осел, — а вот, что касается тебя, то слышал я, что если к утру нога твоя не поправится, зарежут тебя.

С перепугу вол тотчас на ноги встал, какая тут хромота?!

Услышав разговор осли и вола, хозяин их громко рассмеялся:

— Длинноухий осел, а гляди, какой хитрец!

44. РЕВМАТИЗМ И ПАУК

Ревматизм и паук пустились однажды странствовать. Попали они в одно село. Говорят они друг другу:

— Давай здесь заночуем.

И вот направился паук в дом богатого человека, а ревматизм забрел к бедняку.

Утром они повстречались, и спросил ревматизм у паука:

— Ну, как ты себя чувствуешь? Как тебя хозяева приняли?

— Эх, горемычный я, хуже быть не может! Всю долгую ночь до самой зари на их красивом, узорчатом балконе я плел нити сказочной паутины. А утром вошла туда их служанка и разом смела мои ночные труды. Я сам полетел вниз и чуть, было, шею не свернул.

Поинтересовался и паук, как ревматизм провел эту ночь, и услышал в ответ:

— Мне тоже не легче пришлось... Я забрался в поясницу бедняка: он встал, развел огонь и сел к нему спиной, подставив меня к самому жару так, что я обжег себе все бока. Совсем худо мне пришлось!

— Давай, — предложил ревматизм, — на эту ночь обменяемся местами.

Как решили, так и сделали. Ревматизм отправился ночевать к богатому. Забрался он в шею богача, а тот подложил под голову мягкие шелковые подушки. Тогда залез ревматизм поглубже.

Ничего лучшего ему и не нужно было!

Паук же вполз этой ночью в жилище бедняка. В потолке зияли щели.

Раскинул он свои нити, стал плести паутину. А бедняк приговаривает:

— Плети, плети потолще да поплотней, чтобы холод ко мне не проникал!

И что же?

Богач сгорбился, окривел совсем, а бедняк себе жил да жил в своем доме.

45. ВОЛК И БАРСУК

Чуть свет вышел Волк на добычу голодный-преголодный. Попался ему навстречу Барсук.

— Доброго тебе пути, кум.

— Да пошлет и тебе судьба успехов в делах, кум.

— Где ты всю ночь пропадал?

— Все тебя, кум, искал. Под горой большое стадо баранов пасется, и пастухов около не видно.

— Ах ты, лживая собака! Я всю ночь кругом горы ходил, ничего там нет... За твою ложь я тебя съем!

— Дело. С голоду, говорят, и мулла свинью съел. Я так и знал, к чему ты клонишь. Что с тобой делать, — ешь; видно, ты в своего дедушку, знаменитого волка Харахсея пошел, тот много нашего брата, барсуков, переел, и как же ловко старик с ними управлялся!

— А как? — спрашивает Волк.

— А вот, бывало, поймает нашего брата, сначала три раза кверху подкинет, а затем три раза вбок бросит, чтобы барсук помягче стал. Потом заколет и ест себе на здоровье.

Поймал Волк Барсука и давай кидать. Кинул кверху, потом вбок... Глядь, а Барсук уже в своей норе.

Пошел к нему волк и говорит:

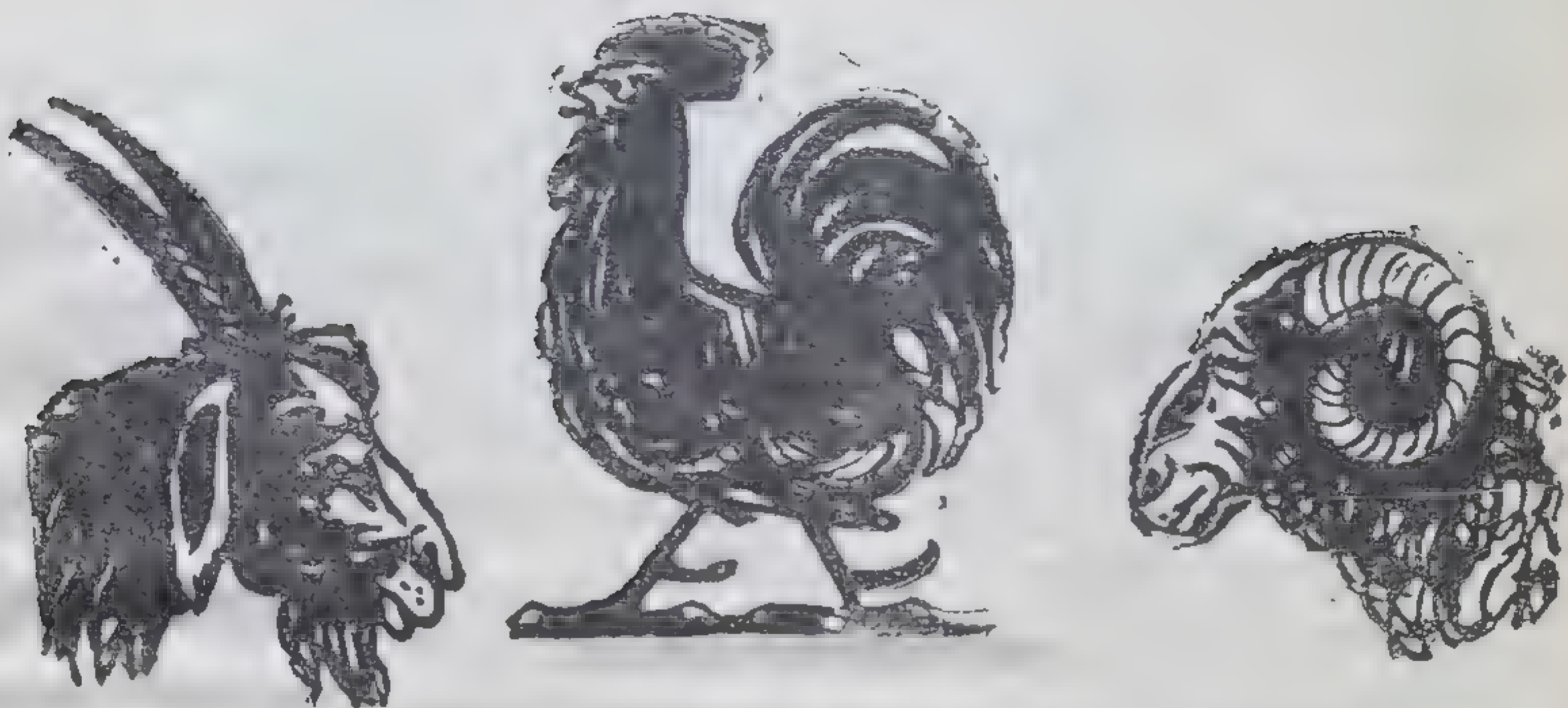
— Ловко ты, кум, меня надул.

— Эка невидаль. Так еще мой дедушка твоего дедушку надувал.

— Только чужак ты, кум, совсем шуток не понимаешь! Что мне за охота тебя есть, когда мне жирных баранов девать некуда. Я тебя испытать хотел: можно ли тебе верить. Тут поблизости я клад нашел, пойдем-ка, поможем мне его перенести, а там и пополам его поделим.

— Нет, кум, спасибо. Очень уж великую, не по работе награду обещаешь, а это так просто не делается.

Так и ушел Волк несолоно хлебавши.

46. СОСЕДИ

На верхушке Сау-хох¹ выстроили себе Медведь, Кабан и Волк большой дом, а под горой в избушке жили Баран, Козел и Петух. Стали они теперь соседями.

Как-то раз в доме зверей погас огонь, а дело было зимой. Медведь с Волком и говорят Кабану:

— Твой черед был ночью огонь сторожить, ступай теперь к соседям, попроси огоньку.

Пришел Кабан к избушке и стучится:

— Тук-тук!

— Кто тут?

— Я, Кабан, за огнем пришел.

Перепугались Козел с Бараном насмерть, а Петух — ничего.

— Ну, что ж! — говорит. — Входи, сосед, возьми огоньку, да, кстати, кабаньим мясом закусишь. Мы вчера здорового кабана на охоте убили.

Забыл Кабан про огонь, побежал со страху сломя голову. Рассказал обо всем своим товарищам. Волк и говорит.

— Эх ты, трус! Придется мне пойти.

Пришел Волк к избушке:

— Тук-тук!

— Кто тут?

— Волк. Дайте-ка огоньку.

— Дай-ка, Баран, ему угольков, — говорит Петух, — да чтоб не обжегся сосед, положи их в волчий череп. Вот хоть из той кучи черепов или из этой возьми.

¹ Буквально — черная гора.

Пустился волк наутек и огня не захватил.

— Что за диво? — гсворит Медведь. — Дай-ка я схожу.

Пришел. Козел с Бараном так перепугались, что не знают куда и сунуться, а Петух — ничего.

— Ну-ка, Козел, чего топчешься, — говорит, — оторви от одной из медвежьих туш кусок, положи в горшок, сунь какую-нибудь тряпку да зажги. Вот соседу и хорошо будет огонь до дому нести. Да не от этого, дурак, медведя, этого мы только вчера убили, возьми от какого-нибудь другого!

Услышал это Медведь, даже шерсть у него от страха дыбом встала, убежал и он.

Через некоторое время решили звери подкрасться потихоньку к избушке и посмотреть, что их соседи делают. Подошли, спрятались за камнем и посылают Волка:

— Ты на ногу легок, подкрадись, взгляни в щелку.

Подошел Волк потихоньку, смотрит: Козел стоит и жует, голову кверху поднял, Баран чует Волка и с испугу головой из стороны в сторону мотает, а Петух ходит по полу и нет-нет да и крикнет:

— Кукареку!

Волк, давай бог ноги, к товарищам.

— Страсти, — говорит, — какие, братцы! Козел нас на горе высматривает, Баран — по низу, а Петух ходит да кричит: «Скорей, скорей! Показались они наконец, идемте их бить!» И помчались звери, не разбирая дороги.

Услыхал Петух шум снаружи, вышел и говорит Козлу и Барану:

— А ведь нам, братцы, от соседей не отвертеться: сейчас все трое приходили, нас высматривали. Давайте подобру-поздорову уйдем отсюда куда-нибудь в другое место.

Пошли они, куда глаза глядят. Шли, шли, а как свечерело и темнеть стало, взлетел Петух на дерево, чтобы посмотреть, нет ли где жилья — и вдруг как закричит:

— Беда, братцы, соседи-то за нами идут! Забирайтесь скорее ко мне на дерево: может, мимо пройдут, не заметят.

Стали те карабкаться. Козел изловчился: с ветки на ветку, в середину дерева залез, а Баран как ни прыгал, а только смог на нижнюю ветку рогами зацепиться, да так и повис.

Совсем стемнело. Подошли Медведь, Волк и Кабан и расположились ночевать, как на грех, под тем самым деревом.

— Ну, слава богу, братцы, — говорит Медведь, — ушли мы, кажется, далеко.

А Баран шепчет:

— Ох, Козел, не могу держаться: сейчас сорвусь.

— Держись, брат Баран, не то и тебе, и нам конец придет.
— А у меня и сейчас ноги трясутся, — говорит Волк, — как вспомню, какая беда над нами висела...

Только он это вымолвил, как загремит Баран вниз, да прямо на Медведя... Заорал Козел с испугу во всю мочь, а Петух прыгает по веткам и кричит:

— Держи. держи одного! Хватай его! Мы других сейчас прикончим!

Медведь выкатился из-под Барана кубарем и бежать, Кабан — в другую сторону улепестывать, а Волка и след уж простыл... Разбежались со страху, кто куда, да так далеко, что больше уж и не встретились.

А Козел, Баран и Петух на другой день вернулись домой в свою избушку, да и теперь там живут, избавившись навсегда от своих опасных соседей.

Да минуют и вас, читатели, всякие беды и напасти!

47. ЛЯГУШКА И СОЛНЦЕ

У лягушки арба задавила лягушонка. И стала она над ним плакать:

— Свет очей моих! Единственная радость! О мой лягушонок, пучеглазый, светлогрудый, похожий на луч солнца. мой красивый лягушонок! Раздавило тебя колесо...

На ее плач прискакала другая лягушка и спрашивает:

— Что такое, что случилось с тобой. моя сестра? Что за несчастье нас постигло?

— Пропала я, погибла! Мой солнечный луч. мой пучеглазый, мой белогрудый детеныш попал под вертящееся колесо!

— Ой-ой-ой! Пропали мы, погибли, — стала причитать и другая лягушка. — Огонь жизни нашей погас, лишились мы нашего красавца, нашего прекрасного лягушонка.

Прошло немного времени, и у солнца умер сын. Солнце в печали спрятало свои лучи, перестало светить и не лавало уже земле ни капли тепла.

И тогда лягушка решила отправиться к солнцу. Доскакала она до него и начала успокаивать да уговаривать.

— Эх, солнце, солнце! Ты что, думаешь, что только с тобой такое горе случилось! Разве неизвестно тебе, что все рождается и умирает. Ты после смерти сына целиком ушло в себя и уже не даешь ни капли тепла земле, а что если бы у тебя умер такой сын, как у меня, пучеглазый да белогрудый. всеми четырьмя лапками умеющий плавать. Наверное, ты тогда бы и вовсе жизни себя лишило!

Не выдержало солнце, рассмеялось и сказало:

— Если мой сын не был даже таким, как твой лягушонок, то, видимо, я действительно зря по нем убиваюсь до сих пор, — и оно выглянуло вновь и так с тех пор и светит земле

48. ХИТРОСТЬ ТЕЛЕНКА

Жил-был один бедняк.

Была у него единственная корова. Когда пришло ей время телиться, он пошел в хлев и сделал там семь привязей на яслях — думал, что она подарит ему семь телят.

Корова отелилась, и оказался у нее только один теленок, и тот бычок.

Рассердился бедняк, взял теленка и понес его в лес. Там уложил его меж ветвей на вершине высокого дерева.

Много ли прошло времени, мало ли, а теленок вырос и превратился в быка.

Вот однажды откуда ни возьмись прибежала туда лисица. Кружит она под деревом, ходит вокруг да около и все приговаривает:

— С какой стороны мне тебя скушать, откуда начать есть?

А бык ей говорит с дерева:

— Вижу, бог меня уготовил для тебя, но не торопись меня есть! Пойди, позови всех зверей, кроме волка и медведя, лисиц, серн, оленей и других... А я к вашему приходу сплету здесь плетень, лягу за ним, а вы головы просунете и съедите меня.

Лисица тут же повернулась и побежала собирать зверей, а бык сошел с дерева и сплел плетень.

Звери собрались и сунули свои головы в дыры плетня, как лисица их научила, а бык взял да впрягся в плетень. Притащил он всех зверей к дому и как замычит у дверей. Бедняк и его жена вскочили от удивления, наверно, думают, это бычок наш вернулся! Вышел бедняк из дому, всех зверей убил, мясо их они съели, сало перестопили на жир, из шерсти сделали подстилки, а из костей кровать смастерили.

Живут они по сей день и завтра будут жить, и бык их вместе с ними.

АНЕКДОТЫ И ПРИТЧИ

49. ДВА СОСЕДА

Жили два соседа и все время говорили друг другу неправду. И так они привыкли лгать, что даже сами стали верить своей лжи.

Как-то один сосед говорит другому:

— У моего отца был такой длинный хлев, что когда лошади наступала пора жеребиться, то прежде чем она доходила до его конца, рядом с ней бежал уже не жеребенок, а конь.

Второй сказал:

— А у нас был такой длинный шест, что когда приближалась туча, моя мать брала его и разгоняла облака.

Тогда первый спросил:

— А где же вы хранили такой длинный шест?

— На крыше вашего хлева. Разве ты его не видел? — ответил второй.

50. НЕ УСТЕРЕГ

Был у братьев вол, да заболел. Один из братьев, боясь, что вол подохнет, решил постеречь его ночью и, если уж очень плохо будет, прирезать его, чтобы хоть мясо спасти. Взял он большой нож и пошел в хлев. Прилег там и заснул, да так крепко, что до утра и глаз не открыл ни разу. Вол сдох.

Утром пришел старший брат и говорит:

— Эй, вставай, чего ты здесь спал, боялся, что без тебя вол не сохнет?!

51. ВОР-НОВИЧОК

Один человек позавидовал жизни воров. Распродал он все, что имел. Достал себе лошадь, седло, ружье и отправился с грабителями воровать.

В полночь забрались злодеи в один дом, а хозяин выстрелил в них из ружья, и пуля попала в голову новому вору. Товарищи подхватили его, отнесли на окраину села и опустили на землю. Один из воров ощупывает его рану и спрашивает:

— Интересно, задет ли у него мозг?

Раненый же сам отвечает:

— Разумеется не задет, ведь в моей голове и не было мозга.

— Как это так, не было мозга?

— Очень просто. Если бы в моей голове был мозг, я бы не продал свои пожитки и вот тут на окраине чужого села в полночь не подышал бы, как собака.

52. КРАСИВЫЙ КОНЬ

Посередине одного села собралось на ныхасе много народу. Вдруг едет по улице всадник.

— Вот это лошадь! — говорят люди. — Какой у нее резвый бег, какая статя!

Тут же сидел слепой и воскликнул:

— Ах, черт его задери, какой же откормленный этот конь!

— А ты откуда знаешь? Ведь ты слепой! — удивились люди.

А он им отвечает:

— Если бы не был конь откормленным, не был бы он и красивым.

53. ПЛЕШИВЫЙ, ХРОМОЙ И СЛЮНТЯЙ

В одном селе жил плешивый. Люди постоянно его дразнили. Однажды решил он пойти по белу свету и поискать себе другой доли. Отправился он в путь, а когда добрался до соседнего селения, повстречался со слюнтяем.

— Доброго пути, плешивый, — сказал слюнтяй.

— И тебе доброго пути, слюнтяй, — ответил плешивый.

— Куда ты так рано идешь, плешивый?

— В моем селе все смеются надо мной, мочи не стало, вот и иду искать счастья.

И мне здесь жизни нет от насмешек, пойду и я с тобой. — сказал слюнтяй, и они вместе отправились дальше.

В другом селе к ним присоединился хромой. Идут они, идут, бог весть, сколько прошли. Только на седьмой день дошли до одного кабака. Удивился кабатчик, увидав их. завел их в кабак и говорит:

— Ешьте и пейте три дня и три ночи, сколько вашей душе угодно, только чур, уговор: хромой за это время ни разу не вытянет ногу, плешивый не почешет голову, а слюнтяй не оботрет рта. За то, что съедите, выпьете — денег не возьму, а если нарушите условие — заплатите втройне:

Путники согласились и принялись за дело. Просидели они за столом два дня, на третий день им неважноту стало, а кабатчик с них глаз не спускает. Тогда слюнтяй сказал:

— О создатель, какие были времена! Бывало, в нашем селении сапожники шли двумя иглами сразу, вот так, — и он, показывая, быстро поднес руки ко рту, развел их в стороны и вытер губы.

— А к ним ходили лудильщики, — подхватил плешивый, — они насыпали в ржавые котлы песок и начинали тереть его вот так, — и он ухватился за шапку на голове, стал ее вертеть так, что почесал плешь.

Хромой их выслушал, взглянул на кабатчика и сказал своим товарищам:

— Кто из вас врет, в того пусть попадет вот такая пуля, — и вытянул ногу.

Кабатчик догадался, что его провели, рассердился и прогнал всех троих.

С тех пор плешивый, хромой и слюнтяй стали друзьями.

54. Л Г У Н

Одного лгуна люди очень любили послушать, а брат ему позавидовал и сам решил соврать. Пришел на ныхас и говорит:

— Люди добрые! Расскажу вам чудо! Сегодня в лесу я выстрелил в оленя, и пуля попала ему в ухо, пробила копчик рога и вышла через заднее копыто. Затем я услышал с неба лай щенка.

Люди загалдели, рассердились и хотели поколотить рассказчика за небылицы. Тогда из толпы выскочил его брат-лгун и говорит:

— Ах, чему вы удивляетесь?! Олень задней ногой чесал себе ухо, и как раз в это время попала в него пуля.

— А что за щенок лаял на небе? — спросил кто-то.

— И это не чудо. Орел утащил откуда-то щенка, занес его в поднебесье, тот и маял.

55. ЧТО ЖЕ ТЫ НАЙДЕШЬ...

Вор ночью ошибся и забрался в дом бедняка. Хозяин проснулся и накричал на него:

— Эй, чтоб тебе провалиться! Чего ты здесь ищешь? Я днем при свете, никого не опасаясь, ничего не могу здесь сыскать, так что же ты в темноте, трясясь от страха, собираешься найти?

56. ПОП И ВОРЫ

Были у попа две коровы, и стояли они в хлеву, пристроенном к дому.

Ночью вору принесли пилу и стали пропиливать стену. Поп проснулся, вышел и спрашивает:

— Что вы тут делаете?

Воры отвечают:

— Играем на скрипке.

Тогда поп спросил:

— Но почему же не слышно музыки?

— А музыку ты услышишь завтра, — ответили вору.

Настало утро. Поп, все еще нежась в постели, говорит жене:

— Подойди к коров, мы с тобой чаю с молоком попьем.

Попадья пошла в хлев и как увидела, что коров нет, стала вопить.

Поп кричит ей:

— Что с тобой? Что случилось?

А попадья в ответ:

— Коров украли, — и давай опять реветь.

Поп встал с постели и, вспомнив слова воров, подумал: «Правду сказали эти вору, что звуки их скрипки я услышу утром...»

57. ТАРЕЛКА ФАСОЛИ

Одному гостю налили целую тарелку супа из фасоли. Голодный гость водил ложкой в супе и видит, что фасолин там раз два и обчелся. Тогда гость позвал хозяйку и говорит ей:

— Хозяюшка! А ну-ка помоги мне скорей стащить сапоги.

— Что это вы! Сперва покушайте, а там и сапоги снимем, — говорит хозяйка.

— Кушать-то я кушаю! Да вот в супе у меня несколько фасолин. Я хочу раздеться, доплыть до них и выловить.

58. ДВОЕ ГЛУХИХ

У одного глухого было десять коз. Выпустил он их пасти. Вечером пошел загонять, но коз на месте не оказалось. Долго он их разыскивал и, наконец, набрел на одного пахаря.

— Здорово, хороший человек!

Но пахарь был глухим и ответил:

— Это волю и плуги мои.

Первый глухой спрашивает:

— Не видел, не проходили ли здесь козы?

Пахарь отвечает:

— Здесь вся вспаханная и не вспаханная земля моя, — и указал рукой на землю.

Первый думал, что там, куда пахарь указал рукой, находятся его козы, и отправился в ту сторону. Козы и в самом деле оказались там и глухой обрадовался, что нашел их. Видит — одна из них хромает и подумал: «Я подарю эту хромую козу тому пахарю за то, что он помог мне найти моих коз». Подошел к пахарю и обратился к нему со словами:

— Да поможет тебе бог за то, что ты указал мне, где мои козы. Я хочу тебя отблагодарить. Бери себе вот эту козу, — и указал рукой на хромую.

Но пахарь опять его не понял и запротестовал:

— Видит бог, не ломал я ноги у твоей козы, даже не до-трагивался до нее и платить тебе не буду ни копейки!

— Клянусь небом, не можешь ты у меня ее не взять. Ведь ты помог мне найти их.

Долго они так препирались, не понимая друг друга. Один хотел подарить козу, а другой думал, что его заставляют платить за поврежденную ногу козы. Так дело дошло до ссоры. Хозяин козы все настаивал:

— Но это же на удивление богу! Я тебе в благодарность за помощь дарю козу, а ты ее не берешь!

Пахарь разозлился, схватил палку и ударил козу в бок.

— Ни копейки тебе не уплачу, слышишь, не ломал я ноги у твоей козы. Понял? Теперь убирайся подобру-поздорову по-дальше от меня, иначе и тебе бока намну.

Но хозяин козы решительно сказал:

— Как ты не скандаль, а я тебе эту козу оставляю за то, что ты помог мне найти всех.

Оставил хромую козу и ушел.

— Не оставляй козы! Клянусь, если ее и волки съедят, то я отвечать за нее не буду и ни копейки не заплачу! — кричал ему вдогонку глухой пахарь.

59. ТЕПЕРЬ БЫ У МЕНЯ ДВА РУБЛЯ БЫЛО...

Идет по улице маленький мальчик и плачет. Встретил его прохожий и спрашивает:

— Что с тобой, мальчик? Отчего ты плачешь?

— Мать дала мне рубль, а я потерял...

— Ну не плачь, на тебе рубль.

Взял мальчик рубль и заплакал еще громче:
— Теперь бы у меня два рубля было...

60. ЛОДЫРЬ

Не любил один человек трудиться и так был ленив, что каждый раз под тем или иным предлогом отлынивал от работы. Знал он на северном склоне гнездо одной неядовитой змеи. И когда приходила рабочая пора, он засовывал в гнездо свою руку, змея кусала его, и он на все лето притворялся умирающим. Но случилось так, что гнездо этой змеи заняла ядовитая змея, приползшая с южного склона.

Пришла пора работ. Лодырь опять пришел к змеиному гнезду. И когда он всунул руку в гнездо, змея ужалила его, и как он ни кричал «ой, ой!» — умер.

61. ГОСТЬ И ХОЗЯИН

Гость ел да поперхнулся. А как раз в эту минуту хозяин его спрашивает:

— Сколько вас братьев?

Гость с трудом ответил:

— Если я сейчас не задохнусь, то нас трое...

62. ДВА ВСАДНИКА

Двое всадников отправились на охоту. Один сидел на мерине, другой на кобыле. Пришлось им заночевать в одном доме. А кобыла этой ночью ожеребилась. Жеребенок взял да полез под мерина.

Утром хозяин мерина сказал:

— Вот хорошо! Моя лошадь ожеребилась.

Хозяин кобылы возразил:

— Нет, это моя лошадь ожеребилась, жеребенок мой.

— Но ты же видишь — он лежит рядом с моей лошадью.

Значит, он мой, — настаивал на своем хозяин мерина.

Разгорелся спор, и каждый говорил: «Нет, это мой жеребенок». — «Нет, мой». И решили тогда они пойти к мудрецу, чтобы тот рассудил их.

Пришли они к мудрому человеку, но его не оказалось дома. В доме была его жена. Она пригласила их зайти и, когда узнала в чем дело, сказала:

Моего хозяина нет дома. Он пошел вон на ту белую гору. Каждую ночь рыбы, которые приходят из Черного моря, топчут наши посе́вы, и он отправился сторожить поля.

— Ты говоришь неправду! — воскликнул хозяин мерина.

— Тогда и ты неправ! — ответила женщина. — Мерин не может ожеребиться. И когда придет мой муж, он не скажет ничего иного. Ты не выиграешь жеребенка. Нас трое правых против тебя одного...

Пришлось согласиться хозяину мерина с тем, что жеребенок достанется не ему.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.

12.
13.
14.
15.

16.
17.

18.

20.
21.
22.
23.
24.

25.
26.
27.
28.
29.
30.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Волшебные сказки

1. Сын колдуньи и сын малика	5
2. Сказка о семиголовом Уаиге и Залиаг-змее	19
3. Сказка о молодом охотнике	25
4. Алдар и Халын бараг	35
5. Сказка о Тыхавзаре	55
6. Сказка о нерожденной	60
7. Сказка о Кауне	71
8. Златокудрый юноша	76
9. Алдар и царский сын	81
10. Сказка о Содагаре	91
11. Сын Бастысарытыха — Дзамболат	101
12. Воспитанник великана	120
13. Ацырухс	132
14. Сказка о маленьком Галау	148
15. О Каурбеке — сыне знаменитого богатыря Аслана	154
16. Арсен	171
17. Ручная мельница, конь и кусыфтаг	188
18. Сказка о трех сестрах	192

Бытовые сказки

19. Два алдара-побратима	199
20. Алдар и пастух	208
21. Чернобровая да неверная	211
22. Сказка о племяннике	214
23. Сказка о Базыргане и семейных братьях	217
24. Бедняк и чашка проса	220
25. Кобала и его братья	222
26. Сказка о муже и жене	227
27. Сказка о пастухе	230
28. Спаситель	232
29. Поп и дочь бедняка	234
30. Поп и мулла	236
31. Гыргоко и его арчи	239
32. Сказка о мачехе и пасынке	242

Легендарные сказки

33. Сказание об единственном сыне	253
34. Сказка о Бурсамдзели	256
35. Сын Бура, Махамат	259
36. Пастух и черт	263
37. Легенда об Уастырджи	269
38. Легенда о Гуд-горе	275
39. Уастырджи в гостях у стариков	277

Сказки о животных

40. Лисица и ее детеныш	281
41. Лиса-плутовка	282
42. Лиса и Барсук	286
43. Осел и вол	287
44. Ревматизм и паук	288
45. Волк и барсук	289
46. Соседи	290
47. Лягушка и солнце	293
48. Хитрость теленка	294

Анекдоты и притчи

49. Два соседа	296
50. Не устерег	296
51. Вор-новичок	296
52. Красивый конь	297
53. Плешивый, хромо́й и слюнтяй	297
54. Лгун	298
55. Что же ты найдешь	298
56. Поп и воры	299
57. Тарелка фасоли	299
58. Двое глухих	299
59. Теперь бы у меня два рубля было	300
60. Лодырь	301
61. Гость и хозяин	301
62. Два всадника	301

ОСЕТИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

(на русском языке)

Издательство «Ирыстон»

Переводчики: А. Г. Гаглыева, В. З. Алмазов, З. В. Абиева

ოსური ხალხური ზღაპრები

(რუსულ ენაზე)

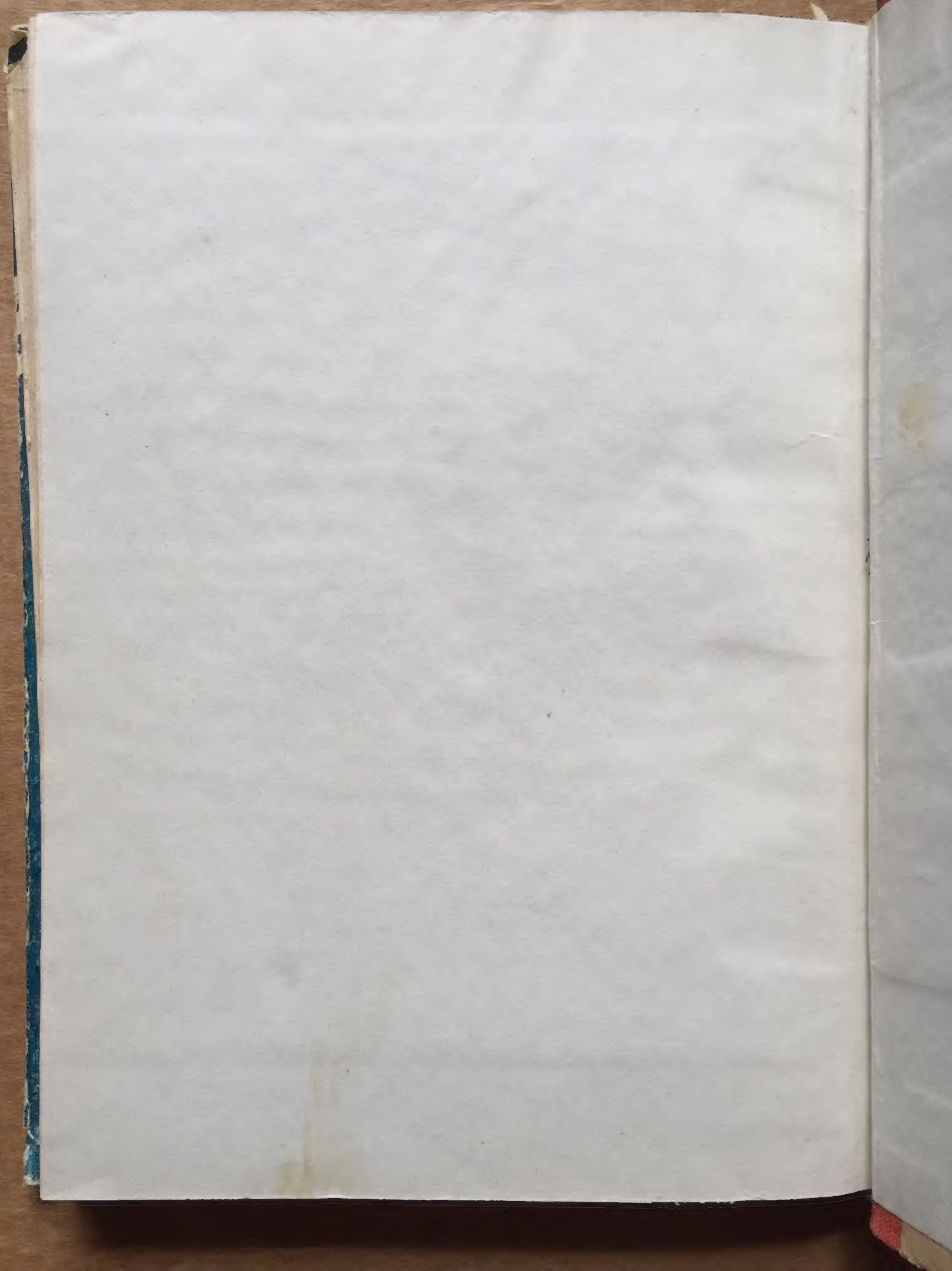
გამომცემლობა «ირისტონი»

Редактор И. В. Голыева
Худ. редактор А. Д. Ванеев
Техн. редактор В. А. Тедеева
Корректор Н. С. Петоева

Сдано в набор 22. XII. 1970 г. Подписано к печати 20. 11. 1971 г. Формат
бумаги 60x84 ¹/₁₆. Уч.-изд. листов 19. Усл.-печ. листов 18,5. Заказ
типографии № 49. Бумага № 2. Тираж 100000 экз. Цена 1 руб.
Издательство «Ирыстон», г. Цхинвали, ул. Ленина, 3. Цхинвальская
типография Главполиграфпрома, г. Цхинвали, ул. Московская, 5.

З. Абаева

г. Формат
Заказ
1 руб.
вальская
ская, 5.

15-

- 3533

Цена 1 руб.

MA

///

II

II

II

II

II

II

II

II

II

II

II

II

II

II

II

II